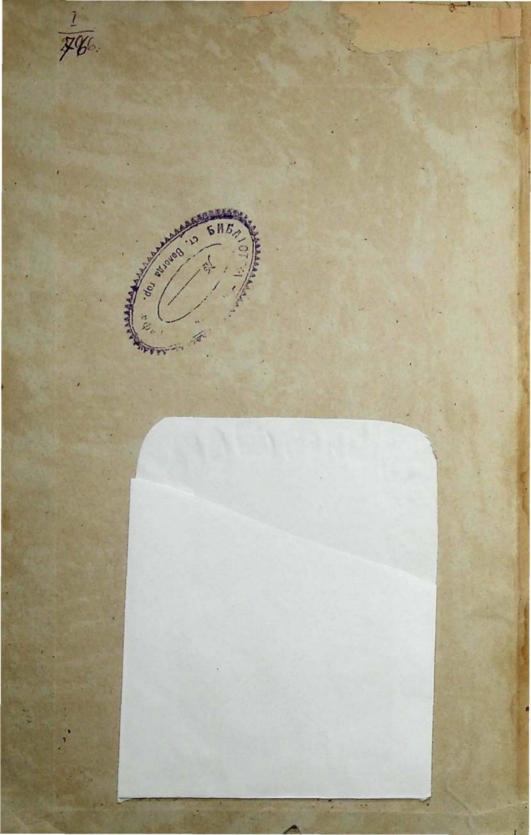
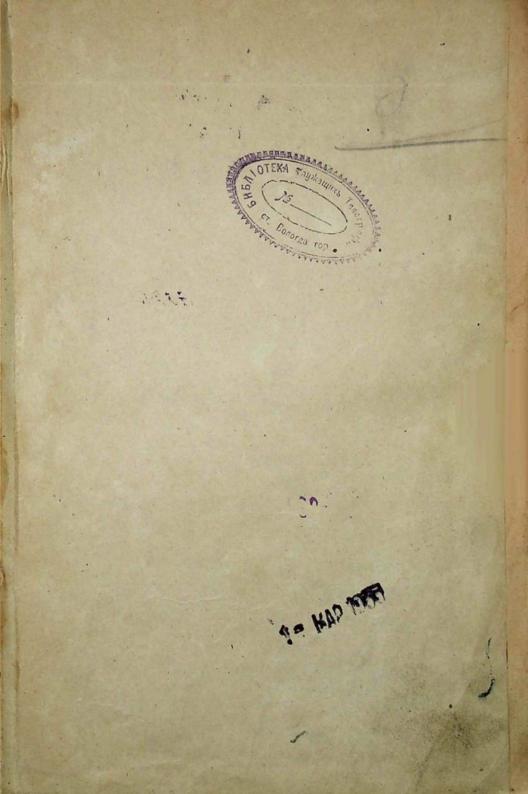
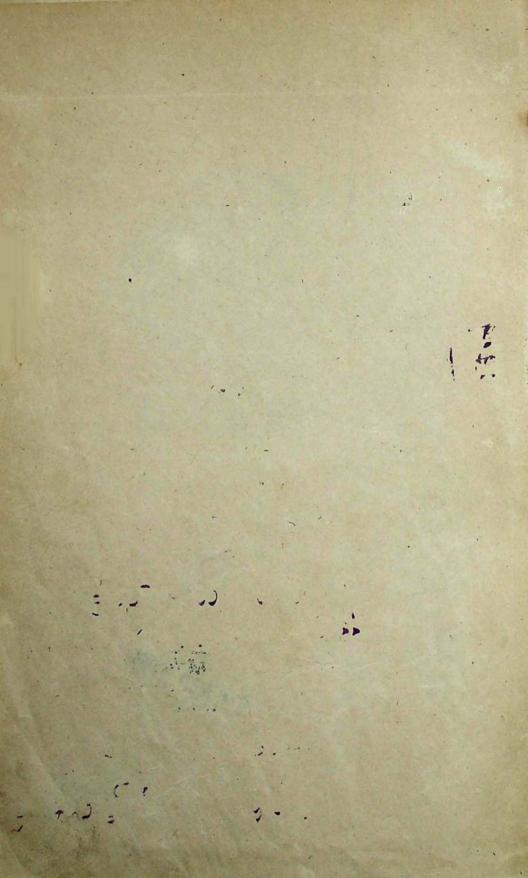
84(0)3 F64

Somep

Oducces (6 nepelode X urobekozo)

ОДИССЕЯ ГОМЕРА.

А. ЖУКОВСКАГО.

Отлалет - типографіи Т-ва

И. Д. Сытина, Петровка, д. 21.

Москва.-1902.

Учет 1935 г.

84(0)3-1 164 A F-64 Дозволено цензурою. Москва, 28 августа с. Врлогда

ПЪСНЬ ПЕРВАЯ.

«Епротека ".. КОР

содержание первой пъсни.

Нервый день. Собраніе боговъ. Они опредъляють, что Одиссей, преслъдуемый Посидономъ и противъ воли удержаваемый нимфою Калинсо на островъ Огигіи, должень, наконецъ, возвратиться въ свое отечество, Итаку. Авина, подъ видомъ Ментеса, является Телемаку и даетъ ему совъть посътить Пилось и Спарту и выгнать жениховъ Пенелены изъ Одиссеева дома. Телемакъ въ первый разъ говорить ръцительно съ матерью и женихами. Ночь

Муза, скажи мнв о томъ многоопытномъ мужи, который, Странствуя долго со дня, какъ святой Иліонъ пра разрушень, Многихъ людей города посътилъ и обычан видътъ, Много и сердцемъ скоробъль на моряхъ, о спасенъи заботясь Жизни своей и возврать въ отчизну сопутниковъ; тщетны Были, однако, заботы, не спасъ онъ сопутниковъ: сами Гибель они на себя навлекли святотатствомъ, безумцы, Събвин быковъ Геліоса, надъ нами ходящаго бога -День возврата у нихъ онъ похитилъ. Скажи же объ этомъ Что-нибудь намъ, о Зевесова дочь, благосклонная Муза. Всв ужъ другіе, погибели вврной избытие, были Дома, избъгнувъ и брани и моря; его лишь, разлукой Съ милой женой и отчизной крушимаго, въ гротъ глубокомъ Свътлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной Сплой держала, напрасно желая, чтобъ быль ей супругомъ. Но когда, наконецъ, обращеньемъ временъ приведенъ былъ Годъ, въ который ему возвратиться пазначили боги Въ домъ свой, въ Итаку (но гдф и въ объятіяхъ вфранхъ друзей онъ Все не изб'ягь отъ тревогь), препсполнились жалостью боги Всь; Посидонъ лишь единый упорствоваль гнать Одиссея, Богоподобнаго мужа, пока не достигь онъ отчизны. Но въ то время онъ быль въ отдаленной странъ зейоновъ (Крайнихъ людей, поселенныхъ двояко: одни, гдъ нисходитъ Богь світоносный, другіе, гді всходить), чтобь тамъ отъ народа Пышную тучныхъ быковъ и барановъ принять экатомбу. Тамъ онъ, сидя на ширу, веселился; другіе же боги Тою порою въ чертогахъ Зевесовыхъ собраны были. Съ ними людей и безсмертныхъ отецъ начинаеть бесъду; Въ мысляхъ его быль Эгисть безпорочный (его же Атридовъ Сынъ, знаменитый Оресть, умертвиль); и о немъ помышляя, Слово къ собранью боговъ обращаеть Зевесъ олимпіецъ: Странно, какъ смертные люди за все насъ боговъ обвиняють! Зло отъ насъ утверждають они; но не сами ли часто Гибель, судьб'в вопреки, на себя навлекають безумствомь? Такъ и Эгисть: не судьбъ ль вопреки онъ супругу Атрида Взяль, умертвивши его самого при возврать въ отчизну? Гибель онъ върную въдалъ: отъ насъ былъ къ нему остроскій Эрмій, губитель Аргуса, виспосланъ, чтобъ онъ на убійство Мужа не смъть посягнуть и отъ брака съ женой воздержался. "Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда онъ Въ домъ свой вступить, возмужавъ, какъ наслъдникъ, захочетъ", — такъ было Сказано Эрміемъ-тщетно! не тронуль Эгистова сердца Вогь благосклонный совътомъ, и разомъ за все заплатилъ овъ

Туть свътлоокая Зевсова дочь Авинея Паллада Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніовъ, верховный владыка, Правда твоя, заслужилъ онъ погибель, итакъ да погибнеть Каждый подобный злодый! по теперь сокрушаеть инв сердце -Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный: давно онъ Страждеть, въ разлукт съ своими, на островт волнообъятомъ, Пунь широкаго моря, льсистомъ, где властвуетъ нимфа, Дочь кознодъя Атланта, которому въдомы моря Всв глубины и который одинъ подпираеть громаду Длинноогромныхъ столбовь, разденгающихъ небо и вемлю. Силой Атлантова дочь Одиссея, ліющаго слезы, Держить, волшебствомъ коварно-ласкательныхъ словъ объ Итакъ Память надъяси въ немъ истребить. По, напрасно желая Видіть хоть дымь, отъ родныхъ береговъ вдалекі восходящій, Смерти единой онъ молить. Ужель не войдеть состраданье Въ сердце твос, олимпісцъ? Тебя ль не довольно дарами Чтиль онь въ Троянской земят, посреди кораблей тамъ ахенскихъ Жертвы тебь совершая? За что жъ ты разгивванъ, Кроніонъ? Ей возражая, отвётствоваль тучь собиратель Кроніопь: Стравное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетело. Я позабыть Одиссея, безсмертнымъ подобнаго мужа, Столь отличеннаго въ сонив людей и умомъ и усерднымъ Жертвъ приношеньемъ богамъ, безпредъльнаго неба владыкамъ? Пътъ! Посидонъ, обволнитель земли, съ нимъ упорно враждуеть, Все негодуя за то, что циклопъ, Полифемъ богоравный, Сынъ его, быль ослешлень имъ. Хотя Посидонъ Одиссея Смерти предать и не властенъ, но, но морю всюду гоняя. Все отъ Итаки его онъ отводитъ. Размыслимъ же вмъстъ, Какъ бы отчизну ему возвратить. Посидонъ отказаться Лодженъ отъ гивва: одинъ со всеми безсмертными въ споре, Въчнымъ богамъ вопреки, безъ успъха онъ злобствовать будеть. Туть свътлоокая Зевсова дочь Лоннея Паллада Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніовъ, верховный владыка! Если угодно блаженнымъ богамъ, чтобъ увидъть отчизну Могъ Одиссей хитроумный, то Эрмій аргусоубійца, Воли боговъ совершитель, пусть будеть на островъ Огигскій Къ инмфф прекраснокудрявой инспосланъ отъ насъ возвъстить ей Нашъ приговоръ неизмѣнный, что срокъ наступилъ возвратиться Въ землю свою Одиссею, въ бъдахъ постоянному. Я же Прямо въ Итаку пойду возбудить въ Одиссеевомъ сынЪ Гифвъ и отважностью сердце его преисполнить, чтобъ созвалъ бир на совът густовласых ахеянь и въ домь Одиссесвъ Входъ запретилъ женихамъ, у него безнощадно губящимъ Мелкій скоть и быковъ криворогихъ и медленпоходныхъ. Спарту и Пилосъ песчаный потомъ посттить опъ, чтобъ сведать, Изть ли тамъ слуховъ о миломъ отце и его возвращены, Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася добрая слава. Кончивъ, она привизала къ ногамъ золотыя подошвы, Амерозіальния, исюду ее надъ водой и надъ твердымъ Лономъ земли бозиредъльныя легкимъ носящія вітромъ; Послъ взяла боевое конье, заощренное мъдью, Тердое, тажкоогромное, имъ же во гивев сражаетъ Спан героевъ она, громоноснаго бога рожденье. Бурис съ вершины Олимиа въ Итаку шаснула богина. Тамъ на дворъ, у порога дверей Одиссеева дома

Стала она съ м'ядпоострымъ коньемъ, облеченная въ образъ Гостя, тафійдевъ властителя, Ментеса; собранныхъ вижстк Всьхъ жениховъ, многобуйныхъ мужей, тамъ богиня узръла; Въ кости играя, сидъли они передъ входомъ на кожахъ Имп убитыхъ быковъ; а глашатан, столъ учреждая, Вифеть съ рабами проворными бъгали: тъ наливали Воду съ виномъ въ пировыя кратеры; а ть, ноздреватой Губкой омывши столы, ихъ сдвигали и, разнаго мяса Много паръзавъ, его разносили. Богино Лонпу Прежде другихъ Телемакъ богоравный увидълъ. Прискорбенъ Сердцемъ, въ кругу жениховъ опъ сидълъ, объ одномъ помышляя: Гдф благородный отепъ и какъ, возвратяся въ отчизну, Хищинковъ онъ по всему своему разгоняетъ жилищу, Власть воспрінметь и будеть онять у себя господиномъ. Въ мысляхъ такихъ съ женихами сидя, онъ увиделъ Лопну; Тотчасъ онъ всталъ и ко входу посившно пошелъ, пегодул Въ сердић, что странинкъ былъ ждать принужденъ за поросомъ; приближась, Взялъ онъ за правую руку пришельца, копье его принялъ Голосъ потомъ свой возвысилъ и бресилъ крылатое слово: Радуйся, странивкъ; войди къ намъ: радушно тебя угостимъ мы; Нужду жъ свою намъ объявинь, насытившись нашею пищей Кончивъ, пошелъ впереди онъ, за инмъ Лониея Паллада. Съ нею вступя въ ппровую палату, къ колоня высокой Прямо съ коньемъ подошелъ онъ и спряталъ его тамъ въ поставъ Гладкообтесанномъ, гдр заппраемы въ прежнее время Копья царя Одиссея, въ бъдахъ постояннаго, были. Къ кресламъ богатымъ, пекусной работы, подведии Аонну, Състь въ нахъ ее пригласилъ онъ, покрывъ напередъ ихъ узорной Тканью; для ногъ же была тамъ скамейка; потомъ опъ поставилъ Стуль резной для себя въ отдаленыи отъ прочихъ, чтобъ гостю Шумъ веселящейся буйно толиы не испортиль об'єда, Также, чтобъ втайнъ его разспросить сбъ отцъ отдаленномъ. Туть принесла на лахани серебраной руки умыть имъ Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня, Гладкій потомъ пододвинула столь, на него положила Хафбъ домовитая ключища съ разнымъ съфстнымъ, изъ запаси Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, поднявъ ихъ высоко, Мяса различнаго кравчій принесь и, его предложивь имь, Кубки златые на браномъ столъ передъ ними поставилъ: Началь глашатай смотрать, чтобъ виномъ наполнялися чаще Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сели Чиномъ на креслахъ и стульяхъ; глашатап подали воду Руки умыть имъ: невольницы хлебъ принесли имъ въ корзинахъ; Отроки светлымъ напиткомъ до края имъ налили чаши. Подняли руки они къ приготовленной пищъ; когда же Выль удовольствовань голодь ихъ лакомой пищей, вошло имъ Въ сердце пвое-желавіе сладкаго пѣнья и пляски: Пиру онъ украшенье; и звонкую цитру глашатай Фемію подалъ, півцу, передъ ними во всякое время Пъть принужденному; въ струны ударивъ, прекрасно запълъ онъ. Тутъ осторожно сказалъ Телемакъ свътлоокой Аопвъ, Голову въ ней приклонивъ, чтобъ его не слыхали другіе: Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность; Здъсь веселятся; у нихъ на умъ лишь музыка да пънье: Это легко: пожирають чужое, бель платы, богатство

Мужа, котораго бълыя кости, быть-можеть, иль дождикъ Гдф-нибудь мочить на брегф, иль волны по взморые катають. Если бъ онъ вдругъ передъ ними явился въ Итакъ, то всъ бы, Вм'ясто того, чтобъ копить и одежды и золото, стали Только о томъ лишь молиться, чтобъ были ихъ ноги быстрее. Но погибъ онъ, постигнутый гивной судьбой, и отрады Нфть намь, хотя и приходять порой оть людей земнородныхъ Вфсти, что онъ возвратится-ему ужъ возврата не будеть. Ты же теперь мит скажи, инчего оть меня не скрывая: Кто ты? Какого ты племени? Гдв ты живешь? Кто отець твой? Кто твоя мать? На какомъ кораблів и какою дорогой Прибыль въ Итаку и кто у тебя корабельщики? Въ край нашъ (Это, конечно, я знаю п самъ) не пъшкомъ же пришелъ ты. Также скажи откровенно, чтобъ могь я всю истину въдать: Въ первый ли разъ посътиль ты Итаку, иль здъсь ужъ бывалый Гость Одиссеевъ? Въ тъ дни иноземцевъ сбиралося много Въ нашемъ домъ: съ людьми обхожденье любилъ мой родитель. Дочь свътлоокая Зевса Анпна ему отвъчала: Все откровенно тебф разскажу; я царя Анхіала Мудраго сынъ, именуюся Ментесомъ, правлю народомъ Веслолюбивыхъ тафійцевъ; и нынъ корабль мой въ Итаку Вифстф съ монин людьми я привель, путеществуя темнымь Моремъ къ народамъ вного языка; хочу я въ Темезъ Меди добыть, на нее обменявшись блестящимъ железомъ; Свой же корабль я поставиль подъ склономъ Нейона лъсистымъ На поль, въ пристани Регръ, далеко отъ города. Наши Предки издавна гостями другъ другу считаются: это, Можеть-быть, слышишь нередко и самъ ты, когда посъщаень Дъда героя Лаэрта... а онъ, говорять, ужъ не ходить Волже въ городъ, но въ полж далеко живетъ, удрученный Горемъ, съ старушкой служанкой, которая, старца покоя, Пищей его подкръпляеть, когда устаеть онъ, влачася По полю взадъ и впередъ посреди своего винограда. Я же у васъ оттого, что сказали мив, будто отецъ твой Дома... но видно, что боги его на пути задержали, Ибо не умеръ еще на землі: Одиссей благородный: Гдф-нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятомъ Остров'я запертъ живой онъ, иль, можетъ-быть, страждеть въ невол'я Хищниковъ дикихъ, насильственно имъ овладъвшихъ. Но слушай То, что тебъ предскажу я, что мнъ всемогущіе боги Въ сердце вложили, чему неминуемо сбыться, какъ самъ я Вфрю, хотя не пророкъ и по птицамъ гадать неискусенъ. Будеть недолго онь съ милой отчизной въ разлукт, хотя бы Связанъ жельзными узами быль; но домой возвратиться Върное средство отыщетъ; на вымыслы онъ хитроуменъ. Ты же теперь мит скажи, ничего отъ меня не скрывая: Подлинно ль вижу въ тебъ Одпссеева сына? Ты чудно Съ нимъ головой и глазами прекрасными сходенъ; еще я Помню его; въ старину мы другь съ другомъ видалися часто; Выло то прежде отплытія въ Трою, куда изъ ахеянъ Лучшіе съ нимъ въ кругобокихъ своихъ корабляхъ устремились. Съ той же поры ни со мной онъ, ни я съ инмъ нигдъ не встръчались. Добрый мой гость, отвічаль разсудительный сынь Одиссеевь, Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину въдать. Мать увъряеть, что сынь я ему, но самь я не знаю:

Віздать о томъ, кто отецъ нашъ, навіврное намъ невозможно. Лучше бъ, однако, желалъ и, чтобъ мнв не такой злополучный Мужъ былъ отцомъ; во владъньяхъ своихъ онъ до старости бъ поздней Дожиль. Но, если ужъ ты вопрошаень, то онъ, изъ живущихъ Самый несчастливый нын'в, отецъ мн'в, какъ думають люди. Дочь світлоокая Зевса Аонна ему отвічала: Видно, угодно безсмертнымъ, чтобъ былъ не безъ славы въ грядушемъ Домъ твой, когда Пенелопъ такого, какъ ты, даровали Сына. Теперь мит скажи, ничего отъ меня не скрывая, Что здась у васъ происходить? Какое собранье? Даешь ли Праздникъ, иль свадьбу пируешь? Не складочный пиръ здъсь, конечно. Кажется только, что гости твои необузданно въ вашемъ Дом'в безчинствують: всякій порядочный въ обществ'я съ начи Выть устыдится, позорное ихъ поведение видя. Добрый мой гость, отвъчаль разсудительный сынъ Одиссеевъ, Если ты въдать желаень, то все разскажу откровенно. Искогда полонъ богатства быль домъ нашъ; онъ быль уважаемъ Всеми въ то время, какъ здесь неотлучно тотъ мужъ находился. Нынг жъ иначе ръшили враждебные боги, покрывши Участь его неприступною тьмою для целаго света: Менфе сталь бы о немъ я круппться, когда бы онъ умеръ: Если бъ въ Троянской землъ межъ товарищей бранныхъ погибъ онъ. Иль у друзей на рукахъ, перенесши войну, здѣсь скончался, Холмъ гробовой бы надъ нимъ былъ насыпанъ ахейскимъ народомъ, Сыну бъ великую славу на всъ времена онъ оставилъ... Нын'т же гарпіп взяли его, и безв'тство пропаль онъ, Свътомъ забытый, безгробный, одно сокрушеные и воили Сыну въ насл'ядство оставивъ. Но я не о немъ лишь единомъ Плачу: другое великое горе мив боги послади: Всь, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны, Первые люди Дулихія, Зама, лівсного Закинфа, Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу Нудять упорно ко браку и наше им'вніе грабять: Мать же ни въ бракъ ненавистный не хочеть вступить, ни отъ брака Средствъ не имъетъ спастись: а они пожпраютъ нещадно Наше добро, и меня самого напоследокъ погубять. Съ гивномъ великимъ ему отвъчала богиня Лопна: Горе! я вижу, сколь ныи в теб в твой отецъ отдаленный Нуженъ, чтобъ сильной рукой съ женихами безстыдными сладить. О, когда бъ онъ въ тв двери вступилъ, возвратяся внезапно, Въ племъ, щитомъ покровенный, въ рукъ два копья мъдноострыхъ!.. Такъ впервые увидълъ его я въ то время, когда онъ Въ дом'в у насъ веселился виномъ, посътивши въ Эфпръ Ила, Мермерова сына (п той стороны отдаленной Царь Одиссей достигаль на своемь кораблів быстроходномь; Яда, смертельнаго людямъ, пскалъ онъ, дабы напопть пмъ Стрълы свои, заощренныя мъдью; но Илъ отказался Дать ему яда, всезрящихъ боговъ раздражить опасаясь; Мой же отецъ имъ его надълилъ по великой съ нимъ дружбъ). Если бы въ видъ такомъ Одиссей женихамъ вдругъ явился, Сдёлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбежной постигнутымъ, горекъ. Но-того мы, конечно, не въдаемъ-въ ловъ безсмертныхъ Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, пстребить ихъ Въ этомъ жилище иль нетъ. Мы размыслимъ теперь совокупно, Какъ бы тебф самому отъ грабителей домъ свой очистить.

Слушай же то, что скажу, и зам'ять про себя, что услышишь: Завтра, созвавъ на совътъ благородныхъ ахеявъ, предъ ними Все объяви ты, въ свидътели правды призвавни беземертныхъ; После потребуй, чтобъ все женихи по домамь разонения; Матери жъ, если супружество сердцу ея не противно, Ты предложи, чтобъ къ отцу многосильному въ домъ возвратилась, Гдф, приготовивъ все пужное къ браку, богатымъ приданымъ Милую дочь, какъ прилично то сану ея, надълить онъ, Также усердно сов'ятую, если сов'ять мой ты примены: Прочный корабль съ двацатью спарядивши гребцами, отправься Самъ за своимъ отдаленнымъ отцомъ, чтобъ проведать, какан Въ людяхъ молва про него, иль услышать о немъ прорицавье Оссы, всегда повторяющей людямъ Зевесово слово. Пплосъ сперва посътивъ, ты узнай, что божественный Несторъ Скажеть; потомъ Менелая найди златовласаго въ Спартъ: Прибыль домой онь последній изъ всехъ медиблатныхъ ахеянъ. Если услышинь, что живъ твой родитель, что опъ возвратится, Жди его годъ, терпъливо сноси притъсненья; когда же Скажетъ молва, что погибъ онъ, что ибтъ ужъ его межъ живыми, То, незамедленно въ милую землю отцовъ возвратяся, Въ честь ему холят гробовой здась насынь и обычную нышно Тризву по немъ соверши; Пенелопу жъ склони на замужество. После, когда надлежащимъ порядкомъ все дело устропињ, Твердо рашпвинсь, умомъ осмотрительнымъ выдумай средство, Какъ бы тебъ жениховъ, захватившихъ насильственио домъ вашъ, Въ немъ погубить иль обманомъ, иль явною силой: тебъ же Выть ужъ ребенкомъ нельзя: ты изъ дътскаго возраста вышелъ; Знаеть, какою божественный отрокъ Оресть передъ целымъ Светомъ украенлея честью, отметивши Эгнету, которымъ Вылъ умерщвленъ злоковарно его мпогославный родитель? Такъ и тебъ, мой возлюбленный другъ, столь прекрасно созръвшій, Должно быть твердымъ, чтобъ ими твое и потомки хвалили. Время, однако, ужъ мив возвратиться на быстрый корабль мой Къ спутинкамъ, ждущимъ, конечно, меня съ нетеривньемъ и скукой Ты жъ о себъ позаботься, уваживши то, что сказаль я. Милый мой сость, отвібчаль разсудительный сыпъ Одиссеевъ. Пользы желая моей, говоринь ты со мною, какъ съ сыномъ Добрый отець: и о томъ, что совітоваль ты, не забуду. Но подожди же, хотя и торопилься въ путь: здёсь прохладвой Ваней и члены и душу свою освѣживъ, возвратишься Ты на корабль, къ удовольствію сердца богатый подарокъ Взявь отъ меня, чтобъ его мий на память беречь, какъ обычай Есть межъ людьии, чтобъ, прощаяся, гости другь друга дарили. Цочь свътлоокая Зевса Лопна ему отвъчала: Нать! не держи ты меня, тороплюсь я безмарно въ дорогу; .Гвой же подарокъ, объщанный миж такъ радушно тобою, Къ вамъ возвратися, приму и домой увезу благодарно, Въ даръ получивъ дорогое и самъ дорогимъ отдаривши. Съ сими словами Зевесова дочь свътлоокая скрылась, Быстрой невидимо птицею вдругь улетывь. Поселила Твердость и смелость она въ Телемаковомъ стрдив, живъс репомнить заставивь его объ отць; но проникъ онъ душою тайну и чувствоваль страхь, угадавь, что беседоваль съ богомъ. Туть къ женихомъ онъ, божественный мужъ, подошель: передъ нами Паль знаменитый панець, и съ глубокинь ниниансемь сидали

Молча опи: о нечальномъ ахеянъ изъ Трон возврать, Нъкогда имъ учрежденномъ богиней Лопною, пълъ онъ. Въ верхнемъ поков своемъ вдохновенное изнье услышавъ, Ввизъ по ступенямъ высокимъ посибино сошла Иснелопа. Старца Икарія дочь многоумная; вм'єстіє сошли съ ней Двъ изъ служнокъ си: и она, божество межъ женами, Въ ту палату вступивъ, гдв са женихи ппровали, Подл'я столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала, Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ: Справа и слева почтительно стали служанки; царица Съ плачемъ тогда обратила иъ пъвцу вдохновенному слово: Фемій, ты знаеть такъ много другихъ, восхищающихъ дуту П'єсней, сложенныхъ півщами во славу боговъ и героевъ: Спой же изъ пихъ, предъ собраніемъ сидя, одну; и въ молчаньи Гости ей будутъ внимать за впиомъ; но прерви начатую Пъсню нечальную: сердце въ груди замираеть, когда и Слышу ее: мив изъ всвхъ жесточайшее горе досталось: Мужа такого лишась, и всечасно скорблю о погибшемъ, Столь преисполившемъ славой своей и Элладу и Аргосъ. Милая мать, возразиль разсудительный сынъ Одиссеевъ. Какъ же ты хочешь п'євцу запретить въ удовольствіе наше То воспивать, что въ его пробуждается сердии? Впновенъ Въ томъ не пъвецъ, а виновенъ Зевесъ, посылающій свыше Людямъ высокаго духа по воль своей вдохновевье. Нътъ, не препятствуй пъвцу о печальномъ возврать Данаевъ Пать съ похвалою великою люди той песни внимають, Всякій разъ ею, какъ новою, душу свою восхищая: Ты же сама въ ней найдешь не печаль, а печали усладу: Выль не одинь отъ боговъ осужденъ потерять день возврата Царь Одиссей, и другихъ знаменитыхъ погибло не мало. Но удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства, Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ работъ Были своей: говорить же не женское діло, а діло Мужа, п нывъ мое: у себя я одинъ повелитель. Такъ онъ сказалъ: изумяся, обратно пошла Пенелопа; Къ сердцу слова многоумнаго сына принявъ и въ покоъ Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ Плакала горько она о своемъ Одиссећ, покуда Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Лоина. Тою порой женихи въ потемивешей палать шумыли, Споря о томъ, кто изъ нихъ предпочтенъ Пенелопою будетъ. Къ нимъ обратяся, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ: Вы, женихи Пенеловы, надменные гордостью буйной, Станемъ спокойно теперь веселиться: прервите вашъ шумкый Споръ; намъ приличнъй вниманье склонить къ пъснопъвцу, который, Слухъ нашъ пленяя, богамъ вдохновеньемъ высокимъ подобенъ. Завтра же утромъ васъ всъхъ приглашаю собраться на площадь. Тамъ всенародно въ лицо вамъ скажу, чтобъ очистили всъ вы Домъ мой: нвые пяры учреждайте; свое, а не наше Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ своихъ угощеньяхъ. Если жъ находите вы, что для вась и пріятиви и легче Вевмъ одного разорять произвольно, безъ платы-сожрите Все; но на васъ я боговъ призову; и Зевесъ не замедлить Васъ поразить за неправду: тогда неминуемо всф вы, Также безъ платы, погибнете въ домъ, разграблевномъ вами.

Онъ замолчалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы, Смільмъ его пораженные словомъ, ему удивлялись. Но Антиной, сынъ Эвпейтовъ, ему отвечалъ, возражая: Сами боги, конечно, тебя, Телемакъ, научили Выть столь кичливымъ и дерзкимъ въ словахъ, и бъда намъ, гогда ты Въ волнообъятой Итакъ, по волт Кроніона, будешь Нашимъ царемъ, ужъ пивя на то по рожденью и право! Кротко ему отвъчаль разсудительный сынь Одиссеевь; Другъ Антиной, не сердись на меня за мою откровенность: Если бъ владычество далъ миз Зевесь, я эхотно бы принялъ. Или ты мыслишь, что царская доля всехъ хуже на свете? Нътъ, конечно, царемъ быть не худо; богатетво въ царевомъ Дом' скопляется скоро, и самъ онъ въ чести у народа. Но межъ ахейцами волнообъятой Итаки найдется Много достойнъйшихъ власти и старыхъ и юныхъ; межъ ними Вы изберите, когда ужъ не стало царя Одиссея. Въ дом'в жъ своемъ я одинъ повелитель; зд'ясь ми'я подобаеть Власть надъ рабами, для насъ Одиссеемъ добытыми въ битвахъ. Туть Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, такъ отвічаль Телемаку: О Телемакъ, мы не знаемъ-то въ ловъ безсмертныхъ сокрыто-Кто надъ ахейцами волнообъятой Итаки назначенъ Царствовать; въ дом'в жъ своемъ ты, конечно, одинъ повелитель; Нътъ, не найдется, пока обитаема будеть Итака, Здесь никого, кто бъ дерзнулъ на твое посягнуть достоянье. Но я желаль бы узнать, мой любезный, о нып'вшнемъ гост'в. Какъ его пия? Какую свопиъ онъ отчествомъ славить Землю? Какого онъ рода и племени? Гдф онъ родился? Съ в'єстью ль къ теб'є о желанномъ возврать отца приходиль онъ? Иль постиль нась, по собственной пуждь закхавь въ Итаку? Вдругъ онъ отсюда пропаль, не дождавшись, чтобъ съ нимъ хоть цемного Мы ознакомились; быль человъкъ не простой онъ, конечно. Другъ Эвримахъ, отвъчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ, День свиданья съ отцомъ навсегда мной утраченъ; не буду Болье върпть ин слухамъ о скоромъ его возвращеньи, Наже напраснымъ о немъ прориданьямъ, къ которымъ, сзывая 🛇ъ домъ свой гадателей, мать прибъгаеть. А нынфиній гость нашъ Вылъ Одиссеевымъ гостемъ; онъ родомъ изъ Тафоса. Ментесъ, Сынъ Анхіала, царя многоумнаго, править народомъ Веслолюбивыхъ тафійцевъ. Но, такъ говоря, убъжденъ былъ Въ сердцъ своемъ Телемакъ, что богиню безсмертную видъяъ. Тѣ же, опять обратившися къ пляскъ и сладкому пънью, Начали снова шумъть въ ожиданіи ночи; когда же Черная ночь посреди ихъ веселаго шума настала, Вст разоплись по домамъ, чтобъ предаться безпечно покою. Скоро п самъ Телемакъ въ свой высокій чертогь (на прекрасный Дворъ обращенъ былъ лицомъ онъ съ обширнымъ иредъ окнами видомъ), Встхъ проводивши, ношелъ, про себя размышляя о многомъ. Факель зажженый неся, передъ нимь съ осторожнымъ усердьемъ Шла Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса, Върная ключища, чтимая всеми въ обители царской. Факель неся, Эврпклея вела Телемала—за нимъ же Съ дътства ходила она и ему угождала усердиви Прочихъ невольницъ. Въ богатую спальню она отворила Двери; онъ сълъ на постелю и, тонкую сиявши сорочку, Въ руки старушки заботлавой бросилъ ее; осторожно

Въ складки сложивъ и угладивъ, на гвоздъ Эвриклея сорочку Подлъ кровати, искусно точеной, повъсила; тихо Вышла изъ спальни; серебряной ручкою дверь затворпла; Кръпко задвижку ремнемъ затянула; потомъ удалилась. Онъ же всю ночь на постелъ, покрытый овчиною мягкой, Въ сердцъ обдумывалъ путь, учрежденный богиней Абиной.

ПЪСНЬ ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ ПЪСНИ.

Второй день—до разсвъта третьяго дия. Раво поутру Телемакъ повелъваеть глашатаямъ созвать гражданъ Итаки на площадь и требуеть всевародно, чтобъ жепихи покинули домъ его. Антиной деряко ему отвътствуетъ. Предвъщательное звленіе орловъ; его толкуетъ Глифердъ, которому грубо возражаетъ Эвримахъ. Телемакъ требуетъ корабля для отплытія въ Пилосъ. Менторъ упрекаетъ народъ въ равнодушін късыну Одиссееву; противъ него возстаетъ Леокритъ, который потомъ самовольно распускаетъ народное собраніе. Анна подъ видомъ Ментора ободряетъ молящагося ей Телемака объщаніемъ дать ему корабль и провожатыхъ. Ключеница Эвриклея готовитъ запасъ на дорогу. Анная, получивъ отъ Нозмона корабль, приготовляетъ его къ отплытію; потомъ, усыпивъ жениховъ, пировавшихъ въ домъ Одиссеевомъ, уводитъ съ собою Телемака на берегъ моря, куда приносять и всъ приготовленные на дорогу запасы. Телемакъ вмъстъ съ менмымъ Менторомъ, не простясь съ Пенелоною, пускается въ море.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ; Ложе покинуль тогда и возлюбленный сынь Одиссеевь: Платье надавъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повъсилъ; Посл'ь, подошвы красивыя къ св'ятлымъ ногамъ привязавши, Вышель изъ спальни, лицомъ лучезарному богу подобный. Звонкоголосыхъ глашатаевъ царскихъ созвавъ, повелелъ онъ Кликнуть имъ кличъ, чтобъ на площадь собрать густовласыхъ ахеянъ; Кликиули ть; собралися на площадь другіе; когда же Всъ собралися они, и собрание сдълалось полнымъ, Съ меднымъ въ рукт онъ копьемъ передъ сонмомъ народнымъ явился-Вылъ не одинъ, двъ лихія за нимъ прибъжали собаки. Образъ его несказанной красой озарила Аепна, Такъ что дивилися люди, его подходящаго видя. Старцы предъ нимъ раздалися, и сълъ опъ на мъсть отцовомъ. Первое слово тогда произнесъ благородный Эгинцій, Старедъ, согбенный годами и въ жизни извъдавшій много: Сынъ же его Антифонтъ копьевержецъ съ царемъ Одиссеемъ Въ конеобильниую Трою давно въ кораблѣ крутобокомъ Поплыль; онъ быль умерщвлень Полифемомъ свиръпымъ въ глубокомъ Гроть, последній, похищенный имъ для вечернія пищи. Три оставалися старцу: одинъ, Евриномъ, съ женихами Буйствоваль; два помогали отцу обработывать поле; Но о погибшемъ не могъ позабыть онъ; о немъ онъ все шлакалъ, Все сокрушался; и такъ, сокрушенный, сказалъ онъ народу: Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки; Мы на совъть не сходились ни разу съ тъхъ поръ, какъ отсюда Парь Одиссей въ быстроходныхъ своихъ корабляхъ удалился. Кто же насъ собралъ теперь? Кому въ томъ незапная пужда? Юнота ль онъ расцевтающій? Мужъ ли годами созрылый? Слышаль ли въсть о плущей на насъ непріятельской сплъ? Хочеть ли васъ остеречь, напередъ все подробно развъдавъ? Или о польз'в народной какой предложить намъ нам'вренъ? Лодженъ быть честный онъ гражданинъ; слава ему! Да поможетъ

Зевсъ помышленіямъ добрымъ его совершиться успішно. Кончилъ. Словами его былъ обрадованъ сынъ Одиссеевъ; Встать и къ собранию р'ячь обратить онъ немедля р'яшился: Выступиль онъ предъ людей, и ему, къ ипмъ пдущему, въ руку Скипетръ вложилъ Певсенеоръ, глашатай, разумный совътникъ. Къ старцу сперва обратяся, ему онъ сказалъ: благородный Старецъ, овъ близко (и скоро его ты узнаеть), къмъ здъсь вы Собраны — это я самъ, и нечаль мя великая ныпъ. Я не слыхаль о идущей на насъ непріятельской силь; Васъ остеречь не хочу напередъ все подробно развъдавъ, Также о пользахъ народныхъ теперь предлагать не намъренъ. Нынь о собственной, домъ мой постигшей, быль говорю и. Двъ мнъ напасти; одна: мной утраченъ отецъ благородный, Вывшій падъ вами царемъ и всегда, какъ ділей, васъ любившій: Волье жъ злая другая напасть, отъ которой весь домъ нашь Скоро погибнетъ и все, что въ пемъ есть, до конца истребител,-Та, что преследують мать жинихи неотступные, нашихъ Гражданъ знативнияхъ, собравшихся здесь, сыповья: имъ протявно Прямо въ Икаріевъ домъ обратиться, чтобъ ихъ предлеженье Выслушаль старець, и дочь, падфленную щедро приданымь, Отдалъ по собственной воль тому, кто пріятиве сердцу. Нать; имъ удобнай, вседневно врываяся въ домъ нашъ толною, Нашихъ быковъ и барановъ и козъ откориленныхъ ръзать Жрать до упада и светлое наше вино безпощадно Тратить. Нашъ домъ разоряется, пбо ужь нізть въ немь такого Мужа, каковъ Одиссей, чтобъ его отъ проклятья избавать. Сами же мы безпомощны теперь, равномбрно и после Будемъ, достойные жалости, вовсе безъ всякой защиты, Если бы сила была, то и самъ я нашелъ бы управу: Но нестерпимы обиды становятся; домъ Одиссеевъ Грабять безспыдно. Ужель не тревожить васъ совъсть? По крайней Мфрф чужихъ устыдитесь людей и народовъ окружвыхъ, Намъ сопредъльныхъ, боговъ устрашитеся мщенья, чтобъ гифвомъ Васъ не постигли самихъ, негодуя на вашу неправду. Я жъ къ олимпійскому Зевсу взываю, взываю къ Оемпдъ, Строгой богивъ, совъты мужей учреждающей! Наше Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться Горемъ оставьте. Иль, можетъ-быть, мой благородный родитель Чъмъ оскорбилъ здъсь умышленно мъднообутыхъ ахеянъ: Можетъ-быть, то оскорбленье на ми'в вы умышленно мстите Грабить нашъ домъ возбуждая другихъ? Но желали бы лучше Мы, чтобъ и скоть нать живой и лежачій запась нашъ вы сами Свлою взяли; тогда бы для насъ сохравилась падежда; Мы бы дотоль по улицамъ стали скитаться, моля васт. Наше отдать намъ, покуда не все бы намъ отдано было: Нывъ жъ вы сердце мое безнадежнымъ терзаете горемъ. Такъ овъ во гизвъ сказалъ и повергнулъ на землю свой скипетръ; Слезы изъ глазъ устремились: народъ состраданье проникло; Всь неподвижо-безмольны сидъли; никто не ръшился Лерзностнымъ словомъ отватствовать сыну царя Одиссея. Но Аптиной поднялся и воскликнуль, ему возражая: Что ты сказаль, Телемакь, необузданный, гордорьчивый? Насъ оскорбиеъ, ты на насъ и вину возложить замышляеть? НЕТЪ, обвинять ты не насъ жениховъ предъ ахейскимъ народомъ Лолженъ теперь, а свою хитроумную мать, Пенелопу.

Три совершилося года, уже наступиль и четвертый Съ тъхъ поръ, какъ, нами пграя, она подаетъ намъ надежду Всемь, и каждому порознь себя обещаеть, и вести Добрыя шлеть къ намъ, недоброе въ сердцѣ для насъ замышляя. Знайте, какую она въроломно придумала хитрость: Станъ превеликій въ покояхъ поставя своихъ, начала тамъ Тонко-широкую ткань и, собравши насъ всёхъ, намъ сказала: Ювоши, нынъ мои женихи-поелику на свътъ Ифтъ Одиссен-отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будеть Конченъ мон трудъ, чтобъ начатая ткань не произла мив даромъ; Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я Прежде, чъмъ будеть онъ въ руки навъкъ усыпляющей смерти Парками отданъ, дабы не посмъли ахейскія жены Мит попрекнуть, что богатый столь мужь погребень безь покрова. Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ. Что же? День цълый она за тканьемъ проводила, а ночью, Факель зажегии, сама все натканное днемъ распускала. Три года длился обмань, и она убъждать насъ умъла: llo когда обращеньемъ временъ приведенъ быль четвертый —-Все намъ одна изъ служительницъ, знавшая тайну, открыла; Сами тогда жъ мы застали ее за распущенной тканью: Такъ и была приневолена вехотя трудъ свой окончить. Ты же насъ слушай; тебъ отвъчаемъ, чтобъ могъ ты все въдать Самъ, и чтобъ въдали все равномърно съ тобой и ахейцы: Мать отошли, повелъвъ ей немедля, на бракъ согласившись, Выбрать межъ нами того, кто отцу и самой ей угоденъ. Если же долбе будеть играть сыновьями ахеяиъ... Разумомъ щедро се одарила Авина; не только Въ разныхъ она рукодъльяхъ искусна, но также и много Хитростей знаеть, неслыханныхъ въ древніе дни и ахейскимъ :Кенамъ прекрасно-кудрявымъ неведомыхъ; что ни Алкменъ Древней, на Тиро, ин пышно-вънчанной царевиъ Микевъ Въ умъ не входило, то ныпъ увертливый умъ Пенелопы Намъ ко вреду изобрѣлъ: но ся изобрѣтенья тщетвы; Знай, не престанемъ твой домъ разорять мы до тЕхъ поръ, покуда Будеть упорна она въ помышленьяхъ своихъ, ей богами Въ сердце вложенныхъ; конечно, самой ей въ великую славу То обратится, но ты исгребленье богатства оплачень; Мы, говорю, не пойдемъ отъ тебя ни домой, ни въ инос Мъсто, пока Пенелона межъ нами не выбереть мужа. О. Антиной, отв'ячаль разсудительный сынь Одиссеевь, Я не дерзпу и помыслить о томъ, чтобъ велъть удалиться Той, кто меня родила и вскормила; отецъ мой далеко: Живъ ли, погибъ ли, - не знаю; но трудно съ Икаріемъ будеть Мвъ расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно Вышлю--тогда и подвергнусь и гитву отца и гоненью Цемона: страшныхъ эрпиній, свой домъ покидая, накличеть Мать на меня, и стыдомъ предъ людьми и покроюся въчнымъ. Нътъ, никогда не отважусь сказать ей подобнаго слова. Вы же, когда хоть немного тревожить васъ совъсть, покиньте Цомъ мой: иные пиры учреждайте, свое, а не наше Трати на нихъ и чередъ наблюдая въ своихъ угощеньяхъ. Если жъ находите вы, что для васъ и пріятнъй и легче Всемъ одного разорять произвольно, безъ платы — сожрите Все: по на васъ я боговъ призову, и Зевесъ не замедлить

Вась поразить за неправду: тогда неминуемо всё вы, Также безъ платы, погибнете въ домъ, разграбленномъ вами. Такъ говорилъ Телемакъ. И внезапно Зевесъ громовержецъ Свыше къ нему двухъ орловъ ниспослалъ отъ горы каменистой: Оба сначала, какъ-будто несомые въгромъ, летъли Рядомъ они, широко распустивши огромныя крылья: Но, налетъвъ на средину собранія полнаго шумомъ, Начали быстро кружить съ непрестанными взнахами крыльевь: Очи ихъ, сверху на головы глядя, сверкали бъдою; Сами потомъ, расцаранавъ другь другу и груди и шен, Вправо умчались они, пролетывь надъ собраньемъ и градомъ. Всъ, изумленные, итицъ провожали глазами, и каждый Думалъ о томъ, что явленіе ихъ предвъщало въ гридущемъ. Выступиль туть предъ народомъ Галинердъ, многоопытный старецъ, Сынъ Масторовъ; изъ сверстниковъ всехъ онъ одинъ по полету Итицъ былъ искусенъ гадать и пророчилъ грядущее: полный Мыслей благихъ, обратяся къ согражданамъ, такъ имъ сказать онъ: Выслушать слово мое приглашаю вась, люди Итаки. Прежде, однако, дабы жениховь образумить, скажу я . Имъ, что бъда непзбъжная мчится на нихъ, что педолго Будеть въ разлукъ съ семействомъ своимъ Одиссей, что уже онъ Гдф-нибудь близко таптся, и смерть и ногибель готовя Всемь имь, что также и многимъ другимъ изъ живущихъ въ Итакъ Горновозвышенной бъдствіе будеть. Размыслимь же, какъ бы Во-время намъ обуздать ихъ: по лучше, конечно, когда бы Сами они усмпрились: то нын' всего бы полезн'яй Было для вихъ: не безопытно такъ говорю, но навърно Зная, что будеть: сбылось, утверждаю, и все, что ему я Завсь предсказаль передъ твиъ, какъ пошли кораблями ахейцы Въ Трою и съ ними пошелъ Одиссей многоумный. По многихъ Бъдствіяхъ (такъ говорилъ я) и спутниковъ всъхъ потерявши, Всемъ незнакомый, въ исходе двадцатаго года въ отчизну Онъ возвратится. Мое предсказанье свершается нынъ. Кончилъ. Ему отвъчалъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ: лучше, Старый разсказчикъ, домой возвратись, и своимъ малольтнымъ Пытямъ пророчествуй тамъ, чтобъ быды имъ какой не случилось. Въ нашемъ же дъль върнъе тебя и пророкъ; мы довольно Видимъ летающихъ на небъ въ свътлыхъ лучахъ Геліоса Птицъ, но не всф роковыя. А царь Одиссей въ отдаленномъ Краж погибъ. И тебж бы погибнуть съ нимъ вмжстж! Тогда бы Здёсь ты не сталъ предсказаній такихъ вымышлять, возбуждая Гифвъ въ Телемакъ, уже раздраженномъ, и върно надъясь Что-нибудь въ даръ отъ него получить для себя и домашнихъ. Слушай, однако- п то, что услышишь, исполнится върно-Если ты этого юношу съ старымъ своимъ многознаньемъ Будешь пустыми словами на гибвъ возбуждать, то, конечно, Это въ сугубое горе ему самому обратится: Противъ насъ всёхъ онъ одинъ ничего совершить не усибетъ. Ты жъ, безразсудный старикъ, навлечешь на себя наказанье, Тяжкое сердцу: мы горько заставимъ тебя сокрушаться, Нын'в я бол'в полезный сов'ять предложу Телемаку: Матери пусть повелить онъ къ Икарію въ домъ возвратиться, Гав, приготовивъ все нужное къ браку, богатымъ приданымъ Милую дочь, какъ прилично то сану ея, наделить онъ. Иначе, думаю, мы, сыновья благородных ахеянъ,

Мучить ее не престанемъ своимъ сватовствомъ. Никого здёсь Мы не боимся, ни полнаго звучныхъ ръчей Телемака, Ниже пророчествъ, которыми ты, говорунъ посъдълый, Всемъ докучаешь-ты намъ оттого ненавистией; а домъ ихъ Весь разоримъ мы на наши пиры, и отъ насъ возданнья Имъ не пубть никакого, пока на желаемый нами Бракъ не ръшится она; ожидая вседневно, кто будетъ Ею изъ насъ, наконецъ, предпочтенъ, мы къ другимъ обратиться Медлимъ невъстамъ, чтобъ выбрать, какъ следуетъ, женъ между ними. Кротко ему отвівчаль разсудительный сынъ Одиссеевъ: О, Эвримахъ, и вы всъ, женихи знаменитме, болъ Васъ убъждать не хочу и впередъ не скажу вамъ ни слова; Боги все въдають, все благороднымъ ахейцамъ извъстно. Вы же мив прочный корабль съ двадцатью пріобыкшими быстро По морю плавать гребцами теперь спарядите: хочу я Спарту и Плілось песчаный сперва посттить, чтобъ провъдать, Есть ли тамъ слухи какіе о миломъ отців и какая Въ людять мольа про него, иль услышать о немъ прорицанье Оссы, всегда повториющей людямъ Зевесово слово, Если узнаю, что живъ онъ, что онъ возвратится, то буду Ждать его годъ, терпъливо спося притьсненья; когда же Скажеть молва, что погибъ онь, что изть ужь его межь жавыми, То, незамедленно въ милую землю отцовъ возвратяся, Въ честь ему ходиъ гробовой здъсь насыплю и должную пышно Тризну по немъ совершу: Пенелопу жъ склоню на замужество. Кончивъ, опъ сълъ и умолкнулъ. Тогда поднялся неизмънный Спутникъ и другъ Одиссея, царя безпорочнаго, Менторъ. Ввърплъ ему Одиссей при отплытій домъ, быть покорнымъ Старцу Лаэрту и все сберегать повельвши. И полный Мыслей благихъ, обратяся къ согражданамъ, такъ имъ сказалъ онъ: Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки: Кроткимъ, благимъ и привътливымъ быть ужъ впередъ ни единый Царь скиптроносный не должень, но, правду изъ сераца изгнавши, Каждый пускай притьсияеть людей, беззаконствуя смъло, Если могли вы забыть Одпесея, который быль нашимъ Добрымъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ отецъ благодушный. Нужды миз изтъ обвинять жениховъ необузданно-дерзкихъ Въ томъ, что они, самовластвуя здёсь, замышляють худое. Сами своею играють они головой, разоряя Домъ Одиссея, котораго, мыслять, ужъ мы не увидимъ. Васъ же, граждане Итаки, хочу пристыдить: здъсь собравшись, Вы равнодушно сидите и слова не скажете противъ Малой толиы жениховъ, хоть самихъ васъ число и большое. Сынъ Эйвеноровъ тогда Леокритъ, негодуя, воскликнулъ: Что ты сказаль, безразсудный, зломышленный Менторъ? Смирить насъ Гражданамъ ты предлагаешь; но сладить имъ съ нами, которыхъ Также не мало, на ппршествъ трудно. Хотя бы внезапно Самъ Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой Насъ жениховъ благородныхъ, въ его веселящихся домъ, Выгнать отгуда замыслиль, его возвращенье въ отчизну Было бъ женъ, тосковавшей такъ долго по немъ, не на радость: Злая погибель его бы постигла, когда бы насъ многихъ Вздумаль одинь одолеть онь; неумное слово сказаль ты. Вы жъ разойдитеся, люди, и каждый займися домашнимъ Д'вломъ. А Менторъ пускай и мудрецъ Галиеердъ, Одиссею

Върность свою сохранившіс, въ путь снарядять Телемака; Полго, однако, я думаю, здесь просплить онъ, сбярая Въсти: пути же ему своего совершить не удастся. Такъ онъ сказавъ, распустилъ самовольно собранье народа, Всь, удались, по своимъ разошлися домамъ: женихи же Въ домъ Одиссея, цари благороднаго, вновь возвратились. Но Телемакъ одиноко пошелъ на песчаное взморье. Руки соленою влагой умывъ, возгласилъ онъ къ Аониф: Ты, посктившая домъ мой вчера и въ туманное море Плыть повельвшая мив, чтобъ разведаль я, странствуя, исть ли Слуховъ о миломъ отит и его возвращеныя, богиня, Мыр помоги благосклонно: ахейцы мой путь затрудняють; Паче жъ другихъ женихи многосильные, полные злобы, Такъ говорилъ онъ, молясь, и предъ нимъ во мгновение ока, Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, предстала Аонна. Голосъ возвысивъ, богиня крылатое бросила слово: Смать. Телемакъ, и разуменъ ты будещь, когда обладаеннь Тою великою силой, съ какою и словомъ и деломъ Все твой отень, что хотьяь, совершаль: и достигнень желанной Ибли, свой путь безпрепятственно кончивъ: когда жъ не прямой ты Сынъ Одиссеевъ, не сынъ Пенелонинъ прямой, то надежды Нътъ, чтобъ успъщно ты могъ совершить предпріятое дъдо, Редко бывають подобны отнамъ сыновья: все большею Частію хуже отцовъ и немногіе лучше. Но будешь Ты, Телемакъ, и разуменъ и смялъ, поелику не вовсе Ты Одиссеевой силы великой лишенъ; и надежда Есть для тебя, что успъшно свершишь предпріятое діло. Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляють-оставь нхъ; Горе безумнымъ! Они въ слепоте, незнакомые съ правдой, Смерти своей не предвидять, ни черной судьбы, ежедневно Къ нимъ подступающей ближе и ближе, чтобъ вдругъ погубить пхъ. Ты же свое предпринять путешествие можень немедля; Будучи другомъ твоимъ по отцу твоему, снаряжу я Выстрый корабль для тебя, и последую самъ за тобою. Но возвратися теперь къ женихамъ; а тебъ на дорогу Пусть приготовять събстное, пускай имъ наполнять сосуды, Пусть и въ амфоры вина нацелять, и муки, мореходца Сивди питательной, въ кожаныхъ, плотныхъ мъхахъ приготовятъ. Тою порой я гребцовъ наберу: кораблей же въ Итакъ, Моремъ объятой, не мало и новыхъ и старыхъ; межъ ними Лучтій я выберу самъ: и немедленно будеть онъ нами Въ путь изготовленъ, и спустимъ его на священное море. Такъ говорила Авина, Зевесова дочь, Телемаку. Голосъ богини услышавъ, онъ берегъ немедля покинулъ. Въ домъ возвратяся съ печалію милаго сердца, нашелъ онъ Тамъ жениховъ многосильныхъ: один обдирали въ покояхъ Козъ, а другіе, заръзавъ свиней, на дворъ ихъ налили. Съ колкой усмъшкой къ нему подошелъ Антиной и, насильно За руку взявши его и назвавши по имени, молвилъ: Юноша вспыльчивый, злой говорунь, Телемакь, не заботься Боль о томъ, чтобъ вредить намъ иль словомъ, иль деломъ, а лучше Пружески съ нами безъ всякихъ заботъ веселись, какъ бывало. Волю жъ твою не замедлять ахейцы исполнить; получишь Ты и корабль и отборныхъ гребцовъ, чтобъ скоръе достигнуть Въ Пилосъ, любезный богамъ, и узнать объ отцё отдаленномъ.

12220£ , KAK

305.00

BANK.

Кротко ему отвъчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ: Нътъ, Автиной, неприлично мят съ вами надменными витстъ Противъ желанья сидъть за столомъ, веселясь беззаботно; Будьте довольны и тъмъ, что имущество лучшее наше Вы, женихи, разорили, покуда и быль малольтень. Нынъ жъ, когда возмужавъ и совътниковъ слушая умныхъ, Все я узналъ и когда ужъ во мит пробудилася бодрость, Я попытаюсь на шею вамъ Паркъ неизобжныхъ накликать, Такъ ли, иначе ли, събздивъ ли въ Пилосъ, иль здесь отыскавши Средство. Я тау-и путь мой напрасенъ не будеть, хотя я Бду попутчикомъ, нбо (такъ было устроено вами) Здъсь мнъ имъть своего корабля и гребцовъ невозможно. Такъ онъ сказалъ и свою изъ руки Антиноевой руку Вырваль. Межъ темъ женихи, изобильный объдь учреждая, Многими колкими сердца его оскорбляли рѣчами. Такъ говорили одни изъ ругателей дерзконадменныхъ: Насъ Телемакъ погубить не на шутку замыслиль; быть-можеть, Многихъ онъ въ помощь себъ приведеть изъ песчанаго Пилоса, мног. ъ Также изъ Спарты; о томъ онъ, мы видимъ, заботится сплано. Можетъ случиться и то, что богатую землю Эфиру Овъ поститъ, чтобъ, добывши тамъ яду, смертельнаго людямъ, Здёсь отравить имъ кратеры и разомъ насъ всёхъ уничтожить. Но - отвъчали другіе насмъшливо первымъ -- кто знаетъ. Можеть случиться легко, что и самь, какъ отець, онъ погнонеть; Долго бродивъ по морямъ далеко отъ друзей и домашнихъ. Тъмъ онъ, конечно, и насъ озаботитъ: тогда намъ придется Все разд'ялить межъ собой ихъ имущество; домъ же уступимъ Мы Пенелоп'в и мужу, избранному ею межъ нами. Такъ женихи. Телемакъ же пошелъ въ кладовую отнову, Зданье пространное; злата и меди тамъ кучи лежали; Много тамъ платья въ ларяхъ п душистаго масла хранплось; Куфы изъ глины съ виномъ многолетнимъ и сладкимъ стояли Рядомъ у стънъ, заключая божественно-чистый напитокъ Въ недръ глубокомъ, на случай, когда Одиссей возвратится Въ домъ, прегерпъвши тяжелыхъ скорбей и превратностей много. Двери двустворныя, дважды замкнутыя, вь ту кладовую Входомъ служили; почтенная ключница, денно и ночно Тамъ съ многоопытнымъ, зоркимъ усердьемъ въ порядкъ держала Все Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса. Въ ту кладовую позвавъ Эвриклею, сказалъ Телемакъ ей: Няня, амфоры наполни виномъ благовоннымъ, вкуснъйшимъ Послѣ того дорогого, которое здъсь бережешь ты, Помня о немъ, о несчастномъ, и все уповая, что въ домъ свой Царь Одиссей возвратится, и смерти и Паркъ избъжавши. Имъ ты двінадцать наполни амфоръ и амфоры закупорь; Также и кожаныхъ, плотныхъ меховъ приготовь, оржаною Полныхъ мукой; и чтобъ въ каждомъ изъ нихъ заключалося двадцать М'връ; но объ этомъ ты в'вдай одна; собери вс'в принасы Въ кучу; за нями прійду ввечеру я, въ то время, когда ужъ Въ верхній покой свой уйдеть Пенелопа, о сит помышляя. Спарту и Пилосъ песчаный хочу посътить, чтобъ провъдать, Нътъ ли тамъ слуховъ о миломъ отцъ и его возвращеныи. Кончилъ. Ему Эвриклея, усердная няня, заплакавъ, Съ громкимъ рыданьемъ крылатое бросила слово: зачемъ ты, Милое ваше дитя, отворяещь такимъ помышленьямъ

Вологодская ЦБС

Сердце? Зачемъ въ отдаленную, чуждую землю стремишься Ты, утъшение наше единое? Твой ужъ родитель Встретиль конець межь народовь враждебныхь оть дома далеко: Здъсь же, покуда ты странствовать будешь, коварно устроять Ковъ, чтобъ известь и тебя, и твое все богатство раздѣлятъ. Лучте останься у нась при своемъ; ни малъйшей нъть нужды Въ страшное море тебъ на бълы и на бури пускаться. Ей отвъчая, сказаль разсудительный сынь Одиссеевь: Няня, мой другь, не тревожься; не мимо боговь и решился Въ путь, но клянись меть, что мать отъ тебя ни о чемъ не узнасть Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двънадцать. Или покуда не спросить сама обо мнь, иль другой кто Тайны не скажеть-боюсь, чтобъ отъ плача у ней не поблекла Свъжесть лица. Эвриклея богами великими стала Клясться; когда жъ поклялася и клятву свою совершила, Тотчасъ она, благовоннымъ впиомъ все амфоры наливши, Кожаныхъ плотныхъ мѣховъ приготовила, полныхъ мукою. Онъ же, домой возвратившися, тамъ съ женихами остался. Умная мысль родилася туть въ сердцѣ Паллады Аенны: Видъ Теле ма принявщи, она объжала весь городъ: Къ каждому встръчному ласково ръчь обращая, собраться Всѣхъ пригласила она ввечеру на корабль быстроходный. Послф, пришедъ къ Ноэмону, разумнаго Фронія сыну, Дать ей проспла корабль-Ноэмонъ согласился охотно. Солнце тъмъ временемъ съло и всъ потемнъли дороги, Легкій корабль на соленую влагу спустивъ и запасы, Нужвые каждому прочному судну, собравши, на самомъ Выходъ въ море изъ бухты его помъстила богиня. Люди сошлися, и въ каждомъ она возбудила отважность. Новая мысль родилася туть въ сердцѣ Паллады Анины; Въ домъ Одиссея, царя благородиаго, вшедии, богиня Сладкій сонъ на пирующихъ жениховъ тамъ навела, помутила Мысли у пьющихъ и вырвала кубки йзъ рукъ ихъ; влеченью Сна уступивши, они но домамъ разошлись и недолго Ждали его, не замедлиль онъ пасть на усталыя въжды. Туть світлоокая Зевсова дочь Телемаку сказала, Вызвавъ его изъ устроенной пышно палаты столовой, Сходная съ Менторомъ видомъ и ръчью: пора, Телемакъ, намъ; Всв собранися ужъ светлообутые спутники наши: Сидя у весель, они ожидають тебя съ нетеривньемь; Время итти; не годится найъ дол'в откладывать путь свой. Кончивъ, Паллада Аопна пошла впереди Телемака Выстрымъ шагомъ: поспъпно пошелъ Телемакъ за богиней. Къ морю и къ ждавшему ихъ кораблю подошедши, они тамъ Спутниковъ густокудрявыхъ нашли у песчанаго брега. Къ нимъ обратилась тогда Телемакова сила святая: Братья, принесть пособщимъ путевые запасы: они ужъ Всв приготовлены въ домв, и мать ни о чемъ не слыхала; Также вичто и рабынямъ не сказано; тайну одна лишь Знаеть. И быстро пошель впереди онь; за ничь всь другіе. Езявши запасы, они йхъ на прочно устроенномъ суднъ Склали, какъ то повелъль имъ возлюбленный сынъ Одиссеевъ. Скоро и самъ онъ вступилъ на корабль за богиней Аонной; Подлъ кормы корабельной она помъстилась; съ ней рядомъ Сфль Телемакъ, и гребцы, отвязавши посифшно канаты,

Также взошли на корабль и съли на лавкахъ у веселъ. Туть свътлоокая Зевсова дочь даровала имъ вътеръ попутный Свѣжій повѣялъ зефпръ, ошумляющій темное море. Бодрызъ гребцовъ возбуждая, вельлъ Телемакъ имъ скоръс Снасти устроить; ему повинуясь, сосновую мачту Подняли разомъ они и, глубоко въ гнъздо водрузивши, Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ натянули веревки; Бұлый потомъ привязали ремнями плетеными парусъ; Вътромъ наполнившись, онъ поднялся и пурпурныя волны Звучно подъ килемъ потекшаго въ нихъ корабля зашумъли; Онъ же бъжалъ по волнамъ, разгребая себъ въ нихъ дорогу. Туть корабельщики, червое быстрое судно устроивъ, Чаши наполнили сладкимъ виномъ и молясь сотворили Должное въчнорожденнымъ, безсмертнымъ богамъ возліянье, Паче жъ другихъ свътлоокой богинъ великой Палладъ. Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

пъснь третья.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ ПЪСНИ.

Третій и четвертый день, до вечера пятаго. Прибытіе Телемака въ Пплосъ. Овъ находить Нестора, приносящаго на берегу моря жортву Посидону вмъсть съ народомъ. Несторъ, по просьбъ Телемака, разсказываеть о томъ, что случилось съ нимъ, съ Менелаемъ и пъкоторыми другими акейскими вождями послъ разрушевія Трои. Овъ совътуеть Телемаку посътить Менелая въ Лакедемонъ. Телемакъ остается ночевать въ домъ Нестора. На другой день, по совершеній жертвы, объщанной Несторомъ Аннъ, Телемакъ вмъсть съ младшимъ сыномъ Нестора, Пизпстратомъ, отправляется въ путь; они ночують у Діоклеса и на слъдующій вечеръ пріъзжають въ Лакедемонъ.

Геліось съ моря прекраснаго всталь и явился на м'єдномъ Сводъ небесъ, чтобъ сіять для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ, Року подвластныхъ людей, на землі плодоносной живущихъ. Тою порою достигнулъ корабль до Нелеева града Пышнаго Пилоса. Въ жертву народъ приносилъ тамъ на брегв Черныхъ быковъ Посидону лазурнокудрявому богу; Выло тамъ девять скамей: на скамьяхъ, по пятисотъ на каждой, Люди сидъли, и девять быковъ передъ каждою было. Сладкой отведавъ утробы, уже сожигали предъ богомъ Бедра въ то время, какъ въ пристань вошли мореходцы. Убравии Снасти и якоремъ шаткій корабль утвердивши, на землю Вышли они; Телемакъ, за Аепною слъдуя, также Вышель. Къ нему обратяся, богиня Авина сказала: Сынъ Одиссеевъ, теперь ужъ застенчивымъ быть ты не долженъ; Ибо затемъ мы и въ море пустились, чтобъ сведать, въ какую Землю отецъ твой судьбиною брошенъ и что претерпъть онъ. Сибло приближься къ коней обуздателю Нестору; знать намъ Должно, какія въ душт у него заключаются мысли. Смъло его попроси, чтобъ тебъ объявиль онъ всю правду; Лжи онъ, конечно, не скажеть, умомъ одаренный великимъ, Но, - отвъчалъ разсудительный сынъ Одиссевъ богинъ, -Какъ подойти миъ? Какое скажу я привътствіе, Менторъ? Мало еще въ разговорахъ разумныхъ съ людьми я искусенъ; Также не знаю, прилично ли младшимъ разспрашивать старшихъ? Дочь свътлоокая Зевса Анна ему отвъчала: Многое самъ, Телемикъ, ты своимъ угадаешь разсудкомъ;

Многое демонъ откроетъ тебѣ благосклонный; не противъ Воли жъ безсмертныхъ, я думаю, былъ ты рожденъ и воспитанъ. Кончивъ, богиня Авина пошла впереди Телемака Быстрымъ шагомъ; за нею пошелъ Телемакъ; и поспъшно Къ мъсту подходять они, гдъ пилійцы собравнись сидъли: Тамъ съ сыновьями и Несторъ сидълъ; ихъ друзья, учреждая Пиръ, сустились, вздъвали на вертелы, жарили мясо. Всь, пноземцевъ увидя, пошли къ нимъ навстръчу и, туки Имъ подавая, просили ихъ състь дружелюбно съ народомъ. Первый, ихъ встрътившій, Несторовъ сынь, Пизистрать благо о изи, Ласково за руки взявши обоихъ, на брегъ песчаномъ М'єсто на мягкихъ разостланныхъ кожахъ занять пригласиль ихъ Между отцомъ престарълымъ и братомъ младымъ Өразимедомъ. Сладкой утробы отвъдать имъ давъ, онъ виномъ благовоннымъ Кубокъ наполнилъ, впна отхлебнулъ и сказалъ свътдоокой Дочери Зевса эгидодержавца, Падладъ Авинъ: Странинкъ, ты долженъ призвать Посидона владыку: вы нынф Прибыли къ намъ на великій праздникъ его: совершивши Здісь, какъ обычай велить, передъ нимъ возліянье съ молитвой. Ты и товарищу кубокъ съ напиткомъ божественно-чистымъ Дай; онъ, я думаю, молится также богамъ, поелику Всь мы, люди, имъемъ въ богахъ благодътельныхъ нужду. Онъ же моложе тебя и, конечно, ровесникъ со мною; Воть почему и и кубокъ тебъ напередъ предлагаю. Кончивъ, онъ передалъ кубокъ съ виномъ благовоннымъ Леннъ. Былъ ей пріятенъ поступокъ разумнаго юноши, первой Ей предложившаго кубокъ съ виномъ благовоннымъ; и стала Голосомъ громкимъ она призывать Посидона владыку: Царь Посидонъ земледержецъ, молюся тебъ, не отвергни Насъ, уповающихъ здъсь, что желанія наши исполнишь. Нестору славу съ его сыновьями, во-первыхъ, даруй ты; Послѣ богатую милость яви и другимъ, благоскловно Зафсь отъ пплійцевъ великую нынф принявъ экатомоу; Дай намъ потомъ, Телемаку и мнѣ, возвратиться, окончивъ . Все, дли чего мы приплыли сюда въ кораблѣ крутобокомъ. Такъ помолясь, совершила сама возліянье богиня; Посл'в двуярусный кубокъ она подала Телемаку; Въ свей помолился чередъ и возлюбленный сынъ Одиссеевъ, Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое иясо, Роздали части и начали ширъ многославный; когда же Выль удовольствовань голодъ ихъ сладкимъ цитьемъ и ъдою, Рѣчь обратиль къ посътителямъ Несторъ, герой Геренейскій: Странники, миз ужъ теперь неприлично не будеть спросить васъ, Кто вы, понеже ужъ пищею вы насладились довольно. Кто жъ вы, скажите? Откуда къ намъ прибыли влажной дорогой? Ивло ль какое у вась? Иль безъ двла скитаетесь всюду, Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные, мчася, Жизнью играя своей и бъды приключая народамъ? Съ духомъ собравшись, на то разсудительный сынъ Одиссеевъ Такъ, отвъчая, сказалъ (и Анина ему ободрила Сердце, чтобъ Нестора могь онъ спросить объ отцъ отдаленномъ, Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася добрая слава): Сынъ Нелеевъ, о Несторъ, великая слава ахеянъ, Знать ты желаень, откуда и кто мы; всю правду скажу я: Мы изъ Итаки, подъ склономъ лесистымъ Нейона лежащей;

Прибыли жъ къ вамъ не за общимъ народнымъ, за собстеннымъ деломъ; Странствую я, чтобъ, молву объ отцф вопрошая, провъдать, Гдъ Одиссей благородный, въ бъдахъ постоянный, съ которымъ. Ратуя вытесть, вы градъ Иліонъ, говорять, сокрушили. Прочіе жъ, сколько ихъ на было, протявъ троянъ воевавшихъ, Въдственно, слытали мы, въ сторонъ отдаленной погибли Всь: а его и погибель отъ насъ неприступно Кроніонъ Скрылъ; гдф нашелъ онъ конецъ свой, не знаетъ никто: на землф ли Твердой онъ палъ, переспленный злыми врагами, въ зыбязъ ли Моря погибъ, поглощенный холодной волной Амфитриты. Я же кольпа твои обнимаю, чтобъ ты благосклонно Участь отда моего мнъ открылъ, объявивъ, что своими Видълъ глазами, иль что отъ какого услышалъ случайно Странника. Матерью быль онъ рождень на бъды и на горе. Ты же, меня не щадя и изъ жалости словъ не смягчая, Все разскажи мит подробно, чему ты быль самъ очевидецъ, Если же чемъ для тебя мой отецъ, Одиссей благородный, Словомъ ли, деломъ ли, могъ быть полезенъ въ те дни, какъ съ тобою Въ Троф онъ быль, гдф столь много вы бфдъ претерпфли, ахейцы, Вспомии объ этомъ теперь и поистинъ все разскажи мнъ. Такъ Телемаку отвътствовалъ Несторъ, герой Герепейскій: Сынъ мой, какъ сильно напомниль ты мив о напастяхъ, въ землю той Встрѣченныхъ нами, ахейцами, твердыми въ опытѣ строгомъ, Частью, когда въ корабляхъ, предводимые бодрымъ Пелидомъ, Мы за добычей по темнотуманному морю гонялись, Частью, когда передъ кръпкимъ Пріамовымъ градомъ съ врагами Яростно бились. Изъ нашихъ въ то время всѣ лучшіе пали: Легъ тамъ Аяксъ б'єдоносный, тамъ легъ Ахиллесъ, и сов'єтовъ Мудростью равный безсмертнымъ Патроклъ, и лежитъ тамъ мой милый Сынъ Антилохъ, безпорочный, отважный, и столько же дивный Легкостью бъга, сколь быль онъ безстрашный боецъ. И не мало Развыхъ другихъ пспытали мы бёдствій великихъ, о нихъ же Можеть ли все разсказать хоть одинъ изъ людей земнородныхъ? Если бъ и целыя пять леть и шесть леть ты могь безпрестанно Въсти сбирать о бъдахъ, приключившихся бодрымъ ахейцамъ, Ты бы, всего не узнавъ, недоволенъ домой возвратился. Девять трудилися лать мы, чтобъ ихъ погубить, вымышляя Многія хитрости — кончить насилу решился Кроніонъ. Въ умныхъ совътахъ никто тамъ не могъ на ряду быть поставленъ Съ нямъ: далеко опереживалъ всъхъ изобрътеньемъ многихъ Хитростей дарь Одиссей, благородный родитель твой, если-Подливно сынъ ты его. Съ изумленьемъ смотрю на тебя я: Съ нимъ п ръчами ты сходенъ; но кто бы подумалъ, чтобъ было Юношъ можно такъ много съ нимъ сходствовать умною ръчью? Я жъ постоянно, покуда войну мы вели, на совъть ль. Въ сонмъ ль народномъ, всегда заодно говорилъ съ Одиссеемъ; Въ митрыяхъ согласные, вмъстъ всегда мы, обдумавши строго, То лишь одно избирали, что было ахейцамъ полезетий. Но когда, виспровергнувши городъ Пріама великій, Мы къ кораблямъ возвратилися, богъ разлучилъ насъ: Кроніонъ Въдственный путь по морямъ приготовить замыслилъ ахейцамъ. Вылъ не у каждаго свътелъ разсудокъ, не всъ справедливы Выли они - потому и постигнула злая судьбина Многихъ, разгивавшихъ дочь свътлоскую страшнаго бога. Сильную распрю богиня Анина зажгла межъ Атридовъ:

Оба, созвать вознам'врясь людей на сов'єть, безразсудно Собрали ихъ не въ обычное время, когда ужъ садплось Солнце; ахейцы сошлися, виномъ охмеленные; ть же Стали одинъ за другимъ объяснять имъ причину собранья: Требоваль царь Менедай, чтобъ аргивскіе мужи въ обратный Путь по широкому моря хребту устремились немедля; То Агамемновъ отвергнулъ: ахейцевъ еще удержать опъ Мыслиль затымь, чтобь они, совершивь экатомбу святую, Газвъ примирили ужасной богини... младенецъ! Еще онъ Видно, не зналъ, что ужъ быть не могло примпренія съ нею: Въчние боги нескоро въ своихъ измъняются мысляхъ. Такъ, обращая другъ къ другу обидныя рѣчи, тауъ оба Брата стояли; собраніе світлообутых в ахеянъ Воплемъ наполнилось яростнымъ, на два разрознившись мибнья. Всю ту мы ночь провели въ непріязненныхъ другь противъ друга Мысляхъ; ужъ намъ, беззаконнымъ, готовилъ Зевесъ наказанье. Утромъ одип на прекрасное море опять кораблями (Взявъ п добычу п дівъ, глубоко опоясанныхъ) вышлп. Но половина другая ахеянъ осталась на брегъ Вивств съ царемъ Агамемнономъ, пастыремъ многихъ народовъ, Пали мы ходъ кораблямъ, и они по волнамъ побъжали Выстро: подъ нами углаживалъ богъ многоводное море. Скоро пришедъ въ Тенедосъ, принесли мы тамъ жертву безсмертнымъ, Дать намъ отчизну моля ихъ, по Дій непреклонный еще намъ Медлиль дозволить возврать: онь вторичной враждой возмутиль наст. Часть за царемъ Одиссеемъ, подателемъ мудрыхъ совътовъ, Въ многовесельныхъ пустясь корабляхъ, устремилась въ обратный Путь, чтобъ Атриду дарю Агаменнону вновь покориться. Я же поспътно со всъми подвластными мнъ кораблями Поплыль впередь, угадавь, что готовиль намь бъдствее демонь; Поплыль со всеми своими и сынь оброносный Тидея; Позже отправился въ путь Менелай златовласый: въ Лезбось Насъ онъ нагналъ, нервинимыхъ, цакую избрать намъ дорогу: Выше ль скалами обильного Хіоса путь свой на Псиру Править, ее оставляя по левую руку, иль ниже Хіоса мимо открытаго воющимъ вътрамъ Мимонта? Лія молили мы знаменье дать намъ; и, знаменье давши, Онъ повелълъ, чтобъ, разръзавши море по самой средняъ, Шли мы въ Эвбев для скораго близкой беды избежанья; Вътеръ попутный, свистя, зашумълъ, и, рыбообильный Путь совершая дегко, корабли до Гереста достигли Къ ночи; отъ многихъ быковъ возложили мы тучныя бедра Тамъ на алтарь Поспдоновъ, измфривъ великое море. Пень совершился четвертый, когда, добъжавъ до Аргоса, Вев корабли Діомеда, коней обуздателя, стали Въ пристани. Прямо тъмъ временемъ въ Пилосъ я плылъ, и ни разу Вътеръ попутный, вначалъ намъ посланный Діемъ, не стихнулъ. Такъ возвратился я, сынъ мой, безъ всякихъ въстей; и донынъ Сведать еще я не могь, кто погнов изв ахеянь, кто спасся. Что жъ отъ другихъ мы узнали, живи подъ домашнею кровлей, То вамъ, жакъ следустъ, я разскажу, ничего не скрывая. Слышали мы, что съ младым в Ахиллеса великаго сыномъ Всь Мирмидоны его, кольсносцы домой возвратились; Живъ, голорятъ, Филоктетъ, сынъ Пеановъ возлюбленный; здраво Идоменей (инкого изъ сопутивковъ, съ нимъ избежавшихъ

Вместь войны, не утративши на море) Крита достигнуль; Къ вамъ же, конечно, и въ дальнюю землю дошель объ Атондъ Слухъ, какъ домой возвратился онъ, какъ умерщвленъ быль Эгистомъ, Какъ п Эгистъ, наконецъ, по заслугв пріяль воздаянье. Счастье, когда у погибшаго мужа останется бодрый Сынь, чтобь отметить, какъ Оресть, поразившій Эгиста, которымъ Вылъ умерщвленъ злоковарно его мпогославный родитель! Такъ п тебъ, мой возлюбленный другъ, столь прекрасно созръвшій, Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и потомки хвалили. Выслушавъ Нестора, такъ отвічаль Телемакъ благородный: Сывъ Нелеевъ, о Несторъ, великая слава ахеявъ, Правда, отметиль онь, и страшно отметиль, и ему оть народовъ Честь повсемъстная будеть и будеть хвала отъ потомства. 0! когда бъ и меня одарили такою же силой Боги, чтобъ такъ же и я могъ отметить женихамъ, наносящимъ Столько обидъ мять, коварно погибель мою замышляя! Но благодати великой такой инспослать не хотели Боги ни мит ин отпу-и удъль мой отнынт-терптис. Такъ Телемаку отвътствовалъ Несторъ, герой Герепейскій: Самъ ты, мой милый, о томъ мей своими словами напомниль; Слышали мы, что твою благородичю мать притесния, Въ дом' твоемъ женихи беззаконнаго делаютъ много. Знать бы желаль я: ты самъ ли то волеь свосишь? Народъ ли Вашей земли ненавидить тебя, по внушению бога? Мы же не въдаемъ; можетъ случиться легко, что и самъ овъ Ихъ, возвратяся, погубитъ, одинъ ли, созватъ ли ахеянъ... 0! когда бъ возлюбить свётлоокая дёва Паллада Такъ же могла и тебя, какъ она Одиссея любила Въ краж Троянскомъ, гдж много мы бъдъ претериъли ахейцы: Нътъ, никогда не бывали столь боги въ любви откровенны, Сколь откровенна была съ Одиссеемъ Галлада Аонна! Если бы ею съ такою жъ любовь и ты быль присвоенъ, Самая память о бракт во многихъ изъ нихъ бы пропала. Нестору такъ отвъчаль разсудительный сынъ Одиссеевъ: Старецъ, несбыточно, думаю, слово твое; о великомъ Ты говоряшь, и ужасно миз слушать тебя: не случится То никогда ни по просьбѣ моей, ни по волѣ безсмертныхъ. Дочь свътлоокая Зевса Анпна ему отвъчала: Странное слово изъ устъ у тебя, Телемакъ, излетъло: Вогу легко защитить насъ и издали, если захочетъ: Я жъ согласился бъ скоръе и бъдствія встрътить, чтобъ только Сладостный день возвращенья увидеть, чемъ, обедствій изобегнувъ, Въ домъ возвратиться, чтобъ пасть предъ свопиъ очагомъ, какъ великій Палъ Агамемнонъ предательствомъ хитрой жены и Эгиста. Но и богамъ невозможно отъ общаго смертнаго часа Милаго имъ человъка избавить, когда онъ ужъ преданъ Въ руки навъкъ-усыпляющей смерти судьбиною будеть. Такъ отвъчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ богинъ: Менторъ, не станемъ о томъ говорить мы, хотя и крушить намъ Сердце оно; ужъ его возвращенія мы не увидимъ: Черную участь и смерть для него приготовили боги. Я же теперь, о иномъ вопрошая, хочу обратиться Къ Нестору—правдой и мудростью всъхъ онъ людей превосходить; Выль, говорять, онь царемь, повелителемь трехь покольній, Образомъ святлымъ своимъ онъ безсмертному богу подобенъ-

Сынъ Нелеевъ, скажи, ничего отъ меня не скрывая, Какъ умерщвленъ былъ Атридъ Агамемнонъ пространнодержавный? Гдѣ Менелай паходился? Какое губящее средство Хитрый Эгистъ изобрълъ, чтобъ удобите сладить съ сильнъйшимъ? Иль, не достигнувъ Аргоса, еще межъ чужнин людьми онъ Выль и врага своего темь отважиль на элое убійство? Другъ, Телемаку отвътствовалъ Несторъ, герой Геренейскій: Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину въдать: Подлинно такъ все случилось, какъ думаещь самъ ты: но если оъ Въ братнемъ жилищъ Эгиста живого засталъ, возвращаясь Въ домъ свой изъ брани Троянской, Атридъ Менелай златовласый, Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая, Хищныя птицы и исы бы его растерзали, безъ чести Въ полъ далеко за градомъ Аргосомъ лежащаго, жены Наши его бъ не оплакали-страшное д'ило свериилъ онъ. Тою порою, какъ билися мы на поляхъ Иліонскихъ, Онъ въ безопасномъ углу многоконнаго града Аргоса Сердце жены Агамемнона лестью опутывалъ хитрой. Хитрая лесть удалася ему. И не мало богатыхъ Жертвъ овъ принесъ; и не мало онъ храмовъ дарами украсилъ, Дерзкое дело такое съ неждалымъ окончивъ успехомъ. Мы же, поклачения землю Троянскую, поплыли выбеть, Я и Атридъ Менелай, сопряжениле дружбою тесной. Выли ужъ мы предъ священнымъ Суніономъ, мысомъ Аттійскимъ; Вдругъ Менелаева корміцика Фебъ Аполловъ невидимо Тихой своею стрелой умертвили: управляя бегущимъ Судномъ, кормило держалъ многоопытный, твердой рукою Фронтисъ, Онеторовъ сынъ, напболт изъ встхъ земнородныхъ Тайну проникшій владіть кораблемь вь наступившую бурю. Путь свой замедлиль, хотя и сившиль, Менелай, чтобъ на брегъ Честь погребенія другу воздать съ торжествомъ надлежащимъ; Но когда на своихъ корабляхъ крутобожихъ опять онъ Въ темное море пошелъ и высокаго мыса Маллен Выстро достигь — повсемъстно гремящій Кровіонь, замысливь Гибель, нагналъ на него мпогошумное вътра дыханье, Подняль могучія, тяжкія, гороогромныя волны. Вдругъ корабля разлучивъ, половину ихъ бросилъ овъ къ Криту Гав обитають Кидоны у сватлыхъ потоковъ Ярдана. Виденъ тамъ гладкій утесъ, восходящій надъ влагой соленой, Въ темное море вдвигаясь на крайнихъ предълахъ Горгины; Тамъ, гдъ великія волны на западный берегь у Феста Нотъ нагоняетъ и малый утесъ ихъ дробить, отшибая, Тъ корабли очутились: проворствомъ спаслися отъ смерти Люди; суда жъ ихъ погибли, разбившись объ острые камни. Пять остальныхъ кораблей темноносыхъ, похищенныхъ бурей, Вътеръ могучій и волны ко брегу Еглита примчали. Тамъ Менелай, собпрая сокровищъ и золота много, Странствовалъ между народовъ пного языка, и въ то же Время Эгистъ совершилъ беззаконное дело въ Аргосъ, Смерти предавши Атрида-народъ покорился безмольно, Пелыя семь леть онъ властвоваль въ златообильной Микене Но на осьмой изъ Анинъ возвратился ему на погибель Вогоподобный Оресть; и убійцу сразиль онь, которымъ Выль умерщвлень элоковарно его многославный родитель. Пиръ учредивъ для аргивянъ великій, свершилъ погребенье

Онт и преступницѣ матери вмъсть съ Эгистомъ презръннымъ. Въ самый тотъ день и Атридъ Менелай, вызыватель въ сраженье, Прибыль, богатства собравь, сколь могло въ корабляхь умъститься. Ты же недолго, мой сынъ, въ отдаленьи отъ родины странствуй, Домъ и наслъдье отца блигороднаго бросивъ на жертву Дерзкихъ грабителей, жрущихъ твое безпощадно: расхитятъ Все, и безъ пользы останется путь, совершонный тобою. Но Менелая Атрида (сов'тую, требую) долженъ Ты посътить; онъ недавно въ отечество прибыль изъ чуждыхъ Странъ, отъ людей, отъ которыхъ никто, занесенный однажды Къ нимъ по широкому морю стремительнымъ вітромъ, не могъ бы Живъ возвратиться, откуда и въ годъ долетьть къ намъ не можетъ Выстрая птица-толь страшно великой пучины пространство. Ты же повдешь отсюда иль моремъ со всвии своими, Или, когда пожелаешь, землею: коней съ колесницей Дамъ я, и сына съ тобою пошлю, чтобъ теб'в указалъ онъ Путь въ Лакедемонъ божественный, гдъ Менелай златовласый Царствуеть: можешь ты самъ обо всемъ распросить Менелая: Лжи онъ, конечно, не скажеть, умомъ одаренный великимъ. Кончилъ. Тъмъ временемъ солище померкло и тьма наступила. Къ Нестору слово свое обративия, сказала Аняна: Старедъ, твои разсудительны ръчи, но медлить не станемъ; Должно отръзать теперь языки и царю Посидону Купно съ другими богами виномъ сотворить возліянье: Время подумать о лож покойном и св мпротворномъ: Девь на закатъ угасъ и ужъ болъ не будеть прилично Здёсь намъ сидёть за транезой боговь: удалиться пора намъ. Такъ говорила богиня: почтительно вст ей внимали. Туть для умытія рукъ пмъ служители подали воду: Отроки свътлымъ кратеры до края наполнивъ напиткомъ, Въ чашахъ его разнесли, по обычаю справа начавии; " Вроспвъ въ огонь языки, сотворили они возліянье, Стоя: когда же сотворили его и виномъ насладились, Сколько желала душа, Телемакъ благородный съ Авпной Стали къ ночлегу на свой быстроходный корабль собпраться. Несторъ, гостей удержавши, сказалъ: да отнюдь не позволятъ Въчный Зевесъ и другіе безсмертные боги, чтобъ нынъ Вы для ночлега отсюда ушли на карабль быстроходный! Развъ одеждъ не найдется у насъ? Неужели я нищій? Булто ужъ въ домъ моемъ ни покрововъ, ни мяскихъ постелей Нфтъ, чтобъ и самъ я и гости мои насладились покойнымъ Сномъ? — Но покрововъ и мягкихъ постелей найдется довольно. Можно ль, чтобъ сынъ толь великаго мужа, чтобъ сынъ Одиссеевъ Выбраль себъ корабельную палубу спальней, пока я Живъ и мои сыновья обитають со иной подъ одною Кровлей, чтобъ встхъ, кто пожалуетъ къ намъ, угощать дружелюбно? Дочь свътлоокая Зевса Аонна ему отвъчала: Умное слово сказалъ ты, возлюблееный старецъ, и долженъ Волю исполнить твою Телемакъ: то, конечно, приличнъй. Завсь и оставлю его, чтобъ подъ кровлей твоею, Ночь онт, провелъ. Самому жъ мет на черный корабль возвратиться Лолжно, чтобъ нашихъ людей ободрить и о многомъ сказать имъ: Я паъ сопутниковъ нашихъ старъйшій годами; они же (Вст молодые, ровесники вст Телемаку) по доброй Воль, изъ дружбы его въ корабле проводить согласились;

Воть для чего и хочу я на черный корабль возвратиться. Завтра жъ съ зарею пойти мев къ народу отважныхъ Кавконовъ Нужно, чтобъ тамъ заплатили мніг люди старинный, немалый Долгъ. Телемака же, после того, какъ у васъ погостить онъ, Съ сыномъ своимъ въ колесницъ отправь ты, коней повелъвия Дать имъ проворитишихъ въ бъгъ и сплою самыхъ отличныхъ. Такъ имъ сказавъ, свътлоская Зевсова дочь удалилась, Выстрымъ орломъ улетъвъ; изумился народъ; изумился, Чудо такое своими глазами увидевши, Несторъ. За руку взявъ Телемака, ему дружелюбно сказалъ онъ: Другъ, ты, конечно, и сердцемъ неробокъ и силою крепокъ, Если тебъ молодому такъ явно сопутствують боги. Здась изъ безсмертныхъ, живущихъ въ обителяхъ сватныхъ Олимия, Вылъ не пной кто, какъ Діева славная дочь Тритогена, Столь и отца твоего отличавшая въ сонмъ аргивянъ. Будь благосклонна, боганя, и намъ и великую славу Дай мнв и двтямъ монмъ и супругв моей благонравной; Я же телицу тебъ однольтнюю, лбистую, въ поль Вольно бродящую, съ игомъ еще незнакомую, въ жертву Здёсь принесу, ей рога изукрасивши золотомъ чистымъ. Такъ говорилъ онъ, молясь; и Палладою былъ онъ услышанъ. Кончивъ, пошелъ впереди сыновей и зятьевъ благородныхъ Въ домъ свой богато украшенный Несторъ, герой Геренейскій; Съ Несторомъ въ царскій богато украшенный домъ и другіе Также вступили и сели порядкомъ на креслахъ и стульяхъ. Старецъ тогда для собравшихся кубокъ наполнилъ до края Сватлымъ впномъ, чрезъ одиннадцать латъ паъ амфоры налитымъ Ключницей, снявшей впервые съ завътной амфоры той кровлю. Имъ онъ изъ кубка свое сотворилъ возліянье великой Дочери Зевса эгидодержавца; когда жъ и другіе Всъ, сотворивъ возліянье, виномъ насладились довольно, Каждый къ себъ возвратился, о ложь и сет помышляя. Гостю желая спокойствія, Несторъ, герой Геренейскій, Самъ Телемаку, разумному сыну царя Одиссея, Въ звонкопространномъ поков кровать указалъ прорезную; Легь близь него Пизистрать, копьевержець, мужей предводитель, Бывшій изъ братьевъ одинъ нежеватый въ жилищь отцовомъ, Самъ же, во внутренній царскаго дома покой удаляся, Легь на постелъ, перестланной мягко царицею, Несторъ. Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ; Съ мягкой поднялся постели и Несторъ, герой Геренейскій; Вышедъ изъ спальни, онъ сълъ на обтесанныхъ, гладкихъ, широкихъ Камняхъ, у двери высокой служившихъ съдалищемъ, бълыхъ, Ярко сіявшихъ, какъ-будто помазанныхъ масломъ, на нихъ же Прежде Нелей возседаль, многоуміемь богу подобный; Но ужъ давно былъ уведенъ судьбою въ обитель Аида. Нывъ жъ на камняхъ Нелеевыхъ Несторъ возсилъ, скиптроносный Пъстунъ ахеянъ. Къ нему сыновья собраляся, паъ спаленъ Вышедъ: 9 ефронъ, Персей, Стратібнъ и Аретосъ и юный, Богу подобный красой Фразимедъ; наконецъ, и шестой къ нимъ. Младшій изъ братьевъ, пришелъ Планстрать благородный. И рядомъ Съ Несторомъ състь приглашенъ былъ возлюбленный сынъ Одиссеевъ. Рачь обратиль туть къ собравшимся Несторъ, герой Геренейскій: Милыя дети, мое повеленье исполнить спешите: Паче другихъ преклонить я желаю на милость Анину.

Видимо бывшую съ нами на праздникъ бога великомъ. Въ поле одинъ за теляцей бъги, чтобъ немедленио съ поля Выгналь ее къ намъ пастухъ, за стадами смотрящій; другой же Долженъ на черный корабль Телемаковъ пойти и позвать къ намъ Вевхъ мореходныхъ людей, тамъ оставя лишь двухъ; напоследокъ Третьимъ пусть будетъ немедленно златонскусникъ Лаэркосъ Призванъ, чтобъ золотомъ чистымъ рога изукрасить телицъ. Прочіе жъ всі оставайтесь при мні, повелівши рабынямь Въ домъ устропть объдъ изобильный, разставить порядкомъ Стулья, дрова приготовить и св'втлой воды принести намъ. Такъ онъ сказалъ; всъ заботиться начали: съ поля телицу Скоро пригнали; пришли съ корабля Телемаковы люди, Съ япиъ переплывшіе море; явился и златонскусникъ, Нужный для ковки металловъ принести снарядъ: наковальню, Молоть, клещи драгоцівной отділки и все, чімь обычно, Дъло свое совершалъ онъ; пришла и богиня Аопна Жертву принять. Тутъ художнику Несторъ, коней обуздатель, Золота чистаго даль: оковаль имъ рога онъ телицы, Тщася усердно, чтобъ жертвенный даръ быль угоденъ богинъ. Взяли телицу тогда за рога Стратіднъ и Эхефронъ; Воду имъ руки умыть въ обложенной цвѣтами лахани Вынесь изъ дома Аретось, въ другой же рукт онъ съ ячменемъ Коробъ держалъ; подошелъ Өразимедъ, ратоборецъ могучій, Съ острымъ въ рукъ топоромъ, поразить изготовяся жертву; Чашу подставиль Персей. Туть Несторь, коней обуздатель, Руки умывши, ячменемъ телицу осыпалъ и, бросивъ Шерсти съ ея головы на огонь, помолился Аопиъ; Следомъ за нимъ и другіе съ молитвой телицу ячменемъ Также осыпали. Несторовъ сынъ Оразиметъ многосильный, Мышцы напрягши, удариль, и, въ шею глубоко вонзенный, Жилы топоръ пересъкъ; повалилась телица; вскричали Дочери всъ и невъстки царевы и съ ними царица, Кроткая сердцемъ, Клименова старшая дочь Эврпдика. Тъ же телицу, приниктую къ лону земли путеносной, Подняли-разомъ заръзалъ ее Пизистратъ благородный. Послъ, когда истощилася черная кровь и не стало Жизни въ костяхъ, разложивши на части ее, отдълили Ведра, п сверху ихъ (дважды обвивши, какъ следуетъ, кости Жиромъ) кроваваго мяса кусками покрыли; все выбств Несторъ зажегь на костръ и виномъ оросиль искрометнымъ; Тъ жъ приступили, подставивъ ухваты съ пятью остреями. Бедра сожегши и сладкой утробы вкусивъ, остальное Все разрубили на части и стали на вертелахъ жарить, Острые вертелы тихо въ рукахъ надъ огнемъ обращая. Тою порой Телемакъ Поликастою, дочерью младшей Нестора, быль отведень для омытія въ баню; когда же Дъва его и омыла и чистымъ натерла елеемъ, Легкій надъвши хитонъ и богатой облекшись хламидой, Вышель изъ бани онъ, богу лицомъ лучеварнымъ подобный; Мъсто онъ занялъ близъ Нестора, пастыря многихъ народовъ. Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо, Съли за вкусный объдъ и заботливо начали слуги Въгать, вино наливая въ сосуды влатые; когда же Выль удовольствовань голодь ихъ сладкимъ питьемъ и едою, Несторъ, герой Геренейскій, сказаль сыновьямь благороднымь:

Дати, коней густогривыхъ запрячь въ колесницу немедля Должно, чтобъ могъ Телемакъ по желацію въ путь устремиться. То повелъніе царское было псполнено скоро; Двухъ густогривыхъ коней запрягли въ колесницу: въ нее же Ключница хлібов и вино на запась положила, съ различной Пищей, какая царямъ лишь, питомцамъ Зевеса, прилична. Туть въ колесницу блестящую сталь Телемакъ благородный: Рядомъ съ нимъ Несторовъ сынъ Пизистратъ, предводитель народовъ, Сталъ; натянувши могучей рукою бразды, онъ ударилъ Спльнымъ бичомъ по конямъ, и помчалися быстрые конп Полемъ, п Пилосъ блистательный скоро псчезъ позади ихъ. Цълый день маалися кони, тряся колесинаное дышло. Солнце тамъ временемъ съло и всъ потемнъли дороги. Путники прибыли въ Феру, гдв сынъ Орзилоха, Алфеемъ Свътлымъ рожденнаго, домъ свой пиълъ Діоклесъ благородный; Давъ у себя имъ ночлегъ, Діоклесъ угостилъ ихъ радушно. Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ. Путники, снова въ свою колесницу блестящую ставии, Выстро на ней со двора черезъ портикъ помчалися звонкій, Часто коней погоняя, и кони скакали охотно. Пышныхъ равелеъ, изобильныхъ пшеницей, достигнувъ, они тамъ Кончили путь, совершенный конями могучими быстро: Солице тамъ временемъ съло и всъ потемиъли дороги.

ТЪСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПЪСНИ.

Вечеръ интаго дия и весь шестой день. Телемакъ и Пизистрать, прибывъ въ Лакедемовъ, вступаютъ во дворецъ царя Менелая, который, празднуя свядьбу сына и дочери, приглашаетъ ихъ на семейственный пиръ свой. И овъ и Елева узнаютъ Телемака. Средство, употреоленное Елевою для развеселенія гостей; она и Менелай разсказывають о подвигахъ Одиссея. На другое утро Менелай, по просьбъ Телемака, сообщаетъ ему все то, что самъ слышалъ отъ проридателя Протея о судьбъ вождей ахейскихъ и о заключевіи Одиссея на островъ Калипсо; потомъ овъ убъждаетъ Телемака погостить въсколько времени въ домъ его. Тъмъ временемъ женихи, узнавъ объ отплытіи Телемака, приходять въ ужасъ и замышляють умертвить его на возвратномъ пути. Скорбъ Пенелопы, узнавшей отъ глашатая Медонта о замыслъ ихъ и объ отплытіи сына. Авийа, тронутая молитвами горестной матери, посылаетъ ей ободрительное сновидъніе. Автиной со своей друживой пускается въ море и останавливается близъ острова Астера ждать Телемака.

Въ царственный градъ Лакедемонъ, холмами объятый, прибывши, Къ дому царя Менелая Атрида они обратились.

Пиръ онъ богатый давалъ многочисленнымъ сродникамъ, свадьбу Сына и дочери милыя празднуя въ царскомъ жилищф.

Къ сыну губителей ратей Пелида свою посылалъ онъ Дочь, ужъ давно съ нимъ въ Троянской землф договоръ заключивши Выдать ее за него, и теперь сочетали ихъ боги;

Много ей давъ колесницъ и коней, молодую невфсту Въ градъ Мирмидонскій, гдф царствовалъ свфтлый женихъ, снарядилъ онъ. Въ Спартф же дочь онъ Алектора выбралъ невфстой для сына. Крфикаго силой, плфиявшаго юной красой, Мегапенда.

Пумно пируя въ богато украшенныхъ царскихъ палатахъ, Сродники всф и друзья Менелая, великаго славой, Полны веселія были: на лирф пфвецъ вдохновенный Громко звучалъ передъ ними, и два прыгуна, соглашая

Съ звонкою лирой прыжки, посреди ихъ проворно скакали, Тою порой Телемакъ благородный съ младымъ Пизистратомъ, Къ царскому дому прибывъ, на дворъ паъ своей колеснины Вышли: имъ встрътился прежде другихъ Этеонъ многочтимый. Спальникъ проворный царя Менелая, великаго славой. Съ въстью о нихъ по дворцу побъжаль онъ къ владыкъ Атриду: Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово: Царь Менелай, благородный пятомецъ Зевеса, два гостя Прибыли, два пноземца, конечно, изъ племени Дія. Что повелишь намъ? Отпрячь ли ихъ быстрыхъ коней? Отказать ли Имъ, чтобъ они у другихъ для себя угощенья искали? Съ гибвомъ великимъ ему отвъчалъ Менелай златовласый: Ты, Этеонъ, сынъ Воэтовъ, еще никогда малоуменъ Не быль, теперь же безсмысленно сталь говорять, какъ младенець: Сами не разъ испытавъ гостелюбіе въ странствін нашемъ, Мы напоследокъ покопися дома, и Дій да положить Бълствіямъ нашимъ конецъ. Огирягите коней ихъ: самихъ же Странниковъ къ намъ пригласить на семейственный пиръ нашъ обопъъ. Такъ говорилъ Менелай, Этеонъ побъжалъ, за собою Следовать многимъ изъ царскихъ проворныхъ рабовъ повелевши. Иго съ ретивыхъ коней, опененное потомъ, сложили; Къ яслямъ, въ царевой конюшя голодныхъ коней привязали: Въ ясли же полбы насыпали, смѣшанной съ яркимъ ячменемъ; Въ свътлой наружной стънъ прислонили потомъ колесницу. Странники были въ высокій дворецъ введены; озпраясь, Дому любезнаго Зевсу царя удивлялися оба: Все лучезарно, какъ на небъ свътлое солнце иль мъсяцъ, Было въ палатахъ царя Менелая, великаго славой. Очи свои, наконецъ, удовольствовавъ сладостнымъ зръньемъ, Начали въ гладкихъ купальняхъ они омываться; когда же Ихъ и омыла и чистымъ елеемъ натерла рабыня, Въ топкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантіи, оба Рядомъ они съ Менелаемъ властителемъ съли на стульяхъ. Тутъ поднесла на лахани серебряной руки умыть имъ Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня: Гладкій потомъ пододвинулся столь; на него положила Хлѣбъ домовитая ключинца съ разнымъ съфстнымъ, изъ запаса Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, поднявъ ихъ высоко, Мяса различнаго кравчій принесь и, его предложивь имъ, Кубки златые на браномъ столъ передъ ними поставилъ. Сделавъ рукою приветствіе, светлый сказаль пив хозяннь: Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же Свой утолите вы голодъ, спрошу я, какіе вы люди? Въ васъ не увяла, я вижу, порода родителей вашихъ; Оба, конечно, вы дъти царей, порожденныхъ Зевесомъ, Скиптродержавныхъ; подобные вамъ не отъ низкихъ родятся. Туть онь имъ подаль бычатины жареный кусь, изъ почетной Собственной части его отдъливши своею рукою. Подняли руки они къ предложенной имъ пищф и голодъ Свой утолили роскошной фдой и питьемъ изобильнымъ. Голову къ спутнику тутъ преклонивъ, чтобъ подслушать другіе Рѣчи его не могли, прошепталъ Телемакъ осторожно: Несторовъ сыпъ, мой возлюбленный другъ, Пизистратъ благородный, Видишь, какъ много здесь меди сінющихъ въ звонкихъ покояхъ; Влещеть все златомъ, сребромъ, янтарями, слоновою костью;

Зевсь лишь одинъ на Олгинъ им веть такую обитель: Что за богатство! какъ много всего! съ изумлень мъ смотрю я. Вслушался въ тихую рѣчь Телемака Атридъ злат власый; Голосъ возвысивъ, обоимъ онъ бросилъ крылатое слово: Дети, намъ смертнымъ не можно равняться съ Владыкою Зевсемъ, Ибо и домъ и сокровища Зевса, какъ самъ овъ, нетленны; Люди жъ иные поспорять богатствомъ со мной, а иные Нътъ; претериъвши не мало, не мало скитавнись, добра я Много привезь въ корабляхъ, возвратясь на осьмой годъ въ отчизну, Видель я Кипръ, посетилъ финикіянъ, достигнувъ Египта, Къ червымъ проникъ зејопамъ, гостилъ у сидонявъ, эрембовъ; Въ Ливін быль, наконець, гдв рогатыми агицы родятся; Въ той сторонъ и полей господинъ и пастухъ недостатка Въ сыръ и мясъ и жирногустомъ молокъ не имъютъ. Круглый тамъ годъ изобильно бывають доимы коровы. Той же порой, какъ въ далекихъ земляхъ я сбирая богатства, Странствоваль, милый въ отечествъ брать мой погнов оть убійцы Тайно, никъмъ непредвидънно, хитрымъ предательствомъ женскимъ. Съ техъ поръ и все ужъ мои мне сокровища стали постылы. Но объ этомъ, кто бъ ни были вы, ужъ, конечно, отцы вамъ Все разсказали... О! горестно было мит эртть истребленье Дома, толь свътлаго прежде, толь славнаго многимъ богатствомъ! Радъ бы остаться и съ третью того, чемъ владею, лишь только бъ Выли ть мужи на свъть, которые въ Тров пространной Кончили жизнь, далеко оть Аргоса, питателя коней. Часто, ихъ всёхъ помпная, о нихъ сокрушаясь и плача, Здівсь я сижу одиноко подъ кровлей домашней; порою Горемъ о нихъ услаждаю я сердце, порой забываю Горе, понеже насъ скоро холодная скорбь утомляеть. Но сколь не сътую въ сердцъ своемъ я, ихъ всъхъ поминая, Мысль объ одномъ наиболфе губить мой сонъ и лишаетъ Пищи меня, поелику никто изъ ахелиъ столь много Въдствій не встрътиль, какь царь Одиссей; на труды и печали Выль онь рождень: на мою же досталося часть: сокрушаться, Видя, какъ долго отсутствие длится его; мы не знаемъ, Живъ ли онъ, умеръ ли; плачеть о немъ безутъшный родитель Старецъ Лаэртъ, съ Пенелопой разумной, съ младымъ Телемакомъ, Бывшимъ еще въ пеленахъ при его удалены изъ дома. Такъ онъ сказавъ, неумышленно скорбь пробудилъ въ Телемакъ. Крупная пала съ ръсвицы сыновней слеза при отцовомъ Имени; въ объ схвативши пурпурную мантію руки, Ею глаза овъ закрыль; то увидя, Атридъ догадался; Долго, разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не зналъ онъ, что дълать; Ждать ли, чтобъ самъ говорить о родитель юноша началь, Или вопросами вывъдать все отъ него понемногу? Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, молчалъ онъ, Къ нимъ изъ своихъ благовонныхъ, высокихъ покоевъ Елена Вышла, подобная свётлой съ копьемъ золотымъ Артемидъ. Кресла богатой работы подвинула състь ей Адреста; Мягкій коверъ шерстяной положила ей въ ноги Алкиппа; Фило пришла съ драгоцънной корзиной серебряной, даромъ Умной Алкандры, супруги Полиба, въ египетскихъ Онвахъ Жившаго, много сокровищь имбя въ обители пышной. Двь сребролитныя даль онь Атриду купальни и съ ними Два троеножных сосуда и золотомъ десять талантовъ;

Также парицѣ Еленѣ супруга его подарила Прядку здатую съ корзиной овальной; была та корзина Вся изъ сребра, но края золотые; и эту корзина Фяло, пришедши, поставила подлѣ царицы Елены, Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прядка Съ шерстью волнистой, пурпурнаго цвъта. На креслахъ Елена Сѣла, прекрасныя ноги свои на скамью протянувши. Съвъ, съ любопытствомъ она у царя Менелая спросила: Могъ ли узнать ты, Атридъ благородный, питомецъ Зевеса, Кто иноземные гости, нашъ домъ посътившіе нынь? Я же скажу - справедливо ли, итътъ ли, не знаю -- но сердце Нудить сказать, что еще никогда (съ изумленьемъ смотрю я) Мат ни въ жент не случалось, ни въ мужт подобнаго встрътить Сходства, какое нашъ гость съ Телемакомъ, царя Одиссея Сыномъ, пмъстъ: младенцемъ его Одиссей благородный Дома оставиль, когда за меня недостойную всв вы, Мужи ахейскіе, въ Трою пошли истребительной ратью. Царь Менелай отвъчаль благородной царицъ Еленъ: Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливымъ, Дивное сходство! Такія же ноги, такія же руки, То же въ глазахъ выраженіе, та жъ голова и такіе жъ Кудри густые на ней; а когда, помянувъ Одиссея, Сталь говорить и о объдствіяхъ, имъ за меня претеривнныхъ, Пала съ рфсиицы его, я замътилъ, слеза, и, схативши Въ объ пурпурную мантію руки, онъ ею закрылся. Туть Пизистрать благородный сказаль Менелаю Атриду: Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ. Спутникъ мой подлинно сынъ Одиссеевъ, какъ думаешь самъ ты; Но, осторожный и скромный, онъ мнить, что ему неприлично, Васъ посътивши впервые, себя выставлять въ разговоръ Сивломъ съ тобою, плиняющемъ вскув насъ божественной ричью. Старецъ родитель мой Несторъ его повельль въ Лакедемонъ Мять проводить: у тебя жъ онъ затьять, чтобъ ему благосклонно Дать наставление ты соизволиль: что делать? Не мало. Горя бываеть въ родительскомъ дом'в для сына, когда онъ Розно съ отцомъ, не имън друзей спротствуетъ, какъ нынъ Сынъ Одиссеевъ; отецъ благородный далеко; въ народъ жъ Нътъ никого, кто бъ ему отъ гоненій помогъ защититься. Царь Менелай отв'вчая, сказалъ Пизистрату младому: Боги! Такъ подлинно сынъ несказанно миз милаго друга, Столько тревогь за меня претериввшаго, домъ посвтиль мой. Я жъ самого Одиссея отличнъе прочихъ ахеянъ Встрътить надеждой ласкался, когда бъ въ корабляхъ быстроходныхъ Путь намъ домой по волнамъ отворилъ громовержедъ Кроніонъ: Градъ бы въ Аргосъ ему я построилъ съ дворцомъ для жилища; Взяль бы его самого изъ Итаки съ богатствами, съ сыномъ, Съ цълымъ народомъ; и область для нихъ бы очистилъ моими Влизко людьми населенную, мой признающую скипетръ; Часто видались тогда бы, сосъдствуя, мы, и ничто бы Насъ разлучить не могло, веселящихся, дружныхъ, до злого Часа, въ который бы скрыло насъ черное облако смерти. Но столь великаго блага намъ дать не хотълъ непреклонный Вогь, запретившій ему, несчастливцу, возврать вождельный. Такъ говоря, неумышленно всъхъ Менелай опечалиль; Громко Елена аргивская, Діева дочь, зарыдала;

Сынъ Одиссеевъ зацлакаль, и съ ними Атридъ прослезился; Плача не могъ удержать и младой Пизистрать: онъ о брать Вспомниль, о брать своемъ Антилохъ прекрасномъ, который Былъ умерщвленъ лучезарной Денницы возлюбленнымъ сыномъ. Вспомнивъ о брать, Атриду онъ бросилъ крылатое слово: Подлинно, царь Менелай, ты разумнъе всъхъ земнородныхъ. Такъ говоритъ и отецъ престарълый нашъ Несторъ, когда мы Дома въ семейныхъ бестдахъ своихъ о тебт вспомпнаемъ. Нывъ жъ послушайся, царь многоумный, меня; не люблю и Слезъ за вечерней трапезою -- скоро подымется Эосъ, Въ равнемъ тумавъ рожденная. Мнь же отнюдь непротивенъ Плачь о возлюбленныхъ мертамхъ, постягнутыхъ общей судьбиной: Намъ, земнороднымъ страдальцамъ, одна здъсь надежная почесть: Слезы съ данитъ и отръзанный локонъ волосъ на могилъ. Брата угратиль и я; не последній межь бранных аргивянь Выль овъ; его ты, конечно, видаль; а со мной никогда здъсь Онъ не встрачался; его и не зналь; но отъ всехъ быль отличень, Слышали мы, онъ и легкостью ногь и отважностью въ битвахъ. Царь Менелай златовласый отвітствоваль такъ Пизисграту: Другъ, основательно то, что сказалъ ты; одинъ лишь разумный Мужъ и годами старъйшій тебя говорать такъ способень. Вижу изъ словъ я твоихъ, что отца своего ты достойный Сынъ; безъ труда познается порода мужей, для которыхъ Счастье и въ бракъ и въ племени ихъ уготоваль Кроніонъ; Такъ постоявно и Нестору онъ золотые свиваетъ Годы, чтобъ весело въ дом' своемь онъ стар'яль, окруженный Бодрой семьей сывовей, п разумныхъ и съ коньями первыхъ. Мы же, цечаль отложивъ и отерши пролитыя слезы, Снова начнемъ ппровать; для умытія рукъ подадуть намъ Свътлой воды, а на угро опять разговоръ съ Телемакомъ Я заведу, и окончимъ мы завтра начатое нынъ. Такъ онъ сказаль, и умыться имъ подаль воды Асфалсонъ, Спальникъ проворный царя Менелая, великаго славой. Подняли руки они къ предложенной имъ лакомой ппицъ. Умная мысль пробудилась тогда въ благородной Еленъ: Въ чаши она круговыя подлить вознамърилась соку, Гореусладнаго, миротворящаго, сердцу забвенье Въдствій дающаго; тотъ, кто вина выпивалъ, съ благотворнымъ Слитаго сокомъ, былъ веселъ весь день и не могъ бы заплакать, Если бъ и мать и отца неожиданной смертью утратилъ, Если бъ нечаянно брата лишился иль милаго сына, Вдругъ предъ очами его пораженнаго бранною мѣдые. Діева світлая дочь обладала тімь сокомь чудеснымь; Щедро въ Египтъ ее Полидамна, супруга Ооона, Имъ надълила; земля тамъ богатообильная много Злаковъ рождаетъ, и добрыхъ цълебныхъ и злыхъ ядовитыхъ; Каждый въ народъ тамъ врачь, превышающій знаньемъ глубокимъ Прочихъ людей, поелику тамъ всѣ изъ Пеанова рода. Соку въ вино подмътавъ и вино разнести повелъвши, Стала царица Елена беседовать снова съ гостями: Нарь Менелай благородный, питомецъ Зевеса, и всѣ вы, Дети отцовъ знаменитыхъ, различное людимъ различнымъ, Злое и доброе Дій посылаеть, все Дію возможно. Радуйтесь нывѣ, спдя за трапезой вечерней и сладкимъ Сердце свое веселя разговоромъ: а я о бываломъ

Вамъ разскажу-хоть всего разсказать и припомнить нельзя мнъ Какъ Одиссей, непреклонный въ бъдахъ, подвизался и что онъ, Дерзкорфиятельный мужъ, наконецъ, предпріялъ и исполнилъ Въ крат Троянскомъ, гдт много вы бъдъ претеритли, ахейцы. Тело свое безпощадно изсекии бичомъ недостойнымъ. Рубищемъ бъднымъ покрывши плеча, какъ цевольникъ, вощелъ онъ Въ полный сіяющихъ улицъ народа враждебнаго городъ; Образъ принявши чужой, онъ въ разодранномъ плать в казался Нищимъ, какимъ никогда межъ ахеянъ его не видали. Такъ посреди онъ троянъ укрывался; безъ смысла, какъ дъти, Были они; я одна догадалася, кто онъ: вопросы Стала ему предлагать я-онъ хитро отъ нихъ уклонился; Но когда, и омывши его и натерши елеемъ, Платье на плечи ему возложила я съ клятвой великой: Тайны его накому не открыть въ Иліов'є враждебномъ Прежде его возвращенія въ станъ къ кораблямъ крутобокимъ, --Все мнъ о замыслъ хитромъ ахеянъ тогда разсказалъ онъ, Многихъ троянъ длинноострою медью меча умертвивши, Выпіздаль въ городів все онъ и въ станъ невредимъ возвратился: Многія вдовы троянскія громко рыдали, въ моемъ же Сердц'я веселіе было: давно ужъ стремилось въ родную Землю ово, и давно я скоробла, впиой Афродиты Вольно ушедшая въ Трою изъ милаго края отчизны, Гдъ я покинула брачное ложе, и дочь, и супруга, Столь одареннаго свътлымъ умомъ и лица красотою. Царь Менелай отв'вчалъ благородной цариц'в Елен'в: Истина то, что, жена, разсказала ты намъ о бываломъ; Случай имфлъ я узнать помышленья, поступки и нравы Многихъ людей благородныхъ и много земель посттилъ я, Но никогда и нигдъ миъ досель человъкъ, Одиссею, Твердому въ бъдствіяхъ мужу, подобный еще не встръчался. Вотъ что, могучій, онъ тамъ, наконецъ, предпріяль и псполниль, Въ чревъ глубокомъ коня (гдъ ахейцы избранные были Скрыты) погибельный ковъ и убійство врагамъ приготовивъ; Къ намъ ты тогда подошла – по внушению злому, конечно, Демона, дать замышлявшаго славу враждебнымъ троянамъ-Веледъ за тобою туда же пришелъ Денфобъ благородный; Трижды громаду ты съ нимъ обошла и, отвеюду ощупавъ Ребра ея, начала вызывать поименно аргивянъ, Голосу нашихъ возлюбленныхъ женъ подражая искусно. Мит жъ съ Діомедомъ и съ бодрымъ царемъ Одиссеемъ, сокрытымъ Въ темной утробъ громады, знакомые слышались звуки. Вдругь пробудилось желанье во мнв и въ Тидеевомъ сынв Выйти наружу иль громко тебф изнутри отозваться; Но Одиссей опрометчивыхъ насъ удержалъ; остальные жъ, Въ чревъ коня притаяся, глубоко молчали ахейцы. Только одинъ Антиклесъ на призывъ твой подать порывался Голосъ: но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши Роть безразсудному, темъ отъ погибели всёхъ насъ избавиль; Съ нимъ онъ боролся, пока не ушла ты по волѣ Авины. Туть Менелаю сказаль разсудительный сынь Одиссеевъ: Царь благородный Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ, Вдвое прискорбити, что онъ не избъть оть губящаго рока; Было ли въ пользу ему, что имъть онъ желъзное сердце?... Время, однако, ужъ намъ о постеляхъ подумать, чтобъ сладко

Въ совъ погрузившись, на нихъ услоконть усталые члены. Такъ онъ сказалъ, и Елена велела немедля рабынямъ Въ съняхъ кровати поставить, постлать тюфяки на кровати, Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же Мягкимъ покровомъ для тела косматыя мантін бросить. Факелы взявин, ношли изъ столовой рабыни: когда же Все приготовлено было гостямъ, проводилъ ихъ глашатай; Въ съняхъ легли на постеляхъ и скоро покойно заснули Сынъ Одиссеевъ и спутникъ его Инзистратъ благородный. Скоро во внутренней спальнъ заснулъ и Атридъ златовласый, Подл'в царицы Елены, покрытой одеждою длинной. Встала изъ мрака малдая съ перстами пурпурными Эосъ; Ложе покинуль и царь Менелай, вызыватель въ сраженье; Платье вадъвъ, изощренный свой мечь на илечо онъ повъсплъ: Посль, подошвы красивыя къ свътлымъ ногамъ привязавши, Вышель изъ спальни, лицомъ лучезарному богу подобный. Съвъ къ Телемаку, его онъ поздравствовалъ; послъ спросилъ онъ: Что побудило тебя по хребту безпредъльнаго моря Въ царственный градъ Лакедемонъ прибыть, Телемакъ благородный? Нужда какая? Своя иль народная? Правду скажи мнв. Сынъ Одиссеевъ возлюбленный такъ отвъчалъ Менелаю: Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ, Здъсь я затъмъ, чтобъ узнать отъ тебя о судьбъ Одиссея. Гибнеть мое достоянье, мон разоряются земли, Домъ мой во власти грабителей жадныхъ, безжалостно быющихъ Мелкій нашъ скоть и быковъ криворогихъ и медленноходныхъ; Мать Пенелопу они сватовствомъ неотступнымъ терзаютъ. Я же кольна твои обнимаю, чтобъ ты благосклонно Участь отца моего миж открыль, объявивъ, что своими Видель глагами иль что отъ какого случайно услышалъ Странвика. Матерью быль онь рождень на бъды и на горе. Ты же, меня не щадя и изъ жалости словъ не смягчая, Все разскажи мив подробно, чему ты быль самъ очевидецъ. Если же чемъ для тебя мой отецъ Одиссей благородный, Словомъ ли, дъломъ ли, могъ быть полезенъ въ тъ дни, какъ съ тобою -Въ Тров онь быль, гдв столь много вы бъдъ претеривли, ахейцы,-Вспомии объ этомъ теперь и поистинъ все разскажи миъ. Съ гивномъ великимъ воскликиулъ Атридъ Менелай златовласый: О безразсудные! мужа могучаго домъ многославный, Сами безсильные, мыслять они захватить произвольно! Если бы въ темномъ лъсу у великаго льва въ логовищъ Лань однодневныхъ, сосущихъ птенцовъ положила, сама же Стала бъ по горнымъ лъсамъ, по глубокимъ, травою обильнымъ Доламъ бродить, и обратно бы левъ прибъжалъ въ логовище -Разомъ бы страшная участь птенцовъ безпомощныхъ постигла; Страшная участь постигнеть и ихъ отъ руки Одиссея. Если бъ, о Дій громоверженъ! о Фебъ Аполлонъ! о Авина! Въ видъ такомъ, какъ въ Лезбосъ, обильно людьии населенномъ — Гдь, съ сплачомъ Филомиледомъ выступивъ въ бой рукопашный, Онъ опрокинулъ врага на великую радость ахейдамъ-Если бы въ видъ такомъ женихимъ Одиссей вдругь явился, Сдълался бъ бракъ имъ, судьбой неизбъжной постигнутымъ, горекъ. То же, о чемъ ты, меня вопрошая, услышать желаешь, я разскажу откровенно и иною обмануть не будещь; что самому возвъстияъ мив морской провицательный старецъ,

То и тебъ и открою, чтобъ могъ ты всю истину въдать. Все еще боги въ отечество милое мив изъ Египта Путь заграждали: объщанной и не свершилъ экатомбы: Воги же требують строго, чтобъ были мы върны обътамъ. На мор'в шумно-широкомъ находится островъ, лежащій Противъ Египта; его именуютъ тамъ жители Фаросъ; Онъ отъ бреговъ на такомъ разстояны, какое удобно Въ день съ благовъющимъ вътромъ попутнымъ корабль пробъгаель. Пристань находится вірная тамъ, и съ которой большія Въ море выходять суда, запасенныя темной водою. Лвадцать тамъ дней и промедлиль по воль боговъ, и ни разу Съ берега мив не подулъ благосклонный отплытію вътеръ. Спутникъ желанный пловцамъ по хребту многоводнаго моря, Мы ужъ истратили всв путевые запасы, и люди Бодрость теряли, какъ, сжалясь надъ нами, спасла насъ богиня, Хитраго старца морского цвътущая дочь Идовея. Сердцемъ она преклонилась ко миъ, повстръчавшись со мною. Шедшимъ печально стезей одинокой, товарищей бросивъ; Розно бродили они по зыбучему взиорью и рыбу Остросогбенными крючьями удили-голодъ терзалъ изъ. Съ ласковымъ видомъ ко мий подошедши, сказала богиня: Что же ты, странникъ? Дитя ль неразумное? Сердцемъ ли робокъ? Лень ли тобой овладела? Иль самъ ты своимъ веселишься Горемъ, что долго такъ медлишь на островъ нашемъ, не зная, Что предпринять и сопутниковъ всехъ повергая въ унылость? Такъ говорила богиня, и такъ, отвъчая, сказалъ я: Кто бъ ни была ты, богиня, всю правду тебъ я открою: Нехоти здъсь и въ бездъйствін медлю: быть-можетъ, нанесъ я Чтить оскороленые богамы, безпредъльнаго неба владыкамы. Ты же скажи мит (все въдать должны вы, могучіе боги), Кто изъ безсмертныхъ, меня оковавъ, запретилъ мив возвратный -Путь по хребту многоводнаго, рыбообильнаго моря? Такъ вопросплъ я, и такъ отвъчая, сказала богиня Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты всю истину въдать; Здесь пребываеть издавна морской проницательный старець, Равный безсмертнымъ Протей, египтянинъ, извъдавшій моря Всь глубины и царя Посидона державь подвластный; Онъ, говорять, мой отець, отъ котораго и родилася. Если бъ какое ты средство нашель овладъть имъ внезапно, Все оъ онъ открылъ: и дорогу, и дологъ ли путь, и усившно ль Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься? Если жъ захочешь, божественный, скажеть тебъ и о томъ онъ. Что у тебя и худого и добраго дома случилось Съ тъхъ поръ, какъ странствуеть ты по морямъ безприотно-пустыннымъ. Такъ говорила богиня, и такъ, отвъчая, сказалъ и: Насъ ты сама научи овладъть хитромысленивых старцемъ Такъ, чтобы не могъ напередъ опъ нам'вренье наше проникнуть: Трудно весьма одольть человьку могучаго бога. Такъ говорилъ я, и такъ, отвычая, сказала богиня: Трудно весьма одольть человьку могучаго бога. Все объявлю откровенно, чтобъ могь ты всю истину въдать; Здівсь ежедневно, лишь Геліось неба пройдеть половину, Въ въявы вътра, съ великимъ волнениемъ темныя влаги, Водъ глубину покидаетъ морской проницательный старецъ; Вышедъ изъ волнъ, отдыхать онъ ложится въ пещеръ слубокой; Вкруга тюлени хвостоногіе, діти младой Алозидиы

Стаей ложатся, и спять, и, покрытые тиной соленой. Смрадъ отвратительный моря на всю разливають окрестность. Только что явится Эось, я мъсто найду, гдъ удобно Спрячешься ты посреди тюленей; но товарищамъ сильнымъ Тремъ повели за собою притти съ кораблей кругобокихъ. Я же тебъ разскажу о волшебствахъ коварнаго старца: Прежде всего тюленей онъ считать и осматривать станеть: Ихъ осмотрѣвъ и сочтя по ияти, напослѣдокъ и самъ онъ Ляжеть межь ними, какъ пастырь межь стада, и въ сонъ погрузится. Вы же, увидя, что легъ и что въ сонъ погрузился онъ, силы Всъ соберите и имъ овладъйте: жестоко начнетъ овъ Виться и рваться—изъ рукъ вы его не пускайте: тогда овъ Разные виды начнеть принимать и являться вамъ станетъ Всемъ, что ползеть по земле, и водою, и пламенемъ жгучниъ; Вы жъ, не робъя, тъмъ кръпче его, тъмъ сильиве держите. Но, какъ скоро тебъ человъческий голосъ подасть онъ, Снова принявши тоть образъ, въ какомъ онъ заснулъ-вы немедля Вросьте его; и тогда благородному старцу свободу Давши, спроси ты какой изъ боговъ раздраженъ и успъшно ль Рыбообильного моря путемъ ты домой возвратишься? Кончивъ, она погрузилась въ морское глубокое лоно. Я же пошель къ кораблямъ, на пескъ неподвижно стоявшимъ, Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный; Къ морю пришелъ и къ мониъ кораблямъ, на вечернюю пищу Собралъ людей я; божеотвенно темная ночь наступила; Всь мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегь. Встала изъ мрака младая съ перстами багряными Эосъ; Вдоль по отлогому влажно-песчаному брегу, съ молитвой Прежде колѣна склонивъ предъ богами, пошелъ я; со мною Были три спутника сильныхъ, на всякое дело отважныхъ. Тою порой, погрузившись въ глубокое море, четыре Кожи тюлены изъ водъ принесла намъ богиня; недавно Содраны были онъ. Чтобъ отца обмануть, на песчаномъ Берегь ямы она притовила намъ и сидъла, Насъ ожидая. Немедля всв четверо къ ней подошли мы. Въ ямы уклавши и кожами сверху покрывъ насъ, богиня Тамъ повелела намъ ждать, притаясь; нестерпимо насъ мучилъ Смрадъ тюленей, напитавшихся горечью влаги соленой — Сносно ль межъ чудами моря живому лежать человъку? Но Идовея бъдъ помогла и страдание наше Кончила, ноздри амврозіей намъ благовонной помазавъ: Выль во мгновеніе запахъ чудовищь морскихъ уничтожень. Иблое утро съ мучительной мы пролежали тоскою. Стаею вышли изъ водъ, наконецъ, тюлени и рядами Пругъ подлъ друга вдоль шумнаго берега всъ улеглися Въ полдень же съ моря поднялся и старецъ. Своихъ тюленей онъ ЗКирныхъ увидя, пошелъ къ нимъ и началъ считать ихъ и первыхъ Счелъ межъ своими подводными чудами насъ, не проникнувъ Тайнаго кова: и самъ напоследокъ межъ пими улегся. Кинувшись съ крикомъ на соннаго, сильной рукою всё вмёстё Мы обхватили его; но старикъ не забылъ чародъйства: Вдругъ онъ въ свирвиаго съ гривой огромною льва обратился; Посл'в предсталъ намъ дракономъ, пантерою, вепремъ великимъ Быстротекучей водою и деревомъ густовершиннымъ; мы, не робъя, тъмъ кръпче его, тъмъ упорнъй держали.

Онъ напоследокъ, увидя, что все чародейства напрасны, Сделался тихъ и ко мнф, наконецъ, обратился съ вопросомъ: Кто пзъ безмертныхъ тебф указалъ, Менелай благородный, Средство обманомъ меня пересилить? Чего ты желаешь? Такъ онъ спросилъ у меня, и, ему отвъчая, сказалъ я: Старецъ, тебъ ужъ извъстно (зачъмъ притворяться?), что медлю Здъсь я давно поневолъ, не зная, на что мнъ ръшиться, Сердцемъ тревожась и спутниковъ всъхъ повергая въ унылость. Лучте скажи мив (все въдать должны вы, могуче боги), Кто изъ безсмертныхъ, меня оковавъ, запретилъ мнф возвратный Путь по хребту многоводнаго, рыбообпльнаго моря? Такъ у него я спросилъ, и, отвътствуя, такъ миъ сказалъ онъ: Долженъ бы Зевсу владыкъ и прочимъ богамъ экатомбу Ты, съ кораблями пускаяся въ путь, совершить, чтобъ скорве, Темное море измфривъ, въ отчизну свою возвратиться. Знай, что тебъ суждено не видать ни возлюбленныхъ ближнихъ Въ свътломъ жилищъ своемъ, ни желаннаго края отчизны Прежде, пока ты къ бъгущему съ неба потоку Египту Вновь не придешь и объщанной тамъ не свершишь экатомбы Зевсу и прочимъ богамъ, безпредъльнаго неба владыкамъ. Иначе боги увидъть отчизну тебъ не дозволять. Такъ онъ сказалъ, и во мнъ растерзалося милое сердце: Было миж страшно, предавшись тревогамъ туманнаго моря, Вновь продолжительнотруднымъ путемъ возвращаться въ Егппетъ. Такъ напоследокъ, ответствуя, хитрому старцу сказалъ я: Что повельль ты, божественный старець, то все я исполню; Ты же теперь объяви, ничего отъ меня не скрывая: Вст ль въ корабляхъ невредимо ахейцы, съ которыми въ Троф Мы разлучилися, Несторъ и я, возвратились въ отчизну? Кто злополучный изъ нихъ на дороги погибъ съ кораблями? Кто на рукахъ у друзей, перенесши тревоги, скончался? Такъ я спросилъ у него, и, отвътствуя, такъ мив сказалъ онъ: Царь Менелай! не къ добру ты меня вопрошаеть, и лучте бъ Было тебъ и не знать и меня не разспрашивать: горько Плакать ты будень, когда обо всемъ разкажу я подробно. Многихъ ужъ нътъ: но и живы осталися многіе; двумъ лишь Только вождямъ м'еднолатныхъ аргивянъ домой возвратиться Смерть запретила (кто палъ на сраженыя, то въдаешь самъ ты); Третій живой средь пустыннаго моря въ невол'я крушится. Съ длинновесельными въ бурю морскую погибъ кораблями Сынъ Оплеевъ Аяксъ; Посидонъ ихъ къ великой Гирейской Вросиль скаль; самого же Аякса изъ водъ онъ исторгнуль; Спасся бъ отъ гибели онъ вопреки раздраженной Аопнъ, Если бъ въ безумствъ изречь пе дерзнулъ святотатнаго слова: Онъ похвалился, что противъ боговъ избъжитъ потопленья. Дерзкое слово царемъ Посидопомъ услышано было; Сильной рукой онъ во гивы схватиль свой ужасный трезубець. Имъ по Гирейской ударилъ скаль, и скала раздвоилась; Часть устояла; кусками разсыпавшись, въ море другая Рухнула вместе съ сидевшимъ на ней святотатнымъ Аяксомъ; Съ нею п овъ погрузился въ широкошумящее море; Такъ онъ погибъ, злополучный, упившись соленою влагей. Вратъ твой сначала судьбы избъжалъ: невредимо ко брегу Онъ съ кораблями достигъ, сохраненный владычицей Ирой. Но тогда, какъ въ виду неприступныхъ утесовъ Маллен

Вылъ онъ, внезапно воздвигнулась буря и рыбообильнымъ Моремъ его, воліющаго жалобно, къ крайнимъ предъламъ Области бросило той, гдв Ојесть обиталь, и гдв послв Парское было жилище віестова сына Эгиста. Скоро, однако, опять успокоплось море, и боги Вътеръ попутный имъ дали: въ отечество ихъ проводиль овъ. Радостно вождь Агамемнонъ ступиль на родительскій берегь. Сталь целовать онъ отечество милое; снова увидя Землю желанную, пролиль обильно онъ теплыя слезы, Но падалека съ подзорной стоянки увидель Атрида Сторожъ Эгистомъ поставленный (злое замысля, ему онъ Дать объщаль два таланта); я тамъ наблюдаль онъ ужъ целый Годъ, чтобъ Атридъ не засталъ ихъ врасплохъ, возвратяся незаино. Съ въстью о немъ роковой побъжаль онъ въ жилище Эгиста. Ковъ смертовосный тогда хитроумный Эгистъ приготовиль: Двадцать отважныхъ мужей изъ народа немедля онъ выбравъ, Скрыдъ ихъ близъ дома, гдв былъ приготовленъ объдъ изобильный; Взявъ колесиины съ конями, къ царю онъ Атриду навстръчу Съ ласковымъ зовомъ пошель, замышляя недоброе въ сердцъ; Введти его, подозржнію чуждаго, въ домъ, на веселомъ Парть его онъ убиль, какъ быка убивають при исляхъ; Люди, съ Атридомъ пришедшіе, всь до единаго пали, Но и Эгистовы съ ними сообщинки также погибли, Такъ онъ сказалъ, и во мнъ растерзалося милое сердие: Горько заплакавъ, упалъ я на землю; мяв стала прогивна ЗКизнь, и на солнечный свъть поглядъть не хотъль и, и долго Плакалъ, и долго лежалъ на земль, безутыпно рыдая. Ио напоследовъ сказалъ мне морской проницательный старецъ: Парь Менелай, сокрушать толь жестоко себя ты не должень; Слезы твои ничему не помогуть; а лучше подумай, Какъ бы тебъ самому возвратиться скоръе въ отчизну Или застанены его ты живого, иль будеть Орестомъ Онъ ужъ убитъ; ты тогда подоспъешь къ его погребенью. Такъ овъ сказалъ, ободрился мой духъ, и могучее снова Сердце мое, несмотри на великую скорбь, оживплось. Голосъ возвысявъ, я бросилъ Протею прылатое слово: Знаю теперь о двонхъ; объяви же, кто третій, который, Моремъ объятый, живой, говоришь ты, въ неволъ крушится? Или ужъ нетъ и его? Сколь ни горько, но слушать готовъ и. Такъ я Протея соросиять, и, ответствуя, такъ мин сказаль онъ: Это Ларрговъ божественный сынъ, обладатель Итаки. Видель его я на острове, льющаго слезы обильно Въ свътломъ жилищъ Калппсы, богини богинь, произвольно Имъ овладъвшей, и путь для него уничтоженъ возвратный: Нать ворабля, на людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря. Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное: Ты не умрешь и не встрътишь судьбы въ многоконномъ Аргось: Ты за предълы земли, на поля Елисейскія буденть Посланъ богами-туда, гдъ живеть Радаманть златовласый (Глф пробъгають свътло безпечальные дни человъка, Глів пи мятелей, ни ливней, пи хладовъ зимы не бываеть; Глв сладкошумно летающій вветь Зефпръ. Океаномъ Съ легкой прохлядой туда носылаемый людямъ блаженнымъ), Ибо супругъ гы Елены и вять громовержил Зевеса.

Такъ онъ сказавъ, погрузился въ морское глубокое доно. Я жъ съ друзьями отважными вновь къ кораблямъ возвратился, Мьогими, сердце мое волновавшими, мыслями полный; Б'з морю пришелъ и къ моимъ кораблямъ, на вечернюю пищу Собралъ людей я; божественно-темная ночь наступила; Всь мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ, Встала пзъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ: Сдвинули съ берега мы корабли на священное море: Мачты поднявъ п развивъ паруса, на судахъ собралися Всъ мореходные люди и, съвши у веселъ на лавкахъ. Разомъ могі інми веслами всивняля темный воды. Снова направиль къ б'ягущему съ неба потоку Египту Я корабля, и усп'яшно на брет'я его совершиль экатомбу, Посл'я жъ, когда примярилъ я боговъ, совершивъ экатомбу, Тамъ я насыпаль; и поплыли мы, и послали попутный Вътеръ намъ боги; въ отечество милое насъ проводилъ онъ. Ты жъ, Телемакъ, у меня погостишь и отсель не повдешь Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двънадцять; Послъ тебя отпущу съ дорогими подарками: дамъ я Трехъ быстроногихъ коней съ колесницей блестящей, и съ чрми:
Ръдкой работы кувшинъ, изъ которато бизани Ръдкой работы кувшинъ, изъ котораго будешь вседневно Ты, помпная меня, предъ богамп творпть возліянье. Царь Менелай, отв'ячаль разсудительный сынъ Одиссеевь, Долго меня не держи, — тороплюся домой я безм'ярно; Зд'ясь у тебя я съ великою радостью могъ бы и цілый Годъ провести, не подумавъ въ отчизну къ роднымъ возвратиться, Такъ несказанно твоя разговоры и ръчи илъняютъ Душу мою; но сопутники въ Пилосъ ждуть съ нетерпъньемъ Нывъ меня; ты жъ напротивъ желаень, чтобъ здъсь я промедлялъ. Дай мя'ь въ подарокъ такое, что могь бы удобно хранить и Дома; коней же въ Итаку мив взять невозможно: оставь ихъ Здъсь утышеньемъ себъ самому: ты владъень землею Тучныхъ равнинъ, гдф родится обильно и лотосъ и галгантъ Съ яркой пшеницей и полбой и густо цвътущимъ ячменемъ. Мы жъ ни широкихъ полей, ни луговъ не имбемъ въ Итакъ: Горныя пажити наши для козъ, не для коней привольны; Ръдко лугами богатъ и конямъ легконогимъ пріютенъ Ръдко лугами богатъ и конямъ легконогимъ пріютенъ Островъ, объятый волнами; Итака же менъе прочихъ. Онъ замолчалъ. Улыбнулся Атридъ, вызыватель въ сраженье; Ласково щеки ему потрепавии рукою, сказалъ онъ: Вижу изъ словъ я твоихъ, что твоя благородна порода, Сынъ мой; но вмъсто коней я могу подарить п другое, Это легко мик; изъ многихъ сокровищъ, которыми домъ мой Полонъ, я самое ръдкое, лучшее выберу нынъ; Дамъ шпровую кратеру богатую; эта кратера Вся пзъ сребра, но края золотые, искусной работы Вога Пфеста; ее подарилъ мнъ Федимъ благородный Царь сидонянъ, въ то время, когда, возвращаясь въ отчизну, Въ дом'в его и гостилъ, и се отъ меня ты получинь. Такъ говорили о многомъ они, собесъдуя сладко. Въ домъ царя собралися тъмъ временемъ званые гости, Козъ и овецъ праведя и вина дорогого принесши (Хлъбъ же прислада ихъ жены, ходящія въ свътлыхъ повязкахъ) Такъ все готовилось въ виру въ высокихъ палатахъ Атрида.-

Тою порой женихи въ Одиссеевомъ домъ бросаньемъ Дисковъ и дротиковъ острыхъ себя забавляли, собраниись Всв на мощеномъ дворъ, гдъ бывали ихъ буйныя пгры. Но Антиной съ Эвримахомъ прекраснымъ сидъли особо, Прочихъ вожди, передъ всеми отличные мужеской силой. Фроніевъ сынъ Ноэмонъ, подошедъ къ нимъ, сидъвшимъ особо, Слово такое сказаль, обратясь къ Антиною съ вопросомъ: Можетъ ли кто мив изъ васъ, Антиной, объявить, иль не можетъ, Скоро ль назадъ Телемакъ изъ песчанаго Пилоса будеть? Взять у меня имъ корабль—самому мий онъ надобенъ нын'й: Плыть мить въ Элиду шпрокополяную нужно; двънадцать Тамъ у меня кобылицъ и табунъ лошаковъ работящихъ; Дикіе всь: я хотьять бы поймать одного, чтобъ объездить. Такъ онъ сказалъ; женихи изумились; войти не могло имъ Въ мысли, чтобъ былъ онъ въ Несловомъ Пилосъ; мнили, напротивъ, Веж, что ушелъ онъ пль въ поле къ стадамъ, пль къ своимъ свинопасамъ. Строго тогда Антиной, сынъ Эвпейтовъ, спросилъ Ноэмона: Все объяви намъ по правдъ: когда онъ убхалъ? Какіе Выли съ нимъ люди? Свободные ль, взятые имъ изъ народа? Или наемники? Или рабы? Какъ успълъ онъ то сдълать? Также скажи откровенно, чтобъ истину въдать могли мы: Силою ль взяль у тебя онь корабль быстроходный, иль самь ты Отдалъ его произвольно, какъ скоро о томъ попросилъ онъ? Фроніевъ сынъ Ноэмонъ, отвічая, сказаль Антиною: Отдалъ я самъ произвольно, и всякій другой поступиль бы Такъ же, когда бы къ нему обратился такой огорченный Съ просьбою мужъ-ни одинъ бы ему отказать не помыслилъ. Люди жъ, имъ взятые, всв молодые, изъ самыхъ отличныхъ Выбраны граждань; п ихъ предводителемъ быль, я замътиль, Менторъ, иль кто изъ безсмертныхъ, облекшійся въ Менторовъ образъ, Ибо я быль изумлень несказанно-божественный Менторъ Встратился здась мна вчера, хоть и саль на корабль онъ съ другими. Такъ онъ сказавши, пошелъ, чтобъ къ родителю въ домъ возвратиться. Но Аптиной съ Эвримахомъ исполнены были тревоги; Бросивъ игру, женихи собрадися и съли кругомъ ихъ, Къ нимъ обратяся, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ, книящій Гитвомъ-и грудь у него подымалась, теснимая черной Злобой, и очи его, какъ огонь пламенъющій, разли: Горе намъ! дело великое сделалъ, такъ смело пустивнись Въ путь, Телемакъ; отъ него мы подобной отваги не ждали: Намъ вопреки, онъ, ребенокъ, отсюда ушелъ самовольно, Прочный добывши корабль и отличнъйшихъ взявъ изъ народа. Вудеть впередъ намъ и зло и бъда отъ него. Но погибни Самъ отъ Зевеса онъ прежде, чъмъ бъдствіе наше созръеть! Вы жъ мит корабль съ двадцатью снарядите гребцами, чтобъ могъ Въ море за нимъ устремившись, его на возвратной дорогъ Между Итакой и Замомъ врутымъ подстеречь, чтобъ въ погибель Плаванье вследъ за отцомъ для него самого обратилось. Такъ онъ сказалъ, изъявили свое одобренье другіе. Вставши, вск выкств они возвратилися въ домъ Одиссеевъ. Но Пенслопа исдолго въ незнанън осталась о хитромъ Буйныхъ ея жениховъ заговоръ на жизнь Телемака; Все ей Медонтъ, благородный глашатай, открылъ: недалеко Выль онь, когда совъщались они, и подслушаль ихъ рачи. Съ въстью немедленно онъ по дворцу побъжатъ въ Пенеловъ.

Встретивъ его на пороги своемъ, Пенелопа спросила: Съ чемъ ты, Медонтъ, женихами сюда благородными присланъ? Съ тъмъ ли, чтобъ мий объявить, что рабынямъ царя Одиссея Должно, оставивъ работы, объдъ имъ скоръй приготовить? 0! Когда бы они отъ меня отступились! Когда бы Это ихъ пиршество было последнимъ въ обители нашей! Вы, разорители нашего дома, губящіе жадно Все достояніе въ немъ Телемаково, или ни разу Въ дътскихъ вамъ лътахъ отъ вашихъ разумныхъ отцовъ не случалось Слышать, каковъ Одиссей быль въ своемъ обхождении съ ними, Какъ никому не нанесъ онъ ни словомъ ни деломъ, обиды Въ цъломъ народъ; хотя многосиленымъ царямъ и обычно Тъхъ изъ людей земнородныхъ любить, а другихъ ненавидъть, Но отъ него не видалъ оскороленья никто изъ живущихъ, Здась же лишь ваше безстыдство, лишь буйные ваши поступки Видны; а быть за добро благодарными вамъ неумъстно. Умныя мысли имъя, Медонтъ отвъчалъ Пенелопъ: О, царица, когда бы лишь въ этомъ все зло заключалось! Но женихи величайшей, ужасивищей намъ угрожаютъ Пын'є б'єдой — да усп'єха не дасть имъ Зевесъ громовержецъ! Острымъ мечомъ замышляють они умертвить Телемака. Выждавъ его на возвратномъ пути: о родителъ свъдать Поплыль онь въ Пилось божественный, въ царственный градъ Лакедемовъ. Такъ онъ сказалъ: задрожали колъна и сердце у бъдной Матери; долго была безсловесна она, и слезами Очи ея затмевались, и ей не покорствоваль голось. Съ духомъ собравшись, она, наконецъ, отвъчая, сказала: Что удаляться, Медонтъ, побудило дитя мое? Нужно ль Выло вв'вряться ему кораблямъ, водяными конями Выстро носящимъ людей мореходныхъ по влагъ пространной? Иль захотъль онь, чтобъ въ людяхъ и имя его истребилось? Выслушавъ слово ея, благородный Медонть отв'вчалъ ей: Мит неизвъстно, внушенью дь онъ бога последоваль, самъ ли Въ сердив отплытие въ Пилосъ замыслилъ, чтобъ сведать въ калую Землю родитель судьбиною брошенъ и что претерпълъ онъ? Кончивъ, разумный Медонтъ удалился изъ царскаго дома. Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться Доль на стуль она не могла; хоть и много ихъ было Въ свътлыхъ покояхъ ея, но она на порогъ сидъла, Жалобчо плача. Съ рыданіемъ къ ней собралися рабыни, Сколько ихъ ни было въ царскомъ жилище и юныхъ и старыхъ, Сильно скорбя посреди ихъ сказала имъ такъ Пенелопа: Слушайте милыя, далъ мив печаля Зевесъ олимпіецъ Волье всьхъ, на земль современно со мною рожденныхъ; Прежде погибъ мой супругъ, одаренный могуществомъ львинымъ. Всякой высокою доблестью въ сонив Данаевъ отличный, Столь преисполнившій славой своей и Элладу и Аргосъ, Нынъ жъ и милый мой сынъ не со мною: безславно умчали Вури отсюда его, и о томъ я не свъдала прежде; О, вы, безумныя, какъ ни одной, ни одной не пришло вамъ Во-время въ мысли меня разбудить? А, конечно, ужъ знали Вев вы, что онъ собрался въ корабле удалиться отсюда. 0! Для чего не сказаль мив никто, что отплыть онь замыслиль! Или тогда бъ, отложивши отъездъ, онъ остался со мною, Или сама бъ в осталася мертвою въ этомъ жилвиф.

Но позовите скоръе ко мић старика Доліова; Върный слуга онъ; въ приданое давъ мят отцомъ и усердно Смотрить за садомь мони в плодоноснымъ. Къ Лаэрту немедля Должевъ пойти овъ и, съвъ близъ него, о случившемся изич-Старцу сказать; и Лаэрть, все разумно обдумавь, быть-можеть, Съ плачемъ предстанеть народу, который губить допускаетъ Внука его, Одиссеева богоподобнаго сына. Туть Евриклея, усердная няня, сказала царинъ: Свъть нашъ, царица, казнить ли меня безпощадною мълью Ты повелищь, пль помилуеть, я ничего не сокрою, Выло извъстно мит все; по его повелъныю дала и Хлѣбъ и вино на дорогу: съ меня же великую клятву Взяль онь: молчать до двинадцати тней, иль пока ты не спросишь Гдж онъ сама, иль другой кто отъезда его не откроетъ. Свежесть лица твоего, онъ боялся, отъ плача поблекнетъ. Ты же, дарида, омывшись и чистой облекшись одеждой, Выжеть съ рабынями въ верхній покой свой пойди и молитву Тамъ сотвори передъ дочерью Зевся эглдодержавца; Ею, конечно, онъ будеть спасенъ отъ грозящія смерти. Но не печаль старика, ужъ печальнаго: въчные боги, Лумаю я, не совстив отвратились еще отв потомковъ Аркезіада: п родъ пхъ всегда обладателемъ будетъ Царского дома и нивъ и полей плодопосныхъ въ Итакъ. Такъ Евриклея сказала; утпхла печаль, осущились Слезы дарицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой, Вмъсть съ рабывями въ верхній покой свой пошла Пенелона. Чашу наполнивъ ячменемъ, она возгласила къ Аоннъ: Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Аонна, Если когда Одиссей благородный въ семъ домъ обильно Тучныя бедра быковъ и овецъ сожпгалъ предъ тобою, Вспомин объ этомъ теперь и спаси Одиссеева сына, Козни моихъ жениховъ злонамъренныхъ нынъ разруширъ, Такъ помолилась она, и не втуне осталась молитва. Тою порсії женихи въ потемнівшией палать шумікли. Такъ говорили иные изъ нихъ, безразсудно надменныхъ: Върно, теперь мнегославная наша царица готовитъ Свадьбу, не мысля о томъ, что отъ насъ приготовлено сыну. Такъ говорили они, не предвиди того, что и всемъ имъ Выло готово. Созвавъ пхъ, сказалъ Антиной, негодун; Вуйные люди, совътую вамъ отъ такихъ неразумныхъ Словъ воздержаться, чтобъ кто-нибудь зд'ясь разгласить ихъ не назумать. Лучше, отсель удаляся въ молчавыи, исполнимъ на дълф То, что теперь на совъть согласномъ своемъ положили. Выбравъ отваживинихъ двадцать мужей изъ народа, посившно Съ ними пошелъ къ кораблямъ онъ, стоявшимъ на брега песчаномъ, Сдвинувъ съ песчанаго брега корабль на глубокое море, Мачту ови утвердили на немъ, всъ уладили снасти, Въ крѣпкоременныя петли просунули длинныя весла, Должнымъ порядкомъ потомъ паруса натяпули. Когда же Смелые слуги съ оружиемъ ихъ собралиси, все вивств Съвъ на корабль в его отведя на открытое взморье, Ужинать стали они въ ожиданьи приществія ночи. Тою порою въ высокомъ покот своемъ Пенелопа Грустно лежала одна ни вды ни питья не вкушавши, Мыслью о томъ лишь тревожась, спасется ли сынъ безпорочный,

Или погибнеть, сраженный рукою убійць в'вроломныхъ? Словно, какъ левъ, окружаемый мало-по-малу стрълками, Съ трепетомъ видитъ, что скоро ихъ ценью онъ будеть обхваченъ, Такъ отъ своихъ размышленій она трепетала. Но мирный Сонъ прилеталь, и ее улеленаль, и все въ ней утихло. Добрая мысль пробудилась тогда въ благосклонной Падлата: Призракъ она сотворила, имфиній наружность прекрасной Дочери старца Икарія, свътлой Пфтимы, съ которой Царь оессалійсскія Феры, могучій Эвмелъ сочетался. Въ домъ Одиссеевъ послала тотъ призракъ Аопна, дабы онъ Тамъ, подошелъ къ погруженной въ печаль Пепелопъ, ей слези Легкой рукою отеръ и ея утолилъ сокрушенье. Въ спальню проникнулъ, ремня у задвижки не тронувъ, безплотный Призракъ, подкрался и, ставъ надъ ен головою, промолвилъ: Спишь ли, сестра Пенелона? Тоскуеть ли милое сердце? Воги, живущіе легкою жизнью, теб'в запрещають Плакать и сътовать: твой Телемакъ невредимъ возвратится Скоро къ тебъ; овъ боговъ никакой не прогиввалъ виною. Мвимой сестра Певелопа разумная такъ отвачала, Полная сладкой дремоты въ безмолвныхъ вратахъ сновидъній: Другь мой, сестра, какъ пришла ты сюда? Ты довына такъ палко Насъ посъщала, въ далекомъ отсюда краю обитая. Какъ же ты дочеть, чтобъ я перестала скорбъть и крупшться, Горе, объявшее духъ мой и сердне мое, позабывши? Прежде погнов мой супругь, одаренный могуществомъ львинымъ, Всякой высокою доблестью въ сонма Данаевъ отличный, Столь препсполнившій славой своей и Элладу и Аргосъ; Нынъ жъ и милый мой сынъ не со мной: онъ отважился въ море, Отрокъ, нужды не видавшій, съ людьми говорить не обыкшій. Волю о немъ я крушуся теперь, чемъ о бъдномъ супругъ; Сердце дрожить за него, чтобъ бъды съ нимъ какой не случилось На мор'в зломъ пль въ чужой сторон в у чужого народа? Здъсь же враждебные люди его стерегутъ, приготовивъ Въ мысляхъ погибель ему на возвратной дорогк въ отчизну. Темный призракъ, отвътствуя, такъ прошепталъ Пенелопъ: Вудь же покойна и сердца не мучь, безразсудно тревожась. Спутница есть у него и такая, которой бы всякій Смертный съ надеждою вв'врплъ себя - для нея все возможно --Дочь громовержда Анпа сама. О тебф сожалья, Доброю въстью твой духъ ободрять мив велъла богиня. Мнимой сестръ Пенелопа разумная такъ отвъчала: Если ты вправду богиня и слышала голосъ богини, То, умоляю, открой и его мнв печальную участь. Гав онъ, злосчастный? Еще ли онъ видить сіяніе солица? Или его ужъ не стало и въ область Аида сошелъ онъ? Темный призракъ, отпътствуя, такъ прошенталъ Пенелопъ: Я ничего не могу объявить о судьбъ Одиссея; Живъ ли, погибъ ли, сказать мив нельзя: пусторвчіе-вредно. Празракъ тогда, сквозь замочную скважину дверя провъявъ Воздухомъ легкимъ, пропалъ. Пробудяся отъ сна, Пенелопа Ложе покпнула; сердцемъ она ожила, поелику e contact Явно въ глубокую полночь предсталъ, ей пророческій образъ. Тою порой женихи въ кораблъ водяною дорогой, Шли, непабъжную, мысленно, смерть Телемаку готовя. Есть на равнин'в соленаго мори утеснотый островъ Между Итакой п Замомъ гористымъ; его именуютъ Астеромъ; онъ невеликъ; корабли тамъ пріютная пристань Съ двухъ береговъ принимаєть. Такъ стали на стражѣ ахейцы.

пъснь пятая.

содержание пятой пъсни.

Седьмой день до конца тридцать-перваго. Совыть боговь. Ови посылають Эрмія къ нимфѣ Калипсо съ повельніемъ отпустить немедленно Одиссея. Калипсо даеть Одиссею орудія, нужныя для постройки плота. Въ четыре дня судно готово, и на пятый день Одиссей пускается въ путь, получивъ отъ Калипсы все нужное на дорогу. Семпадпать дней плаваніе продолжается благополучно. На осымнадцатый Посидонъ, возвращаясь отъ эніоповъ, узнаетъ въ морѣ Одиссея, плывущаго на легкомъ плоту своемъ; онъ посылаетъ бурю, которая разрушаетъ плотъ; по Одиссей получаеть отъ Левкотен покрывало, которое спасаетъ его отъ потопленія; цѣлые три дня посять его бурвыя волны, паконецъ, ввечеру третьяго дня онъ выходитъ на берегъ Феакійскаго острова Схеріи.

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ. Боги тогда собранись на великій сов'єть; предс'єдань имъ Въ тучахъ гремящій Зевесь, всемогущею властію первый. Стала Анина разсказывать имъ о бъдахъ Одиссея, Въ сердив тревожаси долгой неволей его у Калппсы: Зевсь, нашь отець и владыка, блаженные, въчные боги. Кроткимъ, благимъ и привътливымъ быть ужъ теперь ни единый Царь скинтроносный не долженъ, но, правду изъ сердца изгнавши, Каждый пускай притесняеть людей, беззаконствуя смело — Если могли вы забыть Одиссея, который быль добрымь, Мудрымъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ отецъ благодушный; Врошенный бурей на островъ, онъ горе великое терпитъ Въ свътломъ жилищъ могучей богини Калиисы, насильно Имъ овладъвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный: Нътъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря. Нынь жъ враги и младого хотять умертвить Телемака, Въ море внезапно напавъ на него: о родителъ свъдать Поплыль онь въ Пилось божественный въ царственный градъ Лакедемовъ. Ей возражая, ответствоваль тучь собпратель Кроніонъ: Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетило. Ты не сама ли разсудкомъ рашила своимъ, что погубить Нъкогда всъхъ ихъ, домой возвратясь, Одиссей? Телемака же Ты проводи осторожно сама-то, конечно, ты можешь; Пусть невредимо онъ въ мялую землю отцовъ возвратится; Пусть и они, не свершивъ злодъянья, прибудуть въ Итаку. Такъ отв'вчавъ, обратился онъ къ Эрмію милому сыну: Эрмій нашъ в'єстникъ заботливый, нимфів прекраснокудрявой Нынь лети объявить отъ боговъ, что отчизну увидыть Срокъ наступиль Одиссею, въ бъдахъ постоянному; путь свой Онъ совершить безъ участія свыше, безъ помощи смертныхъ; Моремъ, на кръпкомъ плоту, повстръчавни опаснаго много, Въ день двадцатый достигнеть онъ берега Схерін тучкой, Гав обитають родные богамъ феакійцы; и будеть Ими ему, какъ безсмертному богу, оказана почесть: Въ милую землю отцовъ съ кораблемъ ихъ отилывъ, онъ въ подарокъ Мфди и злата и разныхъ одеждъ драгоцънныхъ получитъ Много, столь много, что даже изъ Трои подобной добычи

Онь не привезь бы, когда безпрепятствение могь возвратиться. Такъ напоследокъ по воле судьбы онъ возлюбленныхъ ближнихъ Землю отцовъ и богато украшенный домъ свой увидитъ. Кончилъ. И медлить не сталь благовъстникъ, аргусоубійца, Къ свътлымъ ногамъ привязавши свои золотыя подошвы, Амврозіальныя, всюду его надъ водой и надъ твердымъ . Тономъ земли безпредъльныя легкимъ носящія вътромъ, Взяль онь и жезль свой, по воль его наводящій на бодрыхь Сонъ, отверзающій свомъ затворенныя очи у спящахъ. Въ путь устремился съ жезломъ многосильный убійца Аргуса. Скоро достигнувъ Піерін, къ морю съ зепра слетьль онъ, Выстро номчался потомъ по волнамъ рыболовомъ крылатымъ, Жадно хватающимъ рыбъ изъ отверстаго бурею издра Бездны безплодносоленой, купая въ ней спльныя крылья. Легкою птидей морской пролетью надъ пучиною, Эрмій Острова, моремъ вдали сокровеннаго, скоро достигнулъ. Съ зыбл широкотуманной на твердую землю поднявшись, Берегомъ къ темному гроту пошелъ онъ, гдф свфтлокудрявой Нимфы обитель была, и ее самое тамъ увидълъ. Пламень трескучій сверкаль на ся очагѣ и весь островъ Быль накурень благовоніемь кедра и дерева жизни, Ярко пылавшихъ. И голосомъ звонкопріятнымъ богния Ибла, сидя съ челнокомъ золотымъ за узорною тканью. Густо разросшись, отвеюду нещеру ея окружали Тополи, ольхи и сладкій льющіе духъ кипарисы: Въ лиственныхъ съняхъ гиъздилися тамъ длиннокрылыя птиды, Копчики, совы, морскія вороны крикливыя, шумной Стаей по взморью ходящія, пищи себ'в добывая; Сътью зеленою стъны глубокаго грота окинувъ, Росъ виноградъ и на вътвяхъ тяжелые грозды висъли; Свътлой струею четыре источника рядомъ бъжали Близко одинъ отъ другого, туда и сюда извиваясь; Вкругъ зеленъли густые луга, и фіалокъ и злаковъ Полные сочныхъ. Когда бы въ то мъсто зашелъ и безсмертный Богъ-изумился бъ, и радость въ его бы проникнула сердце. Быль изумлень и боговъ благовъстникъ, сразитель Аргуса; Но, посмотрѣвши на все съ изумленьемъ и радостью сердца, Въ гротъ онъ глубокій вступилъ напослідокъ; и съ перваго взгляда Нимфа богиня богинь, догадавшися, гостя узвала (Быть незнакомы другь другу не могуть безсмертные боги, Даже, когда бъ и великое ихъ разлучало пространство). Но Одиссея, могучаго мужа, тамъ Эрмій не встр'єтиль; Онъ одиноко сиделъ на утесистомъ бреге и плакалъ; Горемъ и вздохами душу питая, тамъ дни проводилъ онъ, Взоръ, помраченный слезами, вперивъ на пустынное море. Эрмія състь приглася на богато украшенныхъ креслахъ, Нимфа, богиня богинь, у него съ любопытствомъ спросила: Эрмій, носитель жезла золотого, почтенный и милый Гость мой, зачемъ прилетелъ? У меня никогда не бываль ты Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню. Если исполнить возможно и если властва я исполнить. Прежде, однако, ты долженъ принять отъ меня угощенье. Съ сими словами богиня, поставивши столъ передъ гостемъ, Съ сладкой амврозіей нектаръ ему подала пурпуровый. Пищи охотно вкусилъ благовъстникъ, убійца Аргуса.

Лушу довольно свою насладивши божественной цишей. Словомъ такимъ овъ отвътствовалъ нимфъ прекраснокудрявой: Знать отъ меня ты-оть бога богиня-желаешь, зачвиъ я Заъсь? Объявлю все поистинъ, волю твою исполняя. Посланъ Зевесомъ, не самъ произвольно сюда придетълъ и --Кто произвольно захочегъ изм'ярить безплоднаго моря Степь несказанную, гдв не увидищь жилиць человъка. Жертвами этущаго насъ, приносящаго намъ экатомбы? Но повельній Зевеса эгидодержавив не смыеть Между боговъ ни одниъ отъ себя отклонить, ни нарушить. В'вломо Лію, что скрыть у тебя злоподучиващій самый Мужъ изъ мужей, передъ градомъ Пріама сражавшихся девять Лать, на десятый же, градъ ниспровергнувъ, отплывшихъ въ отчизну: Но при отплытін дерзко они раздражили Аеппу: Бури послада на нихъ и великія водны богиня. Онъ же, сопутниковъ върныхъ своихъ потерявъ, напоследокъ, • Схваченный бурей, сюда былъ волноми великими брошенъ. Требують боги, чтобъ быль онъ немедля тобою отослань; Ибо ему не судьба умереть далеко отъ отчизны; Воли напротивъ судьбы, чтобъ возлюбленныхъ ближнихъ, родную Землю и свътлоустроенный домъ свой опять онъ увидъль. Такъ онъ сказалъ ей. Калинсо, богиня богинь, содрогнувшись, Голосъ возвыенля свой и крылатое бросила слово: Боги ревнивые, сколь вы безжалостно къ намъ непреклонны! Васъ раздражила я, давъ злополучному, смертному мужу Помощь, когда, обхвативъ корабельную доску, въ волнахъ овъ Гибнувъ-корабль же его быстроходный быль иламеннымъ громомъ Зевса разбить посреди безпредъльнопустыннаго моря: Такъ онъ, сопутниковъ върныхъ своихъ потерявъ напоследокъ, Схваченный бурей, сюда быль волнами великими брошенъ. Завсь пріютивши его и заботясь о немъ, я хотвла Милому дать и безсмертье и въчноцвътущую младость. Но повелтній Зевеса эгидодержавца не смѣетъ Между боговъ ни одинъ отклонить отъ себя, ин нарушить: Пусть онъ-когда ужъ того такъ упорно желаетъ Кроніонъ-Морю нев'врному снова предастся: помочь я не въ силахъ; Нъть корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могь бы Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря. Дать лишь совъть осторожный властна я, дабы онъ отсюда Могъ безирепятственно въ милую землю отцовъ возвратиться. Ей отвъчая, сказаль благовъстникъ, убійца Аргуса: Волю Зевеса уваживъ, немедля его отошли ты, Или, боговъ раздраживъ, на себя навлечешь наказанье. Такъ отвъчавъ удалился безсмертныхъ крылатый посланникъ. Свътлая нимфа пошла къ Одиссею, ногучему мужу, Волю Зевеса принявши изъ устъ благовъстнаго бога Онъ одиноко сидаль на утесистомъ брегь, и очи Были въ слезахъ; утекала медлительно, капля за каплей, Жизнь для него въ непрестанной тоскъ по далекой отчизиъ. Мрачный, вст дни проводиль онь, сиди на прибрежномъ утесъ, Горемъ и плачемъ и вздохами душу питая, и очи, Полныя слезъ, обративъ на пустыню безплоднаго моря. Близко къ нему подошедши, сказала могучая нимфа: Слезы отри, злополучный, и боль не трать въ сокрушены Сладостной жизни: тебя отпустить благоскловно хочу и.

Бревень большихъ нарубивъ топоромъ медноострымъ и въ кренкій Пасса ихъ связавъ, по краямъ утверди ты перила на толсгыхъ Бруськув, чтобъ по морю темному плыть безопасные было. Ульбомъ, водой и виномъ пурпуровымъ снабжу изобильно На дорогу тебя, чтобъ и голодъ и жажду легко ты Могъ утолять: и одежды и дамъ: и пошлю за тобою. Ватеръ попутный, чтобъ милой отчизны своей ты достигнулъ, Если угодно богамъ, безпредъльнаго неба владыкамъ — Мить же ни разумомъ съ ними, ни властью равняться не можно. Такъ говорила она. Одиссей, постоянный въ бъдахъ, содрогнулся; Голосъ возвысивъ, онъ бросилъ богинъ крылатое слово: Въ мысляхъ твонхъ не отъвадъ мой, а изчто иное, богиня: Какъ же могу переплыть на плоту я широкую бездну-Страшнаго, бурнаго моря, когда и корабль быстроходный Редко по ней пробъгаеть съ Зевесовымъ въгромъ попутнымъ? Ибтъ! Противъ воли твоей не взойту и на илотъ ненадежный Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мив великой Клятвы, что мив никакого вреда не замыслила ныив. Такъ говорилъ онъ. Калписо, богиня богинь, улыбнулась; Шеки ему потрепавши рукою, она отвъчала: Правду сказать, ты -- хитрецъ, и чрезмѣрно твой умъ остороженъ; Странное слово, однако, отвътствуя маѣ, произнесъ ты. Но я клянусь и землей плодоносной и небомъ великимъ, Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной Клятвой, которой и боги не могутъ изречь безъ боязни, Въ томъ, что тебъ никакого вреда не замыслила нывъ. Пътъ, я совътую то, что сама для себя избрала бы, Если бъ въ такомъ же была, какъ и ты, затрудненые великомъ; Правда святая и миъ дорога: не желъзное, върь миъ, Бъется въ груди у меня, а горячее, нъжное сердце. Кончивъ, богиня богинь впереди Одиссея посифинымъ Шагомъ пошла, и посиъшно пошелъ Одиссей за богиней. Съ нею (съ безмертною смертный) достигнувъ глубокаго грота, Скаъ Одиссей на богатыхъ, оставленныхъ Эрміемъ, креслахъ. Нимфа Калипсо, ему для вды и питья предложивши Пищи различной, какою всегда насыщаются люди, М'вето напротивъ его заняла за транезой: рабыни Ей благовонной амврозін подали съ нектаромъ сладкимъ. Подняли руки они къ приготовленной лакомой пища; После жъ, когда утоленъ былъ ихъ голодъ интьемъ и вдою, Нимфа Калинсо, богиня богинь, Одиссею сказала: 0, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный, Въ милую землю отцовъ, наконецъ, предпріявъ возвратиться, Хочешь немедля меня ты покинуть-прости! Но когда бы Сердцемъ предчувствовать могъ ты, какін судьба назначаеть Злын тревоги теб'в испытать до прибытия въ домъ свой, Ты бы остался со мною въ моемъ безмятежномъ жилищъ. Выль бы тогла ты безсмертень. Но сердцемъ ты жаждешь свиданья Съ върной супругой, о ней ежечасно крушась и печалясь. Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройнымъ Станомъ не хуже ея; да и могуть ли омертныя жены Съ нами, богинями, спорять своею земной красотою? Ей возражая, отвътствовалъ такъ Одиссей многоумный: Выслушай, свътлая нимфа, безъ гитва меня; и довольно Знаю и самъ, что не можно съ тобой Пенеловів разумной,

Смертной женъ съ въчно юной безсмертной богиней, ни стройнымъ Станомъ своимъ, ни лица своего красотою равняться; Все я, однако, всечасно крушась и печалясь, желаю Домъ свой увидъть и сладостный день возвращения встрътить; Если же кто изъ боговъ мнъ пошлетъ потопление въ темной Вездив, я выдержу то отверделою въ бъдствіяхъ грудью: Много встръчалъ я напастей, не мало трудовъ перенесъ я Въ морф и битвахъ, пусть будеть и нынф со мной, что угодно Дію. Онъ кончилъ. Тъмъ временемъ темная почь наступила, Въ сонъ Одиссей погрузился; богиня Калипсо заснула. Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ: Всталъ Одиссей и посившно облекся въ хитонъ и хламиду. Свътлосеребряной ризой изъ тонковоздушныя ткани Плечи одъла богиня свои, золотымъ драгоцъннымъ Поясомъ станъ обвила и покровъ съ головы опустила. Кончивъ, она собирать начала Одиссея въ дорогу: Выбрала прежде топоръ, по рукъ ему сдъланный, кръпкій. Мъдный, съ объяхъ сторонъ изощренный, насаженный плотно, Съ ловкой, красиво изъ твердой оливы сработанной ручкой; Острую скобель потомъ принесла и пошла съ Одиссеемъ Вибств во внутренность острова: множество тамъ находилось Тополей черныхъ и ольхъ и высокихъ, дооблачныхъ сосенъ, Старыхъ, изсохивуъ на солнечномъ знов, для илаванья легкихъ. Мъсто ему показавъ, гдъ была та великая роща, Въ гротъ свой глубокій Калишсо, богиня богинь, возвратилась. Началь рубить онъ деревья и скоро окончиль работу; Двадцать онъ бревенъ срубилъ, ихъ очистилъ, ихъ острою мъдью Выскоблиль гладко, потомъ уравняль, по шнуру обтесавши. Тою порою Калипсо къ нему съ буравомъ возвратилась. Началь буравить онъ брусья и, всв пробуравивь, сплотиль ихъ, Длинными болтами сшивъ и большими просунувъ шипами: Дно жъ на плоту онъ такое шпрокое сделалъ, какое Мужь, въ корабельномъ художествъ опытный, строить на прочномъ Суднь, носящемъ товары купцовъ по морямъ безпредъльнымъ. Плодными брусьями крепкія ребра связавъ, напоследокъ Въ гладкую палубу сбилъ онъ дубовыя толстыя доски, Мачту поставиль, на ней утвердиль поперечную райну, Сделаль кормило, дабы управлять поворотами судна, Плотъ окружилъ для защиты отъ моря илетнемъ изъ ракитныхъ Сучьевъ, на дно же различнаго груза для тяжести бросилъ. Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины Крипкой ему принесла. И, устроивши парусъ (къ нему же Всъ, чтобъ его развивать и свивать, прикръпивши веревки), Онъ рычагами могучими сдвинулъ свой плотъ на священное море. День совертился четвертый, когда онъ окончилъ работу. Въ пятый его снарядила въ дорогу богиня Калипсо. Ваней его осв'яживъ и душистой облекши одеждой, Нимфа три мъха на плотъ принесла: былъ одинъ драгоцъннымъ Полонъ напиткомъ, другой ключевой водою, а третій Хльбомъ, дорожнымъ запасомъ п разною лакомой пищей. Кончивъ, она призвала благов'ющій вітеръ попутный. Радостно парусъ напрягъ Одиссей и, попутному вътру Ввърнвшись, поплылъ. Сидя на кормъ и могучей рукою Руль обращая, онъ бодрствоваль; сонъ на него не спускался Очи, и ихъ не сводиль онъ съ Плеядъ, съ нисходящаго поздно

Въ море Воота, съ Медвъдицы, въ людяхъ еще Колесницы Имя носящей и близъ Оріона свершающей візчно Кругъ свой, себя никогда не купая въ водахъ океана. Съ нею богиня богинь повелъла ему неусыпно Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку. Дней совершилось семнадцать съ техъ поръ, какъ пустился онъ въ море, Вдругъ, на осьмнадцатый видимы стали вдали надъ водами Горы твинстой земли феакіянь, уже недалекой: Чернымъ щитомъ на туманистомъ морф она простиралась. Въ это мгновенье земли колебатель могучій, покинувъ Край эніопянь, съ далекихъ Солимскихъ высотъ Одиссег Въ моръ увидълъ: его овъ узналъ; въ немъ разгитвалось сердце; Страшно лазурнокудрявой тряхнувъ головой, онъ воскликнулъ: Дерзкій! Неужели боги, пока я въ земль зейонявъ Праздноваль, мив вопреки, согласились помочь Одиссею? Чуть не достигь онь земли феакіянь, где встретить напастей, Свыше сму предвазначенныхъ, долженъ конецъ: но еще я Вдоволь успъю его, ненавистнаго, горемъ насытить. Такъ овъ сказалъ и, великія тучи поднявши, трезубцемъ Воды взбуровиль и бурю воздвигь, отовсюду прикликавъ Вътры противные: облако темное вдругъ обложило Море и землю, и тяжкая съ грознаго неба сошла ночь. Разомъ и Эвръ, и полуденный Нотъ, и Зефиръ, и могучій, Свътлымъ рожденный Эенромъ, Борей взволновали пучину. Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце. Скорбью объятый, сказаль своему онъ великому сердцу: Горе мав! что претерпать, наконець, мав назначило небо! Съ трепетомъ вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась, Мить предсказавъ, что, пока не достигну отчизны, я въ морть Встръчу напасти великія: все исполняется нынъ. Страшными тучами вкругь обложиль безпредъльное небо Зевсъ, и взбуровилъ онъ море, и бурю воздвигъ, отовсюду Вътры противные скликавъ. И гибель моя наступила. 0! троекратно, стократно счастливы Данаи, въ пространной Тров нашедшие смерть, угождая Атридамъ! И лучше бъ Было, когда бъ я погибъ и судьбу неизбѣжную встрѣтилъ Въ день тотъ, какъ множество мъдноокованныхъ копій трояне Бросили разомъ въ меня надъ бездыханнымъ тъломъ Пелида; Съ честью бъ я былъ погребенъ и была бъ отъ ахеянъ мят слава; Нынъ жъ судьба мнъ безславно-печальную смерть посылаетъ... Въ это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась Вся надъ его головою: стремительно плотъ закружился; Схваченный съ палубы въ море, упалъ онъ стремглавъ, упустивши Руль изъ руки; повалилася мачта, сломясь подъ тяжелымъ Вътровъ противныхъ, слетъвшихся другъ противъ друга, ударомъ; Въ море далеко снесло и развившійся парусь и райну. Долго его глубина поглощала, и силъ не имълъ онъ Выбиться кверху, давимый напоромъ волны и стъсненный Платьемъ, богиней Калипсою даннымъ ему на прощаныя. Вынырнуль онъ напоследокъ, изъ устъ извергая морскую Горькую воду, съ его бороды и кудрей изобильнымъ Токомъ бъжавшую; въ этой тревогъ, однако, онъ вспомнилъ Плотъ свой, за нимъ по волнамъ погнался, за него ухватился. Взлівать на него и на палубів сіль, избіжавть потопленья; Плоть же бросали туда п сюда взгроможденныя волны;

Словно какъ шумный осенній Борей по широкой ра чить Носить повсюду изсохшій, скатавшійся густо репейникъ. По морю такъ беззащитное судно повсюду носили Вътры: то быстро Ворею его перебрасывалъ Нотъ, то шумящій Эвръ, имъ играя, его предавалъ произволу Зефира. Но Одиссея увидъла Кадмова дочь Левкотея, нъкогда смертная дъва, привътноръчивая Ино, Посль богиня, безсмертія честь воспріявшая въ моръ. Стало ей жаль Одиссея, свиржной гонимаго бурей. Съ моря ныркомъ легкокрылымъ она поднялася, взлетъла Лекимъ полетомъ на твердосколоченный плоть и сказала: Въдный! за что Посидонъ, колебатель земли, такъ ужасно Въ сердцъ разгиванъ своемъ и съ тобой такъ упорно враждуетъ? Вовсе, однако, тебя не погубить онъ, сколь бы ни тщился. Самъ на себя положися теперь (ты, я вижу, разуменъ); Скинувши эту одежду, свой илотъ уступи произволу Вътровъ и, бросившись въ волны, руками работая смъло, Вплавь до земли феакіянъ достигни: тамъ встрѣтишь спасенье. Дамъ покрывале теб'в чудотворное; имъ ты одънешь Грудь и тогда не странися ни бъдъ ни въ волнахъ потопленья. Но, лишь окончишь свой путь и къ землю прикосненься рукою Снявъ покрывало, немедля его въ многоводное море Брось отъ земли далеко и, глаза отвративъ, удалися. Кончивъ, богиня ему подала съ головы покрывало. Послъ, спорхнувъ на шумищее море, она улетьла Выстрокрылатымъ ныркомъ, и ее глубина поглотила. Началь тогда про себя размышлять Одиссей богоравный; Скорбью объятый, сказаль своему онь великому сердцу: Горе! не новую дь хитрость замысливъ, желаеть богиня Гибель навлечь на меня, мив совытуя илоть мой оставить. Ивть, я того не исполню; не близокъ еще, я приметиль, Верегъ земли, гдъ, сказала она, мив спасеніе будеть. Ждать и намеренъ до техъ поръ, покуда еще невредимо Судно мое и шипами надежными связаны брусья; Съ бурей сражаясь, по техъ поръ съ него не сойду я. Но, какъ скоро волненье могучее илотъ мой разрушить, Брошуся вплавь; и иного теперь не придумаю средства. Тою порою, какъ онъ колебался разсудкомъ и сердцемъ, Подняль изъ бездны волну Посидонъ, потрясающій землю, Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно онъ грянулъ Ею въ него: какъ отъ быстраго вихря сухая солома, Кучей лежавшая, вся разлетается, вдругь разорвавшись, Такъ отъ волны разорвалися брусья. Одинъ, Одиссеемъ Пойманный, быль имъ, какъ конь, убъжавшій на волю осідланъ. Снявъ на прощанъп богиней Калипсою данное платье, Грудь онъ немедля свою покрываломъ оделъ чудотворнымъ. Руки простерши и плыть изготовясь, потомъ онъ отважно Кинулся въ волны. Могучій земли колебатель при этомъ Видѣ лазурнокудрявой тряхнулъ головой и воскликнулъ: По морю бурному плавай теперь на свободъ, покуда Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не цримуть: Будеть съ тебя! не останешься, думаю, мной недоволенъ. Такъ онъ сказавши, погналъ длинпогривыхъ коней и умчался Въ Эјгю, гдв обиталъ въ свътлозданныхъ, высокихъ чертогахъ. Побран имель пробудилась тогда въ благосклонной Палладь:

Вътрамъ другимъ заградивши дорогу, она повелъла Имъ, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею Вурно свирънствовать; волны жъ сама укрощала, чтобъ въ землю Веслолюбивыхъ, угоднымъ богамъ феакіянъ достигнуть Могъ Одиссей благородный, и смерти и Паркъ избѣжавши. Такъ онъ два дня и двъ ночи носимъ былъ повеюду шумящимъ Моремъ, и гибель не разъ неизбъжной казалась: когда же Съ третьимъ явилася днемъ лучезарно-кудрявая Эосъ, Вдругь успоконлась буря и на мор'в все просвътлело Въ тихомъ безвътріп. Поднятый кверху волной п взглянувши Быстро впередъ, невдали предъ собою увидълъ онъ землю. Сколь несказанною радостью дітямь бываеть спасенье Жизни отда, пораженного тяжкимъ педугомъ, всъ силы Въ немъ пстребившемъ (понеже злой демонъ къ нему прикоснулся). Посл'я жъ на радость имъ всёмъ исц'яленнаго волей безсмертныхъ-Столь Одиссей быль обрадовань брега и лъса явленьемъ. Поплыль быстръй онь, ступить торопяся на твердую землю. Но, отъ нея на такомъ разстояны, въ какомъ человъчій Внятень намъ голосъ, онъ шумъ буруновъ межъ скалами услышалъ; Волны кипфли и выли, свирфпо на берегь высокій Съ моря бросаясь, и весь онъ быль облить соленою п'вной; Не было пристани тамъ, ни залива, ни мелкаго мъста; Въ круть берега подымались: торчали утесы и рифы. Въ ужасъ пришелъ Одисссей, задрожали колъна и сердце; Скорбью объятый, сказаль своему онь великому сердцу: Горе! на что мив дозволиль увидеть нежданную землю Зевсъ? И зачъмъ до нея, переспливши море, достигъ я? Къ острову съ моря, и вижу, вездъ невозможенъ миъ доступъ; Острые рифы повсюду; кругомъ расшибаяся плещутъ Волны, и гладкой ствной воздвигается берегъ высокій: Море жъ вблизи глубоко и ивтъ мъста, гдъ было бъ возможно Твердой ногой опереться, чтобъ гибели върной избъгнуть. Если пристать попытаюсь, то буду могучею волной Схваченъ и брошенъ на камии зубчатые, тщетно истративъ Силы; а если кругомъ поплыву, чтобъ узнать, не найдется ль Гдь-нибудь берегь отлогій иль пристань, страшусь, чтобъ снова Вурей морской я не быль похищень, чтобь рыбообильнымь Моремъ меня, вопіющаго жалобно, вдаль не умчало, Или чтобъ демонъ враждебный какого изъ чудъ, Амфитритой Въ мор'я питаемыхъ, мн'я на погибель не выслаль изъ бездиы: Знаю, какъ злобствуетъ противъ меня Посидонъ земледержецъ. Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ онъ такъ колебался, Быстрой волною помчало его на утеспстый берегь; Тъло бъ его изорвалось и кости бъ его сокрушились, Если бъ онъ во-время свътлой богиней Авиной наставленъ Не быль руками за ближній схватиться утесь; и къ нему прицациящись, Ждаль онь, со стокомь на камит впся, чтобъ волна пробъжала Мимо; она пробъжала, но вдругъ, отразясь, на возвратъ Сшибла съ утеса его и отбросила въ темное море. Если полипа изъ ложа вътвистаго силою вырвешь, Множество круппнокъ камия къ его прилъпляется ножкамъ: Къ ръзкому такъ прилъпплась утесу лоскутьями кожа Рукъ Одиссевыхъ; вдругъ поглощенный волною великой, Въ бездит соленой, судьбъ вопреки, неизбъжно бъ погибъ опъ, Если бъ отважности въ душу его не вложила Аоина.

Вынырнувъ въ бокъ паъ волны, устремпвшейся прянуть на камии, Поплыль онь въ сторону, взоромъ преслѣдуя землю п тщася Гав-нибудь берегь отлогій иль мелкое масто приматить. Вдругь онъ увидель себя передъ устьемъ реки светловодной. Самымъ удобнымъ то мѣсто ему показалось: тамъ острыхъ Не было камней, тамъ всюду отъ вътровъ являлась защита. Къ мощному богу ръки онъ тогда обратился съ молитвой: Кто бы ты ни быль, могучій, къ тебѣ, столь желанному нынѣ, Я прибъгаю, спасаясь отъ грозъ Посидонова моря. Въчные боги всегда благосклонно внимають молитвамъ: Бъднаго странника, кто бы онъ ни былъ, когда онъ подобенъ Меть, твой потокъ и колтва объявшему, много великихъ Бъдъ претерпъвшему: сжалься, могучій, подай мнъ защиту. Такъ онъ молился. И богъ, укротивъ свой потокъ, успокоилъ Волны и, на море тишь наведя, отвориль Одиссею Устье ръки. Но подъ нимъ подкосились колъна: повисли Руки могучія: въ мор'в его изнурилося сердце; Вспухло все тело его: извергая и ртомъ и ноздрями Воду морскую, онъ палъ, наконецъ, бездыханный, безгласный, Память утративъ, на землю; безчувствіе имъ овладѣло. Но напоследокъ, когда возвратились и память и чувство, Съ груди своей покрывало, богинею данное, снявши, Бросиль его онь въ шпрокую, съ моремъ сліянную ріку. Быстро помчалась ткань по теченью назадъ, и богиня Въ руки ее приняла. Одиссей, отъ рѣки отошедши, Скрылся въ тростникъ и на землю, ее лобызая, простерся Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу: Горе мив! что претерпать и еще предназначень оть неба! Если на брегъ потока безсонную ночь проведу я, Утренній пней и хладный тумань, оть воды восходящій, Вовсе меня, ужъ последнихъ лишеннаго силъ, уничтожать: Воздухъ произительнымъ холодомъ въеть съ ръки передъ утромъ. Если же тамъ на пригоркъ подъ кровомъ сънистаго лъса Въ чащт кустовъ я засну, то, конечно, не буду проникнутъ Хладомъ ночнымъ, отдохну, и меня исцелитъ миротворный Сонъ; но страшусь, не достаться бъ въ добычу звърямъ плотояднымъ. Такъ размышляль онъ; ему, наконецъ, показалось удобнъй Выбрать последнее; въ лесь онъ пошель, отъ реки недалеко Росшій на холм'є открытомъ. Онъ тамъ дві сплетенныя крібпко Выбралъ оливы; одна плодоносна была, а другая Дикая; въ съвь ихъ проникнуть не могъ ни холодный, Сыростью дышащій вітерь, ни Геліось, знойно блестящи: Лаже и дождь не произаль ихъ вътвистаго свода, такъ густо Были онв сплетены. Одиссей, угивздившись подъ ними, Легъ, напередъ для ссбя приготовивъ своими руками Мягкое ложе изъ листьевъ опалыхъ, которыхъ такая Груда была, что подвое и трое могли бы удобно Въ зимнюю бурю, какъ сильно бъ она ни шумела, тамъ скрыться. Груду увидя, обрадованъ былъ Одиссей несказанно. Бросясь въ нее, онъ совсемъ законался въ слежавшихся листьяхъ. Какъ подъ золой головию неугастую пахарь сирываеть Въ пол'в далеко отъ м'вста жилого, что пламени съмя Въ ней сохраниться могло безопасно отъ злого пожара: Такъ Одиссей, подъ листами зарывшися, гръдся, и очи

пвснь уг

Сладкой дремотой Авина смежила сму, чтобъ скорте Въ немъ ожигить изнуренныя силы. И кртико заснулъ онъ.

пъснь шестая.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ ПЪСНИ.

Тридцать-второй день. Авина въ сновилѣніи побуждаетъ Навзикаю, дочь феакійскаго царя Алкиноя, итти вмѣстѣ съ подругами и рабынями мыть платья въ потокѣ. Онѣ собираются близъ того мѣста, гдѣ находится Одиссей, погруженный въ глубокій сонъ. Ихъ голоса пробуждають Одиссей. Онъ приближается къ Навзикаѣ и проситъ ее дать ему одежду и убѣжище; царевна приглашаетъ его слѣдовать за нею въ городъ и даетъ ему нужныя наставлейія. Онъ провожаєтъ Навзикаю до Палладиной рощи, находящейся педалеко отъ города.

Такъ постоянный въ бъдахъ Одиссей отдыхалъ, погруженный Въ сонъ и усталость. Аенна же тою порей низлетъла Въ пышно-устроенный городъ любезныхъ богамъ феакіянъ, Жившихъ издавна въ широподяной земль Иперейской. Въ близкомъ сосъдствъ съ циклопами, дикимъ и буйнымъ народомъ Съ ними всегда враждовавшимъ, могуществомъ ихъ превышая: Но напоследовъ божественный вождь Навзитой поселиль ихъ Въ Схерія, тучной земль, далеко отъ людей промышленной Тамъ овъ имъ городъ ствнами обвель, имъ построилъ жилища, Храмы богамъ вув воздвигь, разделяль ихъ поля на участки. Но ужъ давно уведенъ былъ судьбой онъ въ обитель Анда. Властвовалъ царь Алкиной, многоуміемъ богу подобный. Въ домъ Алкивоя вступила богиня Анина Паллада; Сердцемъ заботясь о скоромъ возврать домой Одессея, Въ тайную девичью спальню проникла она, где покойно, Станомъ п видомъ богинъ подобясь младой, почивала Дочь Алкиноя, любезнаго Зевсу царя, Навзикая. Подлъ порога дверей съ двухъ сторонъ двъ служавки, Харигамъ Ювымъ подобныя, спали, и накръпко заперты были Світлыя двери. Къ царевні воздушной стопою приближась, Стала надъ самымъ ея изголовьемъ богиня Анина, Образъ пріявшая дівы младой, мореходца Диманта Славнаго дочери, дружной съ царевною, съ ней однолътней. Въ видъ такомъ подошедъ къ Навзикаъ, богиня сказала: Видно, тебя беззаботною мать родила, Навзикая! Ты не печешься о свътлыхъ одеждахъ; а скоро наступитъ Врачный твой день: ты должна и себъ приготовить заранъ Платья и темъ, кто тебя поведуть къ жениху молодому. Лоброе пия одежды опрятностью мы наживаемъ: Мать и отець веселятся, любуяся нами. Проснись же, Встань Навзикая, и на реку мыть соберитеся все вы Утромъ; сама приду помогать вамъ, чтобъ дело скор ве Кончить. Недолго останешься ты незамужнею девой; Много тебъ женяховъ межъ людьми знаменитаго рода Въ нашей земль, гдъ сама знаменитою ты родилася. Встань п явися немедля къ отцу многославному съ просьбой: Дать колесницу и муловъ тебф, чтобъ могла ты удобно Взять всв повязки, покровы и разныя платья, чтобъ также Ты не пфшкомъ, какъ другія, пошла; то тебф неприлично-Путь къ водоемамъ отъ ствиъ городскихъ утомительно дологъ. Такъ ей сказавъ, свътлоокая Зевсова дочь полетъла Вновь на Олимпъ, гдъ обитель свою, говорятъ, основали

Воги, гдф вътры не дують, гдф дождь не шумить хладоносный, Гдв не подъемлеть мятелей зима, гдв безоблачный воздухъ Легкой лазурью разлять и сладчайшимъ сіяніемъ проникнуть; Тамъ для боговъ въ несказанныхъ утъхахъ все дни пробегають. Павши паревив совъть свой, туда полетвла Аонна. Эось тогда златотронная, вставъ, разбудила младую Свътлоубранную дъву. И, сну своему удивляясь, Тотчась она, чтобъ родителей, мать и отца, о виденыи Чудномъ своемъ извъстить, къ нимъ пошла въ ихъ покои. Царица Вапаъ очага тамъ сидела въ кругу приближенныхъ служанокъ, Нити пурпурныя тонко суча; а въ дверяхъ отворенныхъ Встратился ей и отецъ: на совъть онъ владыкъ многоумныхъ Шель, приглашенный туда оть знативнипхъ мужей феакійскихъ. Съ видомъ привътнымъ къ отцу подотедъ, Навзикая сказала: Милый, вели колесиицу большую на быстрыхъ колесахъ Дать мить, чтобъ я, въ ней уклавъ вст богатыя платья, которыхъ Много скопилось нечистыхъ, отправилась на ръку мыть пхъ. Должно, чтобъ ты, заседая въ высокомъ совете почетныхъ Нашихъ вельможъ, отличался своею опрятной одеждой; Пять сыновей воспиталь ты и вырастиль въ этомъ жилища; Два ужъ женаты, другіе три юноши въ льтахъ цвътущихъ; Въ платьяхъ, мытьемъ освъженныхъ, они посъщать хороводы Наши хотять. Но объ этомъ одна я забочусь въ семействъ. Такъ говорила она; о желанномъ же бракъ ей было Стыдно отцу помянуть; догадался онъ самъ и сказалъ ей: Дочка, ни въ мулахъ тебъ и ни въ чемъ нътъ отказа. Поди же; Дамъ повеленье рабамъ заложить колесницу большую, Выстроколесную; будеть при ней для поклажи и коробъ. Ковчивъ, рабамъ повелъніе далъ онъ. Ему повинуясь, Взяли они колесницу большую, ее снарядили, Вывели муловъ и къ дышлу, какъ следуеть, ихъ привязали. Взявъ изъ хранильницы платья и въ коробъ уклавъ ихъ, царевна Все помъстила на быстроколесной, большой колесницъ. Мать же корзиву со всякой фдой, утоляющей голодъ, Ей принесла; отпустила съ ней полный виномъ благороднымъ Мъхъ: не забыла и лакомства дать. Въ колесницу царевна Стала, принявъ отъ царицы фіалъ золотой съ благовоннымъ Масломъ, чтобъ послъ купанья себя и рабынь натереть имъ. Впять и блестящія вожжи взяла Навзикая и звучно Муловъ стегнула; затопавъ, они побъжали проворной Рысью, везя нелениво и грузъ и царевну. За нею Следомъ пошли молодыя подруги ея и служанки. Къ устью ръки многоводной достигли онъ напоследокъ. Выли устроены тамъ водоемы: вода въ нихъ обильно Светлой струею лилася, нечистое все омывая. Къ мъсту прибывъ, отвязали отъ дышла онъ утомленныхъ Муловъ и ихъ по зеленому брегу потока пустили Сочно-медвяной травою питаться; потомъ съ колесницы Сняли всв платья и въ полные ихъ водоемы ногами Крѣпко втоптали, проворнымъ усердіемъ споря другь съ другомъ, Начали платья он'в полоскать и потомъ, дочиста ихъ Вымывъ, по взморью на мелкоблестящемъ хрящъ, наносямомъ На берегь плоскій морскою волною, пхъ всё разостлали. Кончивъ, онъ искупались въ ръкъ и, натершись елеемъ, Весело свли на мягкой травв у ръки за объдъ свой,

Влажныя влатьи оставивъ сущить лучезарному солнцу. Пищей насытивъ себя и подругъ и служанокъ, царевна Вызвала въ мячь ихъ пграть, головныя сложивъ покрывала; Пъсню же стала сама бълорукая пъть Навзикая. Такъ стрелоносная, ловлей въ горахъ веселясь, Артемида Многовершинный Тайгеть и кругой Эвриманть объгаеть, Смерть нанося кабанамъ и лъснымъ легконогимъ оленямъ; Съ нею, прекрасныя дочери Зевса эгидодержавца, Въгаютъ нимфы полей-и любуется ими Латона; Всъхъ превышаетъ она головой, и легко между ними, Сколь ни прекрасны онъ, распознать въ ней богино Олимиа. Такъ красотою дівнчьей подругь затмевала царевна. Стали онъ, наконецъ, собпраться домой; въ колесницу Муловъ опять заложили и въ коробъ уклали одежды. Туть светлоокая дева Паллада придумала средство, Какъ пробудять Одиссея, чтобъ, съ нимъ повстръчавшись, царевна Въ городъ людей феакійскихъ ему указала дфогу: Бросила мячь Навзикая въ подружекъ, но, въ нихъ не попавши, Онъ, отраженный Аонною, въ волны шумящія прянуль; Громко онъ закричали; ихъ крикъ пробудиль Одиссея. Онъ поднялся и, колеблясь разсудкомъ и сердцемъ, воскликнулъ: Горе! къ какому народу зашелъ я? Быть-можеть, здесь объясть Дикихъ, не знающихъ правды людей? Иль, можетъ-быть, встръчу Смертныхъ привътливыхъ, богобоязненныхъ, гостепримныхъ? Кажется, девичій громкій вблизи мне послышался голось. Или зд'ясь нимфы, влад'ялицы горъ крутоглавыхъ, душистыхъ, Влажныхъ луговъ и истоковъ ръчныхъ потаенныхъ, пграютъ; Или достигь, наконецъ, я жилища людей говорящихъ. Встанемъ же: должно мит все самому испытать и развъдать. Съ спми словами изъ чащи кустовъ Одиссей осторожно Выползъ; потомъ жиловатой рукою покрытыхъ листами, Свежихъ ветвей наломалъ, чтобъ одеть обнаженное тело. Вышель онъ-такъ, на горахъ обитающій, силою гордый, Въ вътеръ и дождь на добычу выходитъ, сверкая глазами, Левъ; на быковъ и овецъ овъ бросается въ полъ, хватаетъ Дикихъ оленей въ лъсу, и неръдко, тревожимый гладомъ, Мелкій скоть похищать подбъгаеть къ пастушьнит заградамь. Такъ Одиссей вознамърился къ дъвамъ прекраснокудрявымъ Нагь подойти, приневоленъ къ тому пепрекловной нуждою. Выль онь ужасень, покрытый морскою засохшею тиной: Въ трепеть всь разбъжалися врозь по высокому брегу. Но Алкиноева дочь не покинула мъста. Лепна Водрость вселила ей въ сердце и въ немъ уничтожила робость. Стала она передъ нимъ: Одиссей же не зналъ, что приличнъй: Оба ль колина обнять у прекраснокудрявыя дивы? Илп, въ почтительномъ ставъ отдаленіи, молить умиленнымъ Словомъ ее, чтобъ одежду дала и пріютъ указала? Такъ размышляя, нашель, наконець, онь, что было приличный-Словомъ молить умиленнымъ, въ почтительномъ ставъ отдаленыя (Тронувъ колъна ея, онъ прогнъвалъ бы чистую дъву). Съ словомъ пріятноласкательнымъ онъ обратился къ царевнъ: Руки, богиня иль смертная дева, къ тебе простираю. Если одна изъ богинь ты, владычицъ пространнаго неба, То съ Артемидою только, великою дочерью Зевса, Можешь сходка быть лица красотою и станомъ высокниъ;

Если жъ одна ты изъ смертныхъ, подъ властью судьбины живущихъ, То несказанно блаженны отецъ твой и мать, и блаженны Вратья твои, съ наслажденіемъ видя, какъ ты передъ ними Въ домъ семейномъ столь мирно цвътешь, иль свои восхищая Очи тобою, когда въ хороводахъ ты весело пляшешь, Но взъ блаженныхъ блаженнъйшимъ будетъ тотъ смертный, который Въ домъ свой тебя уведеть, одаренную въномъ богатымъ. Нътъ! ничего столь прекраснаго между людей земнородныхъ Взоры мои не встръчали донынъ; смотрю съ изумленьемъ. Въ Делосъ только я-тамъ, гдъ алтарь Аполлоновъ воздвинутъ-Юную стройновысокую пальму однажды заметплъ (Въ храмъ же зашелъ, окруженный толною сопутниковъ върныхъ, Я по пути, на которомъ столь много мнф встретплось бедствій). Юную пальму зам'ятивъ, я въ сердци своемъ изумленъ былъ Долго: подобнаго ей благороднаго древа нигдт не впдалъ я. Такъ и тебъ я дивлюсь. Но, дивяся тебъ, не дерзаю Тронуть кольней твоихъ; несивзанной бъдой я постигнутъ. Только вчера, на двадцатый мит день удалося пабъгнуть Моря: столь долго игралищемъ быль я губительной бури, Гнавшей меня отъ Огигіп острова. Нынъ жъ сюда я Демономъ брошенъ для новыхъ напастей — еще не конецъ имъ: Вфрио не мало еще претерпъть миз назначили боги. Сжалься, даревна; тебя, пспытавин превратностей много, Первую здфсь я съ молитвою встрфтиль; никто изъ живущихъ Въ этой землъ не знакомъ мнъ; скажи, гдъ дорога Въ городъ, и дай мит прикрыть обнаженное тело хоть лоскуть Грубой обверки, въ которой сюда привезла ты одежды. 0! да исполнять безсмертные боги твои всв желанья, Давши супруга по сердцу тебъ съ изобиліемъ въ домъ, Съ ипромъ въ семьт! Несказанное тамъ водворяется счастье, Гдт однодушно живуть, сохраняя домашній порядокъ, Мужъ и жена, благосмысленнымъ людямъ на радость, не добрымъ Людямъ на зависть и горе, себф на великую славу. Дочь Алкиноя, ответствуя, такъ Одиссею сказала: Странникъ, конечно, твой родъ знаменитъ: ты, я вижу, разуменъ. Дій же п назкимъ и рода высокаго людямъ съ Олимпа Счастье даеть безъ разбора по воль своей прихотливой; Что ниспослаль онъ тебъ, то прими съ терпъливымъ смиреньемъ. Если жъ достигнуть ты могъ и земли и обителей нашихъ, То ни въ одеждъ отъ насъ и ни въ чемъ, для молящаго, много Въдъ претерпъвшаго странника нужномъ, не встрътишь отказа. Градъ нашъ тебъ укажу, назову и людей, въ немъ живущихъ. Въ градъ живетъ и землей здъсь владъетъ народъ фелкіянъ; Я Алкиноя, царя благодушнаго, дочь; Алкиноя жъ Нынъ державнымъ владыкой своимъ признаютъ феакійцы. Тутъ обратилась царевна къ подругамъ своимъ и служанкамъ: Стойте! куда разб'вжалися вы, устращась иноземца? Онъ человъкъ не зломышленный; нътъ вамъ причины страшиться; Не было прежде, вы знаете, неть и теперь и не можеть Выть и впередъ на земле никого, кто бъ на насъ феакіянъ Злое замыслиль: насъ боги безсмертные любять; живемъ мы Здёсь, отъ народовъ другихъ въ стороне, на последнихъ пределахъ Шумнаго моря, и редко насъ кто изъ людей посещаетъ. Нынъ же встрътился намъ злополучный, бездомный скиталецъ: Помощь ему оказать мы должны-къ намъ Зевесъ посылаеть

Нищихъ и странциковъ; даръ и убогій Зевесу угоденъ. Странавку пищи съ питьемъ принести посившите, подруги; Прежде жъ его искупайте, отъ вътровъ защитное мъсто Выбравъ въ потокъ. - Сказала. Сошлись ободренния дъвы. Въ месть, отъ вътровъ защитномъ, его посадивъ, какъ велела Имъ Навзикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя, Мантію съ тонкимъ хитономъ онъ близъ него положили. Послъ, принести фіалъ золотой съ благовоннымъ елеемъ, Стали его приглашать къ омовению въ свътломъ потокъ. Но Одиссей благородный отрекся и такъ отвъчалъ имъ: Дъвы прекрасныя, станьте поодаль; безъ помощи вашей Смою съ себя я соленую тину, и самъ наелею Тьло; давно ужъ елей благовонный къ нему не касался. Но передъ вами купаться не стану я въ свътломъ потокъ; Стыдно себя обнажить мнв при вась, густовласыя дввы. Такъ онъ сказалъ; и онъ, удаляся, о томъ извъстили Царскую дочь. Однесей же, въ потокъ погрузпвинся, тину, Грязно облекшую плечи и спину ему и густые Кудри его облешившую, смылъ освежительной влагой; Чисто омывшись, онъ свътлое тело умаслилъ елеемъ; Посл'в украсился даннымъ младою царевною платьемъ. Дочь свътлоокая Зевса Анина тогда Одиссея Станомъ возвысила, сделала теломъ полней и густыми Кольцами кудри, какъ цвътъ гіацинта, ему закрутила: Такъ, серебро облекая сіяющимъ золотомъ, мастеръ, Дъвой Палладой и богомъ Ифестомъ наставленный въ трудномъ Деле своемъ, чудесами пскусства людей изумляеть: Такъ красотою главу облекла Одиссею богиня. Верегомъ моря пошелъ онъ п сълъ на пескъ, озаренный Сплой и прелестью мужества. Царская дочь пзумилась. Слово потомъ обратила она къ густовласымъ подругамъ: Слушайте то, что скажу вамъ теперь, бълорукія дъвы; Думаю я, что не встми богами Олимпа гонимый Этоть скиталець въ страну феакіянь божественныхъ прибыль; Прежде и мит человъкомъ простымъ онъ казался, теперь же Впжу, что свой онъ богамъ, безпредъльнаго неба владыкамъ. 0! когда бы подобный супругь мнв нашелся, который, Здесь поселившись, у насъ навсегда, захотель бы остаться! Вы жъ чужеземцу ъды и питья принесите, подруги. Такъ говорила царевна. Ея повинуяся воль, Дъвы не медля тды и питья принесли Одиссею. Съ жадностью голодъ и жажду свою утолилъ богоравный, Твердый въ бъдахъ Одиссей: ужъ давно не касался онъ пищи. Добрая мысль пробудплась туть въ сердцъ разумной царевны; Чистыя платья собравъ, въ колесницу она ихъ уклала, Муловъ потомъ запрягла крепконогихъ и, ставъ въ колесницу, Такъ Одиссею, его приглашая съ собою, сказала: Время намъ въ городъ; вставай, чужеземецъ, и следуй за нами; Домъ, где живетъ мой отецъ, я тебе укажу; тамъ, конечно, Встр'ятишь и вс'яхъ знаменитыхъ людей феакійскихъ; но прежде Мой ты псполни совъть (ты, я вижу, разуменъ): покуда Будемъ въ поляхъ мы, трудомъ человъка удобренныхъ, следуй Съ дъвами виъстъ за быстрой моей колесницею ровнымъ Съ мулами шагомъ-у васъ впереди я поеду; потомъ мы Въ городъ прибудемъ... съ бойницами ствим его окружаютъ;

Пристань его съ двухъ сторонъ огибаетъ глубокая; входъ же Въ пристань стъсненъ кораблями, которыми справа и слъва Берегъ уставленъ и каждый изъ нихъ подъ защитою кровлей; Тамъ же и площадь торговая вкругъ Посидонова храма, Твердо на тесанныхъ камняхъ огромныхъ стоящаго; снасти Встхъ кораблей тамъ, запасъ парусовъ и канаты въ простравныхъ Зданьяхъ хранятся: тамъ гладкія также готовятся весла. Намъ, феакійцамъ не нужно ни луковъ, ни стрелъ; вся забота Наша о мачтахъ и веслахъ и прочныхъ судахъ мореходныхъ; Весело намъ въ корабляхъ обтекать многошумное море. Я жъ отъ людей порицанья избъгнуть хочу и обидныхъ Толковъ; народъ нашъ весьма злоязыченъ; намъ встрътиться можеть Гдъ-нибудь дерзкій насмішникъ; увидя насъ вмість, онъ скажеть: Съ къмъ такъ сдружилась царевна? Кто этотъ могучій, прекрасный Странникъ? Откуда пришелъ? Не женихъ ли какой пноземный? Что онъ? Морскою ли бурею къ намъ занесенный изъ дальнихъ Странъ человъкъ (никакихъ мы въ сосъдствъ не знаемъ народовъ)? Илп какой по ея неотступной молитвъ съ Олимпа на землю Вогъ низлетфвийт — и будеть она обладать имъ отнынь? Лучте бъ самой ей покинуть нашъ рай и въ странъ отдаленной Мужа пскать; межъ людей феакійскихъ никто не нашелся Ей по душ'ь, хоть и много у насъ жениховъ благородныхъ. Воть что разсказывать могуть въ народъ; миж будеть обидно. Я жъ и сама бы, конечно, во всякой другой осудила, Если бъ, имъя и мать и отца, безъ согласья ихъ стала, Въ бракъ не вступпвии, она обращаться съ мужчинами вольно. Ты же совъть мой исполни (тогда и родитель мой помощь Скорую дасть и отечество ты не замедлишь увидеть); Есть близъ дороги священная роща Аонны изъ черныхъ Тополей; светлый источникъ оттуда бежить на зеленый Лугъ; тамъ помъстье царя Алкиноя съ его плодоноснымъ Садомъ въ такомъ разстояные отъ града, въ какомъ человечій Внятенъ намъ голосъ. Тамъ съвъ, подожди ты до тъхъ поръ, попуда Мы не прибудемъ на мъсто и царскихъ палать не достигнемъ; когда же Ты убъдишься, что царскихъ палать ужъ могли мы достигнуть, Встань п во внутренность града войди и разспрашивай встречныхъ, Гдт обитаетъ родитель мой, царь Алкиной многославный. Домъ же его ты узнаешь легко: безсловесный младенецъ Можетъ дорогу къ нему указать; ни одинъ феакіецъ Здёсь не пифеть такого жилища, въ какомъ обитаеть Царь Алкиной. Окруженный строеніями дворъ перешедшя, Шагомъ поспъшнымъ пройди ты сквозь залу къ покоямъ царицы; Тамъ передъ яркоблестящимъ ее очагомъ ты увидишь, Съ чуднымъ пскусствомъ прядущую тонкопурпурныя нити Подле колонны высокой, въ кругу приближенныхъ служанокъ, Тамъ же и кресла царевны стоятъ у огня и, на нихъ онъ Сидя, виномъ утфицается, свътлому богу подобный. Мимо царя ты пройди и обнявши руками кольна Матери милой моей, умоляй, чтобъ она поспъшила День возвращенья въ отчизну теб'в даровать чужеземцу. Если моленье твое съ благосклонностью приметъ царица, Вудеть тогда и надежда тебф, что возлюбленныхъ блежнихъ, Светлый свой домъ и семью и отечество скоро увидишь. Кончивъ, ударила звучно блестящимъ бичомъ Навзикая Муловъ; затопавъ, они отъ реки побежали проворной

Рысью; другіе же півшіе слідомъ пошли; но царевна Муловъ держала на крівцкихъ вожжахъ, чтобъ отъ нихъ не отстали Дівы и странникъ, и хлопала звучнымъ бичомъ осторожно. Солнце садилось, когда къ благовонной Палладиной рощів Вмістії достигли они. Одиссей, тамъ оставшися, началъ Дочери Зевса эгидодержавца Палладів молиться: Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада, Нынів вонми ты молитвії, тобою не внятой, когда я Гибнуль въ волнахъ, сокрушенный земли колебателя гнівомъ; Дай мнів найти и покровъ и пріязнь у людей феакійскихъ. Такъ говориль онъ, моляся; и быль онъ Палладой услышанъ, Но передъ нимъ не явилась богиня сама, опасансь Мощнаго дяди, который упорствоваль гнать Одиссея, Вогоподобнаго мужа, пока не достигь онъ отчизнь:

пъснь седьмая.

СОДЕЖАНІЕ СЕДЬМОЙ ПЪСНИ.

Вечерт тридцать-второго дии. Одиссей входить въ городъ; у вородъ встръчается съ нимъ Аенна подъ видомъ феакійскія дѣвы; она окружаетъ его мглою, и онъ, никъмъ не примѣчевный, приближается къ Алкиноеву дому. Описаніе царскаго дома и сада. Вошедъ въ палату, гдѣ царь въ то время пироваль съ гостями, Одиссей приближается къ царицъ Аретъ, и мгла, его окружавшая, исчезаетъ. Онъ молитъ царицъ о дарованіи ему способа возвратиться въ отчизну. Царь приглашаетъ его състь за транезу. По окончавіи пиршества гости расходятся. Одиссей, оставшись одинъ съ Алкиноемъ и Аретою, разсказываєть имъ, какъ онъ покинуль островъ Огигію, какъ буря его бросила на берега Схеріи и какъ получить онъ свою одежду оть царевны Навзикаи. Алкиноб даеть ему объщаніе отправить его на кораблъ феакійскомъ въ Итаку.

Такъ Одиссей богоравный, въ бедахъ постоянный, молился. Тою порою даревну везли кръпконогіе мулы Въ городъ. Достигнувъ блестящихъ царевыхъ палатъ, Навзикая Взъбхала прямо на дворъ и сошла съ колесици; навстречу Вышли ея молодые, безсмертнымъ подобные, братья; Муловъ отпрягши, въ покои они отнесли всф одежды. Парская дочь на свою половину пошла: развела тамъ Яркій огонь ей рабыня эппрская Эвримедуза (Нъкогда въ быстромъ ее кораблъ увезли изъ Эпири, Въ даръ Алкиною почетный назначивъ, понеже, надъ всеми Онъ феакійцами властвуя, чтимъ былъ какъ богъ отъ народа. Ею была Навзикая воспитана въ царскомъ жилищѣ). Яркій огонь разведя, приготовила ужинъ старушка. Въ городъ направилъ тъмъ временемъ путь Одиссей; но Аоинъ Облакомъ темнымъ его окружила, чтобъ не былъ замъченъ Онъ никакимъ изъ надменныхъ гражданъ феакійскихъ, который Могь бы его оскорбить, любопытствуя вывёдать, кто онъ. Но, подошедъ ко вратамъ крепкозданнымъ прекраснаго града, Встретилъ онъ дочь светлоокую Зевса богиню Анину Въ вид'в несущей скудель молодой феакійскія дівы. Встрътившись съ нею, спросилъ у нея Одиссей богоравный: Дочь моя, можешь ли мит указать тъ палаты, въ которыхъ Вашъ обладатель божественный царь Алкиной обитаетъ? Многопспытанный странникъ, судьбою сюда издалека Я заведень; мев некто незнакомъ здъсь, никто изъ живущихъ Въ городъ вашемъ, никто изъ людей, обитающихъ въ полъ.

Дочь світлоокая Зевса Аопна ему отвічала: Странникъ, съ великой охотой палаты, которыхъ ты ищешь, Я укажу, тамъ въ сосъдствъ живетъ мой отецъ безпорочный, Следуй за мною въ глубокомъ молчаньи; пойду впереди я; Ты же на встръчныхъ людей не гляди и не дълай вопросовъ Имъ: вноземцевъ не любитъ народъ нашъ; онъ съ ними не ласковъ; Люди радушнаго зд'всь гостелюбія вовсе не знають; Выстрымъ ввъряя себя кораблямъ, пробъгають безстрашно Вездну морскую они, отворенную имъ Посидономъ: Ихъ корабля скоротечны, какъ легкія крылья вль мысля. Кончивъ, богиня Анина пошла впереди Одиссея Выстрымъ шагомъ, поспѣшно пошелъ Одиссей за богиней. Улицы съ ней проходя, ни однимъ изъ людей феакійскихъ, На морф славныхъ, онъ не былъ замфченъ; того не хотвля Свътлокудрявая дъва Паллада: храня Одиссея, Тьмой несказанной его отовсюду она окружила. Онъ изумился, увидъвши пристани, въ вихъ безконечный Рядъ кораблей, и народную площадь, и кръпкія стыны Чудной красы, неприступнымъ извить огражденныя тыномъ. Но, подошедъ къ многославному дому даря Алкиноя, Дочь свътлоокая Зевса богиня Авина сказала: Странникъ, съ тобою пришли мы къ палатамъ, которыхъ искаль ты; Въ нихъ ты увидишь любезнаго Зевсу царя Алкиноя Въ сонмъ гостей за роскошной трапезой; войди, не страшася; Мужу безстрашному, кто бы онъ на быль, хотя бъ чужеземець, Все по желанью върнъе другихъ исполнять удается. Прежде всего подойди ты, въ палату вступивши, къ царица; Имя царицы — Арета: она отъ однихъ происходитъ Предковъ съ супругомъ. Ихъ дъдомъ былъ сывъ Поспдововъ, велякій Царь Навзитой; отъ него родились Рексеноръ съ Алкиноемъ. Но Рексеноръ, сыновей не вызвъ, сребролукимъ застрълянъ Вылъ Аполлономъ на парт вторичнаго брака, оставивъ Дочь спротою, Арету; п, съ ней Алкиной сочетавшись, Такъ почитаеть ее, какъ еще никогда не бывала Въ свътъ жени, свой любящая долгъ, почитаема мужемъ: Нажную сердца любовь ей всечасно являють въ семейства Дъти и царь Алкиной: въ ней свое божество феакійцы Видять, и въ городъ съ радостно-шумнымъ всегда къ ней тъснятся Плескомъ, когда межъ народа она тамъ по улицамъ ходитъ. Кроткая сердцемъ, выветъ она и возвышенный разумъ, Такъ, что вередко и трудвые споры мужей разрешаетъ. Если моленья твои съ благосклонностью приметъ царица, Будеть тогда и надежда тебъ, что возлюбленныхъ ближнихъ, Свътлый свой домъ и семью и отечество скоро увидишь. Такъ говоря, свётлоокая Зевсова дочь удалилась; Моромъ безплоднымъ отъ Схеріп тучной помчавшись, достигла Скоро она Маравона; потомъ въ многолюдныхъ Авпнахъ Въ домъ кръпкозданный царя Эрехтея вошла. Ходиссей же Тою порой подошель ко дворцу Алкиноя; онъ спльно Сердцемъ тревожился, стоя въ дверяхъ передъ маднымъ порогомъ. Все лучезарно, какъ на небъ свътлое солнце иль мъсяцъ, Выло въ палатахъ любезнаго Зевсу царя Алкиноя; Медныя стены во внутренность шли отъ порога и были Сверху увънчаны свътлымъ карнизомъ лазоревой стали; Входъ затворенъ былъ дверями, литыми изъ чистаго злата;

Притолоки ихъ изъ сребра утверждались на медномъ пороге; Также и князь ихъ серебряный быль, а кольцо золотое. Двѣ-золотая съ серебряной-справа и слѣва стояли, Хитрой работы искуснаго бога Ифеста, собаки Стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя: Были безсмертны онъ и съ теченіемъ льть не старъли. Станы кругомъ огибая, во внутренность шли отъ порога Лавки богатой работы; на лавкахъ лежали покровы, Тканые дома искусной рукою прилежныхъ работницъ; Мужи знативишие града садилися чиномъ на этихъ Лавкахъ питьемъ и ѣдой наслаждаться за царской трапезой. Зрълися тамъ на высокихъ подножіяхъ лики златые Отроковь: свъточи въ ихъ пламенъли рукахъ, озаряя Ночью палату и царскихъ гостей на пирахъ многославныхъ. Жило въ пространномъ дворцъ иятьдесять рукодъльныхъ невольницъ: Рожь золотую мололи одиж жерновами ручными, Нити сучили другія и ткали, сидя за станками Рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ тополя; ткани жъ Были такъ плотвы, что въ нихъ не впивалось и тонкое масло. Сколь феакійскіе мужи отличны въ правленіи были Быстрыхъ своихъ кораблей на моряхъ, столь отличны ихъ жены Были въ тканьъ: ихъ богиня Аеина сама научила Всёмъ рукодёльнымъ искусствамъ, открывъ имъ и хитростей много. «Былъ за широкимъ дворомъ четырехдесятинный богатый Садъ, обведенный отвсюду высокой оградой; росло тамъ Много деревъ плодоносныхъ, вътвистыхъ, шпроковершинныхъ. Яблонь, и грушъ, и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ, Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ, роскошно цвътущихъ; Круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ знойное лъто Видимы были на вътвяхъ плоды; постоянно тамъ въялъ Теплый зефиръ, зарождая одни, наливая другіе; Груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смоква за смоквой, Гроздъ пурпуровый за гроздомъ смѣнялися тамъ, созрѣвая. -Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный богатый; и грозды Частью на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые зноемъ, Частію ждали, чтобъ срѣзаль ихъ съ лозъ виноградарь; иные Были давимы въ чанахъ; а другіе цвѣли иль, осыпавъ Цвътъ, созръвали и сокомъ янтарногустымъ наливались. Саду границей служили красивыя гряды, съ которыхъ Овощи вкусная зелень весь годъ собирались обильно. Два тамъ источника были: одинъ обтекалъ извиваясь Садъ, а другой передъ самымъ порогомъ царева жилища Свътлой струею бъжаль, и граждане въ немъ черпали воду. Такъ изобильно богами былъ домъ одаренъ Алкиноевъ Долго, дивяся, стояль передъ нимъ Одиссей богоравный; Но, поглядъвши на все съ изумленьемъ великимъ, ступилъ онъ Смёлой ногой на порогь и во внутренность дома проникнулъ. Тамъ онъ узрѣлъ феакійскихъ вождей и старѣйшинъ, творящихъ Зоркому богу, убійцѣ Аргуса, виномъ возліянье (Онъ отъ грядущихъ ко сну былъ всегда призываемъ послъдній). Быстро палату пировъ перешелъ Одиссей богоравный; Скрытый туманомъ, которымъ его окружила Авина, Прямо къ Аретъ приблизился онъ п къ царю Алкиною, Обнялъ руками кол'вна царицы, и въ это мгновенье Вдругъ разступплась его облекавшая тьма неземная.

Всв замолчали, могучаго мужа внезапно увиди; Всв въ изумленьи смотрели. Царице Арете сказалъ онъ: Дочь Рексенора, подобнаго силой безсмертнымъ, Арета, Нын' къ коленамъ твоимъ и къ царю и къ пирующимъ съ вами Я прибъгаю, плачевный скиталецъ. Да боги пошлють вамъ Свътлое счастье на долгіе дни; да наслъдують ваши Дътп вашъ домъ и народомъ вамъ данный вашъ санъ знаменитый. Мив жъ помогите, чтобъ я безпрепятственно могъ возвратиться Въ землю отцовъ, столь давно сокрушенный разлукой съ своими. Кончивъ, къ отню очага подошелъ онъ и сълъ тамъ на пеплъ. Всв неподвижно молчали и долго молчание длилось. Но, наконецъ, Эхеней, благороднаго племени старецъ, Ранте встхъ современныхъ ему фелкіянъ рожденный, Сладкоръчивый, и старыя были и многое знавшій, Побрыхъ исполненный мыслей, сказаль, обратясь къ Алкиною: Парь-Алкиной, неприлично тебф допускать, чтобъ молящій Странникъ на пециъ сидълъ очага твоего передъ нами. Почесть ему оказать ожидаемъ твоихъ повельній; Съ пепла поднявши, на стулъ среброкованный съ нами его ты Състь пригласи и глашатаю въ чаши вина золотого Влить повели, чтобъ могли громолюбцу Зевссу, молящихъ Странниковъ всёхъ покровителю, мы совершить возліянье. Гостю жъ пускай изъ запаса дасть илючища пищи вечерней. Такъ онъ сказавъ, пробудилъ Алкиноеву силу святую. За руку взявъ Одиссея, объятаго думой глубокой, Съ пепла онъ подвялъ его и на креслахъ богатыхъ съ собою Рядомъ за столъ посадилъ, посельвъ уступить Лаодаму, Сыну любимому, подлъ сидъвшему, мъсто пришельцу. Тутъ для умытія рукъ поднесла на богатой лахани Полный студеной воды, золотой рукомойникъ рабыня: Гладкій потомъ пододвинула столь; на него положила Хльбъ домовитая ключница съ разнымъ събстнымъ, изъ запаса Выданнымъ ею охотно. Вдой и питьемъ изобильнымъ Сердце свое насладилъ Одпссей, многославный страдалецъ. Туть Понтоною глашатаю бросиль крылатое слово Царь феакіянь: наполни кратеры виномъ и подай съ нимъ Чаши гостямъ, чтобъ могли громолюбцу Зевесу, молящихъ Странниковъ всъхъ покровителю, мы совершить возліннье. Такъ онъ сказалъ, и, наполнивъ медвянымъ виномъ вст кратеры, Въ чашахъ пирующимъ подалъ его Понтоной; возліянье Стоя они совершили и вдоволь питьемъ насладились. Парь Алкиной, обратившись къ гостямъ, произпесъ: приглашаю Выслушать слово мое васъ, мужей феакійскихъ, дабы н Высказать могь вамъ все то, что велить мит разсудокъ и серпце. Кончился пиръ нашъ; теперь по домамъ на покой разойдитесь; Завтра же утромъ, съ собою и прочихъ вельможъ пригласивши, Снова придите, чтобъ странинка здёсь угостить и безсмертнымъ Вижеть свершить экотомбу. Потомъ учредимъ отправленье Гостя почтеннаго такъ, чтобъ подъ нашей надежной защитой Овъ безъ тревогъ и препятствій посибино и весело прибыль Въ край, имъ желаемый, сколь бы отсюда онъ ни былъ далеко; Также, чтобъ онъ ни печали ни зла на дорогъ пе встрътилъ Прежде, пока не достигнеть отчизны; когда же достигнеть, Пусть испытаетъ все то, что судьба и могучія Парки Въ нить бытія роковую вилели для него при рожденьи.

Если же кто изъ безсмертныхъ подъ видомъ его посътилъ насъ. То на ум'в ихъ, конечно, есть замысель, намъ неизвъстный; Ибо всегда намъ открыто являются боги, когда мы, Ихъ призывая, богатыя имъ экатомбы приносимъ: Съ нами они пировать безъ чиновъ за транезу садятся: Даже когда кто изъ нихъ и одинъ на пути съ феакійскимъ Страненковъ встрътится-онъ не скрывается: боги считаютъ Всехъ насъ родными, какъ дикихъ циклоновъ, какъ племя гиганторъ. Кончиль. Ему отвъчая, сказаль Одиссей хитроумный: Царь Алкиной, не тревожься напрасно такимъ помышленьемъ: Въчнымъ богамъ, безпредъльнаго неба владыкамъ, ни видомъ Я не подобень, ни станомь; простой человъкъ я, изъ всъхъ, вамъ Въ мірт извъстныхъ людей земнородныхъ, судьбою гонимыхъ, Самымъ злосчаствъйшимъ бъдственной жизнью моей я подобенъ. Бол'я другихъ бы и могъ разсказать о великихъ напастяхъ, Мной претеривниках съ трудомъ испомврнымъ по волв безсмертныхъ; Но несказачнымъ, хотя и прискорбенъ, я голодомъ мучусь; Ижть ничего нестерпимъй грызущаго голода; нами Властвул, онъ о себъ вспоминать ежечасно неволить Насъ, и печальныхъ и преданныхъ скорби душой. Сколь ни спльно Скорби душою я предань, но тощій желудокъ мой жадно Требуеть инщи себ'в и меня забывать принуждаеть Все, претеривнное мной, о себъ лишь упорно заботясь. Вы же, молю васъ, какъ скоро пробудится свътлая Эосъ, Мять злополучному путь учредите въ отчизну возвратный; Много и бедъ претериель, но готовъ и погнонуть, лишь только бъ Свътный свой домъ и семью, и рабовъ, и богатства увидъть. Кончилъ. Они, изъявивъ одобренье, ръшили въ отчизну Гостя отправить, илънявшаго всехъ ихъ столь умною ржчью. После, свершивъ возліянье и вкуснымъ виномъ насладившись, Каждый въ свой домъ удалился, о ложе и сив помышляя. Но Одиссей богоравный остался въ палать столовой; Царь Алкиной и царица Арета остались съ нимъ вмъсть; рабыни Тою порой со столовъ всю посуду посифино убрали. Туть бізорукая съ гостемъ бесіздовать стала Арета. Мантію съ тонкимъ хитономъ, сотканные ею самою Дома съ рабынями, въ платъв пришельца узнавши, царица Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово: Странникъ, сначала сама и тебя вопрошу: отвъчай мнъ: Кто ты? Откуда? И платье свое отъ кого получилъ ты? Намъ ты сказалъ, что сюда былъ морской непогодою брошевъ. Світлой цариції отвітствоваль такъ Одиссей хитроумный: Трудно, царица, ми'в будеть теб'в разсказать всю подробно Повесть о бедствіяхъ, встреченныхъ мною по воле рожденныхъ Древнимъ Ураномъ боговъ-объ одномъ разскажу откровенно: Въ морф находится островъ Огигія; тамъ обитаетъ Хигроковарная дочь кознодея Атланта Калипсо. Свътлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водять Общества съ нею ни въчные боги ни смертные люди. И же одинъ злополучный на островъ ея былъ враждебнымъ Демономъ брошенъ, когда мой корабль сокрушительнымъ громомъ Зевсь поразиль посреди безпредъльно-пустыннаго моря. Спутниковъ всехъ (поглотила ихъ бездна) тогда я угратилъ. Самъ же, на кил'в разбитаго судна, обхваченномъ мною, Девять носившися дней по волнамъ, на десятый съ наставшей

Ночью на островъ Огигію выброшенъ быль, гдѣ Калипсо Свътлокудрявая нимфа живеть. И, пріють благосклонно Давъ мнѣ, богиня меня угощала, кормила, хотѣла Мнъ, наконецъ, даровать и безсмертье, и въчную младость. Сердца, однако, она моего обольстить не успъла. Ифлыя семь льть утратиль я тамъ, и текли непрестанно Слезы мон на одежды, мнв данныя нимфой безсмертной. Годъ напоследокъ осьмой приведенъ быль временъ обращеньемъ: Вдругъ мн ова повельла покинуть свой островъ-не знаю. Зевса ль она убоялась, сама ль измънилася въ мысляхъ? Сѣлъ я на крѣпкосколоченный плотъ, и она, надъливши Хльбомъ меня и душистымъ виномъ и нетлънной одеждой. Следомъ послала за мной благовенощій ветеръ попутный. Двей совершилось семнадцать съ тъхъ поръ, какъ пустился я въ море: Вдругъ на осьмнадцатый видима стала вдали надъ водами Ваша земля, и во мит оживилось милос сердце, Столь несказанно страдавшее. Много, однако, еще мнѣ Бъдъ колебатель земли, Посидонъ непреклонный, готовиль: Вѣтры поднявъ, заградилъ предо мной онъ дорогу, и море Все безпредальное вдругь затревожилось: быль я не въ силахъ Жалобно стонущій, судномъ владіть на взволнованной бездні: Буря его изломала въ куски и, въ кииящую влагу Бросясь, пустился я вплавь: напоследокъ примчали Къ вашему брегу меня многошумные вътры и морс: Гибели бъ мив не избъгнуть, когда бъ на утесистый берегъ Вылъ я волною, скалами его отшибаемой, кинутъ: Силы напрягши, я въ сторону поплылъ и скоро достигнулъ Устья ръки-показалось то мъсто пріютнымъ, тамъ острыхъ Не было камней, тамъ всюду отъ вътровъ являлась защита: На берегъ вышедъ, въ безсиліе впалъ я; божественной ночи Тьма наступила: тогда, удалясь отъ потока, небеснымъ Зевсомъ рожденнаго, я пріютился въ кустахъ и въ опадшихъ Спрятался листьяхъ; и сонъ безконечный послади мить боги. Тамъ подъ защитою листьевъ, съ печалію милаго сердца, Проспаль всю ночь я, все утро и за полдень долго: Солнце садилось, когда усладительный сонъ мой быль прерванъ: Дъвъ, провожавшихъ царевну твою, я увидълъ на брегъ; Съ нею, подобныя нимфамъ, онъ, тамъ ръзвяся, играли. Къ ней обратилъ я молитву, и такъ поступила разумно Юная царская дочь, какъ не многія съ ней одинакихъ Лътъ поступить бы могли-молодежь разсудительна ръдко. Сладкой вдой и виномъ искрометнымъ меня подкрвиняти, Мыб искупаться въ потокъ велъла она и одежду Эту дала мет. Я кончилъ, поистинъ все расказавъ вамъ. Онъ умолкнулъ. Ему Алкиной отвъчалъ благосклонно: Страннякъ, гораздо бъ приличнъе было для дочери нашей, Если бъ она пригласила тебя за собою немедля Следовать въ домъ нашъ: къ ней первой ты съ просьбой своей обратился. Такъ онъ сказалъ, и ему возразилъ Одиссей хитроумный: Парь благородный, не делай упрековъ разумной царевне; Следовать мне за собою она предложила немедля; Я жъ отказался-мет было бы стыдно; при томъ же подумалъ Я, что, меня съ ней увидя, на насъ ты разгитваться могъ бы: Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные люди. Парь Алкиной, возражая, ответствоваль такъ Одиссею:

Страненкъ, въ груди у меня къ безразсудному гифву такому Сердце несклонно; приличіе жъ должно во всемъ наблюдать намъ. Если бъ-о Дій громовержець! о Фебъ Аполлонъ! о Анина! --Если бъ нашелся, подобный тебъ, въ помышленьяхъ со мною Сходный, супругъ Навзикаъ, возлюбленный зять миъ, и если бъ Здёсь поселился онъ... Домъ и богатства бы даль я, когда бы Волей ты съ нами остался; насильно же здъсь иноземца Мы не задержимъ, то было бы Зевсу отцу неугодно. Твой же отътадъ я устрою, чтобъ было тебт то наитетно. Завтра: ты, сладкому отдыху мирно предавшися, будеть Сонный въ спокойномъ безв'ятрін плыть и достигнень Въ землю отцовъ иль въ иную какую желаниую землю, Сколь бы она ни лежала далеко, хотя бы въ Эвбею, Даль которой ужъ пътъ начего, по сказанью отважныхъ Нашихъ пловцовъ, съ златовласымъ туда Радамантомъ ходивилихъ-Титія, сына земли, посытиль онь-и, сколь ни далекъ быль Путь по глубокому морю, его безъ труда совершили Въ сутки они, до Эвбеи доплывъ и назадъ возвратившись. Самъ ты узнаешь, какъ быстры у насъ корабли, какъ отважно Веслами море браздять мореходцы мон молодые. Такъ онь сказаль; пролилося веселіе въ грудь Одиссен: Голосъ возвысивши свой, произнесъ онъ такую молитву: Дій, нашъ отецъ! да исполнится все, что теперь объщаль миз-Царь Алкиной, и да будеть всегда на земл'в илодоносной Слава ему! А меня проводи безопасно въ отчизну. Такъ говорили о многомъ они, собесъдуя сладко. Тою порой повельла царица Арета рабынямъ Въ съняхъ поставить кровать, на нее положить пурпуровый Мягкій тюфякъ и богатый коверь разостлать: на коверь же Теплымъ покровомъ для тъла косматую мантію бросить. Факелы взявин, пошли изъ столовой рабыви; когда же Выло совстви приготовлено мягкоупругое ложе, Влизко онъ подошедъ къ Одиссею, ему доложили: Страненкъ, иди почивать: для тебя приготовлено ложе. Радостно было усталому гостю призванье къ покою: Сладкопълительный сонъ, наконецъ, онъ вкусилъ безмятежно, Въ звоикопространныхъ съняхъ на кровать проръзную возлегии. Скоро и царь Алкиной, съ нимъ простяся, во внутренней спальні: Легъ на постель и заснуль близъ супруги своей благонравной.

пъснь восьмая.

содержание восьмой пъсни.

Тридцать-третій день. Алкиной приглашаеть вельможь и людей корабельныхъ къ себъ на объдъ. Пъніе Демодока. Игры Возвращеніе во дворецъ. Алкиной проситъ Одиссея разсказать свои приключенія.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ—
Мирный покинула сонъ Алкиноева сила святая;
Всталъ и божественный мужъ Одиссей, городовъ сокрушитель.
Царь Алкиной многовластный повелъ знаменитаго гостя
На площадь, гдъ невдали кораблей феакійцы сбирались.
Съли, пришедши, на гладко-обтесанныхъ камияхъ другъ съ другомъ
Рядомъ они. Той порою Иаллада Аоина по улицамъ града,
Въ образъ облекшись глашатая царскаго, быстро ходила;
Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратъ домой Одиссея,
Къ каждому встръчному ласково ръчь обращала богини:

Вы, феакійскіе люди, вожди и владыки, скор'ве На площадь всв соберптесь, дабы иноземца, который Въ домъ Алкиноя премудраго прибылъ вчера, тамъ увидъть: Бурей къ намъ брошенный, богу онъ образомъ свътлымъ подобенъ. Такъ говоря, возбудила она любопытное рвенье Въ каждомъ, и скоро наполнилась площадь народомъ; и съли Вст по мъстамъ. Съ удивленьемъ великимъ они обращали Взоръ на Лаэртова сына: ему красотой несказанной Илечи одъла Иаллада, главу и лицо озарила. Станъ возвеличила, сделала тело поливе, дабы онъ Могъ пріобръсть отъ людей феакійскихъ пріязнь и вселиль въ нихъ Трепеть почтительный, мужеской силой на играхъ, въ которыхъ Имъ испытать надлежало его, отличась предъ народомъ. Всѣ собралися они и собрание сдѣлалось полнымъ. Туть, обратясь къ нимъ, царь Алкиной произнесъ: приглашаю Выслушать слово мое вась, людей феакійскихъ, дабы я Высказать могъ вамъ все то, что велить мив разсудокъ и сердце. Гость пноземный-его я не знаю; бездомно скитаясь, Онъ отъ восточныхъ народовъ сюда иль отъ западныхъ прибылъ-Молить о томъ, чтобъ ему помогли мы достигнуть отчизны, Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможемъ; Ибо еще ни одинъ чужеземецъ, мой домъ посътившій, Долго здёсь, плача, не ждаль, чтобь его я услышаль молитву. Должно спустить на священныя воды корабль чернобокій, Въ море еще не ходившій; потомъ изберемъ пятьдесять-два Самыхъ отважныхъ межъ лучшими здѣсь молодыми гребцами: Весла къ скамьямъ прикрѣпивъ корабельнымъ, пускай соберутся Въ царскихъ палатахъ они и поспъшно себъ на дорогу Вкусный объдъ приготовять; я всъхъ ихъ къ себъ приглашаю. Такъ отъ меня объявите гребцамъ молодымъ; а самихъ васъ, Скиптродержавныхъ владыкъ и судей, я прошу въ мой пространный Домъ, чтобъ со мною, какъ следуеть, тамъ угостить неоземца; Всъхъ васъ прошу, отказаться не властенъ никто; позовите Также півца Демодока: даръ півсней пріяль отъ боговъ онъ Дивный, чтобъ все воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ Кончивъ, пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ судьи и владыки Скиптродержавные; звать Понтоной побъжаль Демодока. Скоро по волѣ царя пятьдесять-два гребца, на отлогомъ Брегъ безплодносоленаго моря собравшися, вмъстъ Къ ждавшему ихъ на пескъ кораблю подошли, совокупной Силою черный корабль на священныя сдвинули воды, Подняли мачты, устроили всъ корабельныя снасти, Въ крипкоременныя петли просунули длинныя весла, , Должнымъ порядкомъ потомъ паруса утвердили. Отведин Легкій корабль на открытое взморье, они собралися Всь во дворць Алкиноя, царемъ приглашенные. Скоро Вст переходы палать, и дворы, и притворы, и залы народомъ Сдълались полны-тамъ были и юноши, были и старцы. Жирныхъ двенадцать овецъ, двухъ быковъ криворогихъ и восемь Остроклычистыхъ свиней Алкиной повелель имъ заръзать; Ихъ ободравъ, изобильный об'ядъ приготовили гости. Тою порой съ знаменитымъ певцомъ Понтоной возвратился; Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила; Очи затмила его, даровала вато сладкопънье. Стулъ среброкованный подаль пъвцу Понтоной, и на немъ он

Сълъ предъ гостями, спиной прислонясь къ колони высокой. Лиру слепна на гвозде надъ его головою повеснивъ, Къ ней прикоснуться рукою ему-чтобъ ее могъ найти онъ-Далъ Понтоной, и корзину съ фдою принесъ, и подвинулъ Столъ, и вина првготовилъ, чтобъ пилъ онъ, когда пожелаетъ. Подняли руки они къ предложенной имъ пищъ; когда же Быль удовольствовань голодь ихъ сладкимъ питьемъ и вдою, Муза внушила пивцу возгласить о вождяхъ знаменитыхъ, Выбравъ изъ пъсни, въ то время вездъ до небесъ возносимой, Повъсть о храбромъ Ахиллъ и мудромъ наръ Одиссеъ, Какъ между ними однажды на жертвенномъ пиръ великомъ Распря въ ужасныхъ словахъ загорълась, и какъ веселился Въ духъ своемъ Агамемнонъ враждой знаменитыхъ ахеянъ: Знаменьемъ добрымъ ему ту вражду предсказалъ Аполлоновъ Въ храмъ Инейскомъ оракулъ, когда черезъ каменный прагъ онъ Вога спросить перешель-а случилось то въ самомъ началъ Въдствій, ниспосланныхъ богомъ боговъ на троянъ и данаевъ. Началь великую пъснь Демодокъ; Одиссей же, своею Сильной рукою шпрокопурцурную мантію взявши, Голову ею облекъ и лицо благородное скрылъ въ ней: Слезъ онъ своихъ не хотълъ показать феакійцамъ. Когда же, П'янье прервавъ, сладкогласный на время умолкъ п'ясноп'явецъ, Слезы отерши, онъ мантію спяль съ головы и, наполнивъ Кубокъ двухдонный виномъ, совершилъ возліянье безсмертнымъ. Снова зап'яль Демодокъ, отъ внимавшихъ ему феакіянъ, Гласомъ его очарованныхъ, вызванный къ шенью вторично; Голову мантіей снова облекъ Одиссей, прослезяся. Были другими его не замъчены слезы, но мудрый Нарь Алкиной ихъ замътилъ и понядъ причину ихъ, сидя Близъ Одиссея и слыта скорбищаго тяжкіе вздохи. Онъ феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: приглашаю Выслушать слово мое вась, судей и вельможъ феакійскихъ; Лушу свою насладили довольно мы вкуснообильной Пищей и звуками лиры, подруги пировъ сладкогласной; Время отсюда пойти намъ и въ мужескихъ подвигахъ крепость Силы своей оказать, чтобъ нашъ гость, возвратяся, доманинимъ Могь возв'єстить, сколь другихъ мы людей превосходимъ въ кулачномъ Боть, въ борьбъ утомительной, въ прыганья, въ бъгъ проворномъ. Кончивъ, посившно пошелъ впереди онъ, за нимъ все другіе. Звонкую лиру принявъ и повъсивъ на гвоздь, Демодока За руку взяль Понтоной и изъ залы ипринественной вывель; Вследъ за другими, ведя исснопсвида, пошелъ онъ, чтобъ видеть Игры, въ которыхъ хотели себя отличить феакійцы. На площадь всъ собралися; толпой многочисленношумной Тамъ окружилъ ихъ народъ. Благородные юноши къ бою Вышли изъ сонма его: Акроней, Окіалъ съ Элатреемъ. Навтій, Примней, Анхіаль, Эретмей съ Анабазіоменомъ: Съ ними явились Понтей, Прореонъ и Ооднъ съ Амфійломъ, Сыномъ Политія, внукомъ Тектона; присталъ напосл'єдокъ Къ нимъ и младой Эвріалъ, Навболидъ, равносильный Арею: Всёхъ феакіянъ затмилъ бы чудесной своей красотой онъ, Если бъ его самого не затмилъ Лаодамъ безпорочный. Къ нимъ подошли, наконедъ, Лаодамъ, Галіонть съ богоравнымъ Клитонеономъ-три бодрые сына царя Алкиноя. Первые въ бъгъ себя испытали они. Устремившись

Съ маста того, на которомъ стояли, пустилися разомъ, Пыль подымая, они черезъ поприще: встхъ былъ проворнтй Клитонеонъ благородный -- какую по свѣжему полю Борозду илугомъ два мула проводять, на столько оставивъ Братьевъ своихъ назади, возвратился онъ первый къ народу. Стали другіе въ борьбі многотрудной испытывать силу: Всъхъ Эвріалъ одольлъ, превзошедши искусствомъ и лучшихъ. Въ прыганьи былъ Анхіалъ побъдителемъ. Тяжкаго диска Легкимъ бросаньемъ отъ всъхъ Эретмей отличился. Въ кулачномъ Бот взяль верхь Лаодамъ, сынъ царя Алкиноя прекрасный. Туть, какъ у всехъ ужъ довольно насытилось играми сердце, Къ юношамъ рѣчь обративши, сказалъ Лаодамъ, Алкиноевъ Сынъ: не прилично ли будеть спросить намъ у гостя, въ какихъ онъ Играхъ способенъ себя отличить? Онъ не инзкаго роста, Голени, бедра и руки его преисполнены силы, Шея его жиловата, онъ мышцами крепокъ; годами Также не старъ; но превратности жизпи его изнурили. Нътъ ничего, утверждаю, сильнъй и губительнъй моря; Ерфиость и самаго бодраго мужа оно сокрушаеть. Умнымъ-сказалъ, отвъчая на то, Эвріалъ Лаодаму -Кажется мив предложенье твое, Лаодамъ благородный. Самъ подойди къ иноземному гостю и сдълай свой вызовъ. Сынъ молодой Алкиноя, слова Эвріала услышавъ, Вышель впередь и сказаль, обратяся къ царю Одиссею: Милости просимъ, отецъ иноземецъ; себя покажи намъ Въ играхъ, въ какихъ ты искусенъ — но върно во всъхъ ты искусенъ — Бодрому мужу инчто на землъ не даетъ столь великой Славы, какъ легкія ноги и крѣпкія мышцы, яви же Силу свою намъ, изглавъ взъ души всъ печальныя думы, Путь для тебя ужъ теперь недалекъ; ужъ корабль быстроходный Съ берега сдвинутъ и наши готовы къ отплытію люди. Кончиль. Ему отвъчая, сказаль Одиссей хитроумный: Другъ, не обидъть ли хочешь меня ты своимъ предложеньемъ? Мпф не до вгръ; на душф несказанное горе; довольно Бъдъ испыталъ и не мало великихъ трудовъ перенесъ я; Нывъ жъ, крушимый тоской по отчизнъ, сижу передъ вами, Васъ и царя умоляя помочь мить въ мой домъ возвратиться. Но Эвріаль Одиссею отвітствоваль сь колкой насмішкой: Стравникъ, я вижу, что ты неподобиться людямъ, искуснымъ Въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ приличныхъ; конечно, Ты изъ числа промышленныхъ людей, обтекающихъ море Въ многовесельных своихъ корабляхъ для торговли, о томъ лишь Мысля, чтобъ, сбывъ свой товаръ и опять корабли нагрузивши, Волѣ нажить барыша; но съ атлетомъ ты вовсе несходенъ. Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей благородный: Слово обидно твое; человъкъ ты, я вижу, злоумный. Боги не всякаго встмъ надъляють; не каждый имъеть Вдругъ и пленительный образъ, и умъ, и могущество слова; Тотъ по наружному виду вниманія мало достопнъ --Прелестью рачи зато одарень оть боговь; веселятся Люди, смотря на него, говорящаго съ мужествомъ твердымъ Или съ привътливой кротостью; онъ-украшенье собраній; Бога въ немъ видять, когда онъ проходить по улицамъ града. Тотъ же, напротивъ, безсмертнымъ подобенъ лица красотою, Прелести жъ бъдное слово его никакой не имъетъ.

Такъ и твоя красота безпорочна, тебя и Зевесъ бы Краше не создалъ: зато не пиветь ты здраваго смысла. Мялое сердце въ груди у меня возмутилъ ты своею Дерзкою ръчью. Но я не безопытенъ, долженъ ты въдать, Въ мужескихъ играхъ; изъ первыхъ бывалъ я въ то время, когда меф Свъжая младость и кръпкія мышцы служили надежно, Нынъ жъ мои отъ трудовъ и печалей истрачены силы: Видель не мало я браней и долго среди бедоносныхъ Странствоваль водь, но готовъ я себя испытать и лишенный Силъ; оскорбленъ и твоимъ безразсудно-ругательнымъ словомъ. Такъ отв'вчавъ, поднялся онъ, и, мантіп съ плечъ не сложивши, Камень схватиль-онъ огромный, плотный и тяжелы всыхы дисковы, Брошенныхъ прежде людьми феакійскими, былъ-и съ размаха Кинулъ его Одиссей, жиловатую руку напрягии; Камень, жужжа, полетель; и подъ нимъ до земли головами Веслолюбивые, см'ялые гости морей, феакійцы Вст наклонились: а онъ далеко черезъ вст перемчался Диски, легко улетъвъ изъ руки; и Анина, подъ видомъ Старда, отмътивши знакомъ его, Одиссею сказала: Странникъ, твой знакъ и слъпой различитъ безъ ошибки, ощупавъ Просто рукою; лежить онь отдельно отъ прочихъ, гораздо Далъе всъхъ яхъ. Ты въ этомъ бою побъдилъ; ин одниъ здъсь Камня пи даль, ни такъ же далеко, какъ ты, неспособенъ Бросить. Отъ словъ сихъ веселье проникло во грудь Одиссея. Радуясь темъ, что ему хоть одинъ благосклонный въ собраньи Выль судія, съ обновленной душой онъ сказаль предстоявшемъ Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами Брошу другой я и столь же далеко, быть-можеть, и далъ. Пусть всъ другіе, кого побуждаеть отважное сердце, Выйдуть и сделають опыть; при всехь оскорбленный, я нынё Всъхъ васъ на бой рукопашный, на бъгъ, на борьбу вызываю; Съ каждымъ сразиться готовъ я -съ однимъ не могу Лаодамомъ: Гость я его - подыму ли на друга любящаго руку? Тоть не разумень, тоть пользы своей различать не способень, Кто на чужой сторонъ съ дружелюбнымъ хозяпномъ выйти Вздумаетъ въ бой; несомивнию себъ самому повредить онъ. Но межъ другими никто для меня не презрителенъ, съ каждымъ Радъ я схватиться, чтобъ силу мою, грудь на грудь, пспытать съ нимъ. Знайте, что я ни въ какомъ не безопытенъ мужескомъ боф. Гладкимъ лукомъ и самымъ тугимъ я владъю свободно; Первой стредой поражу я на выборъ противника въ тесномъ Соныт враговъ, хоть кругомъ бы меня и товарпщей много Выло и мъткую каждый стрълу на врага бы нацълилъ. Только однимъ Филоктетомъ бывалъ я всегда поб'вждаемъ Въ Троф, когда мы ахейцы тамъ, споря, изъ лука стръляли. Но утверждаю, что въ этомъ искусствъ со мной ин единый Смертный, себя насыщающій хлібомъ, сравниться не можеть; Я не дерзнуль бы, однако, бороться съ героями древнихъ Леть, ни съ Иракломъ, ни съ Эвритомъ, меткимъ стрелкомъ эхалійскимъ; Спорять они ни съ богами въ некусствъ своемъ не страшились; Эврить великій погибъ оттого; не достигь онъ глубокой Старости въ дом'я семейномъ своемъ; раздраживъ Аполлона Вызовомъ въ бой святотатнымъ, онъ изъ лука былъ имъ застреленъ. Далъ коньемъ я достигнуть могу, чъмъ другіе стрълою; Можеть случиться одняко. Что кто изъ людей феакійскихъ

Въ бъть меня побъдитъ: окруженный волнами, я силы Всв истощиль, на невврномъ плоту не вкушая столь долго Пищи, покоя и сна; и мой всв разрушены члены. Такъ онъ сказалъ; вов кругомъ неподвижно хранили молчанье. Но Алкиной, вовражая, отвътствовалъ такъ Одиссею: Страненкъ, ты словомъ своимъ не обидъть насъ хочешь; ты только Всемъ показать намъ желлешь, какая еще сохранилась Крепость въ тебе: ты разгиванъ безумцемъ, тебя оскорбившимъ Дерзкой насм'яшкой - зато ни одинъ, говорить здесь привыкшій Съ здравымъ разсудкомъ, ни въ чемъ не помыслять тебя опорочить. Выслушай слово, однако, мое со вниманьемъ, чтобъ послъ Дома его повторить при друзьяхъ благородныхъ, когда ты, Спдя съ женой и д'ятьми за веселой семейной трапезой, Вспомнишь о доблестяхъ нашихъ и техъ дарованьяхъ, какія Намъ отъ отцовъ благодатью Зевеса достались въ наследство. Мы, я скажу, ни въ кулачномъ бою, ни въ борьбъ не отличны; Выстры ногами зато несказанно и первые въ морф; Любимъ объды роскошные, пеніе, музыку, пляску, Свъжесть одеждъ, сладострастныя бани и мягкое ложе. Но пригласите сюда илясуновъ феакійскихъ; зову я Самыхъ пскусныхъ, чтобъ гость нашъ, увидя ихъ, могъ, возвратися Въ домъ свой, тамъ всемъ разсказать, какъ другихъ мы людей превосходимъ Въ плаваны по морю, въ бъгъ проворномъ и въ пляскъ и въ пъныи. Пусть принесуть Демодоку его звонкогласную лиру; Гдъ-нибудь въ нашихъ пространныхъ палатахъ ее онъ оставилъ. Такъ Алкиной говорилъ, и глашатай, его исполняя Волю, посившно пошель во дворець съ желаемой лирой. Судьи, въ народъ избранные, девять числомъ, на средину Поприща, строгіе въ нграхъ порядка блюстители, вышли. Мъсто для илиски угладили, поприще сдълали шире. Тою порой изъ дворца возвратился глашатай и лиру Подаль п'ввцу; предъ собранье онъ выступиль; справа и сл'ява Стали цвътущіе юноши, въ легкой искусные пляскъ. Топали въ мфру погами подъ песню они; съ наслажденьемъ Легкость сверкающихъ ногъ зам'ячалъ Одиссей и дивился. Но Алкиной повельль Галіонту вдвоемъ съ Лаодамомъ Пляску начать: въ ней не могь превосходствомъ никто побъдить ихъ, Мячь разноцевтный, для нихъ рукодельнымъ Полибіемъ сшитый, Взявъ, Лаодамъ съ молодымъ Галіонтомъ на ровную площадь Вышли; закинувши голову, мячь къ облакамъ темносвътлымъ Бросиль одинь, а другой разовжался и, прянувь высоко, Мячь на лету подхватиль, до земли не коснувшись ногами. Легипил бросаньемъ мяча въ высоту отличась предъ народомъ, Начали оба по гладкому лону вемли плодоносной Выстро плясать; и затопали юноши въ мъру ногами, Стоя кругомъ, и отъ топота ногъ ихъ вся илощадь гремъла, Долго смотр'виъ, напоследокъ сказалъ Одиссей Алкиною: Царь Алкиной, благородивишій мужь изъ мужей феакійскихъ, Ты похвалился, что пляскою съ вами викто не сравнится; Правда твоя; то глазами я видель; безмерно дивлюся, Такъ онъ сказавъ, вовбудилъ Алкиноеву силу святую. Парь феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ; приглашаю Выслушать слово мое вась, судей и владыкъ феакійскихъ; Разумъ великій пиветь, я вижу, нашъ гость пновемный; полжно ему, какъ обычай велить, предложить намъ подарки;

Областью нашею правять двівнадцать владыкъ знаменитыхъ, Праведно-строгихъ судей; я тринадцатый, главный, Пусть каждый Чистое верхнее платье съ хитономъ и съ полнымъ талантомъ Золота нашему гостю въ подарокъ назначить обычный. Все повелите сюда принести и своими руками Страннику сдайте, чтобъ несель онъ быль за трапезою нашей. Ты жъ, Эвріалъ, удовольствуй его, передъ нимъ повинившись, Давъ и подарокъ: его оскорбилъ неприличнымъ ты словомъ. Такъ онъ сказалъ, изъявили свое одобренье другіе; Каждый глашатая въ домъ свой посладъ, чтобъ подарки вринесъ онъ. Но Эвріаль, повинуясь, отвітствоваль такъ Алкиною: Царь Алкиной, благородивйшій мужь изъ пужей Феакійскихъ. Я удовольствую гостю, желанье твое исполняя. Мъдный свой мечь съ рукоятью серебряной въ новыхъ Чудной работы ножнахъ изъ слоновыя кости, охотно Дамъ я ему, и, конечно, онъ даръ мой высоко оценитъ. Такъ говоря, среброкованный мечь свой онъ снялъ и возвысилъ Голосъ и бросилъ крылатое слово Лаэртову сыну; Радуйся, добрый отецъ иноземецъ! И если сказалъ и Дерзкое слово, пусть вътеръ его унесеть и развъеть; Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу, Въ домъ возвратяся по долгонечальной разлукт съ семьею. Кончилъ. Ему отвъчая, сказалъ Одиссей хитроумный: Радуйся также и ты, и, хранимый богами, будь счастливъ. Въ сердцъ жъ своемъ никогда не раскайся, что мнъ драгоцънный Мечъ подарилъ свой, повиннымъ меня удовольствовавъ словомъ. Такъ отвъчавъ, среброкованный мечь на плечо онъ повъсилъ. Солнце зашло; всв богатые собраны были подарки; Ихъ поспъшили глашатан въ домъ отнести Алкиноевъ; Тамъ сыновья Алкиноя-владыки, принявши подарки, Отдали матери ихъ многоумной царицъ Ареть. Царь же повелъ знаменитаго гостя со всеми другими Въ домъ свой и съли, пришедши, они на возвышенныхъ креслахъ. Туть, обратяся къ цариц'в Арет'в, сказалъ благородный Царь: принеси намъ, жена, драгоцъннъйшій самый изъ многихъ -Нашихъ ковчеговъ, въ него положивши и верхнее платье Съ тонкимъ хитономъ. Поставьте котелъ на огонь, вскипитите Воду; чтобъ гость нашъ омылся и, всв осмотравши подарки, Имъ полученные здъсь отъ людей феакійскихъ, былъ веселъ, Съ нами сидя за вечерней трапезой и пънью внимая. Я же еще драгоцівный кувшинь золотой на прощаны Дамъ, чтобъ, меня вспоминая, онъ могъ изъ него ежедневно Дома творить возліянье Зевсу и прочимъ безсмертнымъ. Такъ онъ сказалъ, и царица Арета велъла рабынямъ Яркій огонь разложить подъ огромнымъ котломъ троеножнымъ, Тотчасъ котель троеножный на яркомъ огнъ быль поставленъ. Налили воду въ котелъ и усилили хворостомъ пламя; Чрево сосуда оно обхватило, вода закинъла. Тою порою Арета прекрасный ковчегь изъ покоевъ Внутреннихъ вынесла гостю; въ ковчегъ положила подарки, Золото, ризы и все, что ему фелкійскіе мужи Дали; сама жъ къ нимъ прибавила верхнее платье съ хитономъ. Кончивъ, она Одиссею крылатое бросила слово: Кровлей накрывъ и тесьмою опутавъ ковчегъ, завяжи ты Увелъ, чтобъ кто на дорога чего не похитилъ, покуда

Будешь поконться спомъ ты, плывя въ корабле чернобокомъ. То Одиссей богоравный, въ бъдахъ постоянный, услышавъ, Кровлей накрыль и тесьмою опуталь ковчегь и искусный Узель (какъ быль наученъ хитроумной Цирцеею) сделалъ. Тутъ пригласила его домовитая ключинца въ баню Члены свои оживить омовеньемъ: и теплой купальнъ Радъ былъ испытанный мужъ Одиссей, той услады лишенный Съ самыхъ техъ поръ, какъ покинулъ жилище Калипсы, въ которомъ Нимфы ему, какъ безсмертному богу, служили. Когда же Тело омыла ему и елеемъ патерла рабыня, Легкій надфвин хитонъ и богатой облекшись хламядой, Вышель онъ свъкъ изъ бани и къ пьющимъ гостямъ въ пировую Залу вступилъ. Навзикая царевна, богиня красою, Подлі: столба, потолокъ подпиравшаго залы, стояла. Взоръ изумленный поднявъ на прекраснаго гостя, царевна Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово: Радуйся, странникъ, но, въ милую землю отцевъ возвратяся, Помии меня: ты спасеніемъ встрівчів со мною обязанъ. Юпой даревив отвътствоваль такъ Одиссей многоумный: О Навзикая, прекрасноцвітущая дочь Алкиноя, Если мив Иры супругь, громоносный Кроніонъ, дозволить Въ дом'в отеческомъ сладостный день возвращенья увидъть, Буду тамъ помнить тебя и тебя ежедневно, какъ богу, Сердцемъ молиться: спасеньемъ встръчк съ тобой я обязанъ. Такъ отвичаль ей, на креслахъ онъ силъ близъ царя Алкиноя. Выло ужъ роздано мясо; ужъ чаши впномъ наполнялись. Тою порой возвратился глашатай съ пъвцомъ Демодокомъ, Чтимымъ въ народъ. Пъвецъ посреди свътлозданной палаты Съль предъ гостями, спиной прислонившись къ колонит высокой Полную жира хребтовую часть острозубаго вепря Взявши съ тарелки своей (для себя же оставя тамъ боль), Царь Одиссей многославный сказаль, обратясь къ Повтоною: Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны Дай Демодоку; его и печальный я чту несказанно. Вевиъ на обильной земль обетающимъ людямъ любезны, Вевми высоко честимы певцы; ихъ сама научила Ибнію Муза; ей мило п'явцовъ благородное племя. Такъ опъ сказалъ и проворно отнесъ отъ него Демодоку Мясо глашатай; певецъ бладарно даяніе принялъ-Подвяли руки они къ приготовленной пищи: когда же Выль удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и едою, Такъ, обратясь къ Демодоку, сказалъ Одиссей хитроумный: Выше всехъ смертныхъ людей я тебя, Демодокъ, поставляю; Музою, дочерью Дія, пль Фебомъ самимъ наученный, Все ты поещь по порядку, что было съ ахейцами въ Троф, Что совершили они и какія бѣды претериѣли; Можно подумать, что самъ быль участникъ всему иль отъ върныхъ Все очевидцевъ узналъ ты. Теперь о конъ деревянномъ, Чудномъ Эпеоса съ помощью девы Паллады созданы, Спой намъ, какъ въ городъ онъ былъ хитроумнымъ введенъ Одиссесмъ, Полный вождей, напоследокъ святой Иліонъ сокрушившихъ. Если объ этомъ поистинъ все намъ, какъ было, споеть ты, Вуду тогда передъ всеми людьми повторять повсеместно Я, что божественнымъ изнісмъ боги тебя одарили. Такъ онъ сказалъ, и заивлъ Демодокъ, преисполненный бога.

Началъ съ того онъ, какъ вст на своихъ корабляхъ крипкозданныхъ Въ море отплыли Данаи, предавши на жертву пожару Врошенный станъ свой, какъ первые мужи изъ нихъ съ Одиссеемъ Были оставлены въ Троф, замкнутые въ конской утробф, Какъ напоследокъ коню Иліонъ отворили Трояне. Въ градъ стоялъ онъ; кругомъ, неръшимые въ мысляхъ, сидъли Люди Троянскіе; было межъ ними троякое мийнье: Или губительной м'єдью громаду произить и разрушить, Или, ее докативши до замка, съ утеса низвергнуть, Или оставить среди Иліона мирительной жертвой В'ычным'ь богамь: на последнее все согласились, понеже Выло судьбой решено, что падеть Иліонъ, отворивши Стіны коню, гді ахейцы избранные будуть скрываться, Черную участь и смерть приготовивъ троянамъ враждебнымъ. Посять восптять онъ, какъ мужи ахейские въ градъ ворвалися, Чрево коня отворивъ и изъ темнаго выбъжавъ склепа; Какъ разъяренные каждый по-своему градъ разоряли, Какъ Одиссей къ Депфобову дому, подобный Арею, Бросился вывств съ божественно-грознымъ въ бою Менелаемъ. Такъ истребительный бой (продолжалъ пъснопъвецъ) возжегши, Онъ, наконецъ, побъдилъ, подкръпленный великой Палладой. Такъ объ ахеянахъ пълъ Демодокъ; несказанно растроганъ Вылъ Одиссей, и ръсницы его орошались слезами. Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ теломъ супруга, Падшаго въ битвъ упорной у всъхъ впереди передъ градомъ, Силясь отъ дня роковаго спасти согражданъ и семейство. Видя, какъ онъ содрогается въ смертной борьбъ и, прижавшись Грудью ил нему, злополучная стонеть; враги же нещадно Древками копій ее по плечамъ и хребту поражая, Въдную, въ плънъ увлекають на рабство и долгое горе; Тамъ отъ печали и плача ланиты ея увядають. Такъ отъ печали текли изъ очей Одиссеевыхъ слезы. Всеми другими они незамечены были; но мудрый Царь Алкиной ихъ замътилъ и понялъ причину ихъ, сидя Влизъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи. Онъ феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: приглашаю Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ феакійскихъ. Иусть Демодокъ звонкострунную лиру заставить умолкнуть; Здъсь онъ не всъхъ веселить насъ ел сладкогласіемъ дивнымъ: Съ техъ поръ, какъ пенье божественный началъ певецъ на вечернемъ-Нашемъ ипру, непрестанно глубоко и тяжко вздыхаетъ (транникъ; конечно, прискорбіе сердцемъ его овладъло. Долженъ умолкнуть иввецъ, чтобъ могли здвсь равно веселиться Гость нашъ и всъ мы; конечно, для насъ то пріятите будетъ. Здісь же давно къ отправленію въ путь пноземца готово Все; и подарки ужъ собраны, данные дружбою нашей. Странникъ молящій не мен'ве брата родного любезенъ Всикому, кто одаренъ отъ боговъ не безжалостнымъ сердцемъ. Ты же теперь, ничего не скрывая, отв'ятствуй на то ми'ь, Гость нашъ, о чемъ я тебя вопрошу: откровенность похвальна. Имя скажи мив, какимъ и отецъ твой и мать и другіе Въ градъ твоемъ и отечествъ миломъ тебя величаютъ. Между живущихъ людей безыменнымъ шикто не бываетъ Вовсе; въ минуту рождения каждый и низкій и знатный Мия сное отъ родителей из сладостный даръ получаеть;

Землю й градъ и народъ свой потомъ назови, чтобъ согласно Съ волей твоей и корабль нашъ свое направление выбралъ; Кормшикъ не править въ морять кораблемъ феакійскимъ; руля мы, Нужнаго каждому судну, на нашихъ судахъ не имъемъ; Сами онв понимають своихъ корабельщиковъ мысли; Сами находять онв и жилища людей и поля ихъ Тучнообильныя; быстро онв всв моря обтеклють, Мглой и туманомъ одътыя; нътъ никогда имъ боязни Вредъ на волнахъ претеривть иль отъ бури въ пучине погибнуть, Воть что, однако, въ ребячестви и отъ отца Назвитоя Слышаль: не разъ говориль онъ, что богъ Посидонъ недоволенъ Нами за то, что развозимъ мы всехъ по морямъ безопасно. Н'єкогда, онъ утверждаль, феакійскій корабль, проводившій Странника въ землю его, возвращаяся моремъ туманнымъ, Вудеть разбить Посидономъ, который высокой горою Градъ нашъ задвинетъ. Исполнить ди то Посидонъ земледержецъ, Иль не исполнить-пусть будеть по вол'в великаго бога! Ты же скажи откровенно, чтобъ могь я всю пстину въдать, Гдв по морямъ ты скитался? Какихъ человъковъ ты земли Видълъ? Свътлонаселениме ихъ города ониши намъ: Выли ль межъ ними свиръпые, дикіе, чуждые правды? Выли ль благіе для странника, чтущіе волю безсмертныхь? Также скажи; отъ чего ты такъ плачень? зачемъ такъ печально Слушаешь повъсть о битвахъ данаевъ, о трож погибшей? Имъ для того виспослали и смерть и погибельный жребій Воги, чтобъ славною пъснію были они для потомковъ. Ты же, конечно, утратиль родного у стыв Иліонскихъ, Милаго зятя иль тестя, которые нашему сердцу Самые близкіе посл'є возлюбленных в сродинковъ кровныхъ? Иль товарища н'яжно прив'ятнаго, кроткаго сердцемъ, Тамъ потерялъ ты? Не менве брата родного любезенъ Намъ нашъ товарищъ, испытанный другъ и разумный совфинкъ.

ПЪСНЬ ДЕВЯТАЯ. СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ ПЪСНИ.

Вечеръ тридцать третьяго дия. Одиссей разсказываеть свои приключовія. Этплытіе. Разрушеніе Измара. Гибель многихъ сопутниковъ Одиссея. Вуря. Лотофаги. Циклопы. Одиссей у Полифема. Гибель шести изъ сопутниковъ Одиссеевыхъ, сожранныхъ циклопомъ. Одиссей хитростію спа-саетъ себя и товарищей. Они похищаютъ Циклопово стадо и уважають. Кончилъ. Ему отв'ячая, сказалъ Одиссей богоравный: Царь Алкиной, благороднъйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ, Сладко вниманье свое намъ склопять къ пъснопъвцу, который, Слухъ нашъ пленяя, богамъ вдохновеньемъ высокимъ подобенъ. Я же скажу, что великая нашему сердцу утъха Видъть, какъ цълой страной обладаетъ веселье; какъ всюду Сладко ппрують въ домахъ, песнопевиамъ вниман; какъ гости Рядомъ по чину сидять за столами, и хлебомъ и мясомъ Пышно покрытыми; такъ изъ кратеръ животворный напитокъ Льетъ виночерній и въ кубкахъ его опівненныхъ разносить. Думаю я, что для сердца вичто быть утышный не можеть. Но отъ меня о плачевныхъ страданьяхъ монхъ ты желаень Слышать, чтобъ сердце мое прейсполнилось плачемъ сплынайшимъ: Что же я прежде, что послъ, и что, наконецъ, разскажу вамъ? Много Ураниды боги мит бъдствій различных послали. Прежде, однако, вамъ нмя свое назову, чтобъ могли вы

Знать обо мив, чтобъ покуда еще мной не встрвченъ последній День, и въ далекой странъ я считался вамъ гостемъ любезнымъ. Я Одиссей, сынъ Лаэртовъ, вездъ изобрътеньемъ многихъ Хитростей славный и громкой молвой до небесъ вознесенный. Въ солнечносвътлой Итакъ живу я: тамъ Неріонъ, всюду Видимый съ моря, подъемлетъ вершину лісистую; много Тамъ и другихъ острововъ, недалекихъ одинъ отъ другого: Замъ, и Дулихій, и лісомъ богатый Закинов; и на самомъ Западъ плоско лежитъ окруженная моремъ Итака (Прочіе жъ ближе къ предълу, где Эось и Геліось входять); Лоно ея каменисто, по юношей бодрыхъ питаетъ; Я же не въдаю края прекрасиве милой Итаки. Тщетно Калипсо, богиня богинь, въ заключении долгомъ Сплой держала меня, убъждая, чтобъ былъ ей супругомъ; Тщетно меня чародъйка, владычица Эн, Цирцея Въ дом'в держала своемъ, уб'яждая, чтобъ быль ей супругомъ-Хитрая лесть ихъ въ груди у меня не опутала сердца; Сладостиви ивтъ инчего намъ отчизны и сродниковъ нашихъ, Даже когда бъ и роскошно въ богатой обители жили Мы на чужой сторон'в, далско отъ родителей милыхъ. Если, однако, велишь, то о странствін трудномъ, какое Зевсь учредиль мыв, оть Трои плывущему, все разскажу и. Вътеръ отъ стънъ Иліона привель насъ ко граду киконовъ, Пзмару: градъ мы разрушили, жителей всъхъ истребили. Женъ сохранивши и всякихъ сокровищъ награбивши много, Стали добычу делить мы, чтобъ каждый могъ взять свой участокъ. Я жъ настояль, чтобъ немедля стоною поспъшною въ бъгство Вс'в обратились, — но добрый сов'ять мой отвергли безумцы; Полные хм'вля, они пировали на брег'в песчаномъ, Мелкаго много скота и быковъ криворогихъ заръзавъ. Тою порою киконы, изъ града бъжавшіе, многихъ Собрали жившихъ сосъдственио съ ними въ странъ той киконовъ, Сильныхъ числомъ, пріобыкшихъ сражаться съ коней, и не мен'я Смелыхъ, когда имъ и пешимъ въ сраженье вступать надлежало. Вдругъ ихъ явилось такъ миого, какъ листьевъ древесныхъ иль раннихъ Вешнихъ цвътовъ; и тогда же намъ сдълалось явно, что злую Участь и бъдствія многія намъ приготовиль Кроніонъ. ('двинувшись, начали бой мы вблизи кораблей быстроходныхъ, Острыя конья, обитыя м'єдью, бросая другь въ друга. Покуда Длилося утро, пока продолжаль подыматься священный День, мы держались и ихъ отбивали сильнъйшихъ; когда же Геліось къ позднему часу воловь отпряженья склонилсь Въ бъгъ обратили киконы осиленныхъ ими ахеянъ. Съ каждаго я корабля по шести броненосцевъ отважныхъ Тутъ потеряль; отъ судьбы и отъ смерти ушли остальные. Далъе поплыли мы въ сокрушены великомъ о милыхъ Мертвыхъ, но радуясь въ сердив, что сами спаслися отъ смерти. Я жъ не отвелъ кораблей легкоходныхъ отъ брега, покуда Три раза не быль по имени названъ изъ нашихъ несчастныхъ Спутниковъ каждый, погибшій въ бою и оставленный въ полів. Вдругъ собирающій тучи Зевесъ буреносца Борея, Страшно ревущаго выслаль на насъ; облака обложели Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла ночь. Мчались суда, погружанся въ волны носами; вътрила Трижды, четырежды были разорваны силою бури.

Мы, пабыгая быды, въ корабли ихъ, свернувъ, уложили; Сами же начали веслами къ ближнему берегу править: Тамъ провели мы въ бездъйствін скучномъ два дня и двіз ночи, Въ силахъ своихъ изнуренные, съ тяжкой печалію сердца. Третій намъ день привела свътлозарно-кудрявая Эосъ: Мачты устропвъ п снова поднявъ паруса, на суда мы Сълг; они понеслись, повинуясь кормилу и вътру. Мы невредимо бы въ милую землю отцевъ возвратились, Если бъ волнение моря и сила Борея не сбили Насъ, обходящихъ Маллею, съ пути, отдаливъ отъ Китеры. Девять носила насъ дней раздраженная буря по темнымъ Рыбообильнымъ водамъ; на десятый къ землъ лотофаговъ, Пищей цвъточной себя насыщающихъ, вътеръ примчалъ насъ. Вышедъ на твердую землю и свъжей водою запасшись, Наскоро легкій об'ядь мы у быстрыхъ судовъ учредили. Свой удовольствовавъ голодъ питьемъ и ъдою, избралъ я Двухъ расторопивнияхъ самыхъ товарищей нашихъ (былъ третій Съ ними глашатай) и сведать послаль ихъ, къ какимъ мы достигли Людямъ, вкушающимъ хлъбъ на землъ, изобильной дарами. Мпрныхъ они лотофаговъ нашли тамъ; и посланнымъ нашимъ Зла лотофаги не сдълали; ихъ съ дружелюбною лаской Встративъ, имъ лотоса дали отвадать опи; но лишь телько Сладко-медвянаго лотоса каждый отведаль, мгновенно Все позабыль и, утративь желанье назадь возвратиться, Вдругъ захотель въ стороне лотофаговъ остаться, чтобъ внусный Лотосъ сбирать, навсегда отъ своей отказавшись отчизны. Силой ихъ, плачущихъ, къ нашимъ судамъ притащивъ, повелълъ и Крипко ихъ тамъ привязать къ корабельнымъ скамьямъ; остальнымъ же Върнымъ товарищамъ далъ приказанье, нимало не медля, Вефмъ на проворные състь корабли, чтобъ изъ нахъ ни который, Лотосомъ сладкимъ прельстясь, отъ возврата домой не отрекся. Всь на суда собралися и, съвши на лавкахъ у весель, Разомъ могучими веслами всифиили темпыя воды. Дал ве поплыли мы, сокрушенные сердцемь, и въ землю Прибыли спльныхъ, свирфимхъ, не знающихъ правды циклоновъ. Тамъ беззаботно они, подъ защитой безсмертных имъя Все, ип руками не съють, ни плугомъ не пашуть; земля тамъ Тучная щедро сама безъ паханья и сева даетъ имъ Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошныхъ кистей винограда Полныя лозы, и самъ пхъ Кроніонъ дождемъ оплождаетъ. Нътъ между ними ни сходбищъ народныхъ, ни общихъ совътовъ; Въ темныхъ пещерахъ они, иль на горныхъ вершинахъ высокихъ Вольно живуть; надъ женой и дізтьми безотчетно тамъ каждый Властвуетъ, зная себя одного, о другихъ не заботясь. Есть островокъ тамъ пустынный и дикій; лежить онъ на темномъ Лонъ морскомъ, ни далеко ни близко отъ брега циклоповъ, Л'фсом'ь покрытый; въ великомъ тамъ множеств'в дикія козы Водятся; ихъ никогда не тревожилъ шаговъ человъка Шумъ; никогда не заглядывалъ къ нимъ звъроловецъ, за дичью Съ тяжкимъ трудомъ по горамъ крутобокимъ со псами бродящій; Тамъ не пасутся стада и земли не касаются плуги; Тамъ ни въ какіе дня года ни съють ни пашуть; людей тамъ Неть; безъ боязви тамъ ходять одие тонконогія козы, Ибо циклопы еще кораблей красногрудыхъ не знають; Нать между ними испускиковь, опытныхь въ хитромъ строеный

Крфпиль судовь, пав которыхь бы каждый, моря обтекая, Разныхъ народовъ страны посъщаль, какъ бываеть, что ходять По морю люди, съ другими людьми дружелюбно знакомясь. Дикій тоть островъ могли обратить бы въ цв'єтущій циклопы: Онъ не безплоденъ; тамъ все бы роскошно рождалося къ сроку; Сходять шпрокой отлогостью къ морю луга тамъ густые, Влажные, мягкіе; много бъ везд'є разрослось винограда; Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой Рожью, и жатва была бы на тучной землъ изобильна. Есть тамъ падежная пристань, въ которой не нужно на тяжкій Якорь бросать, ни канатомъ привязывать шаткое судно; Можеть оно простоять безопасно тамъ, сколько захочетъ Плаватель самъ, иль пока не подымется вътеръ попутный. Въ самой вершинъ залива прозрачно ввергается въ море Ключъ, изъ нещеры бъгущій подъ сънію тополей черныхъ. Въ эту мы пристань вошли съ кораблями: въ почной темнотъ намъ Нуть указаль благодательный Демонь: быль островь невидимь; Влажный туманъ окружалъ корабли: не свътила Селена Оъ неба высокаго; — тучи его покрывали густыя: Острова было нельзя различить намъ глазами во мракъ; Видьть и длинныхъ, широко на берегъ отлогій бъгущихъ, Волнъ не могли мы, пока корабли не коснулися брега. По лишь коснулися брега они, паруса мы свернули; Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемы шумно волнами, Сну предались въ ожиданъп восхода на небо денницы. Вышла изъ мрака младая, съ перстами пурпурными, Эосъ; Весь обощли съ удивленьемъ великимъ мы островъ пустынный; Инмфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали-Козъ съ обвъваемыхъ вътрами горъ, для богатой намъ пищи; Гибкіе луки, охотшичьи легкія конья немедля Взяли съ своихъ кораблей мы и, на три толиы раздъляся, Начали битву: и богъ благосклонный великой добычей Насъ наградиль: всв дввнадцать монхъ кораблей запасли мы; Девять на каждый досталось по жеребью козъ: для себя же Выбралъ я десять. И цълый мы день до вечерняго мрака Ъли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утъщались, Ибо еще на монхъ корабляхъ золотаго довольно Было вина: мы наполнили много скудельныхъ сосудовъ Сладкимъ напиткомъ, разрушивши городъ священный Киконовъ. Съ острова жъ въ области близкой циклоновъ намъ ясно былъ видънъ Дымъ; голоса ихъ, блеянье ихъ козъ и барановъ могли мы Слышать. Тъмъ временемъ солнце померкло и тьма наступила. Вст мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегь. Вышла изъ мрака младая, съ перстами пурпурными, Эосъ; Вфриыхъ товарищей я на совътъ пригласилъ и сказаль имъ: Всь вы, товарищи върные, здъсь безъ меня оставайтесь: Я же, съ моимъ кораблечъ и моими людьми удаляся, Сведать о томъ попытаюсь, какой тамъ народъ обитаетъ, Дикій ли, нравомъ свирѣцый, не знающій правды, Или привътливый, богобоязненный, гостепримный? Такъ я сказалъ, и вступивъ на корабль, повелълъ, чтобъ за мною Люди мон на него вет взошли и канать отвязали; Люди взошли на корабль и, съвши на лавкахъ у весель, Разомъ могучими веслами всивнили темныя воды. Чъ берогу близкому скоро приставъ съ кораблемъ, мы открыли

Въ крайнемъ, у самаго моря стоявшемъ, утесъ пещеру, Густо од тую лавромъ, пространную, гдт собирался Мелкій во множеств'є скоть; тамъ высокой стіной изъ огромныхъ, Грубо набросанныхъ, камней былъ дворъ обведенъ, и стояли Частымъ заборомъ вокругъ черноглавые дубы и сосны. Мужъ великанскаго роста въ пещеръ той жилъ: одиноке Пасъ онъ барановъ и козъ, и ни съ къмъ изъ другихъ не водился: Быль нелюдимь онъ, свирфиъ, никакого не въдаль закона: Видомъ и ростомъ чудовищнымъ въ страхъ приводя, онъ несходенъ Выль съ человъкомъ, вкушающимъ хлъбъ, и казался лъсистой, Дикой вершиной горы, надъ другими воздвигшейся грозпо. Спутникамъ върнымъ монмъ повелълъ и остаться на брегь Влизъ корабля и его сторожить неусынно; съ собой же Взявши двънадцать надежныхъ и самыхъ отважныхъ, пошелъ и Съ ними: и мы запаслися вина драгоцъннаго полнымъ Мѣхомъ: Маронъ, Аполлона великаго жрецъ, Эвантеевъ Сынъ, обитавшій въ разрушенномъ Измарф, имъ надфлиль насъ Въ даръ благодарный за то, что его мы съ женою и съ сыномъ-Санъ уважая жреца-пощадили во градъ, гдъ жилъ онъ Въ рошъ густой Аполлона; меня жъ одарилъ онъ особо: Золота лучшей доброты онъ далъ мив семь полныхъ талантовъ; Далъ сребролитную, дивной работы, кратеру, и палилъ Целых двенадцать больших мет скуделей виномъ драгоценнымъ, Крънкимъ, божественно-сладкимъ напиткомъ; о немъ же не въдалъ Въ дом'в викто изъ рабовъ и рабынь, и никто изъ домашнихъ, Кромѣ хозянна, умной хозяйки и ключницы вѣрной. Если когда тымь пурпурно-медвянымъ виномъ насладиться Въ комъ пробуждалось желанье, то, въ чашу его нацъдивши, Въ двадцать разъ болъ воды подбавляли, и запахъ изъ чаши Вылъ несказанный: не могъ туть никто отъ питья воздержаться. Взяль и съ собой тымъ напиткомъ наполненный мыхъ и съфетнаго Полный кошель: говорило мн'в в'вщее сердце, что встр'вчу Страшнаго мужа чудовищной силы, свириваго правомъ, Чуждаго добрымъ обычаямъ, чуждаго въръ и правдъ. Шагомъ поситынымъ къ нещерт приблизились мы, но его въ ней Не было; козъ и барановъ онъ пасъ на лугу недалекомъ. Начали все мы въ пещеръ пространной осматривать; много Было сыровъ въ тростниковыхъ корзинахъ: въ отдельныхъ закутахъ Заперты были козлита, барашки, по возрастамъ разнымъ въ порядкъ Тамъ размъщенные; старийе-съ стариния, средніс-подлю Средняхъ и съ младшими-младшіс; ведра и чаши Были до самыхъ краевъ налиты простоквашей густою. Спутники стали меня убъждать, чтобъ, запасшись сырами, Болт я въ страшной пещеръ не медлилъ, чтобъ вст мы скоръс, Взявши въ закутахъ отборныхъ козлятъ и барашковъ, съ добычей Нашей на быстрый корабль убъжали и въ море пустились. Я, на бѣду, отказался полезный совътъ ихъ исполнить; Видеть его мив хотелось въ надежде, что, насъ угостивши, Дастъ памъ подарокъ, -- но встрътиться съ нимъ не на радость намъ было. Яркій огонь разложивъ, совершили мы жертву; добывши Сыру потомъ и насытивъ свой голодъ, остались въ нещеръ Ждать, чтобъ со стадомъ въ нее возвратился хозяниъ. И скоро Съ ношею дровъ, для варенья вечернія пищи, явился Онъ и со стукомъ на землю дрова передъ входомъ пещеры Бросиль; объятые страхомъ мы спрятались въ уголь; пригнавши

Стадо откормленныхъ козъ и волнистыхъ барановъ къ пещеръ. Матокъ въ нее опъ впустилъ, а самцевъ, п козловъ, и барановъ. Прежде отъ нихъ отделивъ, на дворе передъ входомъ оставилъ. Кончивъ, чтобъ входъ заградить, несказанно великій съ земли онъ Камень, который и двадцать два воза четыреколесныхъ Съ мъста бъ не сдвинули, поднялъ: подобенъ скалъ необъятной Быль онь: его подхвативши и входь имъ пещеры задвинувъ, Сълъ онъ и матокъ донть принялся надлежащимъ порядкомъ. Козъ и овецъ; подопвъ же, подъ каждую матку ея овъ Клалъ сосуна. Половину отливъ молока въ платеницы, Въ нихъ онъ оставилъ его, чтобъ оно огустъло для сыра; Все жъ молоко остальное разлилъ по сосудамъ, чтобъ послѣ Пить по утрамъ иль за ужиномъ, съ пажити стадо пригнавши. Кончивъ съ заботливымъ спѣхомъ работу свою, наконецъ, онъ Яркій огонь разложиль, нась увидьль и грубо сказаль намъ: Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой? Дъло ль какое у васъ? Иль безъ дъла скитаетесь всюду, Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные, мчася, Жизнью играя своей и бъды приключая народамъ? Такъ онъ сказалъ намъ; у каждаго замерло милое сердце: Голосъ гремящій и образь чудовища въ трепеть привель насъ. Но, ободрясь, напоследокъ ответствоваль такъ я Циклопу: Всъ мы-ахейцы; плывемь отъ далекія Трон; сюда же Бурею насъ принесло по волнамъ безпредъльнаго моря. Въ милую землю отцовъ возвращаясь, съ прямого пути мы Сбились: такъ было, конечно, угодно могучему Зевсу. Служимъ мы въ войскъ Атрида царя Агамемиона: онъ же Всехъ земнородныхъ людей превзощелъ несказанною славой, Городъ великій разрушивъ и много враговъ истребивши. Нынъ, къ кольнамъ припавши твоимъ, мы тебя умоляемъ Насъ, безпріютныхъ, къ себ'в дружелюбно принять и подарокъ Дать намъ, какимъ завсегда на прощаньи гостей надъляють. Ты же убойся боговъ; мы пришельцы, мы ищемъ покрова; Мстить за прищельцевь отверженныхъ строго небесный Кроніонъ, Вогъ-гостелюбецъ, священнаго странника вождь и заступникъ. Такъ я сказалъ: съ неописанной злостью Пиклопъ отвъчалъ мнъ: Видно, что ты издалека, иль вовсе безумень, пришелець, Если могь вздумать, что я побоюсь иль уважу безсмертныхъ. Намъ, циклопамъ, изтъ нужды ни въ бога Зевеса, на въ прочихъ Вашихъ блаженныхъ богахъ; мы породой ихъ всъхъ знаменитъй; Страхъ громовержца Зевеса разгивать меня не принудитъ Васъ пощадить; поступлю я, какъ мив самому то угодно. Ты же теперь ми'в скажи, гд'в корабль, на которомъ пришли вы Къ намъ? Далеко ли, иль близко отсюда стоитъ онъ? То ведать Долженъ я. Такъ, искушая, онъ хитро спросилъ. Остерегшись, Хитрыми самъ я словами отвътствовалъ злому циклопу: Вогъ Посидонъ, колебатель земли, мой корабль уничтожилъ, Бросивъ его недалско отъ здешняго брега на камии Мыса крутаго, и бурное море обломки умчало. Мнъ жъ, и со мною немногимъ, отъ смерти спастись удалось. Такъ я сказалъ и, отвъта не давъ никакого, онъ быстро Прянулъ, какъ бъшеный звърь, и огромныя вытянувъ руки, Разомъ межъ нами двоихъ, какъ щенятъ, подуватилъ и ударилъ Оземь; ихъ черенъ разбился; обрызгало мозгомъ пещеру. Онъ же, обоихъ разевкии на части, изъ нихъ свой ужасвый

Ужинъ состряцалъ и жадно, какъ левъ, разъяряемый гладомъ, Съблъ пхъ, ни кости, ни мяса куска, ни утробъ не оставивъ. Мы, святотатнаго дела свидетели, руки со стономъ Къ Дію отцу подымали; нашъ умъ помутился отъ скорби. Чрево наполнивъ свое человъческимъ мясомъ, и свъжимъ Страшную пищу запивъ молокомъ, людоъдъ беззаботно Между козловъ и барановъ на голой землъ растянулся. Туть подошель я къ нему съ дерзновеннымъ намфреньемъ сердца, Острый свой мечь обнаживши, чудовницу мстящею мъдью Тъло въ томъ мъсть произпть, гдъ подъ грудью находится печень. Мечь мой ужъ былъ занесенъ: но пное на мысли пришло мять: Съ нимъ неизбъжно и насъ бы постигнула върная гибель: Всв совокупно мы были бъ не въ силахъ отъ входа нещеры Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть. Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эосъ: Вышла изъ мрака младая, съ перстами пурпурными, Эссъ. Всталь онъ, огонь разложиль и донть принялся по порядку Козъ и овецъ: подоввъ же, подъ каждую матку ен онъ Клаяъ сосува: окончавши съ заботливымъ сизхомъ работу, Снова изъ насъ онъ похитилъ двоихъ на ужасную пищу. Събвъ ихъ, онъ выгналъ шумящее стадо изъ темной пещеры. Мощной рукой оттолкнувши утесь приворотный, имъ двери Снова овъ заперъ, какъ легкою кровлей колчавъ запираютъ. Съ свистомъ погналъ онъ на горное пастонще тучное стадо. Л жъ, въ заключенье, оставленный, началъ выдумывать средство, Какъ бы врагу отомстить, и молиль о защить Палладу. Вотъ что, размысливъ, нашелъ, наконецъ, я удобнымъ и върнымъ: Въ козьей закуть стояла дубина циклопова, свъжій Стволъ имъ обрубленной маслины дикой: его онъ, очистивъ, Сохнуть поставиль въ закуту, чтобъ после гулять съ нимъ; подобенъ Намъ показался онъ мачть, какая на многовесельномъ, Съ грузомъ товаровъ моря обтекающемъ судиъ бываетъ: Выль онь, конечно, какъ мачта, длиной, толщиною и въсомъ. Взявши тотъ стволъ и мечомъ отъ него отрубивши три локтя, Выгладить чисто отрубокъ велълъ я товарищамъ; скоро Выглаженъ былъ онъ; своею рукою его заостриль я; Послъ, обжегши на угольяхъ острый конецъ, мы поспъшно Коль, приготовленный къ дълу, зарыли въ навозъ, который Кучей огромной набросань быль въ смрадной цещеръ циклопа. Кончивъ, своихъ пригласилъ я сопутниковъ жеребій кинуть, Кто между ними коломъ обожженнымъ поможеть произить миж Глазъ людовду, какъ скоро глубокому сну онъ предастся. Жеребій даль четырехь мив и самыхь надежныхь, которыхь Самъ бы я выбралъ, и къ нямъ я присталъ, не по жеребью-пятый. Вечеромъ, жирное стадо гоня, людовдъ возвратился; Но, отворивши пещеру, въ нее онъ ужъ полное стадо Ввелъ, не оставивъ на вижинемъ дворѣ ни козла ни барана (Выло ли въ немъ подозрѣнье, или демонъ его надоумилъ). Снова пещеру задвинувъ скалой необъятнотяжелой, Сълъ онъ и матокъ донть принялся надлежащимъ порядкомъ. Козъ и овецъ; подопвъ же, подъ каждую матку ея онъ Клалъ сосуна. И, окончивъ работу, рукой безпощадной Снова двоихъ онъ изъ насъ подхватилъ и попрежнему съблъ ихъ. Тутъ подошель я отважно и речь обратиль къ людоеду, Полную чату вина золотаго ему предлагая:

Выпей, Циклопъ, золотого впна, человъчьимъ насытясь Мясомъ; узнаешь, какой драгоцѣнный напитокъ на нашемъ Былъ кораблъ; для тебя я его сохранилъ, уповая Милость въ тебъ обръсти: но свиръпствуещь ты нестерпимо. Кто же впередъ, безпощадный, тебя посътить изъ живущихъ Многихъ людей, о твоихъ беззаконныхъ поступкахъ услыпіавъ? Такъ говорилъ и; взявъ чашу, ее осушилъ онъ, и вкуснымъ Крѣпкій напитокъ ему показался; другой попросилъ онъ Чаши: налей мит, сказаль онь, еще и свое назови мит Имя, чтобъ могъ приготовить теб' и приличный подарокъ. Есть и у насъ, у Циклоповъ, роскопныхъ кистей винограда Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ оплождаеть; Твой же напитокъ - амврозія чистая съ нектаромъ сладкимъ. Такъ онъ сказалъ, и другую я чашу виномъ искрометнымъ Налилъ. Еще попросилъ онъ, и третью безумцу и подалъ. Стало шумъть огневое вино въ головъ людоъда. Я обратился къ нему съ обольстительно-сладкою ръчью: Славное имя мое ты, Циклопъ, любопытствуеть свъдать, Съ темъ, чтобъ, меня угостивъ, и обычный мить сдълать подарокъ? Я называюсь Никто; мнв такое название дали Мать л отець, и товарищи такъ все меня величають. Съ злобной насмъшкою мнъ отвъчалъ людотдъ звъронравный: Знай же, Никто мой любезный, что будеть ты самый последній Събденъ, когда и раздълаюсь съ прочими; -- вотъ мой подарокъ. Тутъ повалился онъ навзничь, совствиъ опьянтлый; и на бокъ Свисла могучая шея и всепоб'вждающей силой Сонъ овладъть имъ: вино и куски человъчьяго мяса Выбросиль онъ изъ разпнутой пасти, не въ меру напившись. Колъ свой доставъ, мы его остріемъ на огонь положили; Тотчась зардель онь: тогда я, товарищей выбранных кликнувъ, Ихъ ободрилъ, чтобъ со мною решительны были въ опасномъ Лълъ. Уже начиналъ положенный на уголья колъ нашъ Пламя давать, разгоръвшись, хотя и сырой быль; посиъшно Вынуль его изъ огня и: товарищи смело съ обоихъ Стали боковъ-божество въ нихъ, конечно, вложило отважность: Коль обхватили они и его остріемъ раскаленнымъ Втиспули спящему въ глазъ: и, съ конца приподнявши, его л Началъ вертъть, какъ вертить буравомъ корабельный строитель Толстую доску произая; другіе жъ ему помогають, ремнями Острый буравъ обращая, и, въ доску вгрызаясь, визжить онъ. Такъ мы его съ двухъ боковъ обхвативши руками, проворно Колъ свой вертъли въ произенномъ глазу: облился онъ горячей Кровью; истяжли рфсиицы, шершавыя вспыхнули брови; Яблоко лопнуло: выбрызгнулъ глазъ, на огиъ зашипъвши. Такъ расторонный ковачь, изготовивъ топоръ иль съкпру, Въ воду металъ (на огит раскаливши его, чтобъ двойную Крепость имель) погружаеть и звонко шишить онь въ холодной Влагь: такъ глазъ зашишьть, остріемъ раскаленнымъ произенный Дико завыль людобдь—застонала оть воя пещера. Въ страхъ мы кинулись прочь; съ несказанной свиръцостью вырвавъ Колъ изъ произенваго глаза, облитый кипучею кровью Сильной рукой отъ себя онъ его отшвырнулъ; въ изступленыи Началь онь крикомъ Циклоповъ сзывать, обитавшихъ въ глубокихъ Гротахъ окресть и на горныхъ, лобзаемыхъ вътромъ, вершинахъ. Громкіе воили услышавъ, отвсюду сбѣжались Циклопы;

Входъ обступили пещеры они и сцроспли: зачемъ ты Созвалъ насъ всъхъ, Йолифемъ? Что случилось? На что ты Сладкій нашть сонъ и спокойствіе ночи божественной прерваль? Козъ ли твоихъ и барановъ кто дерзко похитилъ? Иль самъ ты Гибнешь? Но кто же тебя здъсь обманомъ иль силою губить? Имъ отвъчаль онъ изъ темной пещеры отчаянно дикимъ Ревомъ: Никто! Но своей я оплошностью гибну: Никто бы Сплой не могь повредить мив. Въ сердцахъ закричали Циклопы: Если никто, для чего же одинъ такъ ревешь ты? Но если Воленъ, то воля на это Зевеса, ея не избъгнешь. Въ помощь отда своего призови Посидона-владыку. Такъ говорили они удаляясь. Во мнъ же смъялось Сердце, что вымысломъ пмени всехъ мне спасти удалося. Охая тяжко, съ кряхтиньемъ и стономъ ошаривъ руками Ствны, Циклопъ отодвинуль отъ входа скалу, передъ нею Сълъ п огромныя вытянулъ руки, надъясь, что въ стадъ, Мимо его проходящемъ, насъ всехъ переловитъ; конечно, Думалъ свирѣный глунецъ, что и я былъ, какъ онъ, безъ разсудка. Я жъ осторожнымъ умомъ вымышлялъ и обдумывалъ средство, Какъ бы себя и товарищей бодрыхъ избавить отъ върной Гибели; многія хитрости, разные способы тщетно Мыслямъ монмъ представлялись, а бъдствіе было ужъ близко. Воть что, по думаньи долгомъ, удобивищимъ мив показалось: Были бараны большіе, покрытые длинною шерстью, Жириые, мощные, въ стадъ; руно ихъ какъ шолкъ волновалось. Я потихоньку, силетенными кръпкими лыками, вырвавъ Ихъ изъ рогожи, служившей постелею злому Циклопу, По три барана связаль; челов'якь быль подвязань подъ каждымъ Среднимъ, другими двумя по бокамъ защищенный, на каждыхъ Трехъ былъ одинъ изъ тогарищей нашихъ; а самъ я?.. Дебелый, Рослый, съ роскошною шерстью быль въ стаде баранъ; обхвативши Мягкую спину его, я повись на рукахъ подъ шершавымъ Брюхомъ; а руки (въ руно несказанно-густое впустивъ ихъ) Длинною шерстью обвиль и на ней терифливо держался. Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эосъ. Встала изъ мрака младая, съ перстами пурпурными, Эосъ: Къ выходу всъ побъжали самцы и козлы и бараны; Матки жъ, еще недоенныя, жалко блеяли въ закутахъ, Врызжа изъ длинныхъ сосцевъ молокомъ; господинъ ихъ, отъ боли Охая, щупаль руками у всёхъ, пробегающихъ мимо, Пышныя сиппы; но, глупый, опъ былъ угадать неспособенъ. Что у иныхъ подъ волнистой скрывалося грудью; последній Шель мой барань; и медлительнымь шагомь онь шель, отягченный Длинною шерстью и мной, размышлявшимъ въ то время с многомъ. Спину ощупавъ его, съ нимъ Циклопъ разговаривать началъ: Ты ль, мой прекрасный любимець? Зачемъ же пещеру последний Нынф покинуль? Ты прежде лфнивъ и медлителенъ не быль. Первый всегда, величаво ступая, на лугъ выходиль ты Сладкоцвътущей травою питаться; ты въ полдень къ потоку Первый быжаль; и у всых впереди возвращался вы нещеру Вечеромъ. Ныя в жъ пдеть ты последній; знать чувствуень самъ ты, Бъдный, что око мое за тобой ужъ не смотрить; лишень я Свътлаго зрвнія гнуснымъ бродягою; здёсь онъ виномъ мив Умъ отуманилъ; его называютъ Викто; не еще опъ Власти моей не избъгнулъ! Когда бы, мой другъ, говорить ты

Могь, ты сказаль бы, гдё спрятался врагь ненавистный; я черепь Вингъ раздробилъ бы ему и разбрызгалъ бы мозгъ по пещеръ. Оземь ударивъ его и на части раздернувъ; отмстилъ бы Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойникъ, Здёсь мнё нанесъ. Такъ сказавъ, онъ барана пустиль на свободу. Я жъ, недалеко отъ входа пещеры и вившней ограды Первый ставъ на ноги, путниковъ всехъ отвязалъ, и немедля Съ ними все стадо когловъ тонконогихъ и жирныхъ барановъ Собраль; обходами многими ихъ мы погнали на взморье Къ нашему судну. И сладко товарищамъ было насъ встрътить, Гибели върной избъгшихъ; хотъли о милыхъ погибшихъ Плакать они; но, мигнувъ имъ глазами, чтобъ плачъ удержали, Стадо козловъ и барановъ взвести на корабль пашъ немедля Я повельль; отойти мнь отъ берега въ море хотьлось. Люди мои собралися и, съвши на лавкахъ у веселъ. Разомъ могучими веслами всибнили темныя воды; Но на такое отплывъ разстоянье, въ какомъ человъчій Явственно голосъ доходить до насъ, закричаль я Циклопу: Слушай, Циклопъ безпощадный, впередъ беззащитныхъ гостей ты Въ гротъ глубокомъ своемъ не губп и не ъшь; святотатнымъ Дъломъ всегда на себя навлекаемъ мы върную гибель; Ты, злочестивецъ, дерзнулъ пноземцевъ, твой домъ посътившихъ, Звърски сожрать — наказали тебя и Зевесь и другіе Боги блаженные. Такъ я сказалъ; онъ, ужасно взбътенный, Тяжкій утесь отъ вершины горы отломиль и съ размаха На голосъ кинулъ; утесъ, пролетъвши надъ судномъ, въ пучину Рухнуль такъ близко къ пему, что его черноостраго носа Чуть не расшибъ; всколыхалося море отъ падшей громады; Хлынувъ, большая волпа побъжала стремительно къ брегу; Схваченный ею обратно къ землъ и корабль нашъ помчался. Длинною жердью и въ берегь песчаный уперся и судно Прочь отвалиль; а товарящамь, молча, кивнуль головою, Ихъ побуждая всей сплой на весла налечь, чтобъ избъгнуть Близкой б'єды: вс'є, нагнувшися, разомъ ударили въ весла. Вывъ на двойномъ разстояны отъ страшнаго брега, опять я Началъ кричать, вызывая Циклопа. Товарищи въ страхъ Всв убъждали меня замолчать и его не тревожить. Дерзкій, они говорили, зачёмъ ты чудовище дразнишь? Въ море швырнувши утесъ, онъ едва съ кораблемъ насъ не бросилъ На берегъ снова; едва не постигла пасъ върная гибель. Если теперь онъ чей голосъ иль слово какое услышить, Голову намъ раздробитъ и корабль нашъ въ куски изломаетъ, Бросивъ утесъ остробокій: до насъ же онъ в'єрно добросить. Такъ говорили они; но, упорствул дерзостнымъ сердцемъ, Я продолжаль раздражать оскорбительной речью Циклопа: Если, Циклопъ, у тебя изъ людей земнородныхъ кто спроситъ. Какъ истребленъ твой единственный глазъ, ты на это отвътствуй: Царь Одиссей, городовъ сокрушитель, героя Лаэрта Сынъ, знаменитый властитель Итаки, миз выкололъ глазъ мой. Такъ я сказалъ. Заревълъ овъ отъ злости и громко воскликнулъ: Горе! пророчество древи о ныи сбылось надо мною; Нъкогда быль здъсь одинъ предсказатель великій и мудрый Телемъ, Эвритіевъ сынъ, знаменитейшій въ людихъ всевидецъ; Жилъ и состарился онъ, прорицая, въ вемлъ у Циклоповъ. Въдая все, что должно совершиться въ грядущемъ, призочекъ онъ

Мнъ, что рука Одиссева зрънье мое уничтожить. Я же все думаль, что явится мужь благовидный, высокій Ростомъ, божественной сплою мышцъ обладающій смертный... Что же? Меня малорослый уродъ, чоловъчшико хилый, Зрънья лишилъ, напередъ въроломно виномъ опъянивши. Если жъ ты вирямь Одиссей, возвратись; я, тебя одаривши, Стану молить Посидона, чтобъ путь совершилъ ты безбѣдво По морю; сынъ я сму; онъ отцемъ мнъ слыветь; и одинъ онъ, Если захочеть, погибшее зрѣнье мое возвратить мнѣ Можеть — одинъ онъ, никто изъ людей и никто изъ безсмертныхъ. Такъ говорилъ Полифемъ. Я, отвътствуя, громко воскликнулъ: 0, когда бы я такъ же могъ върно и гнусную вырвать Душу твою изъ тебя и къ Анду низвергнуть, какъ върно То, что теб' колебатель земли не воротить ужъ глаза! Такъ отвѣчалъ я; тутъ началъ онъ, къ звѣздному небу поднявт Руки, молиться отцу своему, Посидону-владыкъ: Царь Посидонъ земледержецъ, могучій, лазурно-кудрявый, Если я сыпъ твой и ты мий отець, то не дай, чтобъ достигнуль Въ землю свою Одиссей, городовъ сокрушитель, Лаэртовъ Сынъ, обладатель Итаки, меня оследившій. Когда же Воля судьбы, чтобъ увидёлъ родныхъ мой губитель, чтобъ въ домъ свой Царскій достигнуль, чтобъ въ милую землю отцевъ возвратился, Дай, чтобъ по многихъ напастяхъ, утративъ сопутниковъ, поздно Прибыль туда на чужомъ кораблѣ онъ и встрѣтиль тамъ горе. Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Посидономъ услышанъ. Туть онь огромнейший перваго камень схватиль и съ размаху Въ море его съ непомърною силой швырнулъ; загудъвши, Онъ позади корабля темноносаго, съ шумомъ великимъ Грянулся въ воду такъ близко къ нему, что едва не расилюснулъ Нашей кормы; всколыхалося море отъ падшей громады: Судно жъ волною помчало впередъ къ недалекому брегу Острова Козъ; и вошли мы обратно въ ту пристань, гдъ наши, Въ мъстъ защитномъ оставлены были суда, гдъ печально Спутники въ скукъ сидъли и ждали, чтобъ мы воротились. Къ брегу приставъ, быстроходный корабль на песокъ мы встащили; Сами же вышли на брегъ, поражаемый шумно волнами. Тучныхъ Циклоповыхъ козъ и барановъ собравши, добычу Стали д'Елить мы, чтобы каждому должный достался участокъ; Мит же отъ свътлообутыхъ сопутниковъ въ даръ былъ особо Главный назначенъ баранъ и его принесли мы на брегъ Въ жертву Кроніону, тучь собирателю: Зевсу-владыкт Тучныя бедра предъ нимъ мы сожгли. Но, отвергнувъ онъ жертву, Сталь замышлять, чтобъ, б'ёды претеритви, напосл'ёдокъ и всёхъ н Спутниковъ върныхъ и всъхъ кораблей кръпкозданныхъ лишился. Жертву принесши, мы цалый тамъ день до вечерняго мрака Вли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утъщались. Тою порою померкнуло солнце и тьма наступила; Всъ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ. Вышла изъ мрака младая, съ перстами пурпурными, Эосъ; Спутниковъ върныхъ созвавъ, я велълъ, чгобъ они на проворныхъ Всъ корабляхъ собралися и всъ отвязали канаты. Спутники вст собралися и, ствин на лавкахъ у веселъ, Разомъ могучими веслами вспенили темныя воды. Далфе поплыли мы, въ сокрушены великомъ о милыхъ Мертвыхъ, по, радуясь въ сердцъ, что сами спаслися отъ смерти.

ПЪСНЬ ДЕСЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ ПЪСНИ.

Вечеръ тридцать третьяго дня. Одиссей продолжаеть разсказывать свои приключенія. Прибытіе на островъ Эолію. Эолъ, повелитель вътровъ, даетъ Одиссею проводникомъ Зефира и вручаетъ ему крѣпко завязанный мѣхъ съ заключенными въ немъ прочими вътрами. Находяся уже въ виду Итаки, Одиссей засыпаетъ. Его сопутники развязываютъ мѣхъ; подымается сильная буря, которая приноситъ ихъ обратно къ Эолову острову. Но разлраженный Эолъ повелѣваетъ Одиссею удалиться. Лестригоны истребляютъ одиннадцать кораблей Одиссеевыхъ; съ послъднимъ пристаетъ овъ къ острову Цирцеи. Волинебница превращаетъ въ свиней его сопутниковъ; но Эрмій даетъ ему средство разрушить ся чародъйство. Одиссей, одолъвъ Пирцею, убъждаетъ ее возвратить человъческій образъ его сопутникамъ. Проведя годъ на ся островъ, опъ требуетъ, наконецъ, чтобы она возвратила его въ отечество; но Цирцея повелъваеть ему прежде посътить Океанъ и у входа въ область Аида вопроситъ прорицателя Тирезія о судьбъ свосй. Смерть Эльпенора

Скоро на островъ Эолію прибыли мы; обитаетъ Ипотовъ сынъ тамъ, Эолъ благородный, богамп любимый. Островъ пловучій его неприступною м'єдной ст'єною Весь обнесень; берега жъ подымаются гладкимъ утесомъ. Тамъ отъ супруги двънадцать дътей родилося Эолу, Шесть дочерей світлоликих и шесть сыновей многосильных в. Вст ежедневно они собираются въ дарскомъ жилищт; Тамъ съ благороднымъ отцемъ и съ заботливой матерью вмъстъ Всъ за трапезой, уставленной явствами, сладко пируютъ Въ залъ они, благовонной отъ запаха пищи и пъньемъ Флейтъ оглашаемой. Въ домъ ихъ богатый вошли мы; и цълый Мъсяцъ Эолъ угощалъ насъ радушно и съ жадностью слушалъ Пов'єсть о Троф, о битвахъ Аргивянъ, о ихъ возвращеный; Все любопытный заставиль меня разсказать по-порядку. Но напоследокъ, когда обратился я, въ путь изготовясь, Съ просьбой къ нему отпустить насъ, на то согласясь благосклонно, Даль онъ мив сшитый изъ кожи быка девятигодоваго Мъхъ съ заключенными въ немъ буреносными вътрами: былъ онъ Ихъ господиномъ, по волъ Кроніона Дія, п всьхъ пхъ Могъ возбуждать, иль обуздывать, какъ приходило желанье. Мѣхъ на просторномъ моемъ кораблѣ онъ серебряной нитью Туго стянуяъ, чтобъ нямалаго быть не могло дуновенья Вфтровъ; Зефпру лишь далъ повеленье дыханьемъ попутнымъ Насъ въ корабляхъ по водамъ провожать; но домой возвратиться Дій не судиль намъ: своей безразсудностью вст мы погибли. Девять мы сутокъ и денно и нощно свой путь совершали; Вдругь на десятыя сутки явился намъ берегъ отчизны. Быль онь ужъ близко; на немъ всв огни ужъ могли различить мы. Въ это мгновенье въ глубокій я сонъ погрузился, понеже Правилъ до техъ поръ кормпломъ одинъ, никому не желая Ввърпть его, чтобъ успъшнъй достигнуть отчизны любезной: Спутники тою порой завели разговоръ; полагали Всъ, что съ собою имълъ серебра я и золота много, Мнв на прощаніи данныхъ царемъ благороднымъ, Эоломъ. Глядя другъ на друга, такъ разсуждали они межъ собою: Воги! какъ всюду его одного уважаютъ и любятъ Люди, какую бы землю и чье бы жилище ни вздумалъ Онъ посътить. Ужъ и въ Трот онъ много сокровищъ отъ разныхъ Собраль добычь: мы одно претерпъли, одинъ совершили

Путь съ нимъ-а въ домъ свой должны возвратиться съ пустыми руками Такъ и Эолъ; лишь ему одному онъ богатый подарокъ Сделалъ, посмотримъ же, что имъ такъ плотно завизано въ этомъ Мъхъ: ужъ върно найдемъ серебра тамъ и золота много. Такъ говориян один; ихъ одобрили вст остальные. Мъхъ былъ развязанъ и шумно исторглися вътры на волю; Вурю воздвигнувъ, они съ кораблями ихъ, громко рыдавшихъ, Снова отъ брега отчизны умчали въ открытое море. Я пробудился и долго умомъ колебался, не зная Что мит избрать: самого ли себя уничтожить, въ пучину Вросясь, иль, молча судьбъ покорясь, межъ живыми остаться. Я покорился судьбь, и на днъ корабля, завернувшись Въ мантію, тихо лежалъ. Къ Эолійскому острову снова Вурею наши суда принесло. Всъ товарищи съ плачемъ Вышли на твердую землю; запасшись водой ключевою, Наскоро легкій об'єдъ мы у быстрыхъ судовъ совершили. Свой удовольствовавъ голодъ фдой и питьемъ, я съ собою Взяль одного изъ товарищей нашихъ съ глашатаемъ; прямо Къ дому Эола-царя мы пошли и его тамъ застали Вибств съ женой и со всеми дътьми за семейнымъ объдомъ. Въ двери палаты вступивъ, я съ своими людьми на порогв Сълъ; изумплась церева семья; всв воскликнули вмъсть: Ты ль, Одиссей? Не зловредный ли демонъ къ тебъ прикоснулся? Здъсь мы не все ль учредили, чтобъ ты безпрепятственно прибылъ Въ землю отцовъ пль въ пную какую желанную землю? Такъ говорили они; съ сокрушеньемъ души отвѣчалъ я: Сонъ роковой и безуміе спутниковъ мит приключили Бъдствіе злое; друзья, помогите; вамъ это возможно. Такъ я сказаль, умоляющимъ словомъ смягчить ихъ надъясь. Всь замолчали они; но отецъ мню ответствоваль съ гневомъ: Прочь, недостойный! Немедля мой островъ покинь; неприлично Памъ подъ защиту свою принимать человъка, который Такъ, очевидно, безсмертнымъ, блаженнымъ богамъ ненавистенъ. Прочь! ненавистный блаженнымъ богамъ и для насъ ненавистенъ. Кончивъ, меня опъ, рыдавшаго жалобно, изъ дому выслалъ. Далъс поплыли мы въ сокрушении сердца великомъ. Люди мон, утомяся отъ гребли, утратили бодрость, Помощи всякой лишенные собственнымъ жалкимъ безумствомъ. Денно и нощно шесть сутокъ носясь по водамъ, на седьмыя Прибыли мы къ многовратному граду въ странъ лестригоновъ Ламосу. Тамъ, возвращаяся съ поля, пастухъ вызываеть На поле выйти другого; легко бъ несонливый работникъ Плату двойную тамъ могъ получать, выгоняя пастися Днемъ бълорунныхъ барановъ, а ночью быковъ криворогихъ. Ибо тамъ паства дневная съ ночною сближается паствой. Въ славную пристань вошли мы: ее образують утесы, Круго съ объихъ сторонъ подымаясь и сдвинувшись подлъ Устья великими, другъ противъ друга изъ темныя бездны Моря торчащими, камнями, входъ и исходъ заграждая. Люди мон, съ кораблями въ просторную пристань проникнувъ, Ихъ утвердили въ ея глубинъ и связали у берега, тъснымъ Рядомъ поставивъ: тамъ волнъ никогда, не великихъ ни малыхъ Нать, тамъ равниною гладкою лоно морское сілеть. Я же свой черный корабль пом'естиль въ отдаленья отъ прочихъ, Около устья, канатомъ его привязавъ подъ утесомъ.

Послѣ взошелъ на утесъ и стоялъ тамъ, кругомъ озираясь: Не было видно нигдъ ни быковъ, ни работниковъ въ полъ; Изредка только, взвиваяся, дымъ отъ земли подымался. Двухъ растороинъйшихъ самыхъ товарищей нашихъ я выбралъ (Третій быль съ ними глашатай) и св'ядать послаль ихъ, къ какимь мы Людямъ, вкушающимъ хлѣбъ на землъ плодоносной, достигли? Гладкая скоро дорога представилась имъ, по которой Въ городъ дрова на возахъ съ окружающихъ горъ доставлялись. Спльная дева пмъ встретилась тамъ; за водою съ кувшиномъ За городъ вышла она; Лестригонъ Антифатъ былъ отецъ ей; Встратились съ нею они при ключа Артакійскомъ, въ которомъ Черпали свътлую воду всъ, жившіе въ городъ близкомъ. Къ ней подошедши, они ей сказали: желаемъ узнать мы, Дъва, кто властвуетъ здъшнимъ народомъ и здъшней страною? Домъ Антифата, отца своего, имъ она указала. Въ домъ тотъ высокій вступивши, они тамъ супругу владыки Встрътили, ростомъ съ великую гору-они ужаснулись. Та же велъла скоръй изъ собранья царя Антифата Вызвать; и овъ, прибъжавъ на погибель товарищей нашихъ, Жадно схватиль одного и сожраль; то увидя, другіе Бросились въ бъгство и быстро къ судамъ возвратилися; онъ же Началь ужасно кричать и встревожиль весь городь; на громкій Крикъ отовсюду сбъжалась толпа Лестригоновъ могучихъ; Много сбъжалося пхъ, великанамъ, не людямъ подобныхъ. Съ круги утесовъ они черезъ сплу подъемные камни Стали бросать; на судахъ поднялася тревога — ужасный Крикъ убиваемыхъ, трескъ отъ крушенья снастей; туть злосчастныхъ Спутниковъ нашихъ, какъ рыбъ, нанизали на колья и въ городъ Всъхъ унесли на събденье. Въ то время, какъ бъдственно гибли Въ пристани спутники, острый я мечь обнажиль и, отсъкщи Крфпкій канать, на которомъ стояль мой корабль темноносый, Людямъ, собравшимся въ ужасъ, молча кивнулъ головою, Ихъ побуждая всей силой на весла налечь, чтобъ избъгнуть Близкой б'єды: устрашенные, дружно ударили въ весла. Мпмо стремнистыхъ утесовъ въ открытое море успъшно Выплыль корабль мой; другіе же всв невозвратно погибли. Далъе поплыли мы, въ сокрушены великомъ о милыхъ Мертвыхъ, но радуясь въ сердцъ, что сами спаслися отъ смерти. Мы напоследокъ достигли до острова Эп. Издавна Сладкорфинвая, светлокудрявая тамъ обитаетъ Дъва Цирцея, богиня, сестра кознодъя Аэта. Быль ихъ родителемъ Геліось, богь, озаряющій смертныхъ; Мать же была ихъ прекрасная дочь Океанова, Перса. Къ брегу крутому приставъ съ кораблемъ, потаенно вошли мы Въ тяхую пристань: дорогу намъ богъ указалъ благосклонный. На берегъ вышедъ, на немъ мы остались два дня и двъ ночи, Въ силахъ своихъ изнуренные, съ тяжкой цечалію сердца. Третій намъ день привела світозарнокудрявая Эось. Взявши копье и двуострый свой мечь опоясавъ, пошелъ я Съ мъста, гдъ былъ нашъ корабль, на утеспстый берегь, чтобъ свъдать Гдъ мы? Не встръчу ль людей? Не послышится ль чей-нибудь голось? Ставъ на вершинъ утеса, я взоромъ окинулъ окрестность. Дымъ, отъ земли путеносной вдали восходящій, увидёмъ Я за шпрокоразросшимся лесомъ въ жилище Цирцеи. Долго разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не зналъ я. итта ли

Къ ивсту тому мнв, гдв дымъ отъ земли подымался багровый? Дело обдумавъ, уверплся я, наконецъ, что удобней Было сначала на брегь, гдф стояль нашъ корабль, возвратиться, Тамъ отобъдать съ людьми и, надежнъйшихъ выбравъ, отправить Ихъ за въстями. Когда жъ къ кораблю своему подходилъ я, Сжалился благостный богь надо мной, одинокимъ: навстръчу Мать онъ оленя богаторогатаго, тучнаго выслаль; Пажить лесную покинувъ, къ студеной реке съ несказанной Жаждой бъжалъ онъ, измученный зноемъ полдневнаго солнца. Мъткое бросивъ копье, поразилъ я бъгущаго звъря Въ спину: ее проколовши насквозь, остріемъ на другой бокъ Вышло копье: застонавъ, онъ упалъ и душа отлетъла Ногу уперши въ убитаго, вынулъ копье и изъ раны, Подл'в него на земл'в положиль, и немедля болотныхъ Гибкихъ тростинокъ нарвалъ, чтобъ веревку въ три локтя длиною Свить, переплетши тростинки и плотно скругивъ ихъ. Свпвии веревку, связалъ я оленю тяжелому ноги: Между ногами просунувши голову, взялъ я на плечи Ношу, и съ нею пошелъ къ кораблю, на копье оппраясь; Просто жъ ее на плечахъ я не могъ бы одною рукою Снесть: быль чрезмърно огромень олень. Передъ судномъ на землю Вросилъ его я, людей разбудилъ и, привътствовавъ всъхъ ихъ, Такъ имъ сказалъ: ободритесь, товарищи, въ область Аида Прежде, пока не наступить нашъ день роковой, не сойдемъ мы; Станемъ же нынъ (ъдой нашъ корабль запасенъ пзобпльно) Пищей себя веселить, прогоняя мучительный голодъ Выло немедля мое повельные псполнено: снявши Верхнія платья, они собрались у безплоднаго моря; Всехъ ихъ олень изумиль, несказанно-велькій и тучный; Очи свои удовольствовавъ сладостнымъ зрѣньемъ, умыли Руки они и посившно объдъ приготовили вкусный. Цълый мы день до вечерняго сумрака, сиди на брегь, Вли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утвшались: Солнце темъ временемъ село, и тьма наступила ночная: Вст мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ. Вышла изъ мрака младая, съ перстами пурпурными, Эосъ. Спутниковъ вфримуъ своихъ на совътъ пригласивъ, я сказалъ имъ: Спутники верные, слушайте то, что скажу вамъ, печальный: Намъ неизвъсто, гдъ западъ лежить, гдъ является Эосъ: Гдф светоносный подъ землю спускается Геліосъ, гдф онъ На небо всходить; должны мы теперь совокупно размыслить Можно ли чемъ отъ беды намъ спастися; я думаю, нечемъ. Съ этой крутой высоты я окрестность окинулъ глазами: Островъ, безбрежною бездной морской, какъ вънцемъ, окруженный, Плоско на влагъ лежащій, увидъль я; дымъ подымался Густо вдали изъ широкорастущаго темнаго лъса. Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце: Въ память пришли имъ и злой Лестригонъ Антифатъ и надменный Силой своею Циклопъ, Полифемъ, людойдъ святотатный; Громко они застонали, обильнымъ потокомъ проливши Слезы-напрасно: отъ слезъ и отъ стоновъ ихъ не было пользы. Туть раздёлить я решился товарищей меднообутыхъ На двъ дружины; одною дружиной начальствоваль самъ я: Избранъ вождемъ былъ дружины другой Эврилохъ благородный. 2К еребын въ медноокованномъ шлеме потомъ потрясли мыВынулся жеребій твердому сердцемъ вожди Эврилоху. Въ путь собрался онъ п съ нимъ-двадцать-два изъ товарищей нашихъ. Съ плачемъ они удалились, оставя насъ. горемъ объятыхъ. Скоро они за горами увидъли кръикій Цирценнъ Домъ, сгроможденный изъ тесяныхъ камней на мъсть открытомъ. Около дома толиплися горные львы и лесные Волки: питьемъ очарованнымъ ихъ укротила Цпрцея. Вм'єсто того, чтобъ напасть на пришельцевъ, они подб'єжали Къ намъ миролюбно и, ихъ окружвани, махали хвостами. Какъ къ своему господину, хвостами махая, собаки Ластятся — имъ же всегда онъ приносить остатки объда — Такъ остроланые львы и шершавые волки къ пришельцамъ Ластились. Ихъ появленьемъ они, приведенные въ ужасъ, Къ дому прекраснокудрявой богини Цирцен поспъшно Веф устремились. Тамъ голосомъ звонкопріятнымъ богиня Пала, сидя за широкой, прекрасной, божественно-тонкой Тканью, какая изъ рукъ лишь богини безсмертной выходить. Къ спутникамъ тутъ обратися, Политосъ, мужей предводитель, Мн'є межъ другими в'єрнъйшій, любезнъйшій другъ мой, сказалъ имъ: Слышите ль голосъ пріятный, товарища? Кто-то, за тканью Сидя, постъ тамъ, гармоніей всю наполния окрестность. Кто же? Богиня иль смертная? Голосъ скоръй подадимъ ей. Такъ онъ сказалъ имъ: они закричали, чтобъ вызвать пѣвицу. Вышла немедля она и, блестящую дверь растворивши, Въ домъ пригласила вступить ихъ: забывъ осторожность, вступили Веф: Эврилохъ лишь одинъ назади, усомнившись, остался. Чиномъ гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея Смъси изъ сыра и меду съ ячменной мукой и съ Прамнейскимъ Свътлымъ виномъ подала имъ, подсыпавъ волшебнаго зелья Въ чату, чтобъ память у вихъ объ отчизив пропала; когда же Ею быль подань, а имп отведань напитокъ, ударомъ Выстрымъ жезла загнала чародъйка въ свиную закуту Всёхъ: очутился тамъ каждый съ щетпинстой кожей, съ свиною Мордой и съ хрюкомъ свинымъ, не утративъ, однако, разсудка. Плачущихъ встхъ заперла ихъ въ закутт волшебница, бросивъ Имъ желудей и свидины и буковыхъ дикихъ оръховъ Въ пищу, къ которой такъ лакомы свиньи, любящія рыломъ Землю копать. Къ кораблю Эврилохъ прибъжалъ тою порою Съ въстью плачевной о бъдствін, спутниковъ нашихъ постигшемъ. Полго не могъ, сколь ни силился, слова сказать онъ, могучимъ Горемъ проникнутый въ сердце; слезами наполнены были Очи его, и душа въ немъ терзалась отъ скорби; когда же Всв мы его въ изумленьи великомъ разспрашивать стали, Такъ разсказалъ онъ мий повъсть о бъдствін посланныхъ нашихъ: Лъсъ перешедин, какъ ты повельль, Одиссей многославный, Скоро мы тамъ, за горами увидели кренкій Цирцевиъ Домъ, сгроможденный изъ тесаныхъ камней на мъстъ открытомъ. Въ немъ, мы услышали, ивла прекрасно пвища, за тканью Спдя, не знаю: богиня иль смертная. Тотчасъ мы голосъ Подали: вышла она и, блестящую дверь растворивши, Въ домъ насъ вступить пригласила; забывъ осторожность, вступили Всь: я остался одинъ назади, предузнавши погибель; Всъ тамъ исчезли они и обратно никто ужъ не вышелъ. Долго я ждаль; напоследокъ ушель, ипчего не узнавши. Такъ онъ сказалъ; и, не медля, надъвъ на плечо среброгвоздный.

Мѣдный, двуострый мой мечь и схвативши свой, туго согбенный, Лукъ, я велълъ Эврилоху меня проводить, возвратившись Той же дорогой со мною; но онъ, на колена въ великомъ Страхв упавъ, мив съ рыданіемъ бросиль крылатое слово: Нъть, повелитель, позволь за тобой не ходить мит; увъренъ Я, что ни самъ ты назадъ не придешь, ни другихъ не воротишь Спутниковъ нашихъ; совътую лучше, какъ можно скоръе Въгствомъ спасаться, пль всъ мы ужаснаго дня не минуемъ. Такъ говорилъ Эврплохъ и, ему отвъчая, сказалъ я: Другъ Эврплохъ, принуждать я тебя не хочу; оставайся Здёсь, при моемъ корабле утешаться питьемъ и едою; Я же пойду: непреклонной нужде покориться мне должно. Съ сими словами пошелъ я отъ моря, корабль тамъ оставивъ. Той же порой, какъ въ святую долину спустяся, ужъ быль я Влизко высокаго дома волшебницы хитрой Цирцен, Эрмій съ жезломъ золотымъ предъ глазами монии, нежданный, Сталь, заступивь миж дорогу; плжительный образь имкль онъ Юноши съ девственнымъ пухомъ на свежихъ ланитахъ, въ прекрасномъ Младости цвътъ. Мнъ ласково руку подавши, сказалъ онъ: Стой, злополучный, куда по горамъ ты бредешь одиноко, Зафиняго края не въдая? Люди твои у Иприеи: Всехъ обратила въ свиней чародейка и въ хлевъ заперла свой. Ихъ ты избавить спешины; но и самъ, опасаюсь, оттуда Цель не уйдешь; и съ тобою случится, что съ ними случилось. Слушай, однако: тебя отъ бъды я великой избавить Средство пифю; дамъ зелья тебф; ты въ жилище Цирцен См'ело поди съ нимъ; оно охранить отъ ужаснаго часа. Я же тебъ разскажу о волшебствахъ коварной богини: Пойло она приготовить и зелья въ то пойло подсыплеть. Но надъ тобой не подъйствують чары; чудесное средство, Данное мною, ихъ силу разрушитъ. Послушай: какъ скоро Мощнымъ жезломъ чародъйнымъ Цирцея къ тебъ прикосиется, Острый свой мечь обнаживь, на нее устремись ты не медля, Выстро, какъ-будто ее умертвить вознамфрясь; въ испугъ Станетъ, упавъ на колена, пощады просить чародъйка. Строго потребуй тогда, чтобъ она поклядася великой Клятвой, что вреднаго замысла протпвъ тебя не имфеть: Иначе ты не избъгнешь могущества гибельной чары. Съ сими словами растенье мнв подалъ божественный Эрмій, Вырвавъ его изъ земли и природу его объяснивъ миф; Корень быль черный, подобень быль двъть молоку бълизною; Моли его называють безсмертные; людямъ опасно Съ корнемъ его вырывать изъ земли, но богамъ все возможно. Эрмій, подавъ мав растенье, на светлый Олимпъ удалился. Я же пошель вдоль лесистаго острова къ дому Цирцен, Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный. Ставъ передъ дверью прекраснокудрявой богини, я громко Началь ее вызывать; и, услышавь мой голось, не медля Вышла она, отворила блестящія двери и въ домъ дружелюбно Мнъ предложила вступить; съ сокрушениемъ сердца вступилъ я. Введши въ покоп меня п на стулъ посадпвъ среброгвоздный Ръдкой работы (для ногъ же была тамъ скамейка), богиня Въ чашу златую влила для меня свой напитокъ; но прежде, Злое замысливъ, подсыпала зелья въ него; и когда онъ Ею быль подань, а мною безвредно отведань, свершила

Чару она, давъ ударъ мит жезломъ и сказавъ мит такое Слово: иди, и свиньею валяйся въ закуть съ другими. Я же свой мечь изощренный извлекъ и его, подбъжавъ къ ней, Подняль, какъ-будто ее умертвить вознамърившись; громко Вскрикнувъ, она отъ меча увернулась и, съ плачемъ великимъ Сжавин колена мон, мне крылатое броспла слово: Кто ты? Откуда? Какихъ ты родителей? Гдѣ обитаешь? Я въ изумленіи; питья моего ты отвідаль и не быль Имъ превращенъ; а лосель никто не избъгъ чародъйства, Даже и тоть, кто, не пивъ, лишь губами къ питью прикасался. Сердце железное быется въ груди у тебя; п, конечно, Ты Одиссей, многохитростный мужъ, о которомъ давно мнф Эрмій, носптель жезла золотаго, сказаль, что сюда онъ Будеть, на черномъ плывя кораблё оть разрушенной Трои. Вдвинь же въ ножны мъдноострый свой мечъ, и безъ страха Вварь мна себя: ты отнына мна будешь возлюбленныма другома. Такъ говорила богиня, и такъ, отвъчая, сказалъ я: Какъ же могу, о Цирцея, на дружбу твою положиться, Если въ свиней обратила моихъ ты сопутниковъ върныхъ! Нътъ, не надъйся, чтобъ я твоему объщанью повърплъ Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мив великой Клятвы, что вреднаго замысла противъ меня не имъешь. Такъ я сказалъ, и Цирцея богами великими стала Клясться; когда жъ поклялася и клятву свою совершила, Мечъ свой я вдвинулъ въ ножны и довърчиво руку ей подалъ. Тою порою заботились въ свътлыхъ покояхъ четыре Дъвы, служанки проворныя, все учреждавшія въ домъ; Вст онт дочери были прекрасныя рощъ и ключей и священныхъ Ръкъ, въ необъятное лоно глубокаго моря бъгущихъ. Дъва одна, положивши на кресла подушки, постлала Пышные сверху ковры, на ковры жъ полотняныя ткани. Къ каждымъ кресламъ другая среребряный, чудной работы, Столъ пододвинула съ клебомъ въ златыхъ драгоценныхъ корзинахъ. Третья смішала въ кратерів серебряной воду съ медвянымъ. Сладкимъ виномъ: на столы же поставила кубки златые. Свътлой воды принесла напоследокъ четвертая дъва; Яркій огонь разложивь подъ треножнымъ котломъ, вскинятила Воду она; вскипятивши же воду въ котлъ, осторожно Стала сама, изъ котла подливая воды вскипяченной Въ свъжую воду, плеча орошать миж и голову теплой Влагой: п тымъ прекратилось томпишее духъ разслабленье Тъла. Когда жъ п омыть я п чистымъ натертъ быль елеемъ, Легкій надъвши хитонъ и косматую мантію, съ дъвой Въ свътлый покой я вступилъ и она къ среброгвозднымъ, богатымъ Кресламъ меня проводила — была тамъ для ногъ и скамейка. Туть принесла на лахани серебряной руки умыть мнъ Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня, Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила Хльбъ домовитая ключница съ разнымъ съестнымъ, изъ запаса Выданнымъ ею охотно, и стала меня дружелюбно Потчевать вкусною пищей; но пища была мнв противна. Думой объятый, сидълъ я съ недобрымъ предчувствіемъ въ сердцъ. Видя, что, думой объятый, сежу и что къ лакомой пищф Рукъ не хочу протянуть я, печалью объятый, Цпрцея, Влизко ко мий подошедши, крылатое бросила слово:

Что у тебя на душъ, Одиссей? Оть чего такъ уныло Здесь ты сплишь, какъ немой, ни еды ил питья не вкушая? Или еще ты страшиться какого коварства? Напрасенъ Страхъ твой; ты слышалъ, тебъ поклялась я великою клятвой. Такъ говорила богиня и такъ, отвъчая, сказалъ я: О Цпрцея, какой же, пристойность и правду любящій, Мужъ согласится себя утвшать и питьемъ и вдою, Прежде, пока не увидить своими глазами спасенья Спутниковъ? Если желаешь, чтобъ инщи твоей я коснулся, Спутниковъ дай мнъ спасенье своими глазами увидъть. Такъ я сказалъ, п немедля съ жезломъ изъ покоевъ Цирцен Вышла, къ закуте свиной подошла и, ее отворивши, Ихъ, превращенныхъ въ свиней девятигодовалыхъ, отгуда Вывела; стали они передъ нею; она жъ, обошедъ ихъ Всехъ, почередно помазала каждаго мазью, и разомъ Спала съ вхъ тела щетина, его покрывавшая густо Съ са;мыхъ техъ поръ, какъ Цирцея дала имъ волщебнаго зелья; Прежн й свой видъ возвративъ, во мгновенье всъ стали моложе, Силами крѣпче, красивъй лицомъ и возвышеннъй станомъ; Всв во мгновенье узнали меня и ко мнв протянули Радостно руки; потомъ зарыдали отъ скорби; ихъ воплемъ Домъ огласился; проникнула жалость и въ душу Цирцеи. Влизко ко мит подошедши, богиня богинь мит сказала: О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный, Медлить не должно; поди на песчаное взморье и върнымъ Спутникамъ всемъ совокупно встащить повели на зыбучій Верегъ корабль твой; потомъ, все богатства и снасти въ пещер в Скрывъ и товарищей взявши съ собою, сюда возвратися. Такъ мнф сказала, и я покорплся ей мужескимъ сердцемъ. Шагомъ посп'ятнымъ пришедъ къ кораблю на песчаное взморье, Влизъ корабля я на брегь нашелъ всыхъ товарищей вырвыхъ, Стонущихъ громко, изъ глазъ изобильныя слезы ліющихъ. Какъ запертыя въ закутахъ телята, увидя идущихъ Съ паствы коровъ, напитавшихся сочной травой луговою, Всь имъ навстръчу бъгуть, изъ заградъ вырываяся тъсныхъ, Всь окружають, мыча, возвратившихся съ пажити матокъ: Такъ побъжали толпою, увидя меня издалека, Спутники все мне навстречу; и сильно проникла ихъ сердце Радость, какъ-будто бъ въ родную они возвратились Итаку, Въ наше отечество мплое, гдъ родились и цвъли мы. Горько заплакавъ, они мит крылатое бросили слово: Радостно намъ возвращенье твое, повелитель, какъ-будто бъ Въ наше отечество, въ нашу Итаку, мы вдругъ возвратились. Но не скрывайся, скажи, гдф товарищи? Что ихъ постигло? Такъ говорили они, вопрошая; имъ такъ отвѣчалъ я: Прежде, друзья, совокупною сплой корабль на зыбучій Верегъ встащите; въ пещеръ потомъ всъ богатства и снасти Скройте; потомъ собервтесь и следуйте смело за мною. Къ спутникамъ васъ поведу я въ святую обитель Цирцеи. Всехъ вхъ, питьемъ и едой веселящихся, тамъ вы найдете. Было немедля мое повеленье исполнено ими. Но Эврилохъ, вопреки мнф, хотелъ удержать ихъ; онъ смело Голосъ возвысивъ, товарищамъ бросилъ крылатое слово: Стойте; куда вы, безумцы? За нимъ по следамъ вы хотите Въ домъ чародъйки опасной итти? Но она превратитъ васъ

Всехъ пль въ свиней, пль въ шершавыхъ волковъ, пль въ лесныхъ густо-

Львовъ, чтобъ ен стерегли вы жилище; тамъ съ вами случится То жъ, что случилось въ пещеръ Циклопа, куда безразсудно Наши товарищи следомъ за дерзкимъ вошли Одиссеемъ. Онъ, необузданный, быль ихъ погибели жалкой виною. Такъ говорилъ Эврилохъ и меня побуждало ужъ сердце Мечъ длинноострый схватить и, его обнаженною мъдью Голову съ плечъ непокорнаго сбросить на землю, хотя онъ Быль мив и родственникъ близкій; но спутники всв, удержавши Руку мою, обратили ко мив миротворное слово: Если желаешь, божественный, пусть Эврилохъ остается У моря здъсь съ кораблемъ и его сторожить неусыпно; Мы же пойдемъ за тобою въ святую обитель Цирцен. Всёхъ ихъ отъ моря повель я, корабль нашъ покинувъ на бреге; Но Эврилохъ не остался одинъ съ кораблемъ и за нами Следомъ пошелъ, приведенный моими угрозами въ трепетъ. Тою порой остальные товарищи въ домъ Цирцеи Баней себя осв'жили; душистымъ натершись едеемъ, Въ легкій хитонъ и косматую мантію каждый облекся. Я, возвратясь, ихъ нашелъ, за роскошной трапезой сидящихъ. Свидясь съ друзьями и все разсказавъ о случившемся съ ними, Громко они зарыдали, ихъ воплемъ весь домъ огласился. Близко ко мит подошедши, боганя Цирцея сказала: Царь Одиссей, многохитростный мужь, Лаэртидъ благородный, Вст вы свою укротите печаль и отъ слезъ воздержитесь; Знаю довольно я, что на водахъ многорыбнаго моря, Что на земль отъ свирьныхъ людей претериъли вы-горе. Бросивъ теперь, наслаждайтесь питьемъ и бдою, покуда Въ вашей груди не родится то мужество снова, съ которымъ Нѣкогда въ путь вы пустились, разставшись съ отчизною милой, Съ вашей суровой Итакою. Нывъ въ безсиліи робкомъ, Все помышляя о странствіи б'єдственномъ, сердце веселью Вы затворяете - были велики страданія ваши. Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ Съ тъхъ поръ вседневно, въ теченье мы цълаго года Бли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утъщались. Но когда, наконецъ, обращеньемъ временъ совершенъ былъ Кругъ годовой, миновалися мѣсяцы, дни пролетѣли, Спутники всв приступили ко мнв съ убъдительной рвчью: Время, несчастный, теб'в о возврат'в въ Итаку подумать, Если угодно богамъ, чтобъ спаслись мы, чтобъ могъ ты увидъть Свътлобогатый свой домъ и отчизну и милыхъ домашнихъ. Такъ мнѣ сказали, и я покорился имъ мужескимъ сердцемъ. Весело весь мы тотъ день до вечерняго поздняго мрака Ъли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утъщались. Солице тымъ временемъ съло, и тьма наступала ночная. Спутники всв предались въ потемивешихъ палатахъ покою. Я же, пришедши къ богинъ, ей бросилъ крылатое слово: • О Цирцея, исполни свое объщанье въ отчизну Насъ возвратить: сокрушается сердце по ней; въ сокрушеньи Спутники вст приступаютъ ко мит и мою раздираютъ Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалобнымъ плачемъ. Такъ говориль я и такъ, отвічая, сказала богиня: О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,

Въ домъ своемъ и тебя поневолъ держать не желаю. Прежде, однако, ты долженъ, съ пути уклоняся, проникнуть Въ область Анда, гдв властвуетъ страшная съ нимъ Персефона. Душу пророка, слъща, обладавшаго разумомъ зоркниъ, Душу Тирезія Өпвскаго должно теб'я вопросить тамъ. Разумъ ему сохраненъ Персефоной и мертвому; въ адъ Онъ лишь съ умомъ: все другіе безумными тенями веють. Такъ говорила богиня; во мнъ растерзалося сердце; Горько заплакаль я, сидя на ложь; мнъ стала противна Жизнь, и на солнечный свъть поглядъть не хотъль я, и долго Рвался, и долго, простершись на ложъ, рыдалъ безутъшно. Но напоследокъ, богине ответствуя, такъ я сказалъ ей: Кто жъ, о Цпрцея, на этомъ пути провожатымъ мит будеть? Въ адъ еще не бывалъ съ кораблемъ ни одинъ земнородный. Такъ вопросилъ я богиню, и такъ мив она отвъчала: О Лаэргидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный, Вірь, кораблю твоему провожатый найдется; объ этомъ Ты не заботься; но, мачту поставивь и парусь поднявши, Смело плыви; твой корабль передамъ я Ворею: когда же Ты, Океанъ въ кораблъ поперекъ переплывши, достигнешь Низкаго брега, гдв дико растеть Персефонинъ шпрокій Лъсъ изъ ракитъ, свой теряющихъ илодъ, и изъ тополей черныхъ, Вздвинувъ на брегь, подъ которымъ шумить Океанъ водовратный, Черный корабль свой, вступи въ Андову мглистую область. Выстро бъжить тамъ Пприфлегетонъ въ Ахероново лоно Вмъстъ съ Кодитомъ, великою въстію Стикса; утесъ тамъ Виденъ и объ подъ нимъ мпогошумно сливаются реки. Слушай теперь, и о томъ, что скажу, не забудь: подъ утесомъ Выкопавъ яму глубокую въ локоть одинъ шириной и длиною, Трп соверши возліянія мертвымъ, всіхъ вмість призвавъ ихъ: Первое смъсью медвяной, другое виномъ благовоннымъ, Третье водою и, все пересыпавъ мукою ячменной, Дай объщанье безжизненно-въющимъ тънямъ усопипхъ: Въ домъ возвратяся, корову, тельцовъ не пмъвшую, въ жертву Имъ принести и въ зажженный костеръ драгоценностей много Бросить, Терезія жъ болже прочихъ уважить, особо Чернаго, лучшаго въ стадъ барана ему посвятивши. Посл'є (когда об'єщаніе дашь многославнымъ умершимъ) Черную овцу и чернаго съ нею барана-къ Эреву Ихъ обративъ головою, а самъ, обратясь къ Океану-Въ жертву тенямъ принеси; и къ тебе тутъ немедля великой Придутъ толпою отшедшія души умершихъ; тогда ты Спутникамъ дай повеленье, содравши съ овцы и съ барана, Острой заръзанныхъ мъдью, лежащихъ въ крови передъ вами, Кожу, ихъ бросить немедля въ огонь и призвать громогласно Грознаго бога Анда и страшную съ нимъ Персефону; Самъ же ты, острый свой мечь обнаживши и съ нимъ цередъ ямо Съвъ, запрещай приближаться безжизненнымъ тъндиъ усопшихъ Бъ крови, покуда отвъта не дастъ вопрошенный Тирезій. Скоро и самъ онъ, представъ предъ тобой, повелитель народовъ Скажеть тебъ, гдъ дорога, и долгь ли путь, и усиътно ль Рыбообильнаго моря цутемъ ты домой возвратишься. Такъ говорила она; той порой златотронная Эосъ Встала. Съ богиней поспъшно простясь, я товарищей върныхъ Встхъ разбудилъ и, привътствіе каждому сдівлавъ, сказалъ имъ.

Время, друзья, вамъ отъ сладкаго сна пробудиться; покиньте Ложе; пойдемъ; насъ богиня сама побуждаеть къ отъезду. Такъ я сказалъ, и они покорплись мнъ мужескимъ грдцемъ. Но и оттуда не могъ я отплыть безъ утраты печальной: Младшій изъ всехъ на моемъ корабле, Эльпеноръ, неотличный Смилостью въ битвахъ, не щедро умомъ отъ боговъ одаренный, Спать для прохлады ушель на площадку возвышенной кровли Дома Цпрцен священнаго, кръпкимъ виномъ охмеленный. Шумные сборы товарищей, въ путь ужъ готовыхъ, услышавъ, Вдругъ онъ вскочилъ и, отъ хмеля забывъ, что назадъ обратиться Должень быль прежде, чтобь съ кровли высокой сойти по ступенямъ, Прянулъ спросонья впередъ, сорвался и, ударясь затылкомъ Оземь, сломиль позвонковую кость, и душа отлетьла Въ область Аида. Тъмъ временемъ спутникамъ такъ говорилъ я: Мыслите върно, друзья, вы, что въ милую землю отчизны Мы возвращаемся? Путь намъ иной указала Цирцея: Въ царствъ Анда, гдъ властвуетъ страшная съ нимъ Персефона, Душу Тирезія Өпвскаго до тенъ сперва вопросить я. Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце; Пали на землю они, въ изступлении волосы рвали, Все понапрасну-отъ слезъ и отъ воплей намъ не было пользы. Всъ къ своему кораблю, на песчаномъ стоявшему брегъ, Вивств пошли мы, печальные, льющіе слезы обильно. Тою порою на брегъ привела чернорунную овцу Съ чернымъ бараномъ Пирцея и, тамъ ихъ оставя, межъ нами Тихо прошла, невидимая... смертнымъ увидъть не можно Вога, когда, приходя къ нимъ, онъ хочетъ остаться невидимъ.

пъснь одиннадцатая.

содержание одиннадцатой изсни.

Вечеръ тридцать третьяго дия. Одиссей продолжаеть разсказывать свои приключенія. Сѣверный вѣтеръ приносить корабль его къ берегамъ Киммеріянъ, гдѣ потокъ Океана ввергается въ море; совершивъ жертву тѣнямъ, Одиссей призываеть ихъ. Явленіе Эльпенора; опъ требуеть погребенія. Тѣпь Одиссевой матери. Явленіе Тирезія и его предсказанія. Весѣда Одиссея съ тѣнію матери. Тѣпи древнихъ женъ выходятъ изъ Эрева и разсказывають о судьбъ своей Одиссею. Онъ хочеть прервать свою повѣсть, но Алкиной требуеть, чтобы онъ се кончиль, и Одиссей продолжаетъ. Явленіе Агамемнопа, Ахиллеса съ Патрокломъ, Антилохомъ и Аяксомъ. Видѣніе судящаго Миноса, звѣроловствующаго Оріона, казней Титія, Тантала и Сизифа, грознаго Ираклова образа. Внезанный страхъ побуждаеть Одиссея возвратиться на корабль; и онъ плыветь обратно по теченію водъ Окоана.

Къ морю и къ ждавшему насъ на пескъ кораблю собралися Всъ мы и, сдвинувши черный корабль на священныя воды, Мачту на немъ утвердили и къ ней паруса привязали. Взявши барана и овцу съ собой, на корабль совокупно Всъ мы взошли, сокрушенные горемъ, ліющіе слезы. Вылъ намъ по темнымъ волнамъ провожаткиъ надежнымъ попутный Вътеръ, пловцамъ благовъющій другъ, парусовъ надуватель, Посланъ привътноръчивою, свътлокудрявой богиней; Всъ корабельныя снасти поридкомъ убравъ, мы спокойно Плыли; корабль нашъ бъжалъ, повинуясь кормилу и вътру. Выли весь день паруса путеводнымъ дыхапіемъ полны. Солице тъмъ временемъ съло и всъ потемнъли дороги. Скоро пришли мы къ глубокотекущимъ водамъ Океана;

Тамъ Киммеріянъ печальная область, покрытая вѣчно Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ, землю ль Онъ покидаетъ, всходя на, звъздами обильное, небо, Съ неба ль, звъздами обильнаго, сходить, къ землъ обращаясь; Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ. Судно, прибывъ, на песокъ мы втащили; барана и овцу Ваяли съ собой и пошли по теченію водъ Океана Берегомъ къ мъсту, которос мив указала Цирцея. Давъ Перимеду держать съ Эврилохомъ звърей, обреченныхъ Въ жертву, я мечъ обнажилъ мъдноострый и, имъ ископавши Яму глубокую въ локоть одинъ шириной и длиною, Три совершиль возліянія мертвымъ, мной призваннымъ вмѣстѣ: Первое смёсью медвяной, второе виномъ благовоннымъ, Третье водой и, мукою ячменною все пересыпавъ, Далъ объщанье безжизненно-въющимъ тънямъ усопшихъ: Въ домъ возвратяся, корову, тельцовъ не имъвшую, въ жертву Имъ принести и въ зажженный костеръ драгоценностей много Бросить: Тирезія жъ бол'є прочихъ уважить, особо Чернаго, лучшаго въ стадъ барана ему посвятивши. Давъ объщанье такое и сдълавъ воззвание къ мертвымъ, Самъ и барана и овцу надъ ямой глубокой заръзалъ; Черная кровь полилася въ нее и слетелись толпою Души усопшихъ; изъ темныя бездны Эрева поднявшись: Души невъсть, малоопытныхъ юношей, опытныхъ старцевъ, Дъвъ молодыхъ, о утратъ недолгія жизни скорбящихъ, Бранныхъ мужей, медноострымъ копьемъ пораженныхъ смертельно Въ битвъ, и брони, обрызганной кровью, еще не сложившихъ. Всь онь, вылетьвъ виссть безчисленнымъ роемъ изъ ямы, Подняли крикъ несказанный; былъ схваченъ я ужасомъ бледнымъ. Кликнувъ товарищей, имъ повелёль я съ овцы и съ барана, Острой заръзанныхъ мъдью, лежавшихъ въ крови передъ нами, Кожу содрать и, огню ихъ предавши, призвать громогласно Грознаго бога Анда и страшную съ нимъ Персефону. Самъ же я мечь обнажиль изощренный и съ нимъ перель ямой Сълъ, чтобъ мъщать приближаться безжизненнымъ тънямъ усопшихъ Къ крови, пока мнъ отвъта не дастъ вопрошенный Тирезій. Прежде другихъ предо мною явилась душа Эльпенора; Б'єдный, еще не зарытый, лежаль на земл'є путеносной. Не быль онъ нами оплакань; ему не свершивъ погребенья, Въ домъ Цирцен его мы оставили: въ путь мы сившили. Слезы я пролилъ, увидя его; состраданье миъ душу проникло. Голосъ возвысивъ, я мертному бросилъ крылатое слово: Скоро же, другь Эльпеноръ, очутился ты въ царствъ Анда! Пешій проворнее быль ты, чемь мы въ корабле быстроходномъ. Такъ я сказалъ; простонавши печально, мит такъ отвъчалъ онъ: О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей многославный, Демономъ злымъ погубленъ я и силой вина несказанной; Кртпко на кровят заснувъ, я забылъ, что начадъ надлежало Прежде пойти, чтобъ по лъстницъ съ кровли высокой спуститься: Бросясь впередъ, я упалъ и, затылкомъ ударившись оземь, Кость изломалъ позвоночную: въ область Анда мгновенно Духъ отлетель мой. Тебя же любовью къ отсутственнымъ мильмъ, Върной женою, отцомъ, воспитавшимъ тебя, и цвътущимъ Сыномъ, тобой во младенческихъ лътахъ оставленнымъ дома,

Нынт молю-(мнт навтство, что, область Анда покинувъ, Ты въ кораблъ возвратишься на островъ Цпрцен)-о! вспомни, Вспомни тогда обо мнъ, Одиссей благородный, чтобъ не былъ Тамъ не оплаканный, я и безгробный оставленъ, чтобъ гнѣва Мстящихъ боговъ на себя не навлекъ ты моею б'ядою. Бросивши трупъ мой со всеми монми досиехами въ пламень, Холмъ гробовой надо мною насыпьте близъ моря съдаго; Въ памятный знакъ же о гибели мужа для позднихъ потомковъ Въ землю на холмъ моемъ то весло водрузите, которымъ Нѣкогда въ жизни, вашъ вѣрный товарищъ, я волны тревожилъ. Такъ говорилъ Эльпеноръ и, ему отвъчая, сказалъ я: Все, злополучный, какъ требуешь, мною псполнено будетъ. Такъ мы, печально бесёдуя, другь подле друга сидёли, Я, отгоняющій тіни отъ крови мечомъ обнаженнымъ, Онъ, говорящій со мною, товарища прежняго призракъ. Вдругъ подошло, и увидълъ, ко миъ привидънье умершей Матери милой моей Антиклеи, рожденной великимъ Автоликономъ - се межъ живыми оставилъ я дома, Въ Трою отплывъ. Я заплакалъ, печаль мив проникнула душу; Но и ея, сколь ни тяжко то было душть, не пустилъ я Къ крови: мнв не далъ отвъта еще прорицатель Тирезій. Скоро предсталь предо мной и Тирезія Өнвскаго образь: Вылъ онъ съ жезломъ золотымъ, и меня онъ узналъ и сказалъ мнъ с Что. Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный, Что, злополучный, тебя побудило, покинувъ предълы Свътлаго дня, подойти къ безотрадной обители мертвыхъ? Но отслонися отъ ямы и къ крови мечомъ не препятствуй Мнъ подойти, чтобъ, напившися, могъ я по правдъ пророчить. Такъ онъ сказалъ: отслоняся отъ ямы, я мечъ среброгвоздный Вдвинулъ въ ножны; а Тирезій, напившися черныя крови, Слово ко мив обратилъ и сказалъ мив, по правдв пророча: Царь Одиссей, возвращенія сладкаго въ домъ свой ты жаждешь. Богъ раздраженный его затруднитъ несказанно, понеже Гонить тебя колебатель земли Посидонь; ты жестоко Пушу разгиѣвалъ его ослѣпленіемъ милаго сына. Но, и ему вопреки, и бъды повстръчавъ, ты достигнуть Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйныхъ Спутниковъ; съ ними ты къ острову знойной Тринакліи, бездну Темнолазурнаго моря изм'яривъ, корабль приведешь свой; Тучныхъ быковъ и волинстыхъ барановъ пасетъ тамъ издавна Геліось св'єтлый, который все видить, все слышить, все знаеть. Будешь въ Итакъ, хотя и великія бъдствія встрътишь, Если воздержишься руку поднять на стада Геліоса; Если же руку подымешь на нихъ, то вророчу погибель Всъмъ вамъ: тебъ, кораблю и сопутникамъ; самъ ты избъгнешь Смерти, но бъдственно въ домъ возвратишься, товарищей въ моръ Всъхъ потерявъ, на чужомъ кораблѣ и нерадость тамъ встрътишь: Буйныхъ людей тамъ найдешь ты, твое достоянье губящихъ, Мучащихъ дерзкимъ своимъ сватовствомъ Пенелопу, дарами Брачными ей докучая; ты имъ отомстишь. Но когда ты, Правелно истя, жениховъ, захватившихъ насильственно домъ твой, Въ немъ умертвишь, иль обманомъ, иль явною силой-покинувъ Царскій свой домъ и весло корабельное взявши, отправься транствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь, оря не знающихъ, пищи своей никогда не солящихъ,

Также не эртвшихъ еще ни въ волнахъ кораблей быстроходныхъ, Пурпурно-грудыхъ, ни веселъ, носящихъ, какъ мощныя крылья, Ихъ по морямъ — отъ меня же узнай несомнительный призракъ: Если дорогой ты путника встратишь и путника тотъ спросить: Что за лопату несешь на блестящемъ плечъ, иноземецъ? Въ землю весло водрузи-ты окончилъ свое роковое, Долгое странствіе. Мощному тамъ Посидону принесши Въ жертву барана, быка и большаго прекраснаго вепря, Въ домъ возвратись и великую дома сверши экатомбу Зевсу и прочимъ богамъ, безпредъльнаго неба владыкамъ, Всъмъ по порядку. И смерть не застигнеть тебя на туманномъ Моръ; спокойно и медленно къ ней подходя, ты кончину Встратишь, украшенный старостью сватлой, своимъ и народнымъ Счастьемъ богатый. И сбудется все, предреченное мною. Такъ говорилъ мив Тирезій; ему отвъчая, сказаль я: Старецъ, пускай совершится, что мн' предназначили боги Ты же теперь мит скажи, ничего отъ меня не скрывая: Матери милой я вижу отшедшую душу; близъ крови Тихо сидитъ неподвижная тънь и какъ-будто не сиъстъ Сыну въ лицо поглядъть и завесть разговоръ съ нимъ. Скажи мнъ, Старецъ, какъ сдълать, чтобъ, мертвая, сына живаго узнала? Такъ я его вопросиль и, ответствуя, такъ миз сказаль онъ: Легкое средство на это, въ немногихъ словахъ и открою: Та изъ безжизненныхъ тъней, которой приблизиться къ крови Дашь ты, разумно съ тобою пачиеть говорить; но безмолвно Та отъ тебя удалится, которой ты къ крови не пустишь. Съ сими словами обратно отшедши въ обитель Анда, Скрылась душа прорпцателя, мив мой сказавшая жребій. Я жъ неподвижно остался на мъсть: но ждаль я недолго; Къ крови приблизилась мать, напилася и сына узнала. Съ тяжкимъ вздохомъ она ми'в крылатое бросила слово: Какъ же, мой сынъ, ты живой могъ проникнуть въ туманную область Ада? Здесь все ужасаеть живущаго; шумно бегуть здесь Страшныя р'яки, потоки великіе; зд'ясь океана Воды глубокія льются; никто переплыть ихъ не можетъ Самъ; то однимъ кораблямъ крѣпкозданнымъ возможно. Скажи же, Прямо ль отъ Трои съ своимъ кораблемъ и съ своими людьми ты, Пб морю долго скитавшися, прибыль сюда? Неужели Все не видалъ ни Итаки, ни дома отцевъ, ни супруги? Такъ говорила она и, отвътствуя, такъ ей сказалъ я: Милая мать, приведенъ я къ Анду нуждой всемогущей; Душу Тпрезія опвскаго мнѣ вопросить надлежало. Въ землю ахеянъ еще я не могь возвратиться отчизны Нашей еще не видалъ, безприотно скитаюсь повсюду Съ самыхъ тіхъ поръ, какъ съ великимъ царемъ Агамемнономъ поплылъ Въ градъ Иліонъ, изобильный конями, на гибель троянамъ. Ты жъ миз скажи откровенно, какою изъ Паркъ непреклонныхъ Въ руки навъкъ усыпляющей смерти была предана ты? Медленно ль тяжкимъ недугомъ? Иль вдругь Артемида богиня Тихой стрълою своею тебя безъ бользии убила? Также скажи объ отцё и о сыне, покинутыхъ мною: Царскій мой санъ сохранился ли имъ? Иль другой ужъ на м'ясто Избранъ мое и меня ужъ въ народъ считають погибшимъ? Также скажи мив, что двлаеть дома жена Пенелона? Съ сыномъ ли вмъсть живеть, пензмъщия въ върности мужу?

Иль ужь сь какимъ изъ ахейскихъ владыкъ сочеталася бракомъ? Такъ я ее вопросиль; Антиклея мий такъ отвічала: В'фрность теб' сохраняя, въ жилищ' твоемъ Пенелопа Ждеть твоего возвращенья съ тоскою великой и тратить Долгіе дни и безсонныя ночи въ слезахъ и печали; Царскій твой санъ никому отъ народа не отдань; безспорно Дома своимъ Телемакъ достояньемъ владветь, пирами Всъхъ угощая, какъ то, облеченному саномъ высокимъ, прилично; Всъ и его угощають роскошно. Лаэрть же не ходить Волье въ городъ; онъ въ поль далеко живеть, не имън Тамъ ни одра, ни богатыхъ покрововъ, ни мягкихъ подушекъ; Дома въ дождливое зимнее время онъ вмъсть съ рабами Спить на полу у огня, покровенный одеждой убогой; Въ лътнюю жъ знойную пору, иль поздней порою осенней Всюду находить себъ на землъ онъ въ саду виноградномъ Ложе изъ листьевъ опалыхъ, насыпанныхъ мягкою грудой. Тамъ онъ лежитъ и вздыхаеть, и сердцемъ крушится, и плачеть, Все о тебъ помышляя; и старость его безотрадна. Кончилось такъ и со мной: и моя совершилась судьбина. Но не сестра Аполлонова съ лукомъ тугимъ, Артемида, Тихой стрълою своею меня безъ бользии убила, Такъ же не медленный, мной овладъвшій недугь, растерзавши Тело мое, изъ него изнуренную душу исторгнулъ: Нътъ; но тоска о тебъ, Одиссей, о твоемъ мпролюбномъ Нравъ и разумъ свътломъ до срока мою погубила Сладостномилую жизнь. И умолкла она. Увлеченный Сердцемъ, обнять захотълъ я отшедшую матери душу; Три раза руки свои къ ней, любовью стремимый, простеръ я, Трп раза между руками монми она проскользнула Тенью иль сонной мечтой, изъ меня вырывая стенанье. Ей, наконедъ, сокрушенный, я бросилъ крылатое слово: Милая мать, для чего, изъ объятій монхъ убъгая, Мить запрещаемы въ жилищть Анда прижаться къ родному Сердцу и скорбною сладостью плача съ тобой подълиться? Иль Персефона могучая вм'єсто тебя мн'є прислала Призракъ пустой, чтобъ мое усугубить великое горе? Такъ говорилъ я; мит мать благородная такъ отвечала: Милый мой сынъ, злополучнъйшій между людьми, Персефона, Дочь громовержца, тебя приводить въ заблужденье не мыслить. Но такова уже судьбина всёхъ мертвыхъ, разставшихся съ жизнью. Кръпкія жилы уже не связують ни мышцъ ни костей ихъ; Вдругъ истребляетъ произительной силой огонь погребальный Все, лишь горячая жизнь охладълыя кости покинеть: Вовсе тогда, улетъвши, какъ сонъ, ихъ душа псчезаетъ. Ты же на радостный светь посивши возвратиться; но иомии, Что я сказала, чтобъ все повторить при свиданыи супругъ. Такъ, собесъдуя, мы говорили. Тогда мнъ явились Призраки женъ-ихъ прислала сама Персефона; то были Въ прежнее время супруги и дочери славныхъ героевъ; Черную кровь обступили он'в, подб'ежавъ къ ней толпою; Я же обдумываль, какъ бы мит ихъ вопросить почередно Каждую; вотъ что удобивйшимъ мнв, наконецъ, показалось: Меть длинноострый немедля схватиль и, его обнаживши, Къ крови приблизиться имъ не дозволнать я всею толною; Другь за другомъ онъ по одной подходили и имя

Вологод, жел. 4

Мить называли свое: и разспрашивать каждую могь я. Прежде другихъ подошла благороднорожденная Тиро, Дочь Салмонеева, славная въ мір'є супруга Крефея. Сына Эолова: все о себъ мнъ она разсказала. Двухъ сыновей возрастила она: Пеліаса съ Нелеемъ; Слуги могучіе Зевса-эгидоносителя были Оба они; обладая стадами барановъ въ Іолхоск Тучнополянистомъ жилъ Пеліасъ; а Нелей жилъ въ песчаномъ Пилосъ. Послъ предстала Азонова дочь Антіона; Были ся сыновья: Амфіонъ и Цетосъ; положили Первое Өнвъ седьмивратныхъ они основанье и много Башенъ воздвигли кругомъ, послику въ широкоравнинныхъ Опвахъ они, и могучіе, жить не могли бъ безъ ограды. Амфитріонову посл'я узр'яль я супругу, Алкмену; Сыномъ ся быль Ираклъ, одаренный могуществомъ львинымъ. Посл'в явилась Мегара; Креонъ, необузданносм'влый Вылъ ей отцемъ; а супругомъ Ираклъ, въ испытаніяхъ твердый. Вследъ за Мегарой предстала Эдипова мать. Эпикаста; Странио-преступное д'яло въ незнаны она совершила, Съ сыномъ роднымъ, умертвившимъ отца, сочетавшися бракомъ. Скоро союзъ святотатный открыли безсмертные людямъ. Гибельно царствовать въ Калмовомъ домъ, въ возлюбленныхъ Фивахъ Выль осуждень отъ Зевеса Эдипь, безотрадный страдалець; Но Эппкаста Андовы двери сама отворила: Петлю она роковую къ бревну потолка прикрѣнивши, Ею плачевную жизнь прервала: одинокъ онъ остался Жертвой терзаній отъ скликанныхъ матерью страшныхъ Эринпій. Посл'в явилась Хлорида; ся красотою пленяся, Нъкогда съ ней сочетался Нелей, дорогими дарами Дъву прельстившій; быль царь Амфіонь Іазидь, Орхомена Града Минійскаго славный властитель, отець ей: царица Пплоса, бодрыхъ она сыповей даровала Нелею: Нестора, Хромія, жаднаго почестей Периклимена; Посл' Хлорида и дочь родила многославную Перу, Дивной красы; женихи отовсюду сошлись, но тому лишь Дочь непреклонный Ислей назначаль, кто быковъ кругорогихъ Съ поля Филакіи сгонить, отнявь у царя Ификлеса Силой все стадо его. Безпорочный взялся прорицатель Смелое дело свершить; но ему положили преграду Злая судьба и темничныя узы и пастыри стада. Но когда миновалися м'ясяцы, дин проб'яжали и года, Кругь совершился и Оры весну привели, - Ификлесу Тайны боговъ онъ открыль: Ификлесова сила святая Узы его прервала и псполнилась воля Зевеса. Славная Леда, супруга Тиндара, потомъ мнв явилась: Ей родилися отъ брака съ Тяндаромъ могучимъ два сына: Коней смиритель Касторъ и боецъ Полидейкъ многосильный. Оба землею они жизнодарною взяты живые; Оба и въ мракъ подземномъ честимы Зевесомъ; вседневно Братомъ сминяется брать; и вседневно, когда умираеть Тотъ, воскресаетъ другой; и къ безсмертнымъ причислены оба. Ифимедею, жену Алоэя, потомъ я увидель: Выли плодомъ ихъ союза два сына (по кратокъ былъ въкъ ихъ): Отосъ божественный съ славнымъ вездъ на землъ Эфіальтомъ. Шедрая, станомъ всёхъ выше людей, ихъ земля возрастила:

Всъхъ красотой затмъвали они, одному Оріону Въ ней уступая; и оба, едва девяти лътъ достигнувъ, Въ девять локтей толщиной, вышиною же въ тридевять были. Дерзкіе стали беземертнымъ богамъ угрожать, что Олимпъ ихъ Шумной войной потрясуть и губительнымъ боемъ взволнують; Оссу на древній Олимпъ взгромоздить, Пеліонъ многолісный Взбросить на Оссу они покушались, чтобъ приступомъ небо Взять, и угрозу бъ они совершили, когда бы достигли Мужеской силы; но сынъ громовержца, Латоной рожденный, Прежде, чамъ младости пухъ отвинлъ ихъ ланиты и первый Волось пробился на ихъ подбородкъ, сразилъ ихъ обоихъ. Федру я видълъ, Прокриду; явилась потомъ Аріадна, Дочь кознодъя Миноса: ее убъжать съ нимъ въ Лонны Бодрый Тезей убъдилъ; но убила его Артемида Тихой стрелой, наущенная Вакхомъ, на острове Дів. Видълъ я Меру, Климену, злодъйку-жену Эрифилу, Гнусно предавшую мужа, прельстись золотымъ ожерельемъ... Всъхъ ихъ, однако, я счесть не могу: мять не вспоминть, какія Тамъ мит явилися жены и дочери древнихъ героевъ; Цалой бы ночи не стало на то: ужъ пора мна предаться Сиу, удаляся ль на быстрый корабль вашъ къ товарищамъ бодрымъ, Здесь ли оставшись: а вы мой отъездъ учредите съ богами. Такъ говорилъ Одиссей, - всъ другіе сидівли безмольно Въ свътлой палатъ, и было у всъхъ очаровано сердце. Туть белорукая слово къ гостямь обратела Арета: Что, феакіяне, скажете? Станомъ п видомъ и силой Разума всъхъ изумляеть насъ гость чужеземный. Хотя онъ Собственно мой гость, но будеть ему угощенье отъ всехъ насъ; Въ путь же его отсылать не спъщите; нескупо дарами Должно его, претеривниаго столько утрать, надълить намъ: Много у всехъ васъ, по воле безсмертныхъ, скопплось богатства. Туть поднялся Эхеней, благороднаго племени старецъ, Ранъе всъхъ, современныхъ ему феакіянъ, рожденный. Съ нашимъ желаньемъ, друзья, онъ сказалъ, и съ намъреньемъ нашимъ Слово разумной царицы согласно; ему покорпться Должно, а царь Алкиной пусть на деле то слово исполнить. Кончиль. Отвътствоваль такъ Алкиной благородному старцу: Будеть, что сказано, мною на д'ала исполнено такъ же Върно, какъ то, что я живъ и что царь я въ землъ феакіянъ Веслолюбивыхъ. Но странникъ, хотя и безмърно спъщить онъ Въ путь, подождетъ до утра, чтобъ пмъли мы время подарки Наши собрать; отправлевье въ отчизну его есть забота Общая встыв вамь, моя жъ нанначе: я здъсь повелитель. Кончилъ. Ему отвъчая, сказалъ Одиссей хитроумный: Царь Алкиной, благородивійшій мужъ изъ мужей феакійскихъ. Если бъ и целый здесь годъ продержать вы меня захотели, Мой учреждая отъ'вздъ и дары для меня собпрая, Я согласился бъ остаться, понеже мив выгодно будеть Съ полными въ милую землю отцовъ возвратиться руками. Вольше почтенъ и съ живъйшею радостью принять я буду Встми, кто встратить меня при моемъ возвращены въ Итаку, Онъ умолкнулъ; ему Алкиной отвъчалъ дружелюбно: Царь Одиссей, мы, внимая тебъ, не имъемъ обидной Мысли, чтобъ быль ты хвастливый обманщикъ, подобный Многымь бродягамъ, которые землю обходитъ, повсюду

Ложь разсевая въ неленыхъ разсказахъ о виденномъ ими. Ты не таковъ; ты возвышенъ умомъ и пленителенъ речью. Повъсть прекрасна твоя; какъ разумный итвецъ, разсказаль ты Намъ объ ахейскихъ вождяхъ и о собственныхъ бъдствіяхъ: кончить Долженъ, однако, ты повъсть. Скажи жъ, ничего не скрывая, Видель ли тамъ ты кого изъ могучихъ товарищей бранныхъ, Вывшихъ съ тобой въ Иліон'в и черную встр'ятившихъ участь? Ночь несказанно долга: и останется времени много Встмъ намъ для сна безмитежнаго. Кончи жъ начатую повъсть: Слушать тебя я готовъ до явленія св'єтлой денницы, Если разсказывать намъ о напастяхъ своихъ согласиивься. Такъ говорилъ онъ; отвътствовалъ такъ Одиссей хитроумный: Царь Алкиной, благороднайшій мужь нав мужей феакійскихъ, Время на все есть: свой часъ для беседы, свой часъ для покоя; Если, однако, желаешь теперь же дослушать разсказъ мой, Я повинуюсь и все разскажу, что печальнаго послъ Я претериблъ: какъ утратилъ последнихъ сопутниковъ: также Кто изъ аргивянъ, избътши погебели въ битвахъ троянскихъ, Палъ отъ убійцы, изм'єной жены, при возврать въ отчизну. Посл'в того, какъ разс'вяться призракамъ женъ Персефона, Ада царица, вел'яла и вс'я, разлет'явшись, пропали-Тънь Агамемнона, сына Атреева, тихо и грустно Вышла; и следомъ за нею все тени товарищей, падшихъ Въ дом'в Эгиста съ Атридомъ, съ нимъ вм'вст'в постигнутыхъ рокомъ. Крови напившись, меня во мгновенье узналъ Агамемнонъ. Тяжко, глубоко вздохнулъ онъ: заплакали очв; простерши Руки, онъ ими ко мив прикоснуться хотель, но напрасно: Руки не слушались: не было въ нихъ ужъ ни силъ ни движенья, Нъкогда члены могучаго тъла его оживлявшихъ. Слезы я пролиль, увидя его; состраданье проникло мив душу; Голосъ возвысивъ, я мертвому бросилъ крылатое слово: Сынъ Атреевъ, владыко людей, государь Агамемнонъ, Паркой какою ты въ руки навѣкъ усыпляющей смерти Преданъ? Въ волнахъ ли тебя погубилъ Посидовъ съ кораблями, Вурею бездну великую всю всколебавии? На сушть ль Выль умерщелень ты рукою врага, имь захваченный въ поль, Гдв нападаль на его криворогихъ быковъ и барановъ, Или во градъ, гдъ женъ похищалъ и сокровища грабилъ? Такъ вопросилъ я его и, ответствуя, такъ мис сказалъ онъ: О, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный, Нътъ, не въ волнахъ съ кораблями я былъ погубленъ Посидономъ Бурныя волны воздвигшимъ на бездит морской; не на сушт Выль умерщелень я рукою противника явнаго въ битвъ; Тайно Эгистъ приготовилъ мн' смерть и плачевную участь: Съ гнусной женою моей заодно, у себя на веселомъ Пиръ убилъ онъ меня, какъ быка убиваютъ при ясляхъ; Такъ и погибъ, и товарищи върные вмъстъ со мною Были заръзаны всъ, какъ клычистые вепри, которыхъ, Въ пышномъ дому гостелюбца, скопившаго много богатства, Режуть на складочный пиръ, на роскошный обедъ пль на свадьбу. Часто безъ страха видаль ты, какъ гибли могучіе мужи Въ битвъ, иной одиноко, иной въ многолюдствъ сраженья-Здёсь же пришель бы ты въ трепеть, отъ страха бы обмерь, увидя Какъ межъ кратеръ пировыхъ, межъ столами, покрытыми брашномъ, Вст на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали,

Громкіе крики Пріамовой дочери, юной Кассандры, Близко услышаль я: ножь ей во грудь Клитемнестра вонзала Подлѣ меня: полумертвый лежа на землѣ, попытался Хладную руку къ мечу протянуть я; она равнодушно Взоръ отвратила и миъ, отходящему въ область Аида, Тусклыхъ очей и мертвъющихъ устъ запереть не хотъла. Нъть инчего отвратительный, изть инчего ненавистизй Дерзкобезстыдной жены, замышляющей хитро такое Д'яло, какимъ навсегда осрамилась она, приготовивъ Мужу, богами ей данному, гибель. Въ отечество думалъ Я возвратиться на радость возлюбленнымъ дътямъ и ближнимъ-Злое, напротивъ, замысля, кровавымъ убійствомъ злодъйка Стыдъ на себя навлекла и на всѣ времена посрамила Полъ свой и даже всвуъ женъ, поведеньемъ своимъ, безпорочныхъ. Такъ говорилъ Агамемнонъ; ему, отвъчая, сказалъ я: Горе! конечно, Зевесъ-громоверженъ потомству Атрея Выть навсегда предназначиль пградищемъ бъдственныхъ женскихъ Козней; погибло не мало могучихъ мужей отъ Елены; Такъ и тебф издалека устроила смерть Клитемнестра. Выслушавъ слово мое, мнъ отвътствовалъ царь Агамемновъ: Слишкомъ довърчивымъ быть Одиссей берегися съ женою; Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно; Ввърь ей одно, про себя сохрани осторожно другое. Но для тебя, Одиссей, отъ жены не опасна погибель; Слишкомъ разумна и слишкомъ незлобна твоя Пенелопа, Старца Икарія дочь благонравная; въ самыхъ цвѣтущихъ Лътахъ, едва сопряженный съ ней бракомъ, ее ты покинулъ, Въ Трою отплывъ, и грудной, лепетать не умфвийй, младенецъ Съ ней былъ оставленъ тогда; онъ, конечно, теперь засъдаеть Въ сонм'в мужей; и отецъ, возвратясь, съ нимъ увидится; нежно Къ сердцу родителя самъ онъ, какъ следуетъ сыну, прижмется... Мив жъ кознодвика жена не дала ни однимъ насладиться Взглядомъ на милаго сына; я быль во мгновенье заръзанъ. Выслушай, другъ, мой совътъ и замьть про себя, что скажу я: Скрой возвращенье свое, и войди съ кораблемъ непримътно Въ пристань Итаки: на върность жены полагаться опасно. Самъ же теперь миз скажи, ипчего отъ меня не скрывая: Могъ ли ты что-нибудь сведать о сыне моемъ? Не слыхаль ли, Гдв онъ живеть? Въ Охроменв ль? Въ песчаномъ ли Пилосв? Въ Спартв ль Свътлопространной у славнаго дяди, царя Менелая? Ибо не умеръ еще на землъ мой Орестъ благородный. Такъ вопросилъ Агамемнонъ; ему, отвъчая, сказалъ я: Царь Агамемнонъ, о сынъ твоемъ ничего я не знаю; Гдъ онъ и живъ ли, сказать не могу; пустословіе вредно. Такъ мы, о многомъ инпувшемъ беседуя, другъ подле друга Грустно сидели, и слезы лилися по нашимъ данитамъ. Тынь Ахиллеса, Пелеева сына, потомъ мив явилась: Съ нимъ былъ Патроклъ, Аптилохъ безпорочный и сынъ Теламоновъ Бодрый Аяксъ, межъ ахейцами мужескимъ видомъ и силой .Посл'в Пелеева сына великаго вс'яхъ превзощедній. Тънь быстроногаго внука Эакова, ставъ предо мною, Мив, возрыдавши, крылатое бросила слово: зачемъ ты Здівсь, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный? Что, дерзновенный, какое великое дело замыслиль? Какъ проникнулъ въ пределы Апла, где мертвыя только

Тъни отшедшихъ, лишенныя чувства, безжизненно въютъ? Такъ овъ спросилъ у меня и, ему отвъчая, сказалъ я: 0. Ахиллесъ, сынъ Пелеевъ, межъ всъми Данаями первый, Здась я затымь, чтобъ Тпрезій, слапець-прорицатель, открыль май Способъ върнъйшій моей каменистой Итаки достигнуть; Въ землю ахеянъ еще я не могь возвратиться; отчизны Милой еще не видаль; я скитаюсь и біздствую. Ты же, Между людьми и минувшихъ временъ и грядущихъ, былъ счастьемъ Первый: живого тебя мы какъ бога безсмертнаго чтили; Здесь же, надъ мертвыми царствуя, столь же великъ ты, какъ въ жизни Нъкогда быль; не рошци же на смерть, Ахиллесь богоравный. Такъ говорилъ я и такъ онъ отвътствовалъ, тяжко вздыхая: О, Одиссей, утьшенія въ смерти мив дать не надъйся: Лучше бъ хотъль я живой, какъ поденщикъ, работая въ поль, Службой у б'єднаго пахари хлібов добывать свой насущный, Нежели зд'єсь надъ бездушными мертвыми царствовать, мертвый. Ты же о сын'в изв'встіемъ душу теперь мн'в порадуй. Выль ли въ сражены мой сынъ? Впереди ли у всъхъ онъ сражался? Также скажи, Одиссей, не слыхаль ли о старив Пелев? Все ли попрежнему онъ повелитель земли Мирмидонской? Иль ужъ его и въ Элладъ и Фтін честить перестали, Дряхлаго старца, безъ рукъ и безъ ногъ, изнуреннаго въ силахъ? Въ области дви ужъ защитникомъ быть для него не могу я; Нынт ужъ я не таковъ, какъ бывало, когда въ отдаленной Троф губиль ополченья и грудью стояль за ахеянь. Если бъ такимъ хоть на мигъ я въ жилище отцевомъ явился, Ужасъ бы сильная эта рука навела тамъ на многихъ, Власти Пелея не чтущихъ и старость его оскорбившихъ. Такъ говорилъ Ахиллесъ и, ему отвъчая, сказалъ я: Сведать не могъ инчего я о старце Пелев великомъ: Но о твоемъ благородномъ, возлюбленномъ Неоптолемъ Все, Ахиллесъ, какъ желаешь, тебъ разскажу я подробно Самъ я его въ кораблѣ крутобокомъ моемъ отъ Скироса Моремъ привезъ къ м'еднолатнымъ Данаямъ въ Троянскую землю: Тамъ на совътахъ вождей о судьбъ Иліона всегда онъ Голосъ свой прежде другихъ подавалъ, и въ разумныхъ сужденьяхъ Мною однимъ лишь и Несторомъ мудрымъ бывалъ побъждаемъ. Въ поле жъ Троянскомъ шпрокомъ, где споельной медыю мы бились, Онъ никогда близъ дружинъ и въ толит не хотелъ оставаться; Выстро впередъ выбъгаль онъ одинъ, упреждая храбръйшихъ; Много враговъ отъ него въ истребительной битва погибло; Я жъ не могу ни назвать ни исчислить, сколь мяого народа Въ крат Троянскомъ побилъ онъ, гдт грудью стоялъ за Аргиванъ. Такъ Эврипила, Телефова сына, губительной медью Онъ инспровергъ; и кругомъ молодого вождя всв Кетейцы Пали его, златолюбія женскаго б'ядственной жертвой. Посл'я Мемнова, подобнаго богу, быль всёхь онь прекрасп'ьй. Въ чрево коня, сотвореннаго чудно Энеосомъ, скрыться Быль онь съ другими вождями назначень; а двери громады Мить отворять, затворять и стеречь поручили ахейцы. Всь, при вступленьи въ конскія недра, вожди отпрали Слезы съ ланитъ, и у каждаго руки и ноги тряслися; Въ немъ же единомъ мои никогда не подметили очи Страха; не помию, чтобъ онъ отъ чего побледивлъ, содрогнулси, Иди заплакаль. Не разъ убъждаль онъ меня изъ затвора

Дать ему выйти и, стиснувъ одною рукою двуострый Мечъ, а другою обитое мъдью конье, порывался Въ бой на троянъ. А когда былъ разрушенъ Пріамомъ великій Градъ, онъ съ богатой добычей, съ дарами почетными поплылъ Въ край свой, ни издали мъткимъ копьемъ, ни вблизи длинноострой М'єдью меча пе произенный ни разу, какъ часто бываеть Въ жаркомъ бою, гдт убійство кипптъ и Арей веселится. Такъ говорилъ я; душа Ахиллесова съ гордой осанкой Шагомъ широкимъ, по ровному Асфодилонскому лугу Тихо пошла, веселяся великою славою сына. Души другихъ знаменятыхъ умершихъ ивились; со мною Грустно они говорили о томъ, что тревожило сердце Каждому; только душа Теламонова сына Аякса, Молча, стояла вдали, одинокая, все на побъду Злобясь мою, мий отдавшую въ стани Аргивянъ доспихи Сына Пелеева. Лучшему между вождей повельла Дать ихъ Өемида; судили трояне; ихъ судъ имъ Анина Тайно внушила... Зачемъ, о! зачемъ одержалъ и победу, Мужа такого пизведшую въ недра земныя? Погибъ онъ Бодрый Аяксъ, и лица красотою и подвиговъ славой Посл'є великаго сына Пелесва вс'яхь превзошедшій. Голосъ возвысивъ, ему я сказалъ миротворное слово: Сынъ Теламоновъ, Аяксъ знаменитый, не долженъ ты, мертвый, Дол'в со мной враждовать, сокрушаясь о гибельныхъ, взятыхъ Мною, оружіяхъ; ими Данаямъ жестокое боги Зло приключили: ты, наша твердыня, погибъ; о тебъ мы Вст, какъ о сынт могучемъ Пелея, всечасно крушились, Раннюю смерть помпная твою; въ ней никто не виновенъ. Кром'в Зевеса, постигшаго рать копьеносныхъ Данаев'ь Страшной бъдою: тебя онъ судьбинъ безвременно предалъ. Но подойди же, Аяксъ; на мгновенье беседой съ тобою Дай насладыться мнъ; гиъвъ изгони изъ великаго сердца. Такъ и сказалъ; не отвътствовалъ онъ; за другими тънями Мрачно пошель; напоследокь сокрылся въ глубокомъ Эреве. Можетъ-быть, сталъ бы и гиввный со мной говорить опъ иль я съ нилъ, Если бъ меня не стремило желаніе милаго сердца Души другихъ знаменитыхъ умершихъ увидъть. И скоро Въ адъ узрълъ я Зевесова мудраго сына Миноса; Скинстръ въ десницъ держа золотой, тамъ умершихъ судилъ опъ Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стея, Ждали въ пространномъ съ врагами широкими домъ Апда. Послъ Миноса явилась гигантская тънь Оріона: Гналъ по широкому Асфодилонскому лугу звърей онъ---Ихъ же своею желтэной начтыть не крушимой дубиной Некогда самъ онъ убилъ на горахъ неприступно-пустынныхъ. Титія также увид'яль я, сына прославленной Ген; Девять занявъ десятниъ подъ огромное тело, недвижи с Тамъ онъ лежалъ; по бокамъ же сидели два коршуна, рвали Печень его и терзали когтями утробу. И руки Тщетно на няхъ поднималъ онъ. Латону, супругу Зевеса, Шедшую къ Пиоію, онъ оскорбилъ на лугу Панопейскомъ. Виделъ потомъ я Тантала, казинмаго страшною казнью: Въ озеръ свътломъ стоялъ онъ по горло въ водъ и, томимый Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался. Только что голову къ ней онъ склонялъ, уповая напиться,

Съ шумомъ она убъгала; внизу жъ подъ ногами являлось Черное дно и его осущалъ во мгновение демонъ. Много росло плодоносныхъ деревъ надъ его головою, Яблонь и грушъ и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ, Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ роскошно цвътущихъ. Голодомъ мучась, лишь только къ плодамъ онъ протягиваль руку, Разомъ всв вътви деревъ къ облакамъ подымалися темнымъ. Видель я также Сизифа, казнимаго страшною казнью; Тяжкій камень снизу об'єнми влекъ онъ руками Въ гору; напрягши мышцы, ногами въ землю упершись, Камень двигаль онъ вверхъ; но едва достигалъ до вершины Съ тяжкой ношей, назадъ устремленный невидимой сплой, Внизъ по горъ на равнину катился обманчивый камень. Снова силился вздвигнуть тяжесть онъ, мышцы напрягши, Тело въ поту, голова вся покрытая черною пылью. Видель я тамъ, наконецъ, и Ираклову силу, одинъ лишь Призракъ воздушный; а самъ онъ съ богами на светломъ Олимпе Сладость блаженства вкушаль близь супруги Гебен, цветущей Дочери Зевса отъ златообутой владычицы Иры. Мертвые шумно летали вадъ нимъ, какъ летають въ испугь Хишныя птицы; и, темной подобяся ночи, держаль онъ Лукъ напряженный съ стрълой на тугой тетивъ, и ужасно Вкругъ озирался, какъ-будто готовяся выстрелить; страшный Перевязь блескъ издавала, ему поперегъ переръзавъ Грудь златолитнымъ ремнемъ, на которомъ съ чудеснымъ искусствомъ Львы грозноокіе, дикіе вепри, л'ясные медв'яди, Витвы, убійства, людей истребленье изваяны были: Тотъ, кто свершилъ бы подобное чудо искусства, не могъ бы, Самъ превзошедши себя, ничего ужъ создать совершеннъй. Взоръ на меня устремивъ, угадалъ онъ немедленно, кто я; Жалобно, тяжко вздохнулъ и крылатое бросплъ мив слово: О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный, Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играеть Такъ же, какъ мной подъ лучами всезрящаго солнца играла? Сынъ я Кроніона Зевса; но темъ оть безмерныхъ страданій Не быль спасень; покориться подъ власть недостойнаго мужа Мнъ повелъла судьба. И труды на меня возлагалъ онъ Тяжкіе. Такъ и отсюда быль пса троеглаваго долженъ Я увести: уповаль онъ, что будеть мив трудъ не по спламъ. Я же его совершилъ и похищенъ былъ песь у Апда; Помощь мив подали Эрмій и дочь громовержца Авина. Такъ мнъ сказавъ, удалился въ обитель Аидову призракъ. Я жъ неподвижно остался на мъсть и ждалъ, чтобъ явился Кто изъ могучихъ героевъ, давно знаменитыхъ и мертвыхъ. Видеть хотель я великихъ мужей, въ отдаленные веки Славныхъ, богами рожденныхъ, Тезея царя, Ппритоя, Многихъ другихъ; но, толпою безчисленной души слетъвшись, Подняли крикъ несказанный; былъ схваченъ я ужасомъ бледнымъ, Въ мысляхъ, что хочетъ чудовище голову страшной Горгоны, Выслать изъ мрака Аидова противъ меня Персефона; Я побъжаль на корабль и вельль, чтобъ, не медля ни мало, Люди мои на него собрались и канать отвязали. Вст на корабль собрадися и стли на лавкахъ у веселъ. Судно спокойно пошло по теченію водъ Океана, Прежде на веслахъ, потомъ съ благовъющимъ вътромъ попутнымъ.

пъснь двънадцатая.

СОДЕРЖАНІЕ ДВЪНАДЦАТОЙ ПЪСНИ

Вечеръ тридцать третьяго дия. Одиссей оканчиваетъ свое повъствованіе. Возвращеніе на островъ Эю. Погребеніе Эльпенора. Цирцея описываетъ Одиссею опасности, ему на пути предстоящія. Онъ покидаетъ ея островъ. Сирены. Вродящія скалы. Плаваніе между утесовъ Харибды и Сциллы, которая разомъ похищаетъ шестерыхъ изъ сопутниковъ Одиссея. Вопреки Одиссею корабль его останавливается у береговъ Тринакріи. Спутники его, задержанные на островъ противными вътрами, истощивъ всъ свои запасы, терпятъ голодъ и, наконецъ, нарушивъ данную ими клятву, убиваютъ быковъ Геліоса. Раздраженный богъ требуетъ, чтобы Зевесь наказаль святотатство, и корабль Одиссевъ, вышедшій снова въ море, разбитъ Зевесовымъ громомъ. Всъ погибаютъ въ волнахъ, кромъ Одиссея, который, снова избътвувъ Харибды и Сциллы, брошенъ, наконецъ, на берегъ Калипсина острова.

Выстро своимъ кораблемъ Океана потокъ переръзавъ, Снова по многопсилытому морю пришли мы на островъ Эю, туда, гдв въ жилищь туманнорожденныя Эосъ Легкія Оры ведуть хороводы, гдф Геліось всходить; Къ брегу приставъ, на песокъ мы корабль быстроходный встащили; Самп же, вышедъ на брегь, поражаемый шумно волнами, Сну предались въ ожиданьи восхода на небо денницы. Встала изъ мрака младая, съ перстами пурпурными, Эосъ. Спутниковъ скликавъ, послазъ я ихъ къ дому Цпрцен, чтобъ взять тамъ Трупъ Эльпеноровъ, его принести и свершить погребенье. Много деревъ нарубивъ, мы на самомъ возвышенномъ мъстт Верега предали тило земли съ сокрушеньемъ и плачемъ. После жъ того, какъ сожженъ быль со всеми доспехами мертвый, Холмъ гробовой мы насыпали, памятный столбъ утвердиля, Гладкое въ землю на холм'в воткнули весло; и священный Долгъ погребенія быль совершонь. Но Цирцея узнала Скоро о нашемъ прибытін къ ней отъ преділовъ Анда. Св'ятлой одеждой облекшись, она къ намъ пришла; и за нею Съ хлабомъ и мясомъ и паннопурпурнымъ виномъ молодыя Дъвы пришли; и богиня богинь, къ намъ приближась, сказала: Люди желфзиые, заживо зрфвшіе область Аида. Дважды узнавшіе смерть, всемъ доступную только однажды, Бросьте печаль и безпечно 'вдой и питьемъ утвшайтесь Нынъ, во все продолжение дня; съ наступленьемъ же утра Далфе вы поплывете; и путь укажу и благое Дамъ наставленье, чтобъ снова какая безуміемъ вашимъ Васъ не постигла напасть, ин на сушв ни на морв темномъ. Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ. Жертву принесши, мы цалый тамъ день до вечерняго мрака Вли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утвинались. Солнце темъ временемъ скрылось, и тьма наступила ночная. Люди въ томъ мъсть легли, гдъ корабль утвержденъ быль канатомъ; Мић же Цирцея привътливо руку дала; и когда я Сълъ отъ другихъ въ отдаленіи, съла со мной и вопросы Стала мив дълать; и ей обо всемъ разсказалъ и подробно. Свытлая такъ напоследокъ сама мне сказала богиня: Дело одно совершилъ ты успешно; теперь со вниманьемъ Выслушай то, что скажу, что потомъ п отъ бога услышишь. Прежде всего ты увидишь Спренъ; неизбъжною чарой Ловять онв подходящихъ къ нимъ близко людей мореходныхъ

Кто, по незнанью, къ темъ двумъ чародейкамъ приближась, ихъ сладкій Голосъ услышить, тому ни жены ни дівтей малолівтныхъ Въ домъ своемъ никогда не утъшить желаннымъ возвратомъ: Пъніемъ сладкимъ Спрены его очарують, на свътломъ Сидя лугу; а на этомъ лугу человъчьихъ бълъетъ Много костей, и разбросаны тлиощих кожь тамъ лохмотья. Ты жъ, закленвии товарищамъ уши сиягченнымъ медвянымъ Воскомъ, чтобъ слышать они не могли, проилыви безъ оглядки Мимо; но ежели самъ роковой пожелаеть услышать Голосъ, вели, чтобъ тебя по рукамъ и ногамъ привязали Къ мачтъ твоей корабельной кръпчайшей веревкой; тогда ты Можень свой слухъ безъ вреда удовольствовать гибельнымъ п'вньемъ. Если жъ просить ты начнешь, иль приказывать станешь, чтобъ сияли Узы твоп, то двойными тебя пусть немедленно свяжутъ. Послъ, когда вы минуете островъ Спренъ смертоносный, Двф вамъ дороги представятся; дать же совътъ здъсь, какую Выбрать изъ двухт безопаснъе, инъ невозможно; своимъ ты Долженъ разсудкомъ рѣшпть. Опиту я и ту и другую. Прежде увидишь стогщіе въ мор'є утесы; кругомъ ихъ Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой; Имя бродящихъ дано имъ богами; близъ никъ никакая Птица не см'я промчаться, ни даже амброзію Зевсу Легкимъ полетомъ восящіе робкіе голуби; каждый Разъ пропадаеть изъ нихъ тамъ одинъ, объ утесъ убиваясь; Каждый разъ и Зевесь замъняеть убитаго новымъ. Всѣ корабли, къ тімь скаламъ подходившіе, гибли съ пловцами, Доски одит оставались отъ нихъ и бездушные труны, Шумной волною и пламеннымъ вихремъ носимые въ морть. Только одинъ, всѣ моря объжавшій, корабль невредимо Ихъ миноваль-посътитель Аэта, прославленный Арго; Но и его на утссы бы кинуло море, когда бъ онъ Тамъ не прошелъ, провожаемый Ирой, любившей Язона. Послѣ ты двѣ повстрѣчаеть скалы: до шпрокаго неба Острой вершиной восходить одна, облака окружають Темносгущенныя, ту высоту, пикогда не ръдъя. Тамъ никогда не бываетъ ни летомъ ни осенью светслъ Воздухъ; туда не взойдетъ и оттоль не сойдетъ ни единый Смертный, хотя бъ съ двадцатью быль руками и двадцать Ногь бы имъль--столь ужасно, какъ-будто обтесанный, гладокъ Камень скалы: и на самой ся серединъ пещера, Темнымъ жерломъ обращенная къ мраку Эрева на западъ: Мимо ся ты пройдешь съ кораблемь, Одиссей многославный: Даже и сильный стрелокъ не достигнеть направленной съ моря Выстролетящей стр'влою до входа высокой пещеры: Страшная Сцилла живеть пскони тамь. Безъ умолку дая Визгомъ произптельнымъ, визгу щенка молодаго подобнымъ, Всю оглашаеть окрестность чудовище. Къ ней приближаться Страшно не людямъ однимъ, но и самымъ безсмертнымъ. Двінадцать Движется спереди лапъ у нея; па плечахъ же косматыхъ Шесть подымается длинныхъ, изгибистыхъ шей; и на каждой Шей торчить голова, а на челюстяхь въ три ряда зубы, Частые, острые, полные черною смертью, сверкають: Вдвинувшись задомъ въ пещеру и выдвинувъ грудь изъ нещеры, Всеми глядить головами изъ лога ужасная Сцилла. Лапами шаря кругомъ по скаль, обливаемой моремъ,

Ловить дельфиновь она, тюленей и могучихъ подводныхъ Чудъ, безъ числа населяющихъ хладную зыбь Амфитриты. Мимо ея ни одинъ мореходецъ не могъ невредимо Съ легкимъ пройти кораблемъ; всв зубастыя пасти разинувъ, Разомъ она по шести человъкъ съ корабля похищаетъ. Влизко увидишь другую скалу, Одиссей многославный: Ниже она; отстоить же отъ первой на выстръль изъ лука. Дико растетъ на скалъ той смоковница съ сънью шпрокой. Сграшно все море подъ тою скалою тревожить Харибда, Три раза въ день поглощая и три раза въ день извергая Черную влагу. Не смъй приближаться, когда поглощаеть: Самъ Посидонъ отъ погибели в'врной тогда не избавитъ. Къ Сциллиной ближе держася скалъ, проведи безъ оглядки Мимо корабль быстроходный: отрадиће шесть потерять вамъ Спутниковъ, нежели вдругъ и корабль потопить и погибнуть Всемъ. Туть умолкла богиня; а я, отвечая, сказаль ей: Будь откровенна, богиня, чтобъ могъ я всю истину въдать: Если избъгнуть удастся Харибды, могу ли отбиться Силой, когда на сопутниковъ бросится жадная Сцилла? Такъ я спросилъ и, отвътствуя, такъ мит сказала богиня: Э! пеобузданный, снова о подвигахъ бранныхъ замыслилъ Снова о бот мечтаешь; ты радъ и съ богами сразиться. Знай же: не смертное зло, а безсмертное Сцилла. Свиръца, Дико-сильна, ненасытна, сраженіе съ ней невозможно. Мужество зд'ясь не поможеть; одно зд'ясь спасеніе — б'ягство. Горе! погда ты хоть мигь тамъ для тщетнаго боя промедлишь: Высунеть снова она изъ своей недоступной пещеры Всъ шесть головъ и опять съ корабля шестерыхъ на пожранье Схватить: не медли жъ; посиъщно пройди, призови лишь Кратейю; Сциллу она родила на погибель людей, и одна лишь Дочь воздержать отъ второго на васъ нападенія можеть. Скоро потомъ ты увидишь Тринакрію островъ; издавна Геліось тучныхъ быковъ и барановъ пасетъ тамъ на пыпныхъ, Злачныхъ равнинахъ; семь стадъ составляютъ быки; и бараны — Столько жъ: и въ каждомъ ихъ стадѣ числомъ иятьдесятъ; и число то Въчно одно: не илодятся они, и насутъ неусыпно Ихъ Фаэтуса съ Ламиетіей, пышнокудрявыя нимфы. Геліось быль ихъ родителемь; світлая мать ихъ Неера, Милыхъ своихъ дочерей воспитавии, въ Тринакріи знойной Ихъ поселила, чтобъ тамъ, отъ людей въ удаленія, д'явы Тучныхъ быковъ и барановъ отцевыхъ пасли неусыпно. Будешь въ Итакъ, хотя и великія бъдствія встрътишь, Если воздержишься руку поднять на стада Геліоса; Если же руку подымешь на нихъ, то пророчу погибель Всёмъ вамъ: тебе, кораблю и сопутникамъ; самъ ты избеснешь Смерти; но, всъхъ потерявъ, одинокъ возвратишься въ отчизну. Такъ говорила она. Златотронная Эзсъ явилась На небъ; въ домъ свой богиня пошла, разлучившись со мною. Я жъ, къ своему кораблю возвратясь, повелель, чтобъ немедля Спутники всв на него собрались и канатъ отвязали; Вст на него собралися и, ствши на лавкахъ у веселъ, Разомъ могучими веслами всифиили темныя воды. Былъ намъ на темныхъ водахъ провожатымъ надежнымъ попутный Вътеръ, пловцамъ благовъющій другъ, парусовъ надуватель, Посланъ привътноръчивою, свътлокудрявой богиней.

Всв корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы спокойно Плыли; корабль нашъ бъжалъ, повинуясь кормилу и вътру. Я жъ, обратяся къ сопутникамъ, такъ имъ сказалъ, сокрушенный: Должно не мив одному, и не двумъ лишь, товарищи, ведать То, что намъ всемъ благосклонно богиня богинь предсказала: Все вамъ открою, чтобъ, зная свой жребій, могли вы безстрашно Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избъгнуть. Прежде всего отъ волшебнаго панья Спренъ и отъ луга Ихъ цвътоноснаго намъ уклониться велъла богиня; Мнъ же ихъ голосъ услышать позволила: прежде, однако, Къ мачтъ меня корабельной веревкой падежною плотно Вы привяжите, чтобъ быль я совсемь неподвижень; когда же Стану просить иль приказывать строго, чтобъ сняли съ меня вы Узы-двойными скрутите мяж узами руки и ноги. Такъ говорилъ я, лишь нужное людямъ моимъ открывая. Тою порой крипкозданный корабль нашь, илывя, приближался Къ острову страшныхъ Спренъ, провожаемый легкимъ попутнымъ Вътромъ; но вдругъ успокоплен вътеръ и тишь воцарилась На морф: Демонъ угладилъ пучины зыбучее лоно. Вставши, товарищи парусь пенужный свервули, сцъпили Съ мачты его, уложили на палубъ, снова на лавки Съли и гладкими веслами вситвили тихія воды. Я же, немедля, медвянаго воску укругъ изрубивши Въ мелкія части мечомъ, раздавилъ на могучей ладони Воскъ; и миновенно енъ савлался мягкимъ; его благосклонно Геліосъ, богъ-жизнодатель, лучемъ разогрѣлъ теплоноснымъ. Уши товарищамъ воскомъ тогда закленлъ я; меня же Плотной веревкой они по рукамъ и ногамъ привязали Къ мачть такъ крынко, что было нельзя мнь ничьмъ шевельнуться. Снова подъ сильными веслами вспънилась темная влага. Но въ разстояны, въ какомъ призывающій голось бываеть Внятенъ, Спревы увидели мимо илывущій корабль нашъ. Съ брегомъ онъ ихъ поравнялся; онъ звонкогласно запъли; Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава Ахеянъ, Къ памъ съ кораблемъ подойди; сладкоп'вньемъ Сиренъ насладися; Здёсь ин одинъ не проходить съ своимъ кораблемъ мореходецъ, Сердцеусладнаго пѣнья на нашемъ лугу не послушавъ; Кто же насъ слышаль, тоть въ домъ возвращается, многое свъдавъ. Знаемъ мы все, что случилось въ Троянской земль, и какая Участь по воль безсмертныхъ постигла троянъ и ахеянъ; Знаемъ мы все, что на лон'в земли многодарной творится. Такъ насъ онъ сладкопъньемъ плънительнымъ звали. Влекомый Сердцемъ ихъ слушать, товарящамъ подалъ я знакъ, чтобъ немедля Узы мон разрѣшили; они же удвоенной силой Начали гресть; а ко мив подошедь, Перимедь съ Эврилохомъ Узами новыми кржиче миж руки и ноги стяпули. Но, когда удалился корабль нашъ и болъе слышать Мы не могли ужъ ни гласа ни ценья Сиренъ бедоносныхъ, Вфриые спутники вынули воскъ размягченный, которымъ Уши я имъ заклеилъ и меня отвязали отъ мачты. Островъ Спренъ потеряли мы изъ виду. Вдругъ я увидълъ Дымъ и волневья великаго шумъ повсемъстный услышаль. Выпали весла изъ рукъ у гребцевъ устрашенныхъ; повиснувъ Праздно, он' по волнамъ, колыхавшимъ имъ, бились; а судно Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшие къ бъгу.

Я же его объжаль, чтобъ людей ободрить оробълыхъ: Каждому сдълавъ привътствіе, ласково всівнь имъ сказаль я: Спутники, въ бъдствіяхъ мы не безопытны; все мы сносили Твердо; теперь же бъда предстопть не стращитй постигшей Насъ, заключенныхъ въ пещеръ свиръпою силой Циклопа. Мужествомъ, хитрымъ умомъ и советомъ разумнымъ тогда я Всьхъ васъ избавиль; о томъ не забыли вы, думаю; будьте жъ Смълы и нынъ, исполнивъ покорно все то, что велю вамъ. Силу удвойте, гребцы, и дружное по влагъ зыбучей Острыми веслами бейте; быть-можеть, Зевесъ-покровитель Намъ отъ погибели близкой уйти невредимо поможеть. Ты же вниманіе, кормщикъ, удвой; на тебя попеченье Главное я возлагаю — ты правишь кормой корабельной: Въ сторону долженъ ты судно отвесть отъ волненья и дыма, Видимыхъ близко, держися на этотъ утесъ, чтобъ не сбиться Въ бокъ по стремленью — вначе корабль несомивно погибнеть. Такъ я сказаль; все исполнилось точно и скоро; о Сциллъ жъ Я помянуть не хотель; непзовжно чудовище было; Весла бъ они побросали отъ страха и, гресть переставши, Праздно бъ столиились внутри корабля въ ожиданы напасти. Самъ же я, вовсе забывъ повельние строгой Цпрцен, Мнъ запретившей оружіе брать для напраснаго боя, Славныя латы на плечи накинуль и, два м'вдноострыхт Въ руки схвативши копья, подощелъ къ корабельному носу Въ мысляхъ, что прежде туда изъ глубокаго жадная Сцилла Бросится лога и тамъ ей попавшихся первыхъ похититъ. Тщетно искалъ я очами ее, утомилъ лишь напрасно Очи, стараясь проникнуть въ глубокое издро утеса. Въ страхъ великомъ тогда проходили мы тъснымъ проливомъ; Сцилла грозила съ одной стороны; а съ другой пожирала Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались Воды изъ чрева ся, какъ въ котлъ, на огиъ раскаленномъ, Съ свистомъ кипъли онъ, клокоча и буровясь; и пъна Вихремъ взлетала на объ вершины утесовъ; когда же Волны соленаго моря обратно глотала Харибда, Внутренность вся открывалась ея: передъ зівомъ ужасно Волны сшибались, а въ н'ядръ утробы открытомъ книжли Тина и черный песокъ. Мы, объятые ужасомъ бледнымъ, Въ трепетъ очи свои на грозящую гибель вперяли. Тою порой съ корабля изестерыхъ, отличившихся бодрой Силой, товарищей, разомъ схватя ихъ, похитила Сцилла; Взоръ на корабль и на схваченныхъ вдругъ обративши, усиълъ и Только ихъ руки и ноги вверху надъ своей головою Мелькомъ приметить: они въ высоте призывающимъ гласомъ Имя мое прокричали съ последнею скорбію сердца. Такъ рыболовъ, съ каменистаго берега длинносогоенной Удой кидающій въ воду коварную рыбамъ приманку, Рогомъ быка луговаго ихъ ловитъ, потомъ, изъ воды ихъ Выхвативъ, на берегь жалко трепещущихъ быстро бросаеть: Такъ трепетали они въ высотъ, унесенные жадною Сциллой. Тамъ, передъ входомъ пещеры, она сожрала ихъ, кричащихъ Громко и руки ко мн'в простпрающихъ въ лютомъ терзаныи. Страшное туть я очами узрѣль и страшный вичего мнъ Зръть викогда въ продолжение странствий монхъ не случалось. Сциллинъ утесъ миновавъ и изожгнувъ свиръной Хариоды,

Прибыли къ острову мы, наконедъ, свътоноснаго бога. Тамъ, на зеленыхъ равнинахъ, быки криворогіе мирно Съ множествомъ тучныхъ барановъ паслись, - Геліосово стадо. Съ моря уже, находяся на палубъ, явственно могъ я Тяжкое слышать мычанье быковъ, на свободъ гулявшихъ, Съ шумнымъ блеяньемъ барановъ; и тутъ же пришло мяв на память Слово слепаго пророка Тирезін опискаго съ строгимъ Словомъ богини Цирцен, меня миновать убъждавшей опасный Островъ, гдв властвовалъ Геліосъ, смертныхъ людей утвинтель. Туть къ сокрушеннымъ сопутникамъ рѣть обратилъ я такую: Върные спутпики, слушайте то, что, печальный, скажу вамъ: Сведать должны вы пророка Тирезія опвекаго слово Съ словомъ Цирцеи, меня миновать убъждавшей опасный Островъ, гдв властвуетъ Геліосъ, смертныхъ людей утвиштель: Тамъ несказанное бъдствіе ждеть насъ, они утлерждають. Мимо, товарищи, черный корабль провести посифинте. Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце. Миж жъ, возражая, отвътствоваль такъ Эврилохъ непокорный: Ты, Одиссей, непреклонно-жестокъ; одаренъ ты великой Силой: усталости п'ыть для тебя, изъ жел вза ты сковань. Намъ, изнуреннымъ, безсплънымъ и столь ужъ давно не вкущавшимъ Сна, запрещаемь ты на берегъ выйти. Могли бъ приготовить Уживъ мы вкусный на островъ, сладко на немъ отдохнувши. Ты жь нась идти наудачу въ холодную почь принуждаень Мимо приотнаго острова въ темное, мглистое морс. Ночью противные вътры шумять, корабли истреблия. Кто избъжитъ потоиленія върнаго, если во мракъ Вдругъ съ неожиданной бурей на черное море причинтся Ноть иль Зефиръ истребительно-быстрый? Отъ нихъ наиболф Въ бездит морской, вопреки и богамъ, корабли погибаютъ Лучше теперь покорившись вельнію темныя ночи, На берегъ выйдемъ и ужинъ вблизи корабля приготовимъ. Завтра жъ съ депищею пустимся снова въ пространное море. Такъ говорилъ Эврилохъ, и товарищи съ нимъ согласились. Стало мит ясно тогда, что готовилъ намъ бъдствіе Демонъ. Голосъ возвысивъ, безумцу я бросилъ крылатое слово: Здась я одинь, отгого и отвать, Эврилохь, твой такъ дерзокъ. Слушайте жъ: мнъ поклянитесь великою клятвой, что, если Встрытите стадо быковъ криворогихъ, иль стадо барановъ Тамъ, на зеленыхъ лугахъ, святотатной рукой не коснетесь Къ нимъ, и убить ин быка ни барана отнюдь не дерзнете. Пищею насъ на дорогу обильно снабдила Цирцея. Спутники клятвой великою ми'т поклялися; когда же Всв поклялися и клятву свою совершили, въ залявъ Острова тихомъ мы стали съ своимъ кораблемъ кринкозданнымъ. Близко была ключевая вода; всь товарищи, вышедъ На берегъ, вкусный проворно на немъ приготовили ужинъ; Свой удовольствовавъ голодъ обильнымъ питьемъ и тадою, Стали они поминать со слезами о милыхъ погибшихъ, Схваченныхъ вдругъ съ корабля и растерзанныхъ Сциллой предъ нами. Скоро на плачущихъ сонъ, усладитель печалей, спустился. Треть совершилася ночи и темнаго неба на онполъ Звъзды склонилися — вдругъ громовержецъ Кроніонъ Борея, Страшно ревущаго, высладъ на насъ, облака обложили Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла ночь.

Встала изъ мрака младая, съ перстами пурпурными, Эосъ: Черный корабль свой отъ бури мы скрыли подъ сводомъ пещеры, Гав въ хороводы веселые нимфы полей собпрались. Туть я товарищей всехъ пригласиль на советь и сказаль имъ: Черный корабль нашъ, друзья, запасенъ и питьемъ и едою. Бойтесь же завсь на стала подымать святотатную руку: Богь обладаеть здъсь всёми стадами быковъ и барановъ. Геліось світлый, который все видить, все слышить, все знасть. Такъ я сказалъ, и они покорились миъ мужескимъ серднемъ. Но безпрестанно весь мъсяцъ свиръпствовалъ Ноть: всь другіе Вътры модчали; порою лишь Эвръ подымался восточный. Спутники, хліба довольно имін съ виномъ пурпуровымъ. Выли спокойны: быковъ Геліосовыхъ трогать и въ мысли Имъ не входило; когда же събстной нашъ запасъ истощился, Начали пишу охотой они промышлять: добывая. Что, гдв случалось: стрвляли дичину, иль рыбу Остросогоенными крючьями удили — голодъ томилъ ихъ. Разъ, помолиться желая богамъ, чтобъ они намъ открыли Иуть, одинокой дорогой я шелъ черезъ островъ; невольно. Тою дорогой идя, оть товарищей я удалился: Въ мъстъ, защитномъ отъ вътра, я руки умылъ и молитвой Теплой къ безсмертнымъ владыкамъ Олямпа, къ богамъ обратился. Сладкій на в'яжды мн'я сонъ низвели нечувствительно боги. Злое тогда Эврилохъ предложение спутникамъ сд'влалъ: Сиутники върные, слушайте то, что скажу вамъ, печальный: Всякій родъ смерти для насъ, земнородныхъ людей, ненавистенъ; Но умереть голодною смертью всего ненависти ви. Выберемъ лучшихъ быковъ въ Геліосовомъ стадъ и въ жертву Здісь принесемъ ихъ богамъ, безпредільнаго пеба владыкамъ. Пося'в — когда возвратимся въ родную Итаку, воздвигнемъ Въ честь Геліоса, надъ нами ходящаго бога, богатый Храмъ и его дорогими дарами обильно украсимъ; Если жъ. угратой своихъ кругорогихъ быковъ раздраженный, Онь совокупно съ другими богами корабль погубить нашъ Въ морф захочеть, то легче, въ волнахъ захлебнувшись, погибнуть Вдругь, чемъ на острове дикомъ отъ голода медленно таять. Такъ говорилъ Эврилохъ, и сопутники съ нимъ согласились. Лучшихъ тогда изъ быковъ Геліосовыхъ, вольно бродившихъ, Взяли они — невдали корабля темноносаго стадо Жирныхъ, огромнорогатыхъ и лонстыхъ быковъ тамъ гуляло -Ихъ обступили, безумцы; воззвавши къ богамъ Олимпійскимъ, Листьевъ нарвали они съ густоглаваго дуба, ячменя Бол'в въ запас'в на черномъ своемъ корабл'в не вм'вя. Кончивъ молитву, заръзавъ быковъ и содравши съ нихъ кожи, Бедра они всѣ отсѣкли, а кости, обвитыя дважды Жиромъ, кровавыми свъжаго мяса кусками обклали. Но, не имъя вина, возліянье они совершили Просто водою и бросили въ жертвенный иламень утробу, Бедра сожгли, осгальное же, складкой утробы отв'вдавъ, Все изрубили на части и стали на вертелахъ жарить. Туть улетьль усладительный сонь, мнъ ръсницы смыкавшій. Я, пробудившись, пошель къ кораблю на песчаное взморье Шагомъ посившнымъ; когда жъ къ кораблю подходилъ, благовоннымъ Запахомъ нара мяснаго я быль поражень; содрогнувшись, Жалобный голось упрека вознесь и къ богамъ Олимпійскимъ:

Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, въчные боги, Вы на бъду обольстительный сонъ низвели мив на въжды: Спутипки тамъ безъ меня свътотатное дъло свершили. Тою порой о убійств'є быковъ Иперіоновъ св'єтлый Сынъ извъщенъ былъ Лампетіей, длинноодъянной дъвой. Съ гивомъ великимъ къ безсмертнымъ богамъ обратясь, онъ воскликиулъ: Зевсъ нашъ отецъ и владыка, блаженные, въчные боги, ЗКалуюсь вамъ на людей Одиссея, Лаэртова сына! Дерзко они у меня умертвили быковъ, на которыхъ Такъ любовался всегда я — всходиль ли на зв'яздное небо, Съ звъзднаго ль неба сходилъ и къ землъ инспускался. Если же вами не будеть наказано ихъ святотатство, Въ область Анда сойду я и буду свътить для умершихъ. Гиввному богу отвътствовалъ такъ тученосецъ Кроніонъ: Геліосъ, смело сіяй для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ Року подвластныхъ людей, на земл'я плодопосной живущихъ. Ихъ я корабль чернобокій, инзвергнувши пламенный громъ свой, Въ моръ шпрокомъ на мелкія части разбить не замедлю (Это ми'в было открыто Калинсой божественной; ей же Все разсказаль въстоносець крылатый Кроніоновь, Эрмій). Я, возвратись къ кораблю своему на песчаное взморье, Спутниковъ собралъ и всъхъ одного за другимъ упрекалъ; но исправит Зла намъ ужъ было не можно; быки ужъ заръзаны были. Боги притомъ же и знаменье, въ страхъ насъ приведшее, дали-Кожи ползли, а сырое на вертелахъ мясо, и мясо, Снятое съ вертеловъ, жалобво ревъ издавали бычачій. Ифлые шесть дней мои непокорные спутилки дерзко Вили отборныхъ быковъ Геліоса и фли ихъ мясо; Но на семьдой день, предызбранный тайно Кроніономъ, Зевсомъ, Вътеръ утихъ и шумъть персстала сердитая буря. Мачту поднявши и бълый на мачтъ расправивши парусъ, Всѣ мы взошли на корабль и пустились въ открытое море. Но, когда въ отдаленіи островъ пропаль, и исчезла Всюду земля п лишь небо, съ водами сліянное, зр'влось, Богъ громовержецъ-Кроніонъ тяжелую темную тучу Прямо надъ нашимъ сгустилъ кораблемъ и подъ нимъ потемиъло Море. И кратокъ былъ путь дли него. Оть заката примчался Съ воемъ Зефиръ и возстала великая бури тревога; Лоннули разомъ веревки, державния мачту; и разомъ Мачта, сломясь, съ парусами своими, гремящая, пала Вся на корму и въ наденьи тяжелымъ ударомъ разбила Голову кормщику; черепъ его подъ упавшей громадой Весь быль расплюснуть, п онь, водолазу подобно, съ высокихъ Ребръ корабля кувырнувшися въ глубь, тамъ пропалъ и изъ тълз Лухъ улетълъ. Тутъ Зевесъ, заблиставъ, на корабль громовую Вросилъ стрелу; закружилось произенное судно и дымомъ Сърнымъ его обхватило. Всв разомъ товарищи были Сброшены въ воду, и вст, какъ вороны морскія разстясь, Въ шумной исчезли пучина --- возврата лишилъ ихъ Кроніонъ. Я жъ, уцелевъ, межъ обломковъ остался до техъ поръ, покуда Киля водой не отбило отъ ребръ корабельныхъ: онъ поилылъ; Мачта за цимъ поплыма; обвинался сплетенный изъ кръпкой Кожи воловьей ремень вкругъ нея: за ремень уцфинвинсь, Мачту и виль имъ посифино опуталь и плотво связаль и, Ихъ обхватиль и отдался по власть безпредального моря.

Стихнулъ Зефиръ, присмиръла сердитая буря; но быстрый Нотъ поднялся: онъ меня въ несказанную ввергнулъ тревогу. Снова обратной дорогой меня на Харибду помчаль онъ. Цълую ночь быль туда я несомъ; а когда возсіяло Солице -- себя я узрълъ межъ утесами Сциялы и страшной Харибдой. Въ это мгновение влагу соленую хлябь поглощала; Я, ухватясь за смоковницу, росшую тамъ, прицъпился Къ вътвямъ ея, какъ летучая мышь, п новисъ, п нельзя мяъ Выло ногой ни во что упереться - висьлъ на рукахъ я. Корни смоковницы были далеко въ скалъ, и, расширясь, Вътви объемомъ великимъ Харибду кругомъ осъняли; Такъ тамъ, вися безъ движенія, ждаль я, чтобъ вынесли волны Мачту и киль изъ жерла, и въ тоскъ несказанной и долго Ждаль — и ужь около часа, въ который судья, разрѣшивши Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный, уходить Съ площади — выплыли вдругъ изъ Харибды желанныя бревна. Бросился внизъ я, раскинувши руки и поги, и прямо Тяжестью всею упалъ на обломки, несомые моремъ. Ихъ осъдлавши, я началъ руками, какъ веслами, править. Спиль жъ владыка безсмертныхъ Кроніонъ меня не дозволиль Въ моръ примътить: пначе была бъ неизбъжна погибель. Девять носился я дней по водамъ; на десятый съ наставшей Ночью на островъ Огигію выброшенъ быль, гда Калиисо Царствуеть, свътлокудрявая, сладкоръчивая нимфа. Принять я быль благосклонно богиней. Объ этомъ, однако, Май говорить ужъ не нужно: вчера описалъ я подробно Все и тебъ и царицъ; весьма неразумно и скучно Снова разсказывать то, что ужь мы разсказали однажды.

пъснь тринадцатая.

СОДЕРЖАНІЕ ТРИНАДЦАТОЙ ПЪСНИ.

Тридцать четвертый день и утро тридцать интаго. Одиссей, одаренный щедро царемъ Алкиноемъ, царицею Аретою и феакійцами, покидаетъ съ наступленіемъ ночи ихъ островъ. Онъ засыпаетъ. Тъмъ временемъ корабль феакійскій, быстро совершивъ свое плаваніе, достигаетъ Итаки. Вошедши въ пристань Форкинскую, мореходцы выносятъ Одиссея на берегъ, соннаго, и тамъ оставляють его со всъми сокровищами, получеными имъ отъ феакійцевъ. Опи удаляются. Раздраженный Посидонъ превращаетъ корабль ихъ въ утесъ. Одиссей пробуждается, но не узнаетъ земли своей, которую Аенна покрыла густымъ туманомъ. Богиня встръчается съ нимъ подъ видомъ юноши. Онъ разсказываетъ ей о себъ вымыпленую повъсть; тогда Аенна открывается ему, принявъ на себя образъ дъвы. Спрятавъ сокровища Одиссеевы въ гротъ Наядъ, богиня даетъ ему наставленіе, какъ отмстить женихамъ, превращаетъ его въ стараго нищаго и, повелъвъ ему идти во внутренность острова къ свинопасу Эвмею, сама улетаетъ въ Лакедемонъ къ Телемаку.

Такъ Одиссей говорилъ; и ему въ потемнѣвшемъ чертогѣ Молча внимали другіе, и всѣ очарованы были. Туть обратилась къ нему Алкиноева сила святая: Если мой домъ мѣднокованный ты посѣтилъ, благородный Царь Одиссей, то могу уповать, что препятствій не встрѣтишь Нынѣ, въ отчизну оть насъ возвращаясь, хотя и не мало Вѣдъ пспыталъ ты. А я обращуся теперь, феакійцы, Къ вамъ, сжедневно вичо искрометное пьющимъ со мною Въ царскихъ палатахъ, внимая струнамъ золотымъ пѣснопѣвца. Все ужъ въ ковчегѣ лежитъ драгоцѣнномъ: и данным гостю Ризы, и чудной работы златые сосуды и много

Разныхъ подарковъ другихъ отъ владыкъ феакійскихъ: пускай же Къ нимъ по большому котлу и треножнику прочной работы Каждый прибавить; себя жъ наградимъ за убытокъ богатымъ Сборомъ съ народа: столь щедро дарить одному не по силамъ. Такъ Алкиной говорилъ; п. одобривъ его предложенье, Всь по домамъ разошлися, о ложь и свы помышляя. Встала изъ мрака младая, съ перстами пурпурными, Эосъ. Каждый поситыно отнесь на корабль м'яднолитную утвары: Какъ же ту утварь подъ лавками судна укласть (чтобъ работать Веслами въ моръ могли, не вреди ей, гребцы молодые), Самъ Алкиной, обощедши корабль, осторожно устроилъ. Вст они въ царскихъ палатахъ потомъ учредили объдъ свой. Туть собпрателю тучь, громоносцу Кроніопу Зевсу Въ жертву быка принесла Алкиноева сила святая. Ведра предавши огню, насладились роскошною пищей Гости: и, громко звуча вдохновенною лирой, предъ ними Иблъ Демодокъ, многочтимый въ народъ. Но голову часто Царь Одиссей обращаль на всемірно-свътящее солице, Съ неба его понуждая сойти, чтобъ отъбадъ ускорить свой. Такъ помышляеть о сладостной вечер'в нахарь, день ц'ялый Свъжее поле съ четою воловъ бороздившій могучимъ Илугомъ, и весело видъть ему заходящее солице-Тащится тяжкой стопою домой, онъ готовить свой ужинъ. Такъ Одиссей веселился, увидя склоненье на западъ Солица. Тогда, обратяся ко всемъ феакіянамъ вместь, Слово такое сказаль онъ, смотря на царя Алкиноя: Царь Алкивой, благороди: вішій мужъ изъ мужей феакійскихъ, Въ путь спарядите меня, сотворивъ возліннье безсмертнымь: Сами же радуйтесь. Все ужъ готово, чего такъ желало Милое сердце, корабль и дары; да пошлють благодать миз Боги Ураниды нынж. чтобъ я, возвратяся въ отчизну, Дома жену безъ порока нашелъ и возлюбленныхъ ближнихъ Веѣхъ сохраненныхъ; а вы благоденствуйте каждый съ своею, Сердцемъ избранной супругой и съ чадами; все да пошлють вамъ Лоброе боги; и зл. ликакое чтобъ васъ не коспулось. Кончиль. И всь, изъявивъ одобренье, ръшили немедля Гостя, планившаго ихъ столь разумною рачью, отправить Въ путь, Обратяся тогда къ Понтоною, сказалъ феакіянъ Царь благородный: наполни кратеры виномъ и подай съ нимъ Чаши, дабы, помолившись владыкт Кроніону Зевсу, Странника въ милую землю отцевъ отпустили мы съ миромъ. Такъ онъ сказалъ и, кратеры наполнивъ виномъ благовоннымъ. Подаль съ нимъ чаши гостямъ Понтоной; и они возліянье Имъ совершили богамъ, безпредъльнаго неба владыкамъ, Каждый на мъстъ своемъ. Одиссей хитромысленный, вставши, Подаль цариць Ареть двупросный кубокъ; потомъ опъ, Голосъ возвысивъ, ей бросилъ крылатое слово: царица, Радуйся ныив и жизнь проводи безпечально, доколв Старость и смерть не придуть въ обреченное каждому время. Я возвращаюсь въ отеческій домъ свой; а ты благоденствуй Дома съ дътъми, съ домочадцами, съ добрымъ царемъ Алкиноемъ. Слово такое сказавъ, черезъ мъдный порогъ перешелъ онъ. Сь нимъ повелелъ Понтоною идти Алкиной, чтобъ ему онъ Путь указаль къ кораблю и къ песчаному брегу морскому. Также царица Арста послала за нимъ трехъ домашнихъ служанокъ, Съ вымытой чисто одеждой одну и съ хитономъ, другую — Съ отданнымъ ей въ сохраненье блестящимъ ковчегомъ, а третью-Съ светлопурпурнымъ виномъ и съ запасомъ Еды на дорогу. Къ брегу морскому они подошли и, принявши изъ рукъ ихъ Платье, ковчегь и вино и дорожную пящу, немедля Все на корабль отнесли быстроходный гребцы, и на гладкой Палубъ мягкошпрокій коверъ съ простыней полотняной Подлів кормы разостлали, чтобъ могъ Одиссей безтревожно Спать. И вступиль Одиссей на корабль быстроходный; и молча Легь онъ на мягкоширокій коверъ. И на лавки порядкомъ Сълп гребцы п, канатъ отвязавъ отъ причальнаго камня, Разомъ ударили въ весла и взбрызнули темную влагу. Тою порой миротворно слетьлъ Одиссею на въжды Сонъ непробудный, усладный, съ безмольною смертію сходный. Выстро (какъ полемъ шпрокимъ коней четверня, безпрестанно Спльнымъ гонимыхъ бичомъ, поражающимъ всехъ совокупно, Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершаетъ Путь свой) корабль, воздвигая корму, побѣжалъ и, пурпурной Сзади волной папирая, его многошумное море Мчало впередъ; безпрепятственно плылъ онъ; и соколъ, быстръйшій Между пернатыми неба, его не догналь бы въ полете-Такъ онъ стремительно, зыбь разсткая, летълъ черезъ море, Мужа неся богоравнаго, полнаго мыслей высокихъ, Много встръчавшаго бъдъ, сокрушающихъ сердце, средь бурной Странствуя зыби, и много великихъ видавшаго браней — Нынъ же спаль онъ, забывъ претерпънное, сномъ беззаботнымъ. Но поднялася звъзда лучезарная, въстница свътлой, Въ сумракъ раннемъ родившейся, Эосъ; п, путь свой окончивъ, Къ брегу Итаки достигнулъ корабль, объгающій море. Пристань находится тамъ, посвященная старцу морскому Форку; ее образують двѣ длинныя вѣтви крутого Брега, скалами зубчатыми въ море входящаго; вътрамъ Онъ возбраняеть извив нагонять на спокойную пристань Волны тревожныя; могуть внутри корабли на притонномъ Мъсть безъ привязи вольно стоять, не стращась непогоды; Въ самой вершинъ залива шпрокосънистая зрится Маслина; близко нея — полутемный, съ возвышеннымъ сводомъ, Гроть, посвященный прекраснымъ, слывущимъ Наядами, Нимфамъ; Много въ томъ гротъ кратеръ и большихъ двоеручныхъ кувшиновъ Каменныхъ: пчелы, гитадяся въ ихъ нтарт, свой медъ составляють; Также тамъ много и каменныхъ длинныхъ становъ; за станами Сидя, чудесно одежды пурпурныя ткутъ тамъ Наяды; Въчно шумитъ тамъ вода ключевая; въ гротъ два входа: Людямъ одинъ лишь изъ нихъ, обращенный къ Ворею, доступенъ; Къ Ноту жъ, на югъ обращенный, къ богамъ посвященъ-не дерзаетъ Смертный къ нему приближаться, однимъ лишь безсмертнымъ открытъ онъ. Зная то масто, къ кему подошли мореходцы; корабль ихъ Цълой почти половиною на берегь вспрянулъ-такъ быстро Мчался онъ, веслами сильныхъ гребцовъ понуждаемый къ бъгу. Сталъ неподвижно у брега могучій корабль. Мореходцы, Съ палубы гладкой, рукой осторожной, царя Одпесея Снявъ съ простынею и съ мягкимъ ковромъ, на которыхъ лежалъ онъ Спящій глубоко, его положили на брег'в песчаномъ; Послъ, богатства собравъ, отъ разумныхъ людей феакійскихъ Имъ полученныя въ даръ по внушенью великой Аопны,

TIO

Вережно склали у корня оливы широкосънистой Все, отъ дороги поодаль, дабы никакой проходящій, Пользуясь сномъ Одиссея глубокимъ, чего не похитилъ. Кончивъ, пустилися въ море они. Но земли колебатель, Помня во гићвћ о прежнихъ угрозахъ своихъ Одиссею, Твердому въ бъдствіяхъ мужу, съ такой обратился молитвой Къ Зевсу: о Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, не буду богами Волъ честимъ я, когда мной ругаться начнуть феакійцы, Смертные люди, хотя и божественной нашей породы; Въдалъ всегда я, что въ домъ свой, не мало тревогъ пспытавши, Долженъ вступить Одиссей; я не могь у него возвращенья Вовсе похитить: ты прежде ужъ судъ произнесь свой. Нынъ жъ его феакійцы въ своемъ корабль до Итаки, Спящаго, мит вопреки, довезли, напередъ одаривши Золотомъ, міздью и множествомъ ризъ драгоцінно-сотканныхъ, Такъ изобильно, что даже изъ Трои подобной добычи Онъ не привезъ бы, когда бъ безпрепятственно въ домъ возвратился. Гивному Богу отвътствоваль тучь собпратель Кроніонь: Странное слово сказалъ ты, могучій земли колебатель; Ты ль не въ чести у боговъ и возможно ль, чтобъ лучшій, Старшій и сплою первый не чтимъ быль отъ младшихъ и низшихъ? Если же кто изъ людей земнородныхъ, съ тобою перавныхъ Сплой и властью, тебя не почтить, накажи безпощадно. Дфиствуй теперь, какъ желаешь ты самъ, какъ пріятные сердцу. Вогъ Посидонъ, колебатель земли, отвъчалъ громовержцу: Смело бъ я действовать сталь, о Зевесь чернооблачный, если бъ Силы великой твоей и тебя раздражить не страшился; Нын'в же мной феакійскій прекрасный корабль, Одиссея Въ землю его проводившій и моремъ обратно илывущій, Будеть разбить, чтобъ впередъ ужъ онп по водамъ не дерзали Всёхъ провожать; и горою великой заденну ихъ городъ. Гифвиому Богу отвътствовалъ такъ громовержецъ Кроніонъ: Другь Посидонъ, полагаю, что самое лучшее будетъ, Если (когда подходящій корабль издалека увидять Жители града) его передъ ними въ утесъ обратишь ты, Образъ плывущаго судна ему сохранивши, чтобъ чудо Всёхъ изумило; потомъ ты горою задвинешь ихъ городъ. Слово такое услышавъ, могучій земли колебатель Въ Схерію, гдъ обиталъ феакійскій народъ, устремплся Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, пробликался Выстро. Къ нему подошедъ, колебатель земли во мгновенье Въ камень его обратилъ и ударомъ ладони къ морскому Дну основаніемъ крѣпко притиснуль; потомъ удалился. Шумно словами крылатыми спрашивать стали другъ друга Веслолюбивые, смълые гости морей, феакійцы. Глядя одинъ на другого, и такъ межъ собой разсуждая: Горе! кто вдругъ на водахъ оковалъ нашъ корабль быстроходный, Къ берегу шедшій? Его ужъ вдали различали мы ясно. Такъ говорили ови, не постигнувъ того, что случилось. Къ нимъ обратился тогда Алкиной и сказалъ: феакійны, Горе! я вижу, что ныив сбылося все то, что отецъ мой Мив предсказаль говоря, какъ на насъ Посидонъ негодуеть Сильно за то, что развозимъ мы всехъ по морямъ безопасно. Нфкогда, онъ утверждаль, феакійскій корабль, проводившій Странника въ землю его, возвращаяся моремъ тупаннымъ,

Будеть разбить Посидономъ, который высокой горою Градъ нашъ задвинетъ. Такъ мив говорилъ онъ, и все совершилось. Вы жъ, феакійскіе люди, исполните то, что скажу вамъ: Съ этой поры мы не станемъ уже по морямъ, какъ бывало, Странниковъ, нашъ посъщающихъ градъ, провожать; Посидону жъ Въ жертву немедля двънадцать быковъ принесемъ, чтобъ на милость Онъ преклонался и града горой не задвинуль великой. Такъ онъ сказалъ и быковъ приготовилъ на жертву объятый Страхомъ народъ; и, усердно молясь Посидону-владыкъ, Всв феакійскіе старцы, вожди и вельможи стояли Вкругъ алтаря. Той порой Одиссей, привезенный въ отчизну Сонный, проснулся и мплой отчизны своей не узналъ онъ --Такъ былъ отсутственъ давно; да п сторону всю ту покрыла Мглою туманною дочь громовержца Аонна, чтобъ не былъ Прежде, покуда всего оть нея не услышить, къмъ встръченъ Царь Одиссей, чтобъ его ни жена, ни домашній, ни житель Града какой пе узналя, пока женихамъ не отмстить онъ; Воть почему и явилось очамъ Одиссея столь чуждымъ Все, излучины длинныхъ дорогъ, и заливъ межъ стънами Гладкихъ утесовъ, и темныя съни деревъ черноглавыхъ. Вставши съ великимъ волненьемъ, онъ началъ кругомъ озираться: Скорбь овладъла душою его, по бедрамъ онъ могучимъ Кръпко ударивъ руками, въ печали великой воскликнулъ: Горе! къ какому народу зашелъ я! зд'єсь, можеть-быть, область Дикихъ, незнающихъ правды людей, иль, быть-можетъ, я встръчу Смертныхъ привътливыхъ, богобоязненныхъ, гостепримныхъ. Гдъ же я скрою богатства мон и куда обратиться Мив самому? Для чего межъ людьми феакійскими долв Я не остался! къ другому пзъ сильныхъ владыкъ въ ихъ народъ Я бы прибъгнуль, и онъ бы помогь мив достигнуть отчизны; Нын'в жъ не знаю, что делать съ своимъ мне добромъ; безъ храненья Здъсь не оставлю его, отъ прохожихъ расхищено будеть. Горе! я вижу теперь, что не вовсе умны и правдивы Выли въ поступкахъ со мною и царь и вожди феакійцевъ; Ими я брошенъ въ прато, мий чужомъ; отвести объщались Въ милую прямо Итаку меня, и нарушили слово; Ихъ да накажетъ Зевесъ, покровитель лишенныхъ покрова, Зрящій на наши діла и карающій наши злодійства. Должно, однако, богатства мон перечесть, чтобъ увидъть, Цъло ли все, не украли ль чего въ кораблъ быстроходномъ. Онъ сосчиталь всё котлы, всё треножники, всё золотыя Утвари, всв драгоценно-сотканныя ризы, и целымъ Все оказалось; но горько онъ плакалъ о милой отчизить, Глядя на шумное море, бродя по песчаному брегу Въ тяжкой печали. Къ нему подошла тутъ богиня Анина, Образъ принявъ пастуха, за овечьимъ ходящаго стадомъ, Юваго, нъжной красою подобнаго царскому сыну; Ей покрывала двойная шпрокая мантія плечи. Ноги сіяли въ сандаліяхъ, легкимъ коньемъ подпиралась. Радуясь встрёче такой, Одиссей подощель къ свётлоокой Дъвъ и, голосъ возвысивъ, ей бросилъ крылатое слово Другь, ты въ земль незнакомой миз страннику встрътился первый; Радуйся; сердце жъ на милость свое отвори; сохрани мий Это добро, и меня самого защити; я какъ бога, Другъ, умоляю тебы и колина твои обнимаю:

Мий отвичай откровенно, чтобъ могь и всю истину видать, Гдф я? Въ какой сторонф? И какой здфсь народъ обитаеть? Островъ ли это гористый иль въ море входящій, высокій Верегь земли матерой, покровенной крутыми горами? Дочь светлоокая Зевса, Аонна ему отвечала: Впдно, что ты издалска, пришелецъ, иль вовсе безсмысленъ. Если объ этомъ не въдаень краъ? Но онъ не безславенъ Между краями земными, народамь земнымъ онъ извъстенъ Всемь, какъ живущимъ къ востоку, где Эось и Геліось всходять, Такъ и живущимъ на западъ, гдв область-туманныя ночи; Правда, горпстъ и суровъ онъ, конямъ неприволенъ, но вовсе жъ Онъ и не дикъ, не безплоденъ, хотя не широкъ и полями Въденъ; онъ жатву сторицей даетъ и на немъ винограда Много родится оть частых дождей и оть рось илодотворныхъ; Пажитей много на немъ для быковъ и для козъ, и богатъ онъ Л'всомъ и множествомъ водъ, безущербно годъ ц'ялый текущихъ. Странникъ, конечно, молва объ Итакъ дошла и къ предъламъ Трои, лежащей, какъ слышно, далеко отъ края ахеянъ. Кончила. Въ грудь Одиссея веселье отъ словъ сихъ проникло: Радъ былъ услышать онъ имя отчизны изъ усть светдоокой Дочери Зевса-эгидодержавца, Паллады Аонны; Голосъ возвысивъ, онъ бросиль крылатое слово богинъ (Правду, однако, онъ скрылъ оть нея хитроумною ръчью, Въ сердце своемъ осторожно о пользе своей помышляя): Имя Итаки впервые услышаль я въ Крить общирномъ, За моремъ; нынъ жъ и самъ я предъловъ Итаки достигнулъ, Много сокровищъ съ собою привезши и столько же дома Автямъ оставивъ; бъжалъ я оттуда, убивъ Архилока, Идоменеева милаго сына, который въ общирномъ Критъ мужей предпримчивыхъ всъхъ побъждалъ быстротою Ногь: онъ хотълъ у меня всю добычу Троянскую (столько Злыхъ мив тревогъ приключившую въ тв времена, какъ во многихъ Враняхъ я былъ и среди бедоносного странствовалъ моря) Силой отнять, поелику его я отцу отказался Въ Тров служить и своими людьми предводилъ; но его и, Шедшаго съ поля, съ товарищемъ подле дороги укрывшись, Метко-направленнымъ меднымъ копьемъ умертвилъ пзъ засады; Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой насъ Видъть не могъ человъкъ; и не свъдалъ никто, что убійца-Я: но, коньемъ медноострымъ его умертвивъ, не замедлилъ Я, къ кораблю финикійскихъ людей благородныхъ пришедши, Ихъ убъдать предложеньемъ даровъ, чтобъ, меня на корабль свой Взявши и въ Пилосъ привезши, тамъ на берегъ дали мив вытти, Или въ Элиду, священную область эпеянъ, меня проводили; Но береговъ ихъ достигнуть намъ не далъ враждующій вітеръ Къ горю самихъ мореходцевъ, меня обмануть не хотъвшихъ; Сбившись съ дороги, сюда мы приплыли ночною порою; Въ пристань на веслахъ ввели мы корабль и никто не помыслилъ, Сколь ви стремило къ тому насъ желанье, объ ужинъ; вст мы, Вмъсть сошедъ съ корабля, улеглися на брегь несчаномъ; Въ это мгновенье въ глубокій я сонъ погрузился; они же, Взявши пожитки мои съ корабля, ихъ сложили на землю Тамъ, где заснувшій лежаль на нескі я; потомъ, возвратися Всв на корабль, къ берегамъ многолюдной Сидоніи путь свой Выстро направили. Я же остался одинъ, сокрушенный.

пъснь хи.

Кончиль. Съ улыбкой Анина ему свътлоокая щеки Нѣжной рукой потрепала, явившись прекрасною, съ станомъ Стройно-высокимъ, во всехъ рукодельихъ искусною девой. Голосъ возвысивъ, богиня крылатое бросила слово: Должень быть скрытень и хитръ несказанно, кто спорить съ тобою Въ вымыслахъ разныхъ захочеть; то было бы трудно и богу. Ты, кознодъй, на коварныя выдумки дерзкій, не можешь, Даже и въ землю свою возвратясь, оторваться отъ темной Лжи и отъ словъ двоесныеленныхъ, смолода къ нимъ пріучившись; Но объ этомъ теперь говорить безполезно; мы оба Любимъ хитрить. На земль ты межъ смертными разумомъ первый. Также и сладкою ръчью; я-первая между безсмертныхъ Мудрымъ умомъ и искусствомъ на хитрые вымыслы. Какъ же Могь не узнать ты Паллады Аенны, тебя неизмінно Въ тяжкихъ трудахъ подкръилявшей, хранившей въ напастяхъ, и нынъ Всімъ феакіянамъ сердце къ теб'в на любовь преклонившей? Знай же, теперь я пришла, чтобъ, съ тобой все разумно обдумавъ, Къ мъсту прибрать здъсь все то, что отъ щедрыхъ людей феакійскихъ Ты получиль при отъезде моимъ благосклоннымъ внушеньемъ; Также, чтобъ зналъ ты, какія судьба, въ многославномъ жилиці: Царскомъ, біды для тебя приготовила. Ты же мужайся; Но берегись, чтобъ никто тамъ, ни мужъ ин жена, не провъдали Тайны, что бъдный скиталецъ — ты самъ, возвратившійся: молча Всъ оскорбленья споси, наглецамъ уступая безъ гивва. Свътлой Анинъ отвътствовалъ такъ Одиссей богоравный: Смертный, и самый разумный, съ тобою случайно, богиня, Встрътясь, тебя не узнаетъ; во всъхъ ты являешься видахъ. Помню, однако, я, сколь ты бывала ко мн благосклонна Въ тв времена, какъ въ Троянской землъ мы сражались, ахейцы. Но когда, ниспровергнувши городъ Пріямовъ великій Мы къ кораблямъ возвратились, разгитванный богъ разлучилъ насъ. Съ техъ поръ съ тобой не встречался я, Діева дочь; не примениль Также, чтобъ ты, на корабль мой вступивши, меня отъ какого Зла защитила. Съ разорваннымъ сердцемъ, безъ всякой защиты, Странствоваль я: наковець, оть напастей избавили боги. Только въ страни плодоносной мужей феакійскихъ меня ты Словомъ своимъ ободрила и въ городъ мив путь указала. Нынт жъ, колтна объемля твои, умоляю Зевесомъ (Я сомитьваюсь, чтобъ быль я въ Итакъ; я въ землю иную Прибыль; ты, такъ говоря, безъ сомифнья испытывать шуткой Хочешь мив сердце; ты хочешь мой разумъ ввести въ заблужденье, Точно ль, скажи мив поистинь, милой отчизны достигь я? Дочь свътлоокая Зевса, Анина ему отвъчала: Въ сердцъ моемъ благосклонность къ тебъ сохранилася та же; Мив невозможно въ несчастьи покинуть тебя: ты пріемлешь Ласково каждый совъть, ты понятливъ, ты смъль въ исполнены; Всякой, на чуже скитавшийся долго, достигнувъ отчизны, Помъ свой, жену и дътей иламенъеть желаньемъ увидъть; Ты жъ, Одиссей, не сивши узнавать, воздержись оть разспросовъ; Прежде ты долженъ жену испытать; неизмѣнная сердцемъ, Лома она ожидаеть тебя съ нетерпъніемъ, тратя Долгіе дни и безсонным ночи въ слезахъ и печали. Я же сомнения въ томъ инкогда не имела — напротивъ, Знала, что, спутниковъ всехъ потерявъ, ты домой возвратишься; Но пеприлично мит было вражду заводить съ Посидономъ,

140

Вратомъ родителя Зевса, тобой оскорбленнымъ: ты сильно Душу разгиваль его умерщвленіемь милаго сына. Но, чтобъ ты могь мит повтрить, тебт я открою Итаку. Здёсь посвященная старцу морскому Форкинская пристань; Въ самой вершинъ залива инпрокосъчистую видишь Маслину; близко ея полутемный съ возвышеннымъ сводомъ Гротъ, посвященный прекраснымъ, слывущимъ Наядами, Нимфаиъ (Самый тотъ хладный, въ утесь таящійся гроть, гдв столь часто Ты приносиль экатомбы богатыя чистымъ Наядамъ). Вотъ и гора Неріонъ, покровенная л'ясомъ широкимъ. Кончивъ, богиня туманъ раздълила; окрестность явилась; Въ грудь Одиссея при видъ такомъ пролилося веселье; Бросился онъ цъловать плододарную землю отчизны; Руки поднявъ, обратился потомъ онъ съ молитвой къ Наядамъ: Нимфы Наяды, Зевесовы дочери, я ужъ не думалъ Здісь вась увидіть; теперь веселитесь моею веселой, Нимфы, молитвой; и будуть дары вамъ обычные, если Дочь броненосная Зевса, Аониа и мив благосилонио Жизнь сохранить, и милаго сына спасеть оть напасти. Почь свътлоокая Зевса Аоина ему отвъчала: Будь беззаботень; не этимъ теперь ты тревожиться должень; Долженъ, напротивъ, сокровища въ недре пространнаго грота Спрятать свои, чтобъ изъ нихъ ничего у тебя не пропало. Послъ, все дъло обдумавъ, мы выберемъ то, что полезнъй. Кончивъ, богиня во внутренность грота вошла и рукою Темные стінь закоулки ощупала; сынь же Лаэртовь Все, и нетленную медь, и богатыя платья, и злато, Имъ отъ людей феакійской земли полученныя, собраль; Въ гротъ ихъ склавъ, передъ входомъ его положила огромный Камень дочь Зевса эгидодержавца Паллада Аонна. Оба тогда, подъ шпрокосвинстою маслиной свиши, Стали обдумывать, какъ погубить жениховъ многобуйныхъ. Дочь свътлоокая Зевса, богиня Аоина сказала: О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный, Выдумай, какъ бы тебъ жениховъ наказать беззаконныхъ. Боль трехъ льтъ самовластно твоимъ обладающихъ домомъ, Муча докучнымъ своимъ сватовствомъ Пенелопу; она же, Сердцемъ въ разлукъ съ тобою крушась, подаетъ имъ надежду Всемь, и каждому порознь себе обещаеть, и вести Добрыя шлетъ къ пимъ, недоброе въ сердце для нихъ замышляя. Свътлой Аннвъ отвътствовалъ такъ Одиссей многоумный: Горе! и мит бъ, какъ царю Агамемнону, сыну Атрея, Жалостной гибели въ царскомъ жилищъ моемъ не избъгнуть, Если бы во-время мив ты всего не открыла, богиня! Дай мнъ теперь наставленіе, какъ отомстить пмъ; сама же Мнъ помоги и такую жъ даруй мнъ отважность, какъ въ Троъ, Где мы разрушили светлыя стены Пріамова града. Стой за меня и теперь, какъ тогда, св'втлоокая; см'вло Вытти готовъ и на триста мужей я, хранимый твоею Сплой божественной, если ко миз ты еще благосклонна. Дочь свъглоокая Зевса, Аонна, ему отвъчала: Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставлент. Мной и тогда, какъ пристубимъ мы къ дълу; и, думаю, скоро Лоно земли безпредъльной обрызжется кровью и мозгомъ Многихъ изъ нихъ, беззаконныхъ, твое достоянье губящихъ.

Прежде, однако, тебя превращу и, чтобъ не былъ никъмъ ты Узнанъ: наморщу блестящую кожу твою на могучихъ Членахъ, сниму съ головы златотемные кудри, покрою Рубищемъ бъднымъ плеча, чтобъ глядълъ на тебя съ отвращеньемъ Каждый, и струпомъ глаза, столь прекрасные нынь, подерну; Въ виде такомъ женихамъ ты, супруге и сыну (который Дома тобой быль оставлень), неузнанный, будешь противень. Прежде, однако, отсюда ты долженъ пойти къ свинопасу, Главному зд'єсь падъ стадами свиными смотрителю; в'єренъ Онъ и тебѣ и разумной твоей Пенелопѣ и сыну; Встрътишь его ты у стада свиней: близъ утеса Коракса, Подлѣ ключа Аретузы лазоревой стадо пасется, Жадно питаяся тамъ желудьми и водой запивая Пишу, которая тушу свиную густымъ наливаетъ Жиромъ; съ нимъ сидя, его обо всемъ ты подробно разспросинь. Тою порою я въ женопрекрасный пойду Лакедемонъ Вызвать къ тебф, Одиссей, твоего Телемака оттуда: Онъ же въ шпрокоравниную Спарту пошель, чтобъ услышать Въсть о тебъ отъ Атрида, и живъ ли еще ты, провъдать. Св'ятлой Анни отв'ятствоваль такъ Одиссей многоумный: Въдая все, для чего же ему не сказала ты правды? Странствуя, многимъ и онъ сокрушеньямъ подвергнуться можетъ На морт бурнопустынномъ, грабителямъ домъ свой оставивъ. Дочь свытлоокая Зевса, Аопна, ему отвычала: Много о томъ, Одиссей, ты тревожиться сердцемъ не долженъ. Я проводила его, чтобъ людей носмотрълъ и межъ ними Нажиль великую славу; легко все окончивъ, теперь онъ Въ дом' Атреева сына сидитъ и роскошно пируетъ. Правда, его женихи стерегуть въ кораблѣ темногрудомъ, Злую погибель готовя ему на возвратной дорогь; Я имъ, однако, того не дозволю; и прежде могила Многихъ изъ нихъ, разоряющихъ дерзостно домъ твой, поглотитъ. Съ сими словами богиня къ нему прикоспулася тростью. Разомъ на членахъ его, вдругъ изсохшее, сморщилось тело, Спали съ его головы златотемные кудри, сухою Кожею дряхлаго старца дрожащія кости покрылись, Оба, столь прежде прекрасные, глаза подернулись струпомъ, Плечи оделись тряпицей, въ лохмотье разорваннымъ, старымъ Рубищемъ грязнымъ, совсемъ почерневшимъ отъ смраднаго дыма Сверхъ же одежды оленья шарокая кожа повисла, Голая, вовсе безъ шерсти; давъ посохъ ему п котомку, Всю въ заплатахъ, впсящую вибсто ремня на веревкъ, Съ нимъ разлучилась богиня: что дълать, его научивши, Къ сыну его полетъла она въ Лакедемовъ священный.

пъснь четырнаццатая.

содержаніе четырнадцатой пъсни.

Тридцать иятый день. Одиссей приходить къ Эвмею; позавтракавъ съ нимъ, онъ увъряеть стараго свинопаса, что господинъ его скоро возвратится и подтверждаетъ то клятвою; но Эвмей ему не въритъ. Одиссей разсказываеть ему вымышленную о себъ повъсть. Въ вечеру всъ другіе пастуки возвращаются съ паствы. Эвмей убиваетъ откормленную свинью на ужинъ Холодная ночь; Одиссей вымышленнымъ о себъ разсказомъ побуждаетъ Эвмея дать ему теплую мантію на ночь. Всъ засыпаютъ въ домъ; одинъ Эвмей уходитъ наблюдать за стадомъ, оставленнымъ въ полъ.

одиссея.

Тою порою изъ пристави вкруть по тропники нагорной Л'всомъ пошель онъ въ ту сторону, гдв, по сказанью Аепны, Жиль свинопась богоравный, который усерднее прочихъ Царскихъ рабовъ наблюдалъ за добромъ своего господина. Онъ на дворъ передъ домомъ въ то время сидълъ за работой; Домъ же стояль на высокомъ, открытомъ п кругообзорномъ Мъстъ, просторный, отвсюду обходный; его для свиныхъ тамъ Стадъ свинопасъ, не спросясь ни съ царицей, ни съ старцемъ Лаэртомъ. Самъ, поелику его господинъ былъ отсутственъ, изъ твердыхъ Камией построиль; ограда терновая стыны вынчала; Тынъ изъ дубовыхъ, обтесаныхъ, близко одинъ отъ другого Въ землю вколоченныхъ, кольевъ его окружалъ; на дворъ же Целых двенадцать просторных закуть для свиней находилось: Каждую ночь въ тѣ закуты свиней загоняли и въ каждой Ихъ пятьдесять, на землъ неподвижно лежащихъ, тамъ было Заперто — матки однъ для расплода; самцы же во вившнихъ Спали закутахъ и въ меньшемъ числъ: убавляли, пируя, Ихъ женихи богоравные (самъ свинопасъ принужденъ былъ Лучшихъ и самыхъ откормленныхъ имъ посылать ежедневно); Триста ихъ тамъ шестьдесять борововъ налицо оставалось: Ихъ сторожили четыре собаки, какъ дикіе зв'ври, Злобныя: самъ свинопасъ, повелитель мужей, для себя ихъ Выкормилъ. Сидя тогда передъ домомъ, кроилъ онъ изъ крѣпкой Кожи воловьей подошвы для ногь; пастухи же другіе Выли въ отлучкъ: на пажити съ стадомъ свиней находились Трое, четвертый самимъ повелителемъ посланъ былъ въ городъ Тучшую въ стадъ свинью женихамъ необузданнымъ противъ Воли отдать, чтобъ, заръзавъ ее, насладились ъдою. Вдругъ вдалекъ Одиссея увидъли злыя собаки; Съ лаемъ они на него побъжали; къ землъ осторожно, Видя опасность, присълъ Одиссей, но изъ рукъ уронилъ онъ Посохъ и жалкую гибель въ своемъ бы онъ встратилъ владаныи, Если бы самъ свинопасъ, за собаками бросясь поспъшно, Выбъжать, кинувъ работу свою, не усиълъ изъ заграды: Крикнувъ на бъщеныхъ псовъ, чтобъ пугнуть пхъ, швырять онъ большими Камнями началь; потомь онь сказаль, обратясь въ Одиссею: Выль бы, старикъ, ты разорванъ, когда бъ опоздаль и мипуту; Тяжкимъ упрекомъ легло бъ мнв на сердце такое несчастье; Мив же и такъ ужъ довольно печалей безсмертные дали; Здесь, о моемъ господине божественномъ сетуя, долженъ Я для незваныхъ гостей борововъ Одиссеевыхъ жирныхъ Прочить, тогда какъ, быть-можетъ, онъ самъ безъ покрова, безъ пищи Странствуеть въ чуждыхъ земляхъ межъ народовъ пного языка (Если онъ только еще гдв сіяніемъ дня веселится). Въ домъ мой последуй за мною, старпкъ; и тебя дружелюбно Пищею тамъ угощу и виномъ; отдохнувши, ты скажешь, Кто ты, откуда, какія бъды и напасти гдъ встрътилъ. Кончиль, п въ домъ съ Одиссеемъ вошелъ свинопасъ богоравный; Тамъ онъ на кучу его посадилъ многолиственныхъ, свъжихъ Сучьевъ, недавно нарубленныхъ, прежде косматою кожей Серны, на ней же онъ спалъ по ночамъ, ихъ покрывъ. Одиссею Вылъ по душ'в столь радушный пріемъ; онъ сказалъ свинонасу: Зевса молю я и вечныхъ боговъ, чтобъ тебе ниспослали Всякое благо за то, что меня ты такъ ласково принилъ. Страннику такъ отвъчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:

Если бы, другъ, кто и хуже тебя посътиль насъ, мы долгь свой Гостя почтить похранили бы свято—Зевест къ намъ приводить Нищихъ и странниковъ; даръ и убогій Зевесу угоденъ. Слишкомъ же щедрыми быть намъ не можно, рабамъ, въ безпрестанномъ Страх' живущимъ, понеже теперь господа молодые Властвують нами. Кропіонъ решиль, чтобъ лишень быль возврата Онъ, столь ко мит благосилонный; меня бъ онъ устроилъ, мит далъ бы Все, что рабу за усердье даеть господинъ благодушный (Поле и домъ и хозяйку, которую по сердцу самъ онъ Выбраль), понеже онъ много трудился, и боги усифхомъ Трудъ наградили, какъ здѣсь и меня за труды награждають: Такъ бы со мною здъсь милостивъ быль онъ, когда бъ могъ достигнуть Старости дома; но пътъ ужъ его... о! зачъмъ не Еленинъ Родъ истребленъ! Отъ нея сокрушились кольна славивищихъ Нашихъ героевъ: и онъ за обиду Атрида съ другими Въ Трою певолей пошелъ соттупить Иліонъ многоконный. Такъ говорилъ онъ и, поясомъ легкій хитонъ свой стянувин. Къ той отделенной закуте пошелъ, где один поросята Заперты были; взявъ двухъ пожирнъй, онъ обоихъ заръзаль, Ихъ опалилъ и на части разсъкъ и, на вертелъ наткнувши Части, изжаридъ ихъ: кончивъ, горячее мясо онъ подалъ Гостю на вертель, ячной мукою его пересыпавъ, Послъ, медвянымъ виномъ деревянный наполнивши кубокъ, Съть противъ гостя за столъ и, его приглашая къ объду: Странянкъ, сказалъ, не угодно ль тебф поросятины, нашей Пищи убогой, отвъдать — свиней же одни безиощадно Жруть женихи, не страшась никакого за то напазанья: Дъль беззакопныхъ, однако, блаженные боги не любить: Правда одна и благіе поступки людей имъ угодны; Лаже разбойники, злые губители, разныя земли Грабить обыкшіе-многой добычей, имъ данной Зевесомъ, Свой нагрузивши корабль и на немъ возвращаясь въ отчизну-Страхъ наказанья великій въ душ'є сохраняють; они же (Видно, имъ бога какого пророческій слышался голосъ). Въря, что гибель постигла его, ни свое, какъ прилично. Весть сватовство не хотять, ни къ себъ возвратиться не мыслять, Въ дом'в, напротивъ, пируютъ его и безчинно все грабятъ: Каждую Зевсову ночь тамъ и каждый, инспосланный Зевсомъ, День не одну и не двъ мы свиньи на съъденье имъ ръжемъ; Такъ же они и вино, неумъренно пьянствуя, тратятъ. Кломъ же его несказанно богатъ былъ, никто изъ живущихъ Здъсь благородныхъ мужей—на твердынъ ли чернаго Зама, Или въ Итак'в-того не пм'влъ; получалъ онъ дохода Боль, чемь десять у насъ богачей; я сочту по порядку: Стадъ криворогихъ быковъ до дв'внадцати было, овечьихъ Также, и столько жъ свиныхъ, и не менъе козыхъ (пасуть иль Здесь козоводы свои и наемные); также на разныхъ Паствахъ еще здѣсь гуляеть одиннадцать козьихъ особыхъ Стадъ; и особые ихъ стерегутъ на горахъ козоводы; Каждый изъ техъ козоводовъ вседневно, чередъ наблюдая, Въ городъ съ жиривищей козою, межъ лучшими выбранной, ходитъ; Такъ же вседневно и я, надъ стадами свиными здъсь главный, Лучшаго борова имъ на объдъ посылать приневолевъ. Такъ говорилъ онъ, а гость той порою ѣлъ мясо, усердно Пиль, и молчаль женихамъ истребление въ мыслихъ готовя.

Пищей божественной душу свою насладивши довольно, Кубокъ онъ свой, изъ котораго самъ пилъ, хозянну подалъ Полный вина-и его свинопась съ удовольствіемъ приняль; Гость же, къ нему обратившися, бросилъ крылатое слово: Другь, разскажи мнв о мужв, которымъ ты купленъ, который Выль такъ несметно богать, такъ могучь, и который, сказаль ты, Въ Тров погибъ, за обиду отмщая Атреева сына? Все разскажи миж, чтобъ зналъ я, не встретился ль где онъ случайно Мив-и Зевесь и другіе безсмертные знають, могу ли Что про него разсказать вамъ-я странствовалъ такъ же не мало. Такъ свинопасъ, повелитель мужей, отвъчалъ Одиссею: Старецъ, теперь никакой ужъ изъ странниковъ, много бродившихъ, Въстью объ немъ ни жены не обманетъ, ни милаго сына. Часто въ надеждъ, что ихъ, угостивъ, одарять, здъсь бродяги Лгуть, небылицы и басни о немъ вымышляя; и кто бы, Странствуя въ разныхъ земляхъ, ни зашелъ къ намъ въ Итаку, ужъ, върно, Явится къ нашей царицъ съ нелъпою сказкой о мужъ; Ласково всёхъ принимаеть она и разсказы ихъ жадно Слушаеть всё и съ ресницъ у внимающей падають капли Слезъ, какъ у всякой жены, у которой погибъ въ отдалены Мужъ. Да и ты намъ, старикъ, небылицу разскажешь охотно, Если хламиду теб'в иль хитонъ за труды посулимъ мы. Нътъ! ужъ, конечно, ему иль собаки, иль хищныя птицы Кожу съ костей оборвали — и съ теломъ душа разлучилась, Или онъ рыбами събденъ морскими, иль кости на взморьъ Гдь-нибудь, въ зыбкомъ пескъ глубоко погребенныя, тлъють; Такъ онъ погибъ, въ сокрушеньи великомъ оставивъ домашнихъ Всехъ, напраче меня; никогда, никогда не найти ужъ Мить господина столь добраго, гдть бы я ни жиль, хотя бы Снова по воль безсмертных къ отцу быль и къ матери милой, Въ домъ приведенъ, где родился, где годы провелъ молодые. Но не о томъ я крушуся, хотя и желалъ бы хоть разъ ихъ Образъ увидеть глазами, хоть разъ посетить ихъ въ отчизне-Нътъ, объ одномъ Одиссев далекомъ я плачу; ахъ! добрый Гость мой, его и далекаго здёсь не могу называть я Просто по имени (такъ онъ со мною былъ милостивъ); братомъ Милымъ его я, хотя и въ разлукъ мы съ нимъ, называю. Царь Одиссей хитроумный сказаль, отвъчая Эвмею: Если, не въря въстямъ, утверждаешь ты, другъ, что сюда онъ Бол'в не будеть и если ужъ такъ ты упоренъ разсудкомъ, Я не скажу ничего; но лишь въ томъ, что, навърное, скоро Къ вамъ Одиссей возвратится, дамъ клятву; а миъ ты заплатишь Только тогда, какъ входящаго въ домъ свой его здъсь увидишь: Платье тогда подаришь мив, хитонъ и хламиду; до техъ поръ, Сколь ни великую бъдность терилю, ничего не приму я; Мив самому ненавистиви Апдовыхъ врать ненавистныхъ Каждый обманщикъ, ко лжи приневоленный б'ёдностью тяжкой; Я же Зевесомъ владыкой, твоей гостелюбной трапезой, Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся Здёсь, что наверно и скоро исполнится то, что сказаль я; Прежде, чемъ солнце окончить свой кругь, Одиссей возвратится; Прежде, чемъ мъсяцъ наставшій смененъ наступающимъ будетъ, Вступить онь въ домъ свой; и мщенье тогда совершится надъ каждымъ, Кто Пенелопу и сына его дерзновенно обидълъ, Страннику такъ отвъчаль ты, Эвией, свинопасъ богоравный:

Нъть, ни за въсти свои ты отъ насъ не получишь награды. Добрый мой гость, ни сюда Одиссей не придеть; успокойся жъ. Пей и начнемъ говорить о другомъ; мнф и слышать объ этомъ Тяжко; и сердце всегда обливается кровью, когда мив Кто здёсь хоть словомъ напомнить о добромъ моемъ господинъ. Также и клятвы давать не трудись: возвратится ли, ивть ли Къ намъ господинъ мой, какъ все бы желали мы-я, Пенелопа, Старецъ Лаэртъ и подобный богамъ Телемакъ-но о сынъ Бол'т теперь, чемъ о славномъ, родившемъ его, Одиссет, Я сокрушаюсь: какъ вътвь молодая, воспитанъ богами Вылъ онъ; я мнилъ, что со временемъ, мужеской силы достигнувъ, Будетъ подобно отду онъ прекрасенъ и видомъ и станомъ -Знать, непріязненный демонъ какой иль враждующій смертный Разумъ его помутплъ: чтобъ узнать объ отцъ отдаленномъ, Въ Пилосъ божественный поилылъ онъ; здёсь же, укрывшись въ засадъ, Ждуть женихи, чтобъ, его умертвивъ на возвратной дорогъ, Въ немъ и потомство Аркезія все уничтожить въ Итакъ. Мы же, однако, оставимъ его-попадется дь имъ въ руки Онъ, избъжить ли ихъ козней, спасенный Зевесомъ-теперь ты Мит разскажи, что съ тобой и худаго и добраго было Въ свътъ? Скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину въдать: Кто ты? Какого ты племени? Гдв ты живешь? Кто отецъ твой? Кто твоя мать? На какомъ кораблѣ и какою дорогой Прибыль въ Итаку? Кто были твои корабельщики? Въ край нашъ (Это, конечно, я знаю и самь) не пъшкомъ же пришелъ ты. Кончиль. Ему, отв'вчая, сказаль Одиссей хитроумный: Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину въдать. Если бъ мы оба съ тобой запаслися на долгое время Пищей и сладкимъ интьемъ, и глазъ на глазъ осталися двое Здъсь пировать на просторъ, отправивъ другихъ на работу, То и тогда, ежедневно разсказъ продолжая, едва ли Въ годъ бы я кончилъ печальную повъсть о многихъ напастяхъ. Мной протерпънныхъ съ трудомъ несказаннымъ по волъ безсмертныхъ. Славлюсь я быть уроженцемъ шпрокоравниннаго Крита; Сынъ я богатаго мужа; и вмъстъ со мною другихъ онъ Многихъ имълъ сыновей, имъ рожденныхъ и выросшихъ дома. Онъ же отъ всёхъ обигателей Крита, какъ богъ, уважаемъ Выль за богатство, за власть и за доблесть сыновъ многославныхъ; Но, приносящія смерть, безпощадно-могучія Керы Въ область Анда его увели; сыновья же, богатства Вст раздъливъ межъ собою по жеребью, дали мит самый Малый участокъ, и домъ небольшой для житья; за меня же Вышла богатыхъ родителей дочь; предпочтенъ быль другимъ я Всѣмъ женихамъ за великую доблесть; на многое годный, Выль я п въ дълъ военномъ не робокъ... но все миновалось; Я лишь солома теперь, по соломъ, однако, и прежній Колось легко распознаешь ты; нын'ть жъ я б'тдный бродяга. Съ мужествомъ бодрымъ Арей и богиня Авина вселили Ми'я боелюбіе въ сердце; не разъ выходиль я, созвавши Самыхъ отваживнияхъ, противъ враговъ злонамвренныхъ, въ битву. Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце; Первый, напротивъ, всегда выбъгалъ я съ копьемъ, чтобъ настигнуть Въ полъ противника, миъ уступавшаго ногъ быстротою; Смелый въ бою, полевого труда не любиль и, ни тихой Жизни домашней, гдт милымъ мы дътимъ даемъ воспитанье;

Островесельные мит корабли привлекательный были; Вой и крылатыя стрёлы и медноблестящія копья Грозные, въ трепетъ великій и въ страхъ приводящіе многихъ, Были по сердцу мив-боги любовь къ нимь вложили мив въ сердце; Люди не сходны: тв любять одно, а другіе-другос. Прежде, чъмъ въ Трою пошло броненосное племя ахеянъ, Девять я разъ въ кораблѣ быстроходномъ съ отважной дружиной Противъ людей иноземныхъ ходилъ-и была памъ удача: Лучшее браль я себъ изъ добычъ, и по жеребью также Много на часть мит досталось; свое увеличивъ богатство, Сталъ я могучъ и почтенъ межъ народами Крита; когда же Грозно гремящій Зевесъ учредиль роковой для ахеянъ Путь, сокрушившій кольна столь многихь мужей знаменитыхь, Съ Идоменеемъ, царемъ многославнымъ, отъ Критянъ былъ избранъ Я съ кораблями пдти къ Иліону; и было отречься Намъ невозможно: мы властью народа окованы былп. Девять тамъ лътъ воевали упорно мы, чада ахеянъ: Но на десятый, когда, ниспровергнувъ Пріамовъ великій Градъ, мы къ своимъ кораблямъ возвратилися, богъ разлучилъ насъ. Мяж, злополучному, бъдствія многія Зевсъ приготовиль. Прит мрсит проветь и се третии и се женою ве селейноме Дом'ь, великимъ богатствомъ моимъ веселясь; напоследокъ Сильно въ Египетъ меня устремило желаніе, выбравъ Смелыхъ товарищей, я корабли изготовилъ; мы девять Ихъ тамъ оснастили новыхъ: когда жъ въ корабли собралися Водрые спутники, целыхъ шесть дней до отплытія все мы Тамъ ппровали; я много заръзалъ быковъ и барановъ Въ жертву богамъ, на роскошное людимъ монмъ угощенье; Но на седьмой день, покинувши Крить, мы въ открытое море Вышли, и съ быстропопутнымъ, произительно-хладнымъ Бореемъ Плыли, какъ-будто по стремю, легко; и ничемъ ни одинъ нашъ Не быль корабль повреждень; насъ здоровыхъ, веселыхъ и бодрыхъ, По морю мчали опи, повинуясь кормилу и вътру. Дней черезъ пять мы къ водамъ свътлоструйнымъ потока Египта Прибыли; въ лонъ потока легкоповоротные наши Всв корабли утвердивъ, я велелъ, чтобъ отборные люди Тамъ, на морскомъ берегу сторожить ихъ остались: другимъ же Налъ приказание съ ближнихъ высотъ обозръть всю окрестность. Вдругъ загорълось въ нихъ дикое буйство, они, обезумъвъ, Грабить поля плодоносныя жителей мирныхъ Египта Бросплись, начали женъ похищать и дътей малолътныхъ, Звърски мужей убивая. Тревога до жителей града Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася Рать колесницами, пѣшими, яркою мѣдью оружій Поле кругомъ закипъло; Зевесъ, веселящійся громомъ, Въ жалкое бъгство моихъ обратилъ, отразить ни единый Силы врага не посм'яль и отвсюду насъ смерть окружила; Многихъ тогда изъ товарищей медь умертвила, и многихъ Пленныхъ насильственно въ градъ увлекли на печальное рабство. Я благовременно былъ вразумленъ всемогущимъ Зевесомъ. (0! для чего избъжалъ я судьбины и върной не встрътилъ Смерти въ Египть! мнъ злъе бъды приготовиль Кроніонъ). Снявъ съ головы драгоденно-украшенный, кожаный пілемъ мой, Щить мой сложивши съ плеча и копье медно-острое бросивъ, ч подбъжалъ къ колесницъ царя и съ молитвой колъпа

Обняль его: онь меня не отвергнуль; но, сжалясь, съ нимъ рядомъ Състь въ колесницу велълъ мнъ, ліющему слезы, и въ домъ свой Царской со мной удалился—а съ копьями следомъ за нами Много бъжало ихъ, смертію мнъ угрожавшихъ: избавленъ Былъ я отъ смерти царемъ-онъ во гићвъ привести гостелюбна Зевса, карателя строгаго дель злочестивыхь, страшился. Целыхъ семь леть и провель вы стороне той и много богатства Всякаго собраль: Египтяне щедро меня одарили: Годъ напоследокъ осьмой приведенъ былъ временъ обращеньемъ; Прибыль въ Египеть тогда Финикіець, обманщикь коварный, Злой кознодей, отъ котораго много людей пострадало; Опъ, увлекательной ръчью меня обольстивъ, Финикію, Где и поместье и домъ онъ имель, убедиль посетить съ нимъ: Тамъ и гостилъ у него до скончанія года. Когда же Дни протекли, миновалися мъсяцы, полнаго года Кругъ совершился и Оры весну привели молодую, Въ Ливію съ нимъ въ кораблів, облетателів моря, меня опъ Плыть пригласиять, говоря, что товаръ свой тамъ выгодно сбудемъ: Самъ же, напротивъ, меня, не товаръ нашъ, продать тамъ замыслилъ: Съ нимъ и пофхалъ я, противъ желанья, добра не предвидя. Мы съ благосклонно-попутнымъ, произптельно-хладнымъ Бореемъ Плыли: ужъ Крить быль за нами... но Дій намъ готовиль погибель: Островъ изъ нашихъ ечей въ отдалены пропалъ, и исчезла Всюду земля и лишь небо, съ водами сліянное, зр'влось: Вогь громовержецъ Кроніонъ тяжелую, темную тучу Прямо надъ нашимъ стустиль кораблемъ и подъ нимъ потемнъло Море: и вдругъ, заблиставъ, онъ съ небесъ на корабль громовую Бросилъ стрѣлу; закружилось произенное судно и дымомъ Сървымъ его обхватило: всъ разомъ товарищи были Сброшены въ воду и већ, какъ ворбны морскія, разсіялись, Въ шумной исчезли пучинъ-возврата лишилъ ихъ Кроніонъ Всіль: лишь, объятаго горемъ великимъ, меня надоумилъ Вб-время онъ корабля остроносаго мачту руками Въ бурной тревогъ схватить, чтобъ погибели върной избъгнуть; Вътрамъ губящимъ во власть отдался я, привязанный къ мачть. Девять носившися дней по волнамъ, на десятый, съ наставшей Ночью, ко брегу Өеспротовъ высокобъгущей волною Быль принесенъ и; Федонъ, благомыслящій царь пхъ, безъ платы Долго меня у себя угощаль, поелику я милымъ Сыномъ его былъ, терзаемый голодомъ, встръченъ и въ царскій Домъ приведенъ: на его я, покуда мы шли, опирался Руку: когда же пришли мы, онъ далъ мив хитонъ и хламиду. Тамъ я впервые узналъ о судьбъ Одиссея; сказалъ мнъ Царь, что гостиль у него онь, въ отчизну свою возвращаясь; Мив и богатство, какое скопиль Одиссей, показаль онъ: Золото, м'єдь и жел'єзную утварь чудесной работы: Даже и внукамъ въ десятомъ кол'єн'є достанется много-Столько сокровниль Одиссей царю въ сохраненье оставилъ: Самъ же пошель, мив сказали, въ Додону затвиъ, чтобъ оракулъ Темно-сънистаго Діева дуба его научиль тамъ, Какъ, по отсутствін долгомъ-открыто ли, тайно ли-въ землю Тучной Итаки ему возвратиться удобиве будеть? Мив самому совершивъ возліяніе въ домв, поклялся Царь, что и быстрый корабль ужъ устроенъ и собраны люди Въ милую землю отцовъ проводить Одиссея; меня же

Онъ напередъ отослалъ, поелику корабль приготовленъ Быль для Феспротовъ, въ Дулихій, богатый ишеницею, шедшихъ: Онъ повелель, чтобъ къ Ликасту царю безопасно я ими Выль отвезень. Но они влонамъреннымъ сердцемъ иное Дело замыслили, въ бедствіе ввергнуть меня сговорившись. Только отъ брега Өсспротовъ корабль отошелъ мореходный, Часъ наступилъ, мев назначенный ими для жалкаго рабства. Силой сорвавши съ меня и хитонъ и хламиду, они миъ Вижето ихъ общное рубище дали съ нечистой рубашкой. Въ жалкихъ лохмотьяхъ, какъ можешь своими глазами ты видеть Вечеромъ прибыли мы къ берегамъ многогорной Итаки. Туть сь корабля крыпкозданнаго-прежде веревкою, плотно Свитою, руки и ноги связавъ мит-вст на берегъ вмтстт Вышли, чтобъ, сввъ на сыпучемъ пескъ, тамъ поужинать сладко. Я же отъ тягостныхъ узъ былъ самими богами избавленъ. Голову платьемъ, изорваннымъ въ тряпки, свою обернувши, Вережно съ судна я къ морю, скользя по кормилу, спустился; Бросясь въ него, я поспѣшно, объими правя руками, Поплыль и силы свои напрягаль, чтобъ скорве изъ глазъ ихъ Скрыться, въ кустарникъ, густо покрытомъ цвътами, лежалъ я, Клубомъ свернувшись; они жъ въ безполезномъ исканіи съ крикомъ Въгали мимо меня: напослъдокъ, нашедъ неудобнымъ Пол'т напрасно бродить, возвратились назадъ и, собравшись Всь на корабль свой, пустилися въ путь; такъ самими богами Былъ я спасенъ, и они же меня проводили въ жилище Многоразумнаго мужа: еще не судьба умереть мнв. Страннику такъ отвъчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный: Бѣдный скиталецъ, все сердце мое возмутилъ ты разсказомъ Многихъ твоихъ приключеній, печалей и странствій далекихъ. Только одно не въ порядкъ: зачъмъ о царъ Одиссеъ Ты помянуль? И зачемъ такъ на старости леть безполезно На вътеръ лжешь? По несчастью, я слишкомъ увъренъ, что мив ужъ Здесь не видать моего господина; жестоко богами Выль онь преследуемь; если бъ онь въ Трое погибъ на сражены, Иль у друзей на рукахъ, перенесши войну, здъсь скончался, Холмъ гробовой бы надъ нимъ былъ насыпанъ ахейскимъ народомъ, Сыну бъ великую славу на всъ времена онъ оставилъ... Нынъ же Гарпін взяли его и безвъстно пропаль онъ. Я же при стадъ живу здъсь печальнымъ пустынникомъ; въ городъ Къ нимъ не хожу я, какъ развъ когда Певелоной бываю Призванъ, чтобъ въсть отъ какого пришельца услышать; они же Гостя вопросами жадно, усъвшись кругомъ, осыпають Всь-какъ и тъ, кто о немъ, о возлюбленномъ, искренно плачутъ, Такъ и вст тъ, кто его здъсь имущество грабять безъ платы. Я жъ не терплю ни въстей, ни разспросовъ о немъ безполезныхъ Съ техъ поръ, какъ быль здесь обмануть бродягой Этольскимъ, который, Казни стращась за убійство, повсюду скитался и въ домъ мой Случаемъ быль заведенъ; я его съ уважениемъ принялъ; "Видель я въ Крите, въ даревомъ дворце, Одиссея, сказаль онъ: "Тамъ исправлялъ онъ свои корабли, потериввшие въ бурю "Автомъ иль осенью (такъ говорилъ Одиссей мив), въ Итаку "Я и товарищи будемъ съ несмътно-великимъ богатствомъ". Ты же, старикъ, испытавшій столь много, намъ посланный Діемъ, Васнею мнъ угодить, иль меня успоконть не думай; мной не за это уважень, не тымь мив любезень ты будешь-

Нътъ! я Зевеса страшусь гостелюбца и самъ ты мнъ жалокъ. Кончилъ. Ему отвъчая, сказалъ Одиссей хитроумный: Подлинно, слишкомъ ужъ ты недовърчивъ, мой добрый хозяинъ, Если и клятва моя не вселяеть въ тебя убъжденья; Можемъ, однако, мы сдълать съ тобой уговоръ, и пускай намъ Будуть обонмъ поруками боги, владыки Олимпа: Если домой возвратится, какъ я говорю, господинъ твой — Давъ миъ хвтонъ и хламиду, меня ты въ Дулихій, который Сердцемъ такъ жажду увидъть, отсюда отправинь; когда же. Мив вопреки, господпив твой домой не воротится-всехъ ты Слугъ соберешь и съ утеса визвергиешь меня, чтобъ впередъ вамъ Басенъ нел'єпыхъ не см'єли разсказывать зд'єсь побродяги. Страннику такъ, отвъчая, сказалъ свиноцасъ богоравный: Другь, похвалу бъ повсемъстную, имя бы славное нажилъ Я межь людьми и теперь и въ грядущее время, когда бы, Въ домъ свой принявши тебя и тебя угостивъ, какъ прилично. Жизнь дорогую твоимъ беззаконнымъ убійствомъ похитиль: Съ сердцемъ веселымъ Кроніону могь бы тогда я молиться. Время, однако, намъ ужинать; скоро воротятся люди Съ паствы-тогда и желанную вечерю здъсь мы устрониъ. Такъ говорили о многомъ они, собесъдуя сладко. Скоро съ стадами своими пришли пастухи свиноводы, Стали они на ночлегъ ихъ свиней загонять, и съ ужаснымъ Визгомъ и хрюканьемъ свиньи, спираясь, ломились въ закуты. Туть пастухамь подчиненнымь сказаль свинопась богоравный: Лучшую выбрать свинью, чтобъ, заръзавъ ее, дорогого Гостя попотчевать, съ нимъ и самимъ насладиться бдою; Много тяжелыхъ заботь намъ отъ нашихъ свиней свътлозубыхъ: Плодъ же тяжелыхъ заботъ пожирають безъ платы другіе. Такъ говоря, топоромъ разрубаль онъ большія поліна; Т'ь же, свивью пятильтнюю, жирную взявь, и вогнавши Въ горинцу, съ ней подошли къ очагу: свинопасъ богоравный (Сердцемъ онъ набоженъ былъ) напередъ о безсмертныхъ подумалъ: Шерсти щепотку сорвавъ съ головы у свиньи свътлозубой, Бросиль ее онъ въ огопь; и потомъ, встхъ боговъ призывая, Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея. Туть онъ ударилъ свинью сбереженнымъ отъ рубки поленомъ; Замертво пала она, и ее опалили, доржзавъ, Тотчасъ другіе, разс'якли на части п первый изъ каждой Части кусокъ, отложенный на жиръ для боговъ, былъ Эвмесмъ Врошенъ въ огонь, пересыпанный ячной мукой; остальныя жъ Части, на острые вертелы вздівь, на огні осторожно Начали жарить, дожаривъ же, съ вертеловъ сияли и кучей Все на подносныя доски сложили. И поровну началь Пищею всъхъ одълять свинопасъ: онъ приличіе въдаль. На семь частей предложенное все разделивь, онь назначиль Первую Нимфамъ и Эрмію, Манну сыну-вторую; Прочія жъ каждому, какъ кто сиделъ, паблюдая порядокъ, Роздалъ, но лучшей, хребтовою частью свины острозубой Гости почтиль; и вниманьемъ такимъ несказанно довольный, Голосъ возвысивъ, сказалъ Одисеей хитроумный: да будеть Столь же, Эвмей, и къ теб' многомилостивъ в чный Кропіонъ, Сколь ты ко мив, спротв-старику, быль привътливъ и ласковъ. Страннику такъ отв'вчалъ ты, Эвмей, сыинопасъ богоравный: Ъшь на здоровье, таниственный гость мой, и нашимъ доволенъ

Будь угощеньемъ; одно намъ даруетъ, другого лишаетъ

Насъ своенравный въ дъяньяхъ Кроніонъ; ему все возможно. Съ сими словами онъ первый кусокъ отделивши безсмертнымъ Въ жертву, пурцурнымъ наполненный кубокъ виномъ Одиссею, Градорушителю, подалъ: тотъ сълъ за приборъ свой: и мягкихъ Хлѣбовъ принесъ имъ Мезавлій, который въ ть дни, какъ отсутственъ Вылъ Одиссей, свинопасомъ самимъ для домашней прислуги Быль безь согласья царицы, безь ведома старца Лаэрта, Купленъ на деньги свои у Тафійскихъ купцовъ мореходныхъ. Подняли руки они къ приготовленной лакомой пищъ. Послѣ жъ, когда насладились довольно питьемъ и ѣдою, Хлѣбъ со стола былъ проворнымъ Мезавліемъ сиять: а другіе, Сытые хлабомъ и мясомъ, на ложе ко сну обратились. Мрачно-безлупна была наступившая ночь, и Зевесовъ Ливень холодный шумълъ и Зефиръ бушевалъ дожденосный. Началь тогда говорить Одиссей (онъ хотълъ, чтобъ хозяинъ Лаль ему мантію, или свою, иль съ кого изъ другихъ имъ Снятую, пбо о немъ онъ съ великимъ радушіемъ пекся): Слушай, Эвмей, и послушайте всв вы: хочу передъ вами Дъломъ одиниъ я похвастать—вино мит языкъ развязало: Спла вина несказанна: оно и умивищаго громко Пъть и безмърно смънться и даже илясать заставляеть; Часто внушаетъ и слово такое, которое лучше бъ Было сберечь про себя. Но и началь, и должень докончить. 0! когда бъ я былъ молодъ, какъ прежде, и силой такой же Полонъ, какъ въ Тров, когда мы въ засадъ однажды сидъли! Были вождями у насъ Одиссей съ Менелаемъ, и съ ними Третій быль я, къ нимь приставшій, покорствуя изъ приглашенью; Къ твердовысокимъ ствнамъ многославнаго града пришедши, Всь мы отъ нихъ недалеко въ кустарникъ, сросшемся густо, Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали Тихо. Была непріязненна ночь, прилетель полуночный Вътеръ съ морозомъ и сыпался шумно-холодной мятелью Снъгъ, и щиты хрусталемъ отъ мороза подернулись тонкимъ. Теплыя мантін были у всіхъ и хитоны: и спали, Имп одъвшись, спокойно они подъ своими щитами: Я жъ, безразсудный, товарищу мантію отдаль, собравшись Въ путь не подумавъ, что ночью дрожать отъ мороза придется: Взялъ со щитомъ я лишь поясъ одинъ мой блестящій; когда же Треть совершилася ночи и звъзды склонилися съ неба, Такъ я сказалъ Одиссею, со мною лежавшему рядомъ, Локтемъ его подтолкнувъ (во мгновенье онъ понялъ, въ чемъ дъло): О Лаэртидь, многохитростный мужь, Одиссей благородный, Смертная стужа; порывистый вътеръ и сиъгъ хладоносный Мн'в нестериимы: я мантію бросиль; хитонъ лишь злой демонъ Взять надоумиль меня: никакого нътъ средства согръться. Такъ я сказалъ. И недолго онъ думалъ, что дълать: онъ первый Выль завсегда и на умный совъть и на храброе дъло. Шопотомъ на ухо мив отвечаль онъ: молчи, чтобъ не могъ насъ Кто изъ эхеянъ товарищей нашихъ, здесь спящихъ, подслушать. Такъ отвъчавъ мнъ, привсталъ онъ и, голову локтемъ подперши, Братья, сказаль: мив приснился божественный сонь; мы далёко, Слишкомъ далёко отъ нашихъ зашли кораблей; не пойдеть ли Кто къ Агамемнону, пастырю многихъ народовъ, Атриду, Съ просьбой, чтобъ въ помощь людей намъ прислать съ кораблей не замедлилъ. Такъ онъ сказалъ. Поднялся, пробудившись, Осасъ Андремонидъ; Сбросивъ для легкости съ плечъ пурпуровую мантію, быстро Онъ побъжалъ къ кораблямъ; я жъ, оставленнымъ платьемъ одъвшись, Сладко проспалъ до явленія златопрестольной денняцы. 0! для чего я не младъ и не силенъ, какъ въ прежніе годы! Върно тогда бы и мантію дали твои свинопасы Мнъ-пзъ пріязни ль, могучаго ль мужа во мнъ уважая. Нына жъ кто хилаго нищаго въ рубища бъдномъ уважить? Страннику такъ отв'вчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный: Подлинно чудною повъстью насъ ты, мой гость, позабавиль; Нътъ ничего неприличнаго въ ней и на пользу разсказъ тво ч Будеть: ни въ платьт ты здъсь и ни въ чемъ, для молящаге много Въдъ испытавтаго странника, нужномъ, отказа не встрътнить; Завтра, однако, въ свое ты одънешься рубище снова; Мантій у насъ зд'ясь запасныхъ не водится, мы не богаты Платьемъ; у каждаго только одно; онъ его до износа Съ плечъ не скидаетъ. Когда же возлюбленный сынъ Одиссеевъ Будеть домой, онъ и мантію дасть и хитонъ, чтобъ одіться Могъ ты, п въ, сердцемъ желанную, землю имъ будеть отправленъ. Кончивъ, овъ всталъ и, пошедъ, близъ огня приготовилъ постелю Гостю, накрывши овчиной ее и косматою козьей Шкурою; легъ Одиссеей на постель; на него онъ набросилъ Теплую, толсто-сотканную мантію, ею жъ во время Зпиней, бушующей дико мятели онъ и самъ од вался, Скоро на ложе покойное легь Одиссей; и другіе Вст пастухи улеглися кругомъ. Но Эвмей, разлучиться Съ стадомъ свиней опасаясь, не легъ, не заспулъ; Овъ, поспішно взявши оружіе, въ поле итти изготовился. Видя, Какъ онъ ему и далекому въренъ, въ душт веселился Тъмъ Одиссей. Свинопасъ же, на кръпкія плечи повъсивъ Мечъ свой, оделся косматой, отъ ветра защитной, широкой Мантіей, голову шкурой козы длинношерстной окугалъ, Послъ копье на собакъ и навстръчу съ ночнымъ побродягой Взялъ п въ то мъсто пошелъ ночевать, гдъ клычистыя свины Спали подъ сводомъ скалы, недоступнымъ дыханью Ворея.

ПЪСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

солержание пятнадцатой пъсни.

Тридцать-патый и тупдцаль-шестой день. Утро тридцать-седьмого. Аеина, явяся во сив Телемаку, побуждаеть его возвратиться въ отечество. Оларенный щедро Менелаемъ и Еленою, опъ покидаетъ вмъстъ съ Пивистратомъ Лакедемонъ. Ночлегъ у Дюклеса. На другой день, миновавъ Пилосъ, Телемакъ садится на корабль, беретъ съ собою Өеоклимена и пускается въ море. Тъмъ времевъ Одиссей объявляетъ Эвмею, что онъ намъренъ итти въ городъ просить подаянія и вступить въ службукъ женихамъ. Эвмей его удерживаетъ у себя и совътуетъ ему дождаться возвращенія Телемакова. По просьбъ Одиссея опъ разсказываетъ ему о его отцъ и о его матери, наконецъ, и о томъ, что съ нимъ самимъ въ жизни случалось. Телемакъ, прибывши рано поутру къ берегамъ Итаки посылаетъ корабль свой въ городъ, а самъ идетъ къ Эвмею.

Тою порой Лакедемонъ шпрокоравнинный достигла Зевсова дочь, чтобъ Лаэртова внука, ему объ Итак'в Милой напомня, понудить скоръй возвратиться въ отцовскій Домъ; и она тамъ нашла Телемака съ возлюбленнымъ сыномъ Нестора, спящихъ въ съняхъ Менелаева славнаго дома. Сладостнымъ сномъ побъжденный, лежалъ Пизистратъ неподвижно.

Полонъ тревоги былъ сопъ Одиссеева сына: во мракъ Ночя божественной онъ объ отце номышляль и крушился. Влизко къ нему подошедши, богиня Аоина сказала: Сынъ Одиссеевъ, напрасно такъ долго въ чужой сторонъ ты Медлишь, насл'єдье отца благороднаго бросивъ на жертву Дерзкихъ грабителей, жрущихъ твое безпощадно; расхитятъ Все, и безъ пользы останется путь, совершонный тобою. Встань; пусть пемедля отъбадъ Менелай, вызыватель въ сраженье, Вамъ учредить, чтобъ еще безъ порока застать Пенелопу Могъ ты: ее и отепъ ужъ и братья вступить понуждаютъ Въ бракъ съ Эвримахомъ; числомъ и богатствомъ подарковъ онъ прочихъ Всъхъ жениховъ превзощелъ, и приноситъ дары безпрестапно. Могуть легко и твое тамъ похитить добро: ты довольно Знаешь, какъ женщина сердцемъ изм'янчива: въ повый вступая Бракъ, лишь для новаго мужа она помышляеть устропть Домъ, но о дътяхъ отъ нерваго брака, о прежнемъ умершемъ Мужъ не думаеть, даже и словомъ его не помянеть. Въ домъ возвратяся, тамъ все, что твое, поручи особливо Самой надежной изъ вашихъ рабынь, чтобъ хранила, покуда Боги тебф самому не укажуть достойной супруги, Слушай теперь, что скажу, и замъть про себя, что услышишь. Выбравъ отважнъйшихъ въ шайкъ своей, жевихи имъ велъли, Между Итакой и Замомъ крутымъ притаяся въ засадъ, Злую погибель теб'в на возвратномъ пути приготовить. Я же того не дозволю; и прежде могила поглотитъ Многихъ изъ нихъ, беззаконно твое достоянье губящихъ; Ты жъ, съ кораблемъ отъ обоихъ держась острововъ въ отдаленыи Мимо ихъ ночью пройди; благов'яющій візгеръ попутный Вогь благосклонный, тебя берегущій, пошлеть за тобою. Но, подошедъ къ каменисто-высокому брегу Итаки, Въ городъ со всеми людьми отпусти свой корабль быстроходный; Самъ же останься на брегь и послъ поди къ свинопасу, Главному тамъ надъ свиными стадами смотрителю; върный Твой онъ слуга; у него ты ночуеть; его же съ извъстьемъ Въ городъ пошлешь къ Пенелоп'я разумной, дабы объявилъ ей Онъ, что въ отчизну изъ Пилоса ты невредниъ возвратился. Кончивъ, богиви Паллада на свътный Олимпъ возвратилась. Туть оть покойнаго сна пробудиль Телемавъ Пизистрата, Пяткой толкнувши его и сказавши ему: пробудися, Несторовъ сынъ, Пизистратъ; и коней громкозвучно-копытныхъ Въ нашу скоръе впряги колесницу; въ дорогу пора намъ. Несторовъ сынъ благородный отвътствовалъ такъ Телемаку: Сынь Одиссеевь, хотя и спъшишь ты отъжздомь, но въ путь намъ Темною ночью пускаться не должно; разсв'ъть недалеко. Должно при томъ подождать, чтобъ Атридъ благородный метатель Славный конья, Менелай, положивъ въ колесинцу подарки Мив и тебе, отпустиль насъ съ прощельнымъ приветливымъ словомъ: Сладостно гостю, простившись съ хозяпномъ дома, о нежной Ласкъ, съ какою онъ былъ угощенъ, вспоминать сжедневно. Такъ онъ сказалъ. Возсіяла съ небесъ златотронная Эосъ. Къ пимъ тутъ пришелъ Менелай, вызыватель въ сраженье. Сынъ Одиссеевъ, его подходищаго вида, посибино Тело блестящее чистымъ хитономъ облекъ и широкой Мантіей крівнкія илечи, герой многославный, украсиль; Встретивъ въ дверяхъ Менелая и ставиш съ нимъ ридомъ, сказалъ онъ,

Сынъ Одиссеевъ, подобный богамъ Телемакъ благородный. Царь многославный, Атридъ, богоизбранный настырь народовъ, Въ мплую землю отцовъ мне теперь возвратиться позволь ты; Сердце мое несказанно по дом'в семейномъ тоскуеть. Кончилъ. Езу отвъчалъ Менелай, вызыватель въ сраженье: Сынъ Одиссеевъ, тебя здёсь удерживать боле не буду, Если такъ сильно домой ты желаещь. И самъ не одобрю Я гостелюбца, который безмарною лаской безмарно Людямъ скучаетъ: во всемъ наблюдать намъ умфренность должно: Худо, если мы гостя, который хотель бы остаться, Нудимъ въ дорогу, а гостя въ дорогу спъшащаго, держимъ: Вудь съ остающимся ласковъ, приветно простись съ уходящимъ. Но подожди, Телемакъ, чтобъ въ твою колесницу подарки Я уложиль, ихъ теб'в показавъ, и чтобъ такъ же рабынъ Сытный вамъ завтракъ велъль на отъездъ во дворце приготовить: Честь, похвала и услада хозянну, если гостей онъ, Бдущихъ въ дальную землю, насыщенныхъ въ путь, отпускаеть. Если жъ ты хочешь Аргосъ посътить и объехать Элладу-Самъ я тебъ проводникъ; дай коней лишь запрячь въ колесницу; Многихъ людей города покажу к; никто не откажетъ Намъ въ угощеньи, вездъ и подарокъ обычный получимъ: Иль дорогой м'яднолитый треножникъ, иль чашу, иль кринкихъ Муловъ чету, пль сосудъ золотой двоеручный. Атриду Такъ, отвъчая, сказалъ разсудительный сывъ Одассеевъ: Царь многославный, Атридъ, богоизбранный настырь народовъ, Должно прямымъ мит скорти возвратиться путемъ, — безъ надзора Домъ и богатетва мои, отправлияся въ путь, я оставилъ; Можеть, пока за отцомь я божественнымъ буду скитаться, Тамъ приключится бъда, иль украдется что дорогое. Царь Менелай, вызыватель въ сраженье, при этомъ отв'ять, Тотчасъ Еленъ, супрусъ своей, и домашнимъ рабынямъ Завтракъ велъль для гостей на отъъздъ во дворцъ приготовить. Влизко къ Атриду тогда подошель Этеонъ, сынъ Воэтовъ, Только что вставшій съ постели: онъ жиль отъ царя недалеко. Царь повельлъ Этеону огонь разложить и немедля Мяса изжарить: и тоть повельные съ покорностью принялъ. Самъ же въ чертогъ кладовой благовонный сощелъ по ступенямъ Царь, не одинъ, но съ Еленой и съ сыномъ своимъ Меганендомъ; Вшедь въ благовонный чертогь кладовой, гдв хранились богатотва, Выбраль Атридь тамь двуярусный кубокь, потомь Мегапенду Сыну кратеру велель сребролитную взять; а Елена Къ темъ подошла запертымъ на замокъ сундукамъ, где лежало Множество пестрыхъ, узорчатыхъ платьевъ ея рукод'ялья. Стала Елена, богиня межъ смертными, пестрыя платья Вст разбирать, и шитьемъ богаттышее, блескомъ какъ солнце Яркое, выбрала: было оно тамъ на самомъ исподъ Спрятано. Кончивъ, они по дворцу къ Телемаку навстръчу Вм'яст'я пошли; Менелай златовласый сказаль; благородный Сынъ Одиссеевъ, желанное сердцемъ твоимъ возвращенье Въ домъ твой тебъ да откроетъ супругъ громоогненной Иры! Я же изъ многихъ сокровищъ, которыми здъсь обладаю, Самое редкое выбраль тебе на прощальный подарокъ; Дамъ ппровую кратеру богатую; эта кратера Вся изъ сребра, но края золотые, искусной работы Вога Ифаста; се подариль мив Федимъ благородный,

Царь Сидонянъ, въ то время, когда, возвращаясь въ отчизну, Въ домъ его я гостилъ, и ее отъ меня ты получишь. Съ сими словами вручилъ Телемаку двупрусный кубокъ Сынъ благородный Атреевъ; кратеру работы Ифеста Подалъ, пришедши, ему Мегапендъ, Менелаевъ могучій Сынъ, сребролитную; світлообразная, съ пестрымъ пришедши Платьемъ, Елена, его подозвавши, сказала: одежду Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтобъ меня ты Помнилъ, чтобъ этой, мной спитой, одеждой на брачномъ веселомъ Пир'в нев'всту украсилъ свою; а дотоль пусть у милой Матери будеть храниться она; ты жъ теперь возвратися Съ сердцемъ веселымъ въ Итаку, въ отеческій домъ многославный. Кончивъ, одежду она подала; благодарно онъ принялъ. Тутъ осторожно дары уложилъ Пизистрать въ колесиичный Коробъ, съ большимъ удивленьемъ все порознь сперва осмотръвши. Всіхъ въ пировую налату повелъ Менелай златовласый; Тамъ помъстились они по порядку на креслахъ и стульяхъ. Тутъ принесла на лохани серебряной руки умыть имъ Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня; Гладкой потомъ пододвинула столъ; на него положила Хлівов домовитая ключница съ разнымъ събстнымъ, изъ запаса Выданнымъ ею охотно, чтобъ было для всехъ угощенье; Мясо на части разръзалъ и подалъ гостямъ сынъ Воэтовъ; Кубки златые наполиплъ виномъ Мегапендъ мнегославный; Подняли руки они къ приготовленной пищъ; когда же Быль удовольствовань голодь ихъ сладкимъ питьемъ и едою, Сынъ Одиссеевъ и Несторовъ сынъ, Пизистратъ, привязали Къ дышлу кеней и, въ богатую съвши свою колесиицу, Вызать въ ней со двора черезъ звонкій готовились портпкъ. Вышель за ними Атридъ Менелай златовласый, держащій Въ правой рукт драгоцинный, виномъ благовоннымъ налитый Кубокъ, чтобъ ихъ на дорогу почтить возліяньемъ прощальнымъ Сталъ впереди онъ копей и, вина отхлебнувши, воскликнулъ: Радуйтесь, дети, и Нестору, пестуну многихъ народовъ, Мой отвезите поклонъ; какъ отецъ былъ ко миз благосклоненъ Въ тъ времена онъ, когда мы сражалися въ Троъ, ахейцы. Сынъ Одиссеевъ возлюбленный такъ отвъчалъ Менелаю: Нестору все, что о немъ ты сказалъ намъ, Зевесовъ питомецъ. Мы перескажемъ, прибывши къ нему. 0! когда бъ, возвратися Въ домъ мой, въ Итаку, и и могъ отцу моему Одиссею Такъ же сказать, какъ любовно меня угощалъ ты, какъ много Разныхъ привезъ я сокровищъ, тобою въ подарокъ миъ данныхъ. Кончилъ. И въ это мгновенье справа орелъ темнокрылый Шумво поднялся, большого, домашняго, бълаго гуся Въ сильныхъ когтихъ со двора унеся; и толною вси двория Съ крикомъ бъжала за хищникомъ; онъ, подлетъвъ къ колесницъ, Мимо коней прошумълъ и ударился вправо. При этомъ Видъ, у всъхъ предвъщаниемъ радостнымъ сердце взыграло. Несторовъ сынъ, Пизистрать благородный, сказалъ Менелаю: Царь Менелай, повелитель людей, для кого, изъясим намъ, Знаменье это Кроніонъ послаль, для тебя ли, для насъ ли? Такъ онъ спросилъ; и, Арея любимецъ, задумался бодрый Царь Менелай, чтобъ отвъть несомпительный дать Пизистрату. Длиниопокровное слово его упредила Елена: Саушайте то, что скажу вамъ, что мив всемогущіе боги

Въ сердце вложили, и что, утверждаю я, сбудется върно. Такъ же, какъ этого бълаго гуся, вскормленнаго дома, Спльный похитиль орель, прилетивший съ горы, гдф родился Самъ и гдф вывель могучихъ орлять, такъ, скитавшійся долго, Въ домъ возвратясь, Одиссей отомстить; но, быть-можетъ, уже Дома; и смерть женихамъ неизбъжную въ мысляхъ готовить. Ей отвъчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ: Если то, Иры супругъ, громоносный Кроніонъ позволитъ, Буду, тебя поминая, теб'в я какъ къ богу молиться. Такъ отвъчавъ ей, онъ сильнымъ ударилъ ончомъ; понеслися Выстро по улицамъ города въ поле широкое кони, Цалый день мчалися копи, тряся колесничное дышло. Солице тымъ временемъ съло и всы потемиъли дороги. Путинки прибыли въ Феру, гд/в сынъ Орзилоха, Алфеемъ Свътлымъ рожденнаго, домъ свой имълъ Діоклесъ благородный; Давъ у себя имъ ночлегь, Діоклесъ угостилъ ихъ радушно. Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ. Путники, спова въ свою колесницу блестящую ставши, Выстро на ней со двора черезъ портикъ помчалися звонкій, Часто коней погоняя, и кони скакали охотно. Скоро достигли они до великаго Пилоса града. Сынъ Одиссеевъ сказалъ Пизистрату, къ нему обратяся: Можеть ли, Несторовъ сынъ, объщанье миъ дать, что исполнить Просьбу мою? Мы гостями другь другу считаемся съ давнихъ Леть по наследству любен оть отцовь; мы ровесники, этоть Путь, совершенный вдвоемъ, перазрывные дружбой связалъ насъ. Другъ, не минуй моего корабля; но позволь мив остаться Тамъ, чтобъ отецъ твой меня, въ изъявленье любви, не прицудилъ Въ дом'т промедлить своемъ — возвратиться безм'трно сп'тшу я. Такъ онъ сказалъ, Пизистратъ колебался разсудкомъ и сердцемъ, Думая, какъ бы свое объщанье псполнить; обдумавъ Все, напоследокъ уверплся онъ, что удобнее будетъ Звонкокопытныхъ коней обратить къ кораблю и къ морскому Врегу. Вступя на корабль, положиль на корм в онъ подарки: Золото, платье и все, чемъ Атридъ одарилъ Телемака. Посль, его понуждая, онъ бросиль крылатое слово: Медлить не должно; вст люди твои собрались; утажайте Прежде, пока, возвратяся домой, не успълъ обо всемъ я Старцу отцу разсказать; убъжденъ я разсудкомъ и сердцемъ, (Зная упрямство его), что тебя онъ не пустить, что самъ онъ Вел'ядь за тобой съ приглашеньемъ сюда приб'яжить, и отсюда, Върдо, одинъ не воротится, такъ онъ упорствовать будетъ. Кончивъ, бичомъ онъ погналъ длинногривыхъ коней и помчался Въ городъ шилійцевъ и славнаго города скоро достигнулъ. Къ спутнику тутъ обратяся, сказалъ Телемакъ благородный: Братья, скорфй корабля чернобокаго спасти устройте, Всь соберитесь потомъ на корабль, и отправимся въ путь свой. То повельніе было гребцами исполнено скоро; Всъ на корабль собралися и съли на лавкахъ у веселъ. Тою порой Телемакъ приносилъ на кормъ корабельной Жертву богинъ Палладъ; къ нему подощелъ, онъ увидълъ, Странникъ. Убійство свершивъ, онъ покинулъ Аргосъ п скитался; Вылъ прорицатель; породу же вель отъ Мелампа, который Некогда въ Пилосъ жилъ овцеводномъ. Въ росчошныхъ палатахъ Между пилійцень Меланив обиталь, отипчаясь

Вылъ онъ потомъ принужденъ убъжать изъ отчизны въ иную Землю, гонимый надменнымъ Нелеемъ, изъ смертныхъ сильнъйшимъ Мужемъ, который его всемъ богатствомъ, пока продолжался Кругъ годовой, обладалъ, между темъ, какъ въ Филаковомъ дом'в Въ тяжкихъ оковахъ, въ глубокой темищъ былъ жестоко мучимъ Онъ за Нелееву дочь, погруженный въ слепое безумство, Душу его омрачившее силою страшныхъ Эринній. Керы, однако, избъгнулъ и громкомычащихъ коровъ онъ Въ Пилосъ угналъ изъ Филакіи. Тамъ, отомстивши за злое Дъло герою Нелею, желанную къ брату родному Въ домъ проводилъ онъ супругу, потомъ удалился въ иную Землю, въ Аргосъ многоконный, гдф быль предназначенъ судьбою Жать, многочисленнымъ тамъ обладая народомъ аргивянъ. Въ бракъ тамъ вступивъ, поселился онъ въ пыщноустроенномъ домъ; Двухъ онъ им'яль сыновей: Антифата и Мантіи, славныхъ Сплой. Родилъ Антифатъ Опилея отважнаго. Сыномъ Былъ Опклеевымъ Амфіарей, волнователь народовъ, Милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны; Но до порога дней старыхъ ему не судили достигнуть Боги: онъ въ Опвахъ погибъ златолюбія женскаго жертвой. Были его сыновья: Алкмеонъ съ Амфилохомъ. Меламповъ Младшій сынъ Мантій родиль Полифейда пророка и Клита. Клита похитила, свътлой его красотою плъняся, Златопрестольная Эось, чтобъ быль онь причислень къ безсмертнымъ, Сплу пророчества гордому давъ Аполловъ Полифейду, Сделаль его знаменятымъ межъ смертныхъ, когда ужъ не стало Амфіарея; но онъ въ Гпперезію жить, раздраженный Противъ отца, перешелъ; и, живи тамъ, пророчилъ всемъ людямъ. Тотъ же страниякъ, котораго сынъ Одиссеевъ увидълъ, Выль Полифейдовъ сынь, называвшійся Феоклименомъ; Онъ Телемаку, Авинъ тогда приносившему жертву, Съ просьбой къ нему обратившися, бросиль крылатое слово: Другъ, я съ тобой, совершающимъ жертву, встръчаясь, твоею Жертвой тебя и твоимъ божествомъ и твоей головою, Гакже и жизнью сопутниковъ вървыхъ твоихъ умоляю: Мнъ на вопросъ отвъчай, пичего отъ меня не скрывая, Кто ты? Откуда? Какихъ ты родителей? Гдв обитаешь? Кончилъ. Ему отвъчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ: Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину въдать: Я изъ Итаки; отцомъ же моимъ Одиссей богоравный Некогда быль; но теперь онь погибелью горькой постигнуть; Спутниковъ върныхъ созвавъ, въ корабле чернобокомъ за нимъ и, Долго отсутственнымъ, странствую, въсти о немъ собпрая. Өеоклименъ богоравный отвътствоваль внуку Лаэрта: Странствую такъ же и я-знаменитый быль мною въ отчизнъ Мужъ умерщвленъ; въ многоконномъ Аргосъ онъ много оставилъ Сполниковъ ближнихъ и братьевъ, могучихъ въ народъ ахейскомъ; Гибель и мстящую Керу отъ нихъ опасаяся встрътить. Я убъжаль; межь людей безпріютно скитаться уділь мой. Ты жъ, умоляю богами, скитальца прими на корабль свой, Иначе будеть мив смерть: я преследуемъ сильно ихъ злобой. Кончилъ. Ему отвъчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ: Другъ, я тебя на корабль мой принять соглашаюсь охотно. Вдемъ; и въ домъ у насъ съ гостелюбіемъ будещь ты принять, Такъ онъ сказалъ, и, копье мъдноострое взявъ у пришельца,

Подлъ перилъ корабельныхъ его положилъ на помостъ. Самъ же, вступивъ на корабль, оплывающій темное море, Сълъ у кормы корабельной, съ собою тамъ състь пригласивши Өеоклимена. Гребцы той порой отвязали канаты, Водрыхъ гребцовъ возбуждая, велълъ Телемакъ имъ немедля Спасти убрать, и, ему повинуясь, сосновую мачту Подняли разомъ они и, глубоко въ гнъздо водрузивши, Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ натявули веревки: Бълый потомъ привязали ремнями плетеными парусъ; Туть светлоокая Зевсова дочь имъ послала попутный. Лоно эепра произающій, вітеръ, чтобъ темносоленой Вездною моря корабль ихъ бъжалъ, не встръчая преграды. Круво и Халкисъ они свътловодный уже миновали; Солнце темъ временемъ село, и все потемнели дороги. Феу корабль, провожаемый Зевсовымъ вътромъ, оставилъ Сзади, прошелъ и священную область Эпеянъ Элиду. Острые туть острова Телемакъ въ отдаленыи увиделъ. Плылъ онъ туда, размышляя, погибнеть ли тамъ, иль спасется.-Тою порой Одиссей съ свинопасомъ божественнымъ пищу Вли вечернюю, съ ними и всв пастухи вечеряли. Свой удовольствовавъ голодъ обильно-роскошной вдою, Такъ имъ сказалъ Одиссей (онъ хотелъ пепытать, благосклонно ль Сердце Эвмея къ нему, пригласить ли его онъ остаться Въ хижинъ съ нимъ, иль его отопилетъ непріязненно въ городъ): Слушай, мой добрый Эвмей, и послушайте всв вы; намеренъ Завтра поутру я въ городъ птти, чтобъ сбирать подаянье Тамъ отъ людей и чтобъ вашего хизба не зсть вамъ въ убытокъ. Дай мив, хозяниъ, совыть и вели, чтобъ дорогу мив въ городъ Кто указалъ. Я по улицамъ буду бродить, ужъ, конечно, Кто-нпбудь дасть мить вина пль краюшку мить вынесеть хліба; Въ домъ многославный царя Одиссея пришедши, скажу тамъ Людямъ, что добрыя въсти о немъ я принесъ Понелопъ. Также пойду и къ ея женихамъ многобуйнымъ; ужъ върно Мнъ, такъ роскошно пируя, они не откажутъ въ подачъ. Я же п самъ быть могу имъ на всякую службу пригоденъ; Въдать ты должевъ и выслушай то, что скажу: благодатенъ Эрмій ко мев быль, боговь благов'єстникь, который всемь смертнымь Людямъ успъхъ, красоту и великую славу даруетъ; Мало найдется такихъ, кто бъ со мною поспорилъ въ некусствъ Скоро огонь разводить, и сухіе дрова для варенья Пищи колоть, и вино подносить, и разр'язывать мясо, Словомъ, во всемъ, что обязанность низкихъ на служов у знатныхъ. Съ гитвомъ на то отвъчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный: Стыдно тебъ, чужеземецъ; какъ могъ ты такія дозволить Странныя мысли себъ? Ты своей головы не жалъешь, Въ городъ сбирансь итти къ женихамъ беззаконнымъ, которыхъ Вуйство, безстыдство и хищность дошли до жельзнаго неба: Тамъ, не тебъ, другъ, чета, имъ рабы подчиненные служать; Н'ьть! но проворные, въ платьяхъ богатыхъ, въ красивыхъ хитонахъ, Юноши, св'ятлокудрявые, каждый красавецъ-такіе Служать рабы имъ; и много на гладко-блестящихъ столахъ тамъ Хліба и мяса, и кубковъ съ виномъ благовоннымъ. Останьсн Лучше у насъ. Никому ты, конечно, межъ нами не будешь Въ тягость, ин мит, ин товарищамъ, вмъсть со мною живущимъ. После жъ, когда возвратится возлюбленный сывъ Одиссеевъ,

Ты отъ него и хитовъ и другую одежду получишь; Будешь выть также и въ сердцемъ желанную, землю отправленъ. Голосъ возвысивъ, ему отвъчалъ сынъ Лаэртовъ: да любитъ, Добрый хозяннъ, тебя и великій Зевесъ Олимпіецъ Столь же, какъ мнв ты, мою безпріютность призр'явъ, сталъ любезенъ. Нътъ ничего ненавистнъй бездомнаго странствія; тяжкой Мучить заботой во всякое время голодный желудокъ Ведныхъ, которымъ бродить суждено по землі безъ пріюта. Если же хочешь, чтобъ здёсь я его дождался, разскажи мнт Все, что о славной въ женахъ Одиссеевой матери знаешь, Все, что съ отцомъ, на порогъ оставленномъ старости, было-Если еще Геліосовымъ блескомъ они веселятся; Илп ужъ нътъ ихъ и оба они ужъ въ Андовомъ домъ? Сыну Лаэртову такъ отв'вчалъ свинопасъ богоравный: Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю пстину въдать: Живъ благородный Лаэртъ, но всечасно Зевеса онъ молитъ Дома, чтобъ душу его онъ исторгнулъ изъ дряхлаго тела; Горько онъ плачеть о долго-отсутственномъ сынъ, лишившись Многоразумной и сердцемъ избранной супруги, которой Смерть преждевременно въ дряхлость его погрузпла: о мпломъ Сынъ крушась неутъшно и сътуя, съ свътлою жизнью Рано разсталась она. Да не встрътить никто изъ любимыхъ Мною п мнв оказавшихъ любовь столь печальной кончины! Я же, покуда ея сокрушенная жизнь продолжалась, Въ городъ къ ней часто ходилъ, чтобъ ее навъстить, поелику Вылъ я въ ребячествъ съ дочерью доброй царицы, Клименой, Самою младшею между другими, воспитанъ; я съ нею Росъ и, почти какъ она, былъ любимъ въ ихъ семействъ; когди же Мы до желаннаго возраста младости зрѣлой достигли, Выдали замужъ въ Самосъ ее, взявъ большіе подарки. Вылъ награжденъ я красивой хламидой и новымъ хитономъ, Также для ногъ получилъ и сандаліи; послів царица Въ поле къ стадамъ отослала менл и со мной дружелюбиъй Прежняго стала. Но все мпновалось. Блаженные боги Щедро, однако, успъхомъ прилежный мой трудъ наградили; Имъ я корилюсь, да и добрыхъ людей угощать инъ возможно. Но отъ моей госпожи ничего ужъ веселаго нынф Мит не бываеть ни словомъ ни деломъ, съ техъ поръ, какъ вломились Въ домъ нашъ грабители: намъ же, рабамъ, пногда такъ утъшно Выло бъ ее навъстить, про себя ей все высказать, свъдать Все про нее, и, за парскимъ столомъ отобъдавъ, съ подачей Весело въ поле домой на вседневный свой трудъ возвратиться. Кончилъ. Ему отвъчая, сказалъ Одиссей хитроумный: Чудно! такъ въ дътствъ еще ты, Эвмей свинонасъ, изъ отчизны Въ землю далекую былъ увезенъ отъ родителей милыхъ? Все мит теперь разскажи, ничего отъ меня не скрывая: Городъ ли тотъ, населенный обильно людьии, былъ разрушенъ, Гав твой отепъ и твоя благородная мать находились, Или, оставшись у стада быковъ и барановъ одинъ, ты Схваченъ морскимъ былъ разбойникомъ; онъ же тебя здісь и продаль Мужу тому, отъ него дорогую потребовавъ цену? Другъ, отвъчалъ свинопасъ богоравный, людей повелитель, Если ты въдать желаешь, то все разскажу откровенно; Слушай, въ молчанін сладкодушистымъ виномъ утішаясь; Ночи теперь безконечны, есть время для сна, и довольно

Времени будеть для нашей радушной бесёды; не нужно Рано ложиться въ постелю намъ: сонъ неумъренный вреденъ. Всъ же другіе, кого побуждаетъ желанье, пусть идуть Спать, чтобъ при первыхъ лучахъ восходящей денняцы на паству Въ поле, позавтракавъ дома, съ господскими вытти свиньями: Мы на просторъ здъсь двое, виномъ и ъдой веселяся, Память минувиихъ печалей веселымъ о нихъ разговоромъ Въ сердцъ пробудимъ; о прошлыхъ бъдахъ поминаетъ охотно Мужъ, пспытавшій ихъ много, и долго бродившій на свъть. Я же о томъ, что желаешь ты знать, разскажу откровенно. Есть (въроятно, ты въдаешь) островъ, по имени Спра, Выше Ортигін, гдв повороть совершаеть свой солице: Опъ необильно людьми населенъ, но удобенъ для жизни, Тученъ, приволенъ стадамъ, виноградомъ богатъ и пшеницей: Тамъ никогда не бываетъ губящаго голода: люди Тамъ никакой не страшатся заразы: напротивъ, когда тамъ Хилая старость объемлеть одно покольные живущихъ, Лукъ свой серебряный взявъ, Аполлонъ съ Артемидой инсходятъ Тайно, чтобъ тихой стрълой безбользненно смерть посылать имъ. Два есть на остров'в города, каждый съ своею отд'вльной Областью; быль же владъльцемь обонкь родитель мой Ктезій, Сынъ Орменоновъ, безсмертнымъ подобный. Случилось, что въ Спру Прибыли хитрые гости морей, финикійскіе люди, Мелочи всякой привезии въ своемъ кораблѣ чернобокомъ, Въ дом' жъ отцовомъ рабыня жила финикійская, станомъ Стройная, ръдкой красы, въ рукодъльяхъ искусная женскихъ. Душу ея обольстить удалось финикійцамъ коварнымъ. Кто и откуда она, у рабыни спросилъ обольститель. Домъ указавъ своего господина, она отвъчала: Я уроженица м'яднобогатаго града Сидона; Тамъ мой отецъ Арибасъ знаменитъ былъ великимъ богатствомъ; Силой морскіе разбойники, злые Тафійцы, схватили Шедшую съ поля меня и сюда увезли на продажу Мужу тому, отъ него дорогую потребовавъ цѣну. Ей отв'ячая, сказалъ финикіецъ ея обольститель: Будешь, конечно, ты рада въ отчизну свою возвратиться Съ ними; опять тамъ увидишь и мать и отца въ ихъ блестящемъ Дом'ь: они же, мы въдаемъ, живы и славны богатствомъ. Выслушавъ то, что сказаль онъ, ему отвъчала рабывя: Я бы на все согласилась охотно, когда бъ, мореходцы, Вы поклялися въ отчизну меня отвести безъ обиды. Такъ отв'вчала рабыня: и т'в поклялися; когда же Всв поклялися они и клятву свою совершили, Къ нимъ обратяся, рабыня крылатое бросила слово: Будемъ теперь осторожны: молчите; изъ васъ ни который Слова не молви со мной, гдт меня бы ему ни случилось Встр'єтить, на улиц'є ль, подл'є колодца ль, чгобъ кто господину, Насъ подсмотръвъ, на меня не донесъ: раздраженный, меня онъ Въ цъпи велитъ заключить, да и вамъ приготовитъ погибель. Скуйте жъ языкъ свой: окончите торгъ поскоръй, и когда вы Въ путь изготовитесь, нужнымъ запасомъ корабль нагрузивши, Въ домъ царевомъ меня обо всемъ извъстите немедля; Золота, сколько мив подъ руки тамъ попадется, возьму я; Будеть при томъ отъ меня вамъ еще и особый подарокъ: Знать вы должны, что смотрю я за сыномъ царя малолетнымъ;

Мальчикъ смышленный: со мною гулять изъ дворца онъ вседневно Ходить; я съ нимъ на корабль вашъ приду: за великую цену Этотъ товаръ продадите вы людямъ инаго языка. Такъ имъ сказавши, она возвратилась въ палаты царевы. Тѣ же, годъ цѣлый оставшись на островъ нашемъ, прилежно Свой крутобокій корабль нагружали, торгун товаромъ; Но когда изготовился въ путь нагруженный корабль ихъ, Ими быль въстникь о томъ къ Финикійской рабынь отправлень; Въ домъ онъ отца моего дорогое принесъ ожерелье: Крупный электронъ, оправленный въ золото съ чуднымъ искусствомъ; Тъмъ ожерельемъ моя благородная мать и рабыни Всѣ любовались; оно по рукамъ ихъ ходило и цѣну Разную всѣ предлагали. А онъ, по условію, молча, Ей головою кивнулъ и потомъ на корабль возвратился. Изъ дому, за руку взявши меня, поситынла со мною Вытти она; проходя же палату, гдв множествомъ кубковъ Столь быль уставлень для царскихь вельможь, приглашенныхь къ объду (Выли въ то время они на совъть въ собраньи народномъ), Три двоеручныхъ сосуда проворно она ихъ подъ платьемъ Скрывъ, унесла; я за нею пошелъ, ничего не размысля. Солице тамъ временемъ сало и вса потемнали дороги. Пристани славной, посифино идя, наконецъ, мы достигли; Тамъ оплыватель морей, ожидалъ насъ корабль Финикійскій; Всѣ собрались на корабль и пошель онъ дорогою влажной, Взявъ насъ, меня и ее, и Зевесъ ниспослалъ намъ попутный Вътеръ; шесть сутокъ и денно и нощно мы по морю плыли. Но на седьмой день, какъ то предназначено было Зевесомъ, Вдругъ Артемида измънницу быстрой убила стрълою: Мертвая на полъ она корабельный упала морскою Курицей — рыбамъ ее и морскимъ тюленямъ на събденье Бросили въ море; а я тамъ остался одинъ сокрушенный. Волны и вътеръ попутный корабль принесли нашъ въ Итаку; Здёсь я Лаэртомъ на деньги его былъ у хищниковъ купленъ. Такъ я Итаку впервые своими глазами увидълъ. Выслушавъ повъсть, Эвмею сказалъ Одиссей богоравный: Добрый Эвмей, несказанно всю душу мою ты растрогаль, Мит повъствуя, какія съ тобою б'єды приключились; Съ горемъ, однако, и радость тебъ ниспосладъ многодарный Зевсь, проводившій тебя, претерп'явшаго много, въ жилище Кроткаго мужа, который тебя и понтъ здісь и кормить Съ нежной заботой и жизнь ты проводить веселую; мне же Участь не та-безъ пріюта брожу межъ людей земнородныхъ. Такъ говоря о былыхъ временахъ, напоследокъ и сами Въ сонъ погрузились они, но на малое время: быль кратокъ Сонъ ихъ: взошла свътлотронная Эосъ. Въ то время у брега, Снасти убравъ, Телемаковы спутники мачту спустили, Выстро къ причалу на веслахъ корабль привели и, закинувъ Якорный камень, надежнымъ канатомъ корабль утвердили у брега; Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волною, Вкусный объдъ приготовили съ сладкимъ виномъ пурпуровымъ. Свой удовольствовавъ голодъ интьемъ и роскошной ъдою, Такъ мореходцамъ сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ: Въ городъ на веслахъ теперь отведите корабль чернобокій; Самъ же я въ поле нойду навъстить настуховъ, и порядкомъ Все осмотреть тамъ; а вечеромъ въ городъ пешкомъ возвращуся:

Завтра жъ, друзья, въ олагодарность за ваше сопутствіе, вась я Въ домъ нашъ со мной отобъдать и выпить вина приглашаю. Өеоклименъ богоравный тогда вопросилъ Телемака: Сынъ мой, куда же пойти посовътуещь мнъ ты? Къ какому Жителю горносуровой Итаки мяв въ домъ обратиться? Или прямою дорогою въ вашъ домъ войти къ Пенелопъ? Өеоклименъ, отвъчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ, Въ прежнее время тебя, не задумавшись, прямо бы въ домъ свой Я пригласиль: мы тебя угостили бъ какъ должно; теперь же Худо тамъ будеть теб'в безъ меня; ты увидеть не можешь Матери милой; она, на глаза женихамъ не желая Часто являться, сидить наверху за тканьемъ одиноко; Но одного я взъ нихъ назову, онъ доступнъе прочихъ: То Эвримахъ благородный, Полнбія умнаго сынь; на него же Онъ, безъ сомнения, лучшій межъ ними; усердны дриссево, пінеть, пукация, Съ матерыю брака, чтобъ місто занять Одиссево, пінеть, пукация, година занять Одиссево, пінеть, пукация, примента в примен Въдаетъ, что имъ судьбой предназначено-бракъ иль посибель? Кончилъ. И въ это мгновенье справа поднялся огромный Соколь, посоль Аполлоновь, съ произительнымъ крикомъ; въ когтяхъ онъ Дикаго голубя мчаль и ощинываль; перья упали Между Лаэртовымъ внукомъ и судномъ его быстроходнымъ. Өеоклименъ, то увидя, отвелъ отъ другихъ Телемака, За руку взяль, и по имени назваль, и шопотомъ молвиль: Знай, Телемакъ, не безъ воли Зевеса поднялся тотъ соколъ Справа; я въщую птицу, его разсмотръвъ, угадалъ въ немъ. Царственнъй вашего царскаго рода не можеть въ Итакъ Быть никакой; навсегда вамъ владычество тамъ сохранится. Өеоклимену отвътствовалъ сынъ Одиссеевъ разумный: Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится, Будешь отъ насъ угощень ты какъ другъ, и дарами осыпанъ Такъ изобильно, что каждый, съ къмъ встрътишься, счастью такому Будеть дивиться. Потомъ онъ сказалъ, обратяся къ Пирею: Клитієвъ сынъ, благородный Пирей, изъ товарищей, въ Пилосъ Вмфстф со мною ходившихъ, ты самый ко мнф былъ усердный; Будь же таковъ и теперь, пригласи моего чужеземца Въ домъ свой и пусть тамъ живеть онъ, покуда я самъ не приду къ вамъ. Выслушавъ, такъ отвъчалъ Телемаку Пирей копьевержецъ: Сделаю все, и сколь долго бы въ дом'в моемъ онъ ни прожилъ, Буду его угощать и ни въ чемъ онъ отказа не встрътитъ. Кончилъ Пирей, и, вступивъ на корабль, приказалъ, чтобъ немедля Люди взошли на него и причальный канать отвязали. Люди, взошедъ на корабль, помъстились на лавкахъ у веселъ. Туть, въ золотыя сандалін сынъ Олиссевъ обувши Ноги, свое боевое конье, заощренное м'ядыю, Съ палубы взялъ; а гребцы отвязали канатъ и на веслахъ Къ городу поплыли, судно отчаливъ, какъ то имъ повелелъ Сынъ Одиссеевъ, подобный богамъ, Телемакъ благородный. Сынъ Одиссеевъ тъмъ временемъ шелъ и пришелъ напослъдокъ Къ дому, гдъ множество было въ закутахъ свиней и гдъ съ ними, Сторожъ ихъ спалъ, свинопасъ, Одиссеевъ слуга неизмънный.

ПЪСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЙ ПЪСНИ.

Тридцать-седьмой день. Телемакъ приходить въ жилище Евмея, который принимаетъ его съ несказанною радостію. Онъ посылаетъ Евмея въ городъ возвѣстить Пенелопѣ о возвращеніи сына. Одиссей, повинуясь Авинѣ, открывается Телемаку; они обдумываютъ вмѣстъ, какъ умертвить жениховъ. Сіи послѣдніи, твмъ временемъ подстрекаемые Антиноемъ, составляютъ заговъръ противъ Телемаковой жизни; но Амфиномъ совѣтуетъ имъ напередъ узнать волю Зевеса. Пенелопа, свѣдавъ о ихъ замыслѣ, дѣлаетъ упреки Антиною; Эвримахъ лицемърно старается ее успокопть. Эвмей возвращается въ хижину.

Тою порой Одиссей съ свинопасомъ божественнымъ, рано Вставъ и огонь разложивъ, приготовили завтракъ. Насытясь Вдоволь, на паству погнали свиней пастухи. Къ Телемаку Бросились дружно навстръчу Эвмеевы злыя собаки; Ластясь къ идущему, прыгали дикіе зв'єри; услышавъ Топоть двухь ногь, подходящихь посившно, Лаэртовъ разумный Сынъ, изумпвшійся, бросиль крылатое слово Эвмею: Слышинь ли, добрый хозяинъ? Тамъ кто-то идеть, твой товарищь Или знакомець; собаки навстречу бегуть и, не лая, Машутъ хвостами: шаги подходящаго явственно слышу. Словъ онъ еще не докончилъ, какъ въ двери вошелъ, онъ увиделъ, Сынь, въ изумленьи вскочиль свинопась: урониль изъ объихъ Рукъ онъ сосуды, въ которыхъ студеную смешивалъ воду Съ свътлопурпурнымъ виномъ. Къ своему господину навстръчу Бросясь, онъ голову, свътлыя очи и милыя руки Сталь у него целовать, и изъ глазъ полилися ручьями Слезы; какъ нѣжный отецъ съ несказанной любовью ласкаеть Сына, который незапно явился ему черезь двадцать Истъ по разлуків—единственный, поздно рожденный имъ, долго Жданный въ печали—съ такой свинопасъ Телемака любовью, Крвико обнявши, всего цвловаль, какъ воскресшаго: плача Взрыдъ, своему господину онъ бросилъ крылатое слово: Ты ль, ненаглядный мой свъть, Телемакъ, возвратился? Тебя я, Въ Пилосъ отплывшаго, видъть уже на надъялся болъ. Милости просимъ, войди къ намъ, дитя мое милое; дай ми в Очи тобой насладить, возвратившимся въ домъ свой; донынъ Въ поле не часто къ своимъ пастухамъ приходилъ ты; по болъ Въ город'в жилъ межъ народа: знать, было теб'в не противно Видъть, какъ въ домъ твоемъ безъ стыда женихи бунтовали, Сынъ Одиссеевъ разумный отвътствоваль такъ свинонасу: Правду сказалъ ты, отецъ; но теперь для тебя самого я Здісь: повидаться пришель я съ тобою, Эвмей, чтобъ пров'єдать Дома ль еще Пенелопа, пль бракомъ уже сочеталась? Кончилъ. Ему отвъчая, сказалъ свинопасъ богоравный: Върность тебъ сохраняя, въ жилищъ твоемъ Пенелопа Ждеть твоего возвращенья съ тоскою великой и тратитъ Долгіе дин и безсонныя ночи въ слезахъ и печали. Такъ говоря, у него онъ копье мѣдноострое принялъ; Въ домъ туть вступилъ Телемакъ, черезъ гладкій порогъ перешед'ил Съ мъста поспътно вскочилъ передъ нимъ Одиссей; Телемакъ же, Мъсто отрекшись принять, Одиссею сказалъ: не трудися, Странникъ, сиди: для меня ужъ, конечно, пайдется мъстечко Здівсь мні очистить его не замедлить нашть умный хозяпить. Такъ онъ сказалъ; Одиссей возвратился на место; Эвмей же

Прутьевъ зеленыхъ охапку принесъ и покрылъ ихъ овчиной; Сынъ Одиссеевъ возлюбленный сълъ на нее: деревянный, Съ мясомъ отъ прошлаго дня сбереженнымъ, подносъ передъ милымъ Гостемъ поставилъ усердный Эвмей свинопасъ, и корзину Съ хлъбомъ большую принесъ и наполнилъ до самаго края Вкусномедвянымъ впномъ деревянную чашу. Потомъ онъ Сълъ за готовый объдъ съ Одиссеемъ божественнымъ рядомъ. Подняли руки они къ приготовленной пишъ; когда же Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и вдою, Такъ свинопасу сказалъ Телемакъ богоравный: отецъ мой, Кто чужеземный твой гость? На какомь кораблів онь въ Итаку Прибыль? Какіе его привезли корабельщики? Въ край нашъ (Это, конечно, я знаю и самъ) не пъшкомъ же пришелъ онъ. Такъ отвъчаль Телемаку Эвмей, свинопасъ богоравный: Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину въдать; Онъ уроженецъ широкоравняннаго острова Крита, Многихъ людей города, говоритъ, посътилъ и не мало Странствовалъ: такъ для него ужъ судьбиною соткано было Нынъ жъ, бъжавъ съ корабля отъ Өеспротовъ, людей злоковарныхъ, Въ хижину чату пришелъ онъ; тебъ я его уступаю: Дълай, что дочень: твоей онъ защить себя повърясть. Сынъ Одиссеевъ разумный отвътствоваль такъ свинопасу: Добрый Эвмей, ты для сердца печальное слово сказаль мнь; Какъ же могу я въ свой домъ пригласить твоего чужеземца? Я еще молодъ; еще я своею рукой не пытался Дерзость врага наказать, мив нанесшаго злую обиду: Мать же, разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не знасть что выбрать, Вивств ль со мною остаться и домъ содержать нашъ въ порядкв, Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая, Иль, наконецъ, предпочесть изъ ахейцавъ того, кто усердива Ищеть супружества съ ней и дары ей щедръе приносить; Но чужеземцу, котораго гостемъ ты приняль, охотно Мантію я подарю и красивый хитонъ и подошвы Ноги обуть; да и мечъ отъ меня онъ получить двуострый; Посл'є и въ, сердцемъ желанную, землю его я отправлю; Пусть онъ покуда живеть у тебя, угащаемый съ наской: Платье жъ сюда я немедля пришлю и съ запасомъ для вашей Пищи, дабы отъ убытка избавить тебя и домашнихъ. Въ городъ ходить къ женихамъ и ему не совътую; слишкомъ Буйны они и въ поступкахъ своихъ необузданно дерзки; Могуть обидать его, для меня бы то было прискербно; Самъ же я ихъ укротить не могу: противъ многихъ и самый Сильный безсилень, когда онь одинь; ихъ число тамъ велико. Царь Одиссей хитроумный отвътствоваль так: Телемаку: Если позволишь ты мив, мой прекрасный, сказать откровенно --Милымъ я сердцемъ жестоко досадую, слыша, какъ много Вамъ женихи беззакопные здъсь оскорбленій напосять, Домъ захвативши такого, какъ ты, молодаго героя: Звать бы желаль я, ты самъ ли то волею сносишь? Народъ ли Вашей земли невавидить тебя, по внушению бога? Или, быть-можеть, ты братьевъ впиншь, на которыхъ отважность Мужъ полагается каждый, при общемъ великомъ раздоръ? Если бъ имълъ я и свъжую младость твою и отважность ---Или когда бы возлюбленный сынъ Одиссеевъ, иль самъ онъ, Странствуя, въ домъ возвратился (еще не пропала надежда) --

Первому встричному голову мни бы отсичь и позволиль, Если бы, имъ на погибель, одинъ не ръшился проникнуть Въ домъ Одиссея Лаэртова сына, чтобы выгнать оттуда Шайку ихъ. Если бъ одинъ я съ толиой и не сладилъ, то все же, Выло бы лучше мнъ, въ домъ моемъ пораженному, встрътить Смерть, чамъ свидателомъ быть тамъ безчинныхъ поступковь и видать, Какъ въ немъ они обижають, гостей, какъ рабынь истязають, Какъ расточають и хлебъ и вино, безпощадно запасы Всъ истребляя, и главнаго дъла окончить не мысля. Добрый нашъ гость, отвъчаль разсудительный сынъ Одиссеевь; Все разскажу откровенно, чтобъ могь ты всю истину въдать; Нътъ! ни мятежный народъ пе враждуетъ со мною, ни братьевъ Также монхъ не могу я винить, на которыхъ отважность Мужъ полагается каждый при общемъ раздоръ, понеже Въ каждомъ колене у насъ, какъ известно, всегда лишь одинъ былъ Сынь; одного лишь Лаэрта имъль прародитель Аркезій; Сынъ у Лаэрта одинъ Одиссей; Одиссей равномърно Прижилъ меня одного съ Пепелопой. И былъ я младенцемъ Здісь имъ оставлень, а домъ нашъ заграбили хищные люди. Всъ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и спльны, Первые люди Дулихія, Зама, лісного Закинеа, Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу Нудять упорно ко браку и наше имфніе грабять; Мать же ни въ бракъ ненавистный не хочетъ вступить ни отъ брака Средствъ не имъетъ спастись; а они пожираютъ нещадно Наше добро, и меня самого напосл'ядокъ погубятъ. Но, конечно, того мы не знаемъ, то въ лонъ безсмертныхъ Скрыто. Теперь побъги ты, Эвмей, къ Пенелопъ разумной Оъ въстью о томъ, что изъ Пилоса и невредимъ возвратился. Самъ же останусь я здъсь у тебя; приходи къ намъ скоръс. Но берегись, чтобъ никто не проведаль, опричь Пенелопы, Тамъ, что я дома: тамъ многіе смертію мнъ угрожають. Такъ Телемаку сказалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный: Знаю, все знаю, и все мив понятно; и все, что велишь ты, Будеть псполнено; ты же еще ми скажи откровенно, Хочешь ли также, чтобъ съ въстью пошель я и къ деду Лаэрту? Въдный старикъ! онъ до сихъ поръ, хоти и скорбълъ о далекомъ Сынъ, но все наблюдалъ за работами въ полъ и, голодъ Чувствуя, флъ за объдомъ и пилъ, какъ бывало, съ рабами. Съ той же поры, какъ пошелъ въ корабл'я чернобокомъ ты въ Пилосъ, Онъ, говорять, ужъ не фстъ и не пьеть, никогда ужъ, Въ полф никто не встрфчаетъ, но, охая тяжко и илача, Дома сидить онь, изчахлый, чуть дышущій, —кожа да кости. Сынъ Одиссеевъ разумный ответствоваль такъ свинопасу: Жаль! но его, какъ ни горько мив это, оставить должны мы; Если бы все по желанію смертныхъ, судьбин'в подвластныхъ, Делалось, я пожелаль бы, чтобъ прибыль отець мой въ Итаку. Ты же, увидъвши мать, возвратись, заходить не заботясь Въ поле къ Лаэрту, но матери можешь сказать, чтобъ немедля, Тайно отъ всехъ, и чужихъ и домашинхъ, отправила къ деду Ключницу нашу обрадовать въстью нежданною старца. Кончивъ, велълъ онъ итти свинопасу. Взявъ въ руки подошвы, Подъ ноги ихъ подвязалъ онъ и въ городъ пошелъ. Отъ Анины Не было скрыто, что домъ свой Эвмей, удаляся, покинулъ; Тотчасъ явилась богиня, младою, прекрасною, съ станомъ

Стройно-высокимъ, во всёхъ рукодёльяхъ пскусною дёвой; Въ двери вступивъ, Одиссею предстала она; Телемаку жъ Видъть себя не дала, онъ ея не примътилъ: не всъмъ намъ Воги открыто являются; но Одиссей могь очами Ясно увидъть ее, и собаки увидъли также: Лаять не смѣя, онѣ завизжавъ, со двора побѣжали. Знакъ головою она подала. Одиссей, догадившись, Вышель изь хижины; подл'в высокой заграды богиню Встретиль онь; слово къ нему обращая, сказала Авпна: Другъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный, Можешь теперь ты открыться п все разсказать Телемаку; Оба, условяся, какъ жевихамъ приготовить ихъ гибель, Вмфстф подите немедля вы въ городъ; сама я за вами Скоро тамъ буду, и мстительный бой совершимъ совокупно. Кончивъ, жезломъ золотымъ прикоснулась она къ Одиссею: Тотчасъ опрятнымъ и вымытымъ чисто хитономъ покрылись Плечи его; онъ возвышенный сдылался станомъ, моложе Свътлымъ лицомъ, посмуглъвния щеки стали полвъе; Черной густой бородою покрылся его подбородокъ. Собственный образъ ему возвративши, богиня исчезла. Въ хижину снова вступилъ Одиссей; Телемакъ, изумлениый, Очи потупиль; онъ мыслиль, что видить безсмертнаго бога. Въ страхъ къ отцу обратяся, онъ бросплъ крылатое слово: Странникъ, не въ прежнемъ теперь предо мной ты являешься видъ; Платье не то на тебъ, и совсъмъ измънился твой образъ; Върно одинъ изъ боговъ ты, владыкъ безпредъльнаго неба; Вудь же къ намъ благостенъ; золота много теб'в принесемъ мы Здесь съ экатомбой великой, а ты насъ, могучій, помилуй. Сыну отвътствоваль такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый: Неть, я не богь, какъ дерзнуль ты безсмертнымъ меня уподобить? Я Одиссей, твой отець, за котораго съ тяжкимъ вздыханьемъ Столько обидъ ты терп'влъ, притесиптелямъ злымъ уступая. Кончивъ, съ любовію сына онъ сталъ цівловать, и съ різсницы Пала на землю слеза-удержать онъ ее быль не въ сплахъ. Но (что предъ нимъ былъ желанный отецъ Одиссей не повъря,) Снова, ему возражая, сказалъ Телемакъ богоравный: Неть, не отець Одиссей ты, по демонь, своимь чародействокъ Очи мои осленившій, чтобъ после я горестиви плакаль; Смертиому мужу подобныхъ чудесъ совершать невозможно Собственнымъ разумомъ: можеть лишь богъ превращать во мгновенье Волей своей старика въ молодого и юношу въ старца; Выль ты съ пачала старикъ, неопрятно одътый; теперь же Вижу, что свой ты богамъ, безпредъльнаго неба владыкамъ. Кончилъ. Ему отвъчая, сказалъ Одиссей хитроумный: Нъть, Телемакъ, не чуждайся отца, возвращеннаго въ домъ свой; Такъ же и бывшему чуду со мною не слишкомъ дивися; Къ вамъ никакой ужъ другой Одиссей, говорю и, не будетъ Кром' меня, претерп'винаго въ странствіяхъ много, и нып' Волей боговъ приведеннаго въ землю отцовъ черезъ двадцать Лъть. А мое превращение было богини Аопны, Мощной добычницы дело; возможно ей все; превращенъ былъ Прежде я въ стараго нищаго ею, потомъ въ молодаго, Кръпкаго мужа, посящаго чистое платье на тълъ; Въчнымъ богамъ, безпредъльнаго неба владыкамъ, легко насъ, 10% Смертныхъ модей, надълять и красой и лицемъ безобразу-

Такъ онъ отвътствовавъ, сълъ: Телемакъ въ несказанномъ волненъп Пламенно обняль отда благороднаго съ громкимъ рыданьемъ. Въ сердце тогда имъ обопмъ проникло желаніе илача: Подняли оба произительный воиль сокрушенья; какъ стонеть Соколь иль крутокогтистый орель, у которыхъ охотникъ Выкралъ еще некрылатыхъ птенцовъ изъ роднаго гитада ихъ, Такъ, заливаясь слезами, рыдали они и стонали Громко: и въ плачъ могло бъ ихъ застать заходящее солние, Если бы вдругъ не спросилъ Телемакъ, обратись къ Одиссею: Какъ же, отецъ, на какомъ кораблі ты, какою дорогой Прибыль въ Итаку? Кто были твои корабельщики? Въ рай нашъ (Это, конечно, я знаю и самъ) не прикомъ же пришелъ ты. Сыну отвътствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый: Все я, мой сынъ, разскажу, ничего отъ тебя не скрывая: Славные гости морей, Феакійцы, меня привезли къ вамъ: Вефхъ, кто ихъ помощи проситъ, они по морямъ провожаютъ. Спаль я, когда мы достигли Итаки, и сонный быль ими На берегъ вынесенъ (щедро меня, отпуская въ дорогу, Золотомъ, мѣдью и платьемъ богатымъ они одарили: Все то по вол'в безсмертныхъ зд'есь спрятано въ грот'в глубокомъ). Присланъ сюда богиней я Авиной затемъ, чтобъ съ тобою Вмъсть враговъ истребление злысь на свободъ устроить. Ты же теперь назови жениховь и число ихъ скажи мив; Должно, чтобъ въдаль я, кто и откуда они, и какъ много Тамъ ихъ, дабы, все подробно обдумавъ разсудкомъ и сердцемъ, Мы разръшили, возможно ль двоимъ, никого не призвавши Въ помощь, ихъ всехъ одолеть, иль другіе помощники нужны? Кончиль. Ему отвічая, сказаль Телемакь благородный: Слышалъ я много, отецъ, о діяньяхъ твоихъ, многославныхъ: Какъ ты разуменъ въ совъть, какой коньевержецъ могучій Но о несбыточномъ мив ты теперь говорпны; невозможно Двумъ намъ со всею толной жениховъ многосильныхъ борозься. Долженъ ты знать, что числомъ ихъ не десять, не двадцать; гораздо Болье: всьхъ перечесть ихъ тебъ я могу по порядку: Слушай: пришло ихъ съ Дулихія острова къ намь пятьдесять-два, Знатны всв родомъ они, шесть служителей съ ними: съ Закиноа Острова прибыло двадцать; а съ темнолъсистаго Зама **Пвадцать-четыре:** всв знатныхъ отцовъ сыновыя; напоследокъ Къ нимъ мы и двадцать должны изъ Итаки причесть, при которыхъ Фемій, првецъ богоравный, глашатай Медопъ, и проворныхъ Двое рабовъ, соблюдать за объдомъ порядокъ искусныхъ. Если съ такою толпою бороться одни мы замыслимь, Будеть намъ ищение горько, возврать твой погибеленъ будеть: Лучше подумай о томъ, не найдется ль помощникъ, который Могъ бы за насъ постоять, благосклонно подавши намъ руку? Сыну отвътствуя, такъ возразилъ Одиссей хигроумный: Выслушай то, что скажу, и въ умъ сохрани, что услышины: Если бъ Кроніонъ отецъ и Паллада великая были Наши помощники, стали ль когда бъ мы прінскивать новыхъ? Кончилъ. Ему отвъчая, сказалъ Телемакъ богоравный: Подлинно ты мит надежныхъ помощипковъ назвалъ; высоко, Правда, они въ облакахъ обитають; но оба не намъ лишь Смертнымъ однимъ, но и въчнымъ богамъ всемогуществомъ страшпы. Сыя; отвътствоваль такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый: Оба они не останутся долго отъ насъ въ отдаленыи

Въ часъ воздаянья, когда у меня съ женихами, въ жилищф Царскомъ, последній Ареевъ расчеть смертоносный начнется. Завтра поутру, лишь только подымется Эось, ты въ городъ Прямо пойдешь; тамъ останься въ толи в женпловъ многобуйныль. Позже туда я приду съ свинопасомъ Эвмеемъ подъ видомъ Стараго нищаго въ рубище бедномъ. Когда тамъ ругаться Стануть они надо мною въ жилищъ моемъ, не давай ты Мплому сердцу свободы, и что бъ ни терпълъ я, хотя бы За ногу вытащенъ былъ изъ палаты и выброшенъ въ двери, Или хотя бы въ меня чёмъ швырнули-ты будь равнодушенъ. Можешь, конечно, сказать пногда (чтобъ унять ихъ буянство) Кроткое слово; тебя не послушають: будеть напрасно Все: предназначенный день ихъ погибели близко; терпънье! Слушай теперь, что скажу, и зам'ять про себя, что услышины: Я, въ ту минуту, когда свой совътъ мив на сердце положить Втайнъ Лонна, тебъ головою кивну: то замътя, Вет изъ палаты, какіе ни есть тамъ, доситки Ареа Вверхъ отнеси и оставь тамъ, ихъ кучею въ уголъ сложивши; Если жъ, примътивъ, что нътъ ужъ въ палатъ тамъ бывшихъ оружій, Спросять о нихъ женихи, ты тогда отвічай имъ: въ палатіз Дымно: ужъ сделались вовсе они не такія, какими Здась ихъ отецъ Одиссей, при отбытія въ Трою, покинуль: Ржавчиной всё отъ огня и отъ копоти дымной покрылись. Мит же и высшую въ сердце влагаеть Зевесъ осторожность: Можеть межь вами отъ хмеля вражда загорѣться лихая; Кровью тогда сватовство и торжественный пиръ осквернится: Само собой прилипаеть къ рукв роковое желъзо. Намъ же двоимъ два копья, два меча ты отложишь и съ ними Два изъ воловьей кожи щита приготовишь, чтобъ въ руки Взять ихъ, когда нападенье начнемъ; женихамъ же, конечно, Умъ ослъпять всемогущій Зевесь и Авина Паллада. Слушай теперь, что скажу, и зам'ять про себя, что услышить: Если ты вправду мой сынъ и отъ крови моей происходишь, Тайну храни, чтобъ никто о моемъ возвращеныи не свъдалъ Здісь, ни Лаэрть, мой отець, ни Эвмей свинопась, ни служитель Царскаго дома какой, ни сама Пенедопа: мы двое-Ты лишь да я-наблюдать за рабынями нашими будемь; Гакъ же и многихъ рабовъ испытанью подвергнемъ, чтобъ свъдать, Кто между ими тебя и меня уважаеть и любить, Кто, насъ забывъ, оскорбляетъ тебя, столь достойнаго чести. Такъ, возражая отцу, отвъчаль Телемакъ многославный: Сердце мое ты, отецъ, уповаю я, скоро на самомъ Деле узнаешь: и духъ мой не слабымъ найдешь ты, конечно. Думаю только, что опыту всехъ подвергать безполезно Будеть для насъ; я объ этомъ тебя убъждаю размыслить: Много пстратится времени, если испытывать всёхъ ихъ, Каждаго порознь, начнемъ мы тогда, какъ враги беззаботно Вудуть твой домъ разорять и твое достояние грабить Но и желаю и самъ, чтобъ, подвергнувши опыту женщинъ, Могъ отличить ты порочныхъ оть честныхъ и върныхъ; рабовъ же Трудно пспытывать всехъ, одного за другимъ, на работъ Порознь живущихъ; то сдълаешь послъ, въ досужное время, Если ужъ подлинно знакъ быль тебф отъ владыки Зевеса. Такъ говорили о многомъ опи, собеседуя сладко. Тою порой крупкозданный корабль, Телемака носившій

Въ Пилосъ съ дружиной, приблизился къ брегу Итаки. Когда же Въ пристапь глубокую острова судно ввели мореходцы, На берегъ вздвинуть они поспъщили его совокупной Сплой; а слуги проворные, сулно совсьмъ разгрузивши, Въ Клитіевъ домъ отнесли всв подарки царя Менелая. Въ царскій же домъ Одиссеевъ быль въстникъ пловцами немедля Посланъ сказать Пенелоп'в разумной, что сынъ, возвратися, Въ поле пошелъ, кораблю же прямою дорогою въ городъ Плыть повельть (чтобъ о сынъ отсутственномъ въ сердив тревожась, Плакать напрасно о немъ перестала царица). Тотъ въстникъ Встратился, путь свой окончить спата, съ свинопасомъ, который Съ въстью подобной къ своей госпожь Телемакомъ быль посланъ. Къ дему даря многославнаго оба пришли напоследокъ. Вслухъ передъ всеми рабынями въстникъ сказалъ Пенелопъ: Прибыль обратно въ Итаку возлюбленный сынъ твой, царица. По свинопасъ подошель къ Пенелопъ и на ухо все ей, Что Телемакъ повельлъ разсказать, прошепталъ осторожно. Копчивъ разсказъ и исполнивъ свое поручение, царский Домъ онъ оставилъ и въ поле къ свиньямъ возвратился посиъщно. Но женихи, пораженные, духомъ уныли; покинувъ Залу, они у ограды высокаго царскаго дома, Рядомъ, на каменныхъ гладкихъ скамьяхъ, за воротами съли. Такъ говорить имъ тогда Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, началъ: Горе намъ! дело великое сделалъ, такъ смело отправясь Въ путь, Телемакъ; отъ него мы подобной отваги не ждали. Должно намъ, черный, удобиващій къ бъгу корабль пзготовивъ, Въ немъ мореходныхъ отправить людей, чтобъ они убъдили Нашихъ товарищей въ городъ какъ можно скоръй возвратиться. Кончить еще не успъль онъ, какъ, съ мъста на пристань взглянувши, Только что къ брегу приставшій корабль Анфиномъ усмотр'єль тамъ; Знасти и весла на немъ убирали пловцы. Обратяся Ть радостнымъ смъхомъ къ товарищамъ, такъ онъ сказалъ: не трудитесь всти своей посылать понапрасну: они возвратились. видно, ихъ богъ надоумилъ какой, иль увидъли сами Выстро бъгущій корабль, и настигнуть его не успъли. Такъ опъ сказалъ; тъ поднявшись, пошли всей толпою на пристань. На берегъ скоро былъ вздвинутъ корабль чернобокій пловцами, Бодрые слуги немедля сгрузпли съ него всю поклажу: Сами жъ на площади все женихи собранись; но съ собою Тамъ никому возсъдать не дозволили. Такъ напослъдокъ, Къ нимъ обратясь, Алкиной, сывъ Эвиейтовъ надменный, сказалъ имъ: Горе! безсмертные сами его отъ бѣды сохранили! Каждый тамъ день сторожа на лобзаемыхъ вътромъ вершпнахъ Другъ подле друга толпою сидели; когда жъ заходило Солнце, мы, берегъ покинувъ, всю ночь въ кораблѣ быстроходномъ По морю плавали взадъ и впередъ до восхода денницы, Тщетно надъясь, что встрътимъ его и немедля погубниъ. Демонъ тамъ временемъ въ пристань его проводилъ невредимо. Мы же надъ нимъ совершить, что замыслили вифсть, удобно Можемъ и здесь; онъ отъ насъ не уйдеть; но до техъ поръ, покуда Живъ онъ, исполнить намъренье наше мы будемъ не въ силахъ; Онъ возмужалъ и разсудкомъ созрълъ для совъта и дъла; Люди жъ Итаки не съ прежней на насъ благосклонностью смотрять. Должно намъ прежде-пока онъ народа не созвалъ на помощь-Кончить, понеже онъ медлить, какъ я въ томъ увъренъ, не станетъ

Злобой на насъ разразившись, при целомъ народе онъ скажеть, Какъ мы его погубить сговорились и въ томъ не успъли; Тайнаго нашего замысла, върно, народъ не одобрить; Могутъ, озлобясь на наши поступки, и насъ изъ отчизны Выгнать, и вст мы тогда по чужимъ сторонамъ разбредемся. Можемъ напасть на него мы далеко отъ города въ полѣ, Можемъ близъ города выждать его на дорогъ; тогда намъ Все раздълить ихъ придется имущество; домъ же уступимъ Мы Пенелоп'в и мужу, избранному ею межъ нами. Если же вамъ не угоденъ совътъ мой и если хотите Жизнь вы ему сохранить, чтобъ отцовскимъ владелъ достояньемъ-То ипровать намъ попрежнему, въ дом'я его собпраясь, Будеть нельзя, и ужь каждый особо, въ свой домъ возвратяся, Свататься станеть, подарки свои присылая; она же Выберсть доброю волей того, кто щедрей и пріягней. Такъ говорплъ онъ: сидя неподвижно, випмали другіе. Тутъ, обратяся къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный, Низовъ блистательный сынъ отъ Аретовой царственной крови; Злачный Дулихій, птеницей богатый, покинувъ, въ Итакъ Онъ отличался отъ встхъ жениховъ и самой Пенелопъ Нравился умною ръчью, благими лишь мыслями полный. Такъ, обратяся къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный: Нътъ! посягать я на жизнь Телемака, друзья, не желаю; Царскаго сына убійство есть страшно-безбожное діло: Прежде боговъ вопросите, чтобъ свідать, какая ихъ воля; Если Зевесомъ одобрено будетъ намфренье наше, Самъ соглашусь я его поразить и другихъ на убійство Вызову; если жъ Зевесъ запретитъ, мой совътъ: воздержитесь. Такъ онъ сказалъ, подтвердили его предложенье другіе. Вставши, всв вмъсть они возвратилися въ домъ Одиссея; Въ домъ же вступивъ, тамъ на стульяхъ они помъстилися гладкихъ. Но Пенелопа разумная, дело иное придумавъ, Вышла къ своимъ женихамъ многобуйнымъ изъ женскихъ покоевъ; Слухъ къ ней достигнулъ о замыслъ тайномъ на жизнь Телемака; Все благородный глашатай Медонъ ей открыль; и посифино Взявши съ собой двухъ служанокъ, она, божество межъ женами, Въ ту палату вступивъ, гдф ея женихи пировали, Подл'я столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала, Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ. Ръчь къ Антиною свою обративъ. Пенелопа сказала: Злой кознодъй, Антиной необузданный, словомъ и дъломъ Ты изъ товарищей самый разумитьйшій—такъ здісь въ Итаків Всъ утверждають. Но гдъ же п въ чемъ твой прославденный разумъ? Вътеный! что побуждаеть тебя Телемаку готовить Смерть и погибель? Зачемъ ты спроть притесияещь, любезныхъ Зевсу? Неправъ человъкъ, замышляющій ближиему злое. Пль ты забыль, какъ отець твой сюда прибъжаль, устрашенный Гавномъ народа, которымъ гонимъ былъ за то, что, приставши Къ шайкъ тафійскихъ разбойниковъ, съ ними ограбилъ оеспротовъ, Нашихъ союзниковъ върныхъ? Его здъсь народъ порывался Смерти предать и готовъ у него былъ исторгнуть изъ груди Сердце, и все, что пикать онъ въ Итакъ, предать истребленью; Но Одиссей, за него заступившись, народъ успоконать; Ты жъ Одиссеево грабишь богатство, жену Одиссея Мучишь своимъ сватовствомъ. Одиссееву сыну готовишь

Смерть. Удержись! говорю и тебф и другимъ въ осторожность. Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, такъ отвівчалъ Пенелопі: О многоумная старца Икарія дочь, Пенелопа, Будь беззаботна: зачъмъ ты такой предаешься тревогь? Не было, нътъ и не будеть изъ насъ никого, кто бъ помыслилъ Руку поднять на убійство любимца боговъ Телемака. Нътъ! и покуда и живъ и покуда очами и землю Вижу, тому не бывать, пль-скажу передъ всеми, и верно Сбудется слово мое-обольется убійца своею Кровью, моимъ пораженный копьемъ, Одиссей, не забылъ я, Бралъ здъсь неръдко меня на кольни и мяса куски миъ Клалъ на ладонь и вина благовоннаго выпить давалъ мив. Воть почему и всъхъ боль людей я люблю Телемака. Нфть! никогда онъ убійства не долженъ страшиться, по крайне Мфрф отъ насъ, жениховъ. Но судьбы избфжать невозможно. Такъ говорилъ онъ, ее утышая, а мыслилъ инос. Но Пенелопа, къ себъ возвратяся, тамъ въ свътлыхъ покояхъ Плакала горько о миломъ своемъ Одиссев, покуда Сладкаго сна не свела ей на очи богини Аопна. Смерклось, когда къ Одиссею и къ сыну его возвратился Старый Эвмей. Онъ нашель ихъ, готовящихъ ужинъ, заръзавъ Взятую въ стадъ свинью годовалую. Прежде, однако, Тайно притедъ, Одиссея богиня Аоина ударомъ Трости своей превратила попрежнему въ хилаго старца. Рубищемъ жалкимъ одъвши его, чтобъ Эвмей благородный Съ перваго взляда его не узналъ и (сберечь неспособный Тайну) не бросился въ городъ обрадовать въстью царицу. Встративъ его на порога, сказалъ Телемакъ: наконецъ, ты, Честный Эвмей, возвратился? Скажи же, что видель, что слышаль? Въ городъ обратно пришли ль, наконецъ, женихи изъ засады? Или еще тамъ сидять и меня стерегуть на дорогъ? Такъ отвъчая, сказалъ Телемаку Эвмей благородный: Сведать о нихъ и разспрашивать мие не входило и въ мысли; Въ городъ я объ одномъ лишь заботился: какъ бы скоръе Данное миж порученье псполнить и къ вамъ возвратиться. Шедин жъ туда, я съ гонцомъ, отъ ходившихъ съ тобой мореходцевъ Посланнымъ, встрътплся-первый онъ все объявилъ Пенелопъ; Только одно разкажу я, что видель своими глазами: Къ городу близко уже, на вершинъ Эрмейскаго холма Вылъ я, когда быстролетный въ глубокую нашу входящій Пристань, корабль усмотрель; я приметиль, что было въ немъ много Ратныхъ; щитами, двуострыми копьями ярко блисталъ онъ: Это они, и подумаль; но правда ли? Знать мит не можно. Такъ онъ сказялъ. Телемакова сила святая блеснула Легкой улыбкою въ очи отцу, неприматно Эвмею. Кончивъ работу и пищу состряпавъ, они съ свинопасомъ Сели за столъ, и порадовалъ душу имъ ужинъ; когда же Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкой тдою, о ложт Каждый подумаль; и сна благодать инспослали имъ боги.

пъснь семнадцатая.

СОДЕРЖАНІЕ СЕМНАДЦАТОЙ ПЪСНИ.

Трицать-осьмой день. Телемакт уходиль въ городъ, повелъвъ Эвмею проводить туда и своего гости. Встръченный радостно матерью и домашними, онъ потомъ идетъ на площадь и приводить отгуда съ собою теоклимена. Пенелова разспрашиваетъ его о томъ, что съ нимъ было во

время путешествія; Өеоклимень пророчествуєть ей возвращеніе Одиссея. Тъмъ временемъ Эвмей отправляется съ Одиссеемъ въ городъ; дорогою встръчають они Мелантія, который ихъ обоихъ оскороляетъ. Пришедъ къ своему дому, Одиссей видить на дворъ свою старую собаку, которая, узнавши его, умираеть. Овъ входить въ пировую палату, просить милостыни у жениховъ; Антиной, ругаясь имъ, бросаетъ въ него скамейкой. Пенелопа зоветь его къ себъ, желая разспросить объ Одиссеъ; онъ объщается притти къ ней ввечеру.

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ. Сынъ Одиссеевъ, любезный богамъ, Телемакъ благородный, Къ свътлымъ ногамъ привязавъ золотыя сандалін, въ руку Взялъ боевое копье, заощренное мъдью, которымъ Ловко владель, и, готовый въ дорогу, сказаль свинопасу: Въ городъ иду я, отецъ, чтобъ утъшить свиданьемъ со мною Милую мать: безъ сомивнья, дотоль крушиться и горько Плакать она, безутешная, будеть, пока не увидить Сына своими глазами; тебъ же, Эвмей, поручаю Этого странника; въ городъ поди съ нимъ, дабы подаяньем" Могь онъ себя прокормить; тамъ подасть, кто захочеть, Хлеба ему иль вина. Мне нельзя на свое попеченье Всякаго нищаго брать; и своихъ ужъ заботъ мий довольно; Если же этимъ обидится твой чужеземецъ, тъмъ хуже Вудеть ему самому; я люблю говорить откровенно. Кончилъ. Ему отвъчая, сказалъ Одиссей хитроумный: Здесь неохотно и самъ бы я, другъ, согласился остаться: Нашему брату объдъ добывать подаяніемъ легче Въ городъ, нежели въ полъ: тамъ каждый даетъ, что захочетъ. Мить жъ не по летамъ смотреть за скотпной и всякую службу Съ тяжкимъ трудомъ отправлять, пастухамъ повинуяся. Добрый Путь, мой прекрасный: меня же проводить хозяпиъ, когда я Здась у огня посограюсь, когда на двора потеплаеть; Въ рубище этомъ мие холодно, тело насквозь проницаетъ Утренникъ разкій; до города жъ, вы говорите, не близко. Такъ отвічаль Одиссей. Телемакъ благородный поспішнымъ Шагомъ пошелъ со двора, и недоброе въ мысляхъ готовилъ Онъ женихамъ. Наконецъ, онъ пришелъ безпрепятственно въ домъ свой. Тамъ, боевое копье прислонивши къ высокой колониъ, Онъ черезъ каменный двери порогъ перешелъ и увидълъ Первую въ дом'в усердную няню свою Эвриклею: Мягкія клала на стулья овчины старушка. Потокомъ Слезъ облилася, увидя его, Эвриклея; и скоро Всъ собрались Одиссеева дома рабыни; и съ плачемъ Голову, плечи и руки онъ у него лобызали. Вышла разумная туть изъ покоевъ своихъ Пенелопа, Свътлымъ лицомъ съ золотой Афродитой, съ младой Артемидой Сходная; сына она обняла, и съ любовію ніжной Свътлыя очи и руки и голову стала, рыдая Громко, ему целовать и крылатое бросила слово: Ты ль, ненаглядный мой, милый мой сынъ, возвратился? Тебя и Видъть уже не надъялась боль, отплывшаго въ Пилосъ Тайно, со мной не простясь, чтобъ узнать объ отцъ отдаленномъ. Все разскажи мив теперь по порядку, что видель, что слышаль. Ласково ей отв'вчалъ разсудительный сывъ Одиссеевъ: Милая мать, не печаль мив души, и тревоги напрасной Въ грудь не вливай мнъ, спасевному чудно отъ гибели върной; Но, сотворивъ омовенье и чистой облекшись одеждой,

Вивств съ рабынями въ верхній покой свой поди и съ молитвой Тамъ объщание дай принести экатомбу безсмертнымъ, Если враговъ наказать намъ поможеть Зевесъ Олимпіенъ. Самъ я на площадь пойду, чтобъ позвать чужеземна, который Нын'я со мною, когда возвращался я, прибыль въ Итаку: Вмфств съ монии людьми онъ сюда напередъ быль отправлень: Въ городъ его проводить поручилъ я Пирею, дабы онъ Въ домъ его подождалъ моего возвращения съ поля. Такъ говорилъ онъ, и слово его не промчалося мимо Слуха царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой, Въчнымъ богамъ объщала она принести экатомбу, Если враговъ наказать имъ поможетъ Зевесъ Олимпіецъ. Тою порой Телемакъ изъ высокаго царскаго дома Вышель съ копьемь: двъ лихія за нимь побъжали собаки; Образъ его несказанной красой озарила Авина Такъ, что дивилися люди, его подходящаго видя Вст вокругъ него собрались женихи многобуйные; каждый Доброе съ нимъ говорилъ, замышляя недоброе въ сердив. Скоро, отъ ихъ многолюдной толиы отделясь, подошель онъ Къ мъсту, гдъ Менторъ сидълъ и при немъ Антифатъ съ Галиоердомъ Въ сердцъ своемъ сохранивтие върность царю Одиссею. Съвши близъ нихъ, о себъ онъ имь все разсказаль, какъ случилось. Скоро явплся Ппрей, копьевержень, и Осоклимень съ нимъ Вибств пришель, погулявши по улицамъ города; не былъ Долго къ нему Телемакъ безъ вниманья; къ нему подошелъ овъ: Первое слово сказаль туть Пирей Одиссееву сыну: Въ домъ мой пошли, Телемакъ благородный, невольницъ, чтобъ взяли Тамъ всв подарки, которые ты получиль отъ Атрида. Такъ отвъчая Пирею, сказалъ Телемакъ богоравный: Намъ непзвъстно, мой върный Пирей, чемъ окончится дело, Если въ жилищъ моемъ женяхами надменными тайно Вуду убить я, они все имущество наше разделять; Лучше тогда, чтобъ твоимъ, а не ихъ ть подарки наследствомъ Были: но если на нихъ обратится губящая Кера — Все мнь, веселому, самъ веселящійся, въ домъ принесешь ты, Кончевъ, повелъ за собою онъ многострадавшаго гостя Въ домъ свой; и скоро туда безпрепятственно прибыли оба. Тамъ, положивши на кресла и стулья свои все одежды, Начали въ гладкихъ купальняхъ они омываться. Когда же Ихъ п омыла п чистымъ елеемъ натерла рабыля, Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантія, оба, Вышедъ изъ гладкихъ купаленъ они помъстились на стульяхъ. Туть принесла на лохани серебряной руки умыть имъ Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня, Гладкій потомъ пододвинула столъ: на него положила Хлівбъ домовитая ключница съ разнымъ събстнымъ, изъ запаса Выданнымъ ею охотно, чтобъ пищей они пасладились. Противъ же нихъ, невдали отъ двустворныхъ дверей, Пенелопа Въ креслахъ за пряжей спдъла и тонкія нити сучила. Подняли руки они къ приготовленной пище: когда же Выль удовольствовань голодь ихъ сладкой фдой, Пенелопа, Старца Икарія дочь многоумная сыну сказала: Видно, мий лучше наверхъ мой уйти и лежать одиноко Тамъ на постелъ, печалью пересланной, горькимъ потокомъ Слезъ обливаемой съ самыхъ техъ поръ, какъ въ далекую Трою

Мстить за Атрида пошель Одиссей-ты, я вижу, не хочешь, Прежде, чемъ здёсь женихи многобуйные вновь соберутся, Мить разсказать, что узналь объ отцъ: возвратится ль онъ, живъ ли? Милая мать, отвъчаль разсудительный сынъ Одиссеевъ, Слушай, я все разскажу, ничего отъ тебя не скрывая. Прежде мы прибыли въ Пилосъ, гдъ пастырь людей многославный Несторъ меня въ благоленно-устроенномъ принялъ жилише. Приняль такъ нъжно, какъ сына отецъ принимаетъ, когла онъ Въ домъ возвращается, долго напрасно имъ жданный; такъ Несторъ Самъ и его сыновья многославные были со мпою Ласковы Но объ отці: ничего разсказать онъ не могь мні; Живъ ли, скитается ль гдф на землф, иль погибъ ужъ, объ этомъ Слуховъ къ нему не дошло. Къ Менелаю Атриду меня онъ. Давъ мит коней съ колесинцею кованой, въ Спорту отправилъ. Тамъ я увидълъ Елену Аргивскую, многихъ ахеянъ, Многихъ троянъ погубивтую, волей боговъ всемогущихъ. Царь Менелай, вызыватель въ сраженье, спросилъ, за какою Нуждою прибыль къ нему я въ божественный градъ Лакедемовъ? Все разсказалъ я подробно ему, пичего не скрывая. Такъ на мон мив слова отвъчалъ Менелай златовласый: О безразсудные! мужа могучаго брачное ложе Сами, безсильные, мыслять они захватить произвольно! Если бы въ темномъ лъсу у великаго льва въ логовище Лань однодневныхъ, сосущихъ птенцевъ положила, сама же Стала по горнымъ лъсамъ, по глубокимъ, травою обильнымъ Доламъ бродить, и обратно бы левъ прибъжалъ въ логовище-Разомъ бы страшвая участь птенцовъ безиомощныхъ постигла; Страшная участь постигнеть и ихъ оть руки Одиссея. Если бъ. о Лій громоверженъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аонна! Въ виде такомъ, какъ въ Лесбосе, обильно людьми населенномъ --Где съ сплачомъ Филомпледомъ выступивъ въ бой рукопатный, Онъ опрокинулъ врага на великую радость ахейцамъ-Если бы въ видъ такомъ женихамъ Одиссей вдругъ явился, Сдалался бъ бракъ имъ, судьбой неизбажной постигнутымъ, горекъ. То же, о чемъ ты, меня вопрошая, услышать желаешь, Я разскажу откровенно и мною обмануть не будешь; Что самому возв'єстиль мн'є морской проницательный старець, То и теб'в я открою, чтобъ могъ бы ты всю истину в'вдать. Видълъ его на далекомъ онъ островъ, льющаго слезы Въ светломъ жилище Калипсы, богини богинь, произвольно Имъ овладъвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный: Нъть корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могь бы Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря. Вотъ что сказалъ мив Атридъ Менелай, вызыватель въ сраженье. Спарту поканувъ, я поплылъ назадъ, и послали попутный Вътеръ намъ боги-въ отечество милое насъ проводилъ онъ. Кончилъ разсказъ Телемакъ: взволновалась душа Пенелопы. Өеоклименъ богоравный тогда ей сказаль: не крушися, Многоразумная старца Икарія дочь, Пенелопа, Знаетъ не все опъ; теперь на мое обратися вниманьемъ Слово: я то, что случаться должно, предскажу вамъ наверно; Самъ же Зевесомъ отцомъ, гостелюбною вашей трацезой, Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся Въ томъ, что въ отечествъ миломъ уже Одиссей, что сокрыть опъ Где-нибудь въ доме, иль ходить, незнаемый, все узнавая

Здесь, и беду женихамъ неизбежную въ мысляхъ готовя. Въщая птица, которую видълъ вблизи корабля и, То миъ открыла, и все я тогда жъ объявилъ Телемаку. Өеоклимену разумная такъ отвъчала царица: Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится, Вудешь отъ насъ угощенъ ты, какъ другъ, и дарами осыпанъ Столь изобильно, что счастью такому всё будуть дивиться. Такъ говорили о многомъ они, собесъдуя сладко, Той порой женихи въ Одиссеевомъ дом'в бросаньемъ Дисковъ и дротиковъ острыхъ себя забавляли, собравшись Вев на мощенномъ дворъ, гдъ бывали ихъ шумныя пгры. Но когда отовсюду съ полей на объдъ имъ пригнали Мелкій скотъ пастухи, приводившіе къ нимъ ежедневно Козъ и барановъ, ихъ кликнулъ глашатай Медонъ; былъ любимецъ Онъ жеппховъ и вседневно къ столу ихъ его приглашали. Юноши, онъ имъ сказалъ: вы играли довольно: войдите Въ домъ, и начнемъ нашъ объдъ совокупною силой готовить: Зваете сами, что во-время ппща намъ вдвое вкусиће. Такъ онъ сказалъ имъ. Они покоряся его приглашенью, Встали, и къ дому пошли всей толпою; когда же вступили Въ домъ, положивши на гладкія кресла и стулья одежды, Начали крупныхъ барановъ, откориленныхъ козъ и огромныхъ, Жпромъ налитыхъ свиней убивать; былъ заръзанъ и тучный Выкъ. И за стряпанье всв принялися они. Той порою Въ городъ итти съ Одиссеемъ Эвмей собрался; и готовый Въ путь, овъ сказалъ, наконецъ, обратяся къ Лаэртову сыну: Добрый мой гость, ты желаешь, чтобъ нынче жъ тебя проводилъ я Въ городъ, какъ намъ повелелъ господинъ мой-сказать откровенно, Лучше хотъль бы я сторожемь дома тебя здъсь о завить: Но приказанья боюсь не исполнить: бранить господинъ мой Будеть за это меня: а господская брань непріятна. Время, однако, итти намъ; ужъ болѣ прошло половины Дня; съ наступленіемъ вечера холодъ произителенъ будетъ. Кончилъ. Ему отвъчая, сказалъ Одиссей хитроумный: Знаю, все знаю, и все мив понятно, и все, какъ желаешь, Точно исполню: пойдемъ же, и будь ты монмъ провожатымъ. Только сыщи мит какой бы то ни было посохъ, чтобъ могъ н Чемъ подпираться: дорога столь трудная -- слышно---что шею Можно сломить. Такъ сказавъ, на плеча онъ набросплъ котомку, Всю въ заплатахъ, висъвшую вмъсто ремня на веревкъ. Даль ему въ руки Эвмей суковатую палку; и оба Вифеть пошли, пастуховъ и собакъ сторожами оставивъ Дома. И въ городъ повелъ свинопасъ своего господина Въ образъ хилаго старца, который чуть шелъ, подпираясъ Посохомъ, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ набросивъ на плечи. Тихо идя каменистой, негладкой тропой, напоследокъ Къ городу близко они подошли. Находился тамъ свътлый Ключь; обложень быль она камнемь, и брали въ немъ граждане воду. Въ старое время Итакъ, Неріонъ и Поликторъ прекрасный Создали тамъ водоемъ; окруженъ былъ онъ рощею темныхъ Ольхъ, надъ водою растущихъ; и падалъ студеной струею Ключь въ водоемъ со скалы, на вершинъ которой воздвигнутъ Нимфамъ алтарь былъ; всегда приносили тамъ путники жертву. Тамъ козоводъ повстръчался имъ-сывъ Доліоновъ, Мелантій; Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ стада, откориленныхъ жирно,

Въ городъ онъ гналъ женихамъ на объдъ; съ нимъ товарищей двое Было. Увидя идущихъ, онъ началъ ругаться, и громко Ихъ поносилъ, и разгиввалъ въ груди Одиссеевой сердце: Подлинно здёсь негодяй негодяя ведеть -- говориль онъ-Права пословица: ровнаго съ ровнымъ безсмертные сводятъ. Ты, свинопась безтолковый, куда путешествуещь съ этимъ Нищимъ, столовъ обирателемъ, грязнымъ бродягой, который, Стоя въ дверяхъ, неопрятныя илечи объ притолку чешеть, Крохи одни, не мечи, не котлы получая въ подарокъ, Могъ бы у насъ онъ, когда бы его къ намъ прислаль ты, закуты Наши стеречь, выметать ихъ, козлятамъ подстилки готовить; Скоро бы онъ раздобрѣлъ, простоквашей у насъ обжираясь; Это, однако, ему не по нраву, одно тупеядство Любо ему; за работу не примется: лучие, таскаясь По-міру, хлібомъ чужимъ набивать ненасытный желудокъ. Слушай, однако, п то, что услышишь, исполнится върно; Если войти онъ отважится въ домъ Одиссея-скамеекъ Много изъ рукъ жениховъ на его полетить тамъ пустую Голову; ребра, таская его, тамъ ему обломають Объ поль: и, такъ говоря, Одиссея онъ, съ нимъ поравнявшись, Пяткою въ ляшку толкнулъ, но съ дороги не сбилъ, не принудилъ Даже шатнуться. И въ гитвет своемъ ужъ готовъ быль Лаэртовъ Сынь, побъжавши за нимь, суковатою палкою душу Выбить изъ тъла его, иль, взорвавши на воздухъ, ударить Оземь его головою. Но онъ удержался. Эвмей же Пачаль ругать оскоронтеля: руки поднявъ, онъ воскликцуль: Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вамъ Тукомъ обвитыя бедра козловъ и барановъ здась въ жертву Царь Одиссей приносиль, не отриньте мольбы, возвратите Памъ Одиссея; да благостный Демонъ его къ намъ проводить! Выгналь тогда бъ изъ тебя онъ надменныя мысли, забыль бы, Ты какъ шальной, по дорогамъ шататься и обгать безъ дела Въ городъ, стада подъ падзоромъ неопытныхъ слугъ оставляя. Кончиль. Мелантій, на то возражая, сказаль свиновасу: Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслиль? Лай срокъ, тебя какъ товаръ въ кораблъ чернобокомъ отсюда Я увезу и продамъ въ иноземье за добрыя деньги: Забсь же нав самъ Аполлонъ сребролукій сразить Телемака Тихой стралой, иль, мечомъ жениховъ пораженный, погибнетъ Онъ, какъ отецъ, на чужбинъ утратившій день возвращенья. Такъ онъ сказаль и ушелъ, на дорогъ оставивъ обоихъ, Медленнъй шединхъ; достигнувъ обители царской, онъ прямо Тамъ въ шировую палату вступилъ и за столъ съ женихами Съль Эвримаха напротивъ, къ которому быль онъ усердиъй, Нежели къ прочимъ; ему предложилъ тутъ служитель мясного, Ключинца хавба дала и вды изъ запаса; онъ началъ Ъсть. Той порой Одиссей подошель съ свинопасомъ Эвмеемъ Къ царскому дому; и вдругъ имъ отгуда послышались струны Цитры глубокой, потомъ раздалося и п'явіе; Фемій Пъль; Одиссей, ухватись за Эвисеву руку, воскликнуль: Другъ, мы, конечно, пришли къ Одиссееву славному дому. Можетъ легко быть онъ узнанъ межъ всеми другими домами: Длинный рядъ горинцъ просторныхъ, широкій и чисто мощеный Дворъ, обведенный зубчатой сткною, двойныя ворота Съ кръпкимъ замкомъ-въ пихъ ворваться пасильно никто не помыслитъ. Думаю я, что теперь тамъ объдають; паръ благовонный Мяса я чувствую; слышу и стройно звучащія струны Цитры, богами въ сопутницы пиру веселому данной. Такъ отвъчалъ Одиссею Эвмей, свинопасъ богоравный: Правда, и все ты, какъ есть, угадаль; человъкъ ты разумный; Прежде, однако, должны мы размыслить о томъ, что намъ сдълать Лучше: тебъ ли во внутренность дома вступить и явиться Тамъ на глаза жениховъ многобуйныхъ, а мнъ здъсь остаться? Или теб'є на двор'є подождать одному, а войти къ нимъ Мнъ? Ты, однако, не мелли, чтобъ кто здъсь съ тобой не подрался, Или въ тебя не швырнуль чемъ-я такъ говорю въ осторожность. Голосъ возвысивъ, ему отвъчалъ Одиссей хитроумный: Знаю, все знаю, и мысли твои мив понятны; войди ты Прежде одинъ: я покуда остануся здѣсь; я довольно Въ жизни тревожной ударовъ сносилъ; и швыряемо было Многимъ въ меня; мит терптъть не учиться; не мало видалъ я Бурь и сраженій; пусть будеть и нын'є со мной, что угодно Гію. Одинь лашь не можеть ничемь побеждень быть желудокь, Жазный, насильственный, множество бъдъ приключающій смертнымъ Людямь: ему въ угожденье и крапкоребристые ходять Моремъ пустымъ корабли, принося разоренье народамъ. Такъ говорили о многомъ они въ откровенной беседе. Уши и голову, слушая изъ, подияла туть собака Аргусъ; она Одиссесва прежде была, и ее опъ Выкормиль самь; но на ловь съ ней ходить не успаль, принужденный Плыть въ Иліонъ. Молодые охотники часто на дикихъ Козъ, на оленей, на зайцевъ съ собою ее уводили. Нына забытый (его господина была далеко), она, обдинй Аргусъ, лежалъ у вороть на навозф, который отъ многихъ Муловъ и многихъ коровъ на запасъ тамъ копили, чтобъ послъ Имъ Одиссеевы были поля унавожены тучно; Тамъ полумертсый лежаль неподвижно поклиутый Аргусь. Но Одиссееву близость почувствовалъ опъ, шевельнулся, Тронуль хвостомъ и поджаль въ изъявление радости уши; Влизко жъ подползть къ господину и даже подняться онъ не былъ Въ сплахъ. И, вкосъ на него поглядъвши, слезу, отъ Эвмея Скрытно, обтеръ Одиссей, и потомъ онъ сказалъ свинонасу: Странное дело, Эвмей; тамъ на куче навозной собаку Вижу; прекрасной пероды она, но сказать не ум'ю, Сила и легкость ея на бъгу таковы ль, какъ наружность? Или она лишь такая, какихъ у господъ за столами Часто мы видимъ: для роскоши держать ихъ знатные люди. Такъ, отвъчая, сказалъ ты, Эвмей, свинопасъ, Одиссею: Это собака погибшаго въ дальнемъ краю Одиссен; Если бъ она и понычв была такова же, какою, Плыть собираясь въ Троянскую землю, ее господинъ мой Пома оставиль-ел быстроть и отважности върго бъ Ты подивился; въ лъсу ни въ какомъ захолусть укрыться Дичь отъ нея не могла; въ ней чутье несказанное было. Нынъ же бъдная брошена; пътъ ужъ ея господина, Въ чужъ погибъ онъ; служанки жъ о ней и подумать лънятся; Рабъ нерадивъ: не принудь господинъ повельніемъ строгимъ Къ дълу его, за работу онъ самъ не возьмется охотой: Тигостный жребій печальнаго рабства избравъ челов'єку, Лучшую доблестей въ немъ половину Зевесъ истребляетъ.

Кончилъ. И въ двери свътло-населеннаго дома вступивши, Прямо вошель онь въ столовую, гдф женихи пировали. Въ это мгновеніе Аргусъ, увид'ввшій вдругь черезъ двадцить Лътъ Одиссея, былъ схваченъ рукой смертоносныя Меры-Прежде другихъ Телемакъ богоравный Эвмея, который, Ходя кругомъ, озпрался, увидълъ; ему головою Подаль онъ знакъ, чтобъ къ нему подошелъ; осмотръвшись, пустую Взяль онь скамью, на каторой всегда за столомъ раздаватель Пищи сидаль, чтобъ ее разсылать женихамъ по порядку. Эту скамыю пододвинувъ къ столу Телемакову, сълъ онъ Противъ него; предложилъ тутъ, приблизившись съ блюдомъ, глашатай Мяса варенаго часть имъ, и хлебъ, изъ корзины имъ взятый. Вследъ за Эвмеемъ явился и самъ Одиссей богоравный Въ образъ хилаго старца, который чуть шелъ, подпираясь Посохомъ, съ обдной котомкою, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ; Сълъ онъ въ дверяхъ на порогъ, спиной прислоняся къ дубовой Притолкъ (выскоблилъ острою скобелью плотникъ искусный Гладко ее, напередъ топоромъ по снуру обтесавши). Тутъ свинопасу Эвмею сказалъ Телемакъ, подавая Хлфбъ, изъ корзины межъ лучшими взятый, и вкуснаго мяса, Сколько въ объяхъ горстяхъ умъститься могло: отнеси ты Это, Эвмей, старику, и скажи, чтобъ потомъ обощелъ онъ Всьхъ жениховъ, и у нихъ попросилъ подаянья—стыдливымъ Нищему, тяжкой нуждой удрученному, быть неприлично. Такъ онъ сказаль, и Эвмей, повинуясь, пошелъ къ Одиссею. Влизко иъ нему приступивши, опъ бросилъ крылатое слово: Это прислалъ Телемакъ: и вельлъ онъ сказать, чтобъ потомъ ты, Всьхъ обойдя жениховъ, попросилъ поданны — стыдливымъ Нищему быть, говорить опъ, въ жестокой пужда неприлично. Кончиль. Ему отв'вчая, сказаль Одиссей хитроумный: Зевсъ да пошлеть благоденствіе между людьми Телемаку, Давъ совершиться всему, что теперь замышляеть онъ въ сердца! Такъ опъ сказалъ, и, обфими взявин руками подачу, Мясо и хатьот банзъ себя положилъ на убогой котомкт. Началь онъ всты той порой вдохновенно запълъ предъ гостями Фемій; когда же тоть вдоволь назался, а этоть умолкнуль-Начали вновь женихи бушевать; но богиня Аопна, Тайно приближась къ Лаэртову сыну, ему повелела Ветать и ходить вкругъ столовъ ихъ, прося подаянья: хотъла Видіть она, кто изъ нихъ благодушенъ и кто беззаконникъ; Въ мысляхъ же всъхъ безъ изъятія смерти предать назначала. Вставъ, онъ пошелъ и у каждаго началъ просить подаянья, Руку къ нему простирая, какъ нищій, скитаться обыкцій. Съ жалостнымъ сердцемъ они на него въ-изумленыи смотръли, Знать любопытствуя, кто и откуда пришель онъ. Сидъвшій Съ ними настухъ козоводъ, забіяка Мелантій, сказаль имъ: Слушанте вы, женихи многославной царицы, я видълъ Этого нищаго, съ нимъ на дорогъ сюда повстръчавшись; Думаю, быль онъ сюда приведень свинопасомъ Эвмеемъ; Самъ же не знаю я, кто и въ какой сторонъ родился овъ. Такъ овъ сказалъ. Антиной на Эвмея съ досадою крикнулъ: Ты, свинопасъ, негодяй всемъ известный, зачемъ ты приводишь Въ городъ такихъ развращенныхъ бродягъ? Ужъ и здъщняя сволочь Этихъ столовъ обирателей намъ нестерпимо докучна; Видно, еще для тебя недовольно, что все здесь запасы

Тратять онн-и еще одного ты привель къ намъ обжору. Такъ, возражая. Эвмей свинопасъ отвъчалъ Антиною: Ты, Антиной, неразумное мив и недоброе молвилъ Слово теперь. Приглашаетъ ли кто человъка чужого Въ домъ свой безъ нужды? Лишь техъ приглашають, кто нужевъ на дело: Или гадателей, или врачей, иль нокусниковъ зодчихъ, Или пъвцевъ, утъщающихъ душу божественнымъ словомъ-Ихъ приглашають съ охотою всѣ земнородные люди: Нищаго жъ, каждому скучнаго, кто пригласитъ произвольно? Ты же изъ всъхъ жениховъ Пенелоны къ рабамъ Одиссея Самый неласковый быль завсегда, и ко мнъ особливо; Я не печалюсь объ этомъ, покуда моя здёсь царица Здравствуеть съ сыномъ своимъ Телемакомъ, моимъ господиномъ. Кротко Эвмею сказаль разсудительный сынъ Одиссеевъ: Полно, Эвмей, замолчи; говорить съ нимъ не долженъ ты много; Знаешь, какъ скоръ Антиной на обидное слово; онъ любитъ Ссориться самъ, и другихъ на раздоръ подбиваетъ охотно. Туть, обратясь къ Антиною, онъ бросилъ крылатое слово: Ты обо мнф, какъ о сынф отецъ благодушный, печешься, Другъ Антиной, выговяя своимъ повелительнымъ словомъ Странняковъ, въ домъ мой входящихъ-но будеть ли Дій темь доволень? Дай, что захочешь; не спорю я; самъ приглашаю, напротивъ; Матери также моей не страшися; тебя не осудитъ Здесь и никто изъ рабовъ, въ Одиссеевомъ доме живущихъ. Но, конечно, подобныя мысли теб'в не приходять Въ сердце: себѣ все берешь ты, другимъ же давать не охотникъ. Кончиль. И гифвио ему возразиль Антиной, сынь Эвнейтовъ: Что ты сказаль, Телемакъ, необузданный, гордоръчивый? Если бъ вотъ это отъ каждаге здісь желиха получиль онъ-Върно сюда бы три мъсяца вновь заглянуть не подумаль. Такъ говоря, онъ скамейку схватилъ, на которую ноги Клалъ подъ столомъ, и, грозяси, ее показалъ Одиссею. Прочіе жъ всѣ подавали котомку его, наполняя Хлібомъ и мясомъ. И, много собравъ, Одиссей ужъ готовъ быль Състь на порогъ свой, чтобъ данной насытиться пищей; но прежде Онъ подощелъ къ Антиною и бросилъ крыдатое слово: Дай мять и ты. Не послъднимъ тебя здъсь считаю, но первымъ, Лучшимъ и самымъ знативнимъ; царю ты подобишел видомъ; Шедродаянье должно быть теб'я и приличный и легче Всъхъ ихъ; и славить тебя я отнынъ по всей безпредъльной Буду землъ. Я и самъ межъ людьми не всегда безиріютно Жилъ; и богатоустроеннымъ домомъ владълъ, и доступенъ Всякому страннику быль, и охотно даваль неимущимъ: Много им'яль я невольниковь, много всего, чемъ роскошно Люди живуть и за что величаеть ихъ свъть богачами. Все уничтожилъ Кроніонъ-была, безъ сомнѣнья, святая Воля его, чтобъ съ дружиной отважныхъ добычниковъ поплылъ Я въ отдаленный Египеть (онъ тамъ приготовилъ миъ гибель). Въ лонъ потока Египта легконоворотвые наши Всѣ корабли утвердивъ, я велѣлъ, чтобъ отборные люди Тамъ на морскомъ берегу сторожить ихъ остались; другимъ же Далъ приказание съ ближнихъ высоть обозръть всю окрестность. Вдругъ загорълось въ нихъ дикое буйство; они обезумівъ, Грабить поля плодоносныя жителей мирныхъ Египта Бросились, начали женъ похищать и детей малолетныхъ,

Звърски мужей убивая-тревога до жителей града Скоро достигла, и сильная ранней зарей собрадася Рать; колесиицами, пѣшими, яркою мѣдью оружій Поле кругомъ закипъло; Зевесъ, веселящійся громомъ, Въ жалкое бъгство мопуъ обратилъ; отразить ни единый Силы врага не посм'ять и отвсюду нась смерть окружила; Многихъ тогда изъ товарищей мѣдь умертвила, и многихъ Плънныхъ насильственно въ градъ увлекли на печальное рабство. Я же быль жителю Крита, въ Египетъ прибывшему, проданъ Дметору, сыну Эзона, владъвшаго Кипромъ; въ Итаку Прибыль изъ Кипра я, много имъвъ на пути злоключеній. Гифвио сказаль, отвъчая ему, Антиной, сынъ Эвпейтовъ: Вфрио намъ демонъ такую чуму посылаетъ, такую Порчу пировъ; отойди отъ стола моего; на срединъ Стой тамъ, чтобъ не было хуже тебъ и Египта и Кипра. Что за наглець неотступный! Какой побродяга безстыдный! Всехъ поочередно ты здесь обощель; и тебе, что попалось Подъ руки каждому, подали все, не изъ щедрости: здесь имъ Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся жъ Прочь. Отъ стола отступивъ, отвѣчалъ Одиссей хитроумный: Горе! такъ видно съ лицомъ у тебя твой разсудокъ несходенъ; Въ домъ своемъ ты и соли щепотку мнъ дать пожальлъ бы, Если ужъ здѣсь, за обѣдомъ чужимъ прохлаждаяся, хлѣба Корку жалфешь миз бросить: а столъ вашъ, и вижу, обиленъ. Такъ онъ сказалъ. Антиной, разсердясь, на него исподлобья Грозно очами сверкнулъ и бросилъ крылатое слово; Если еще грубіянить ты вздумаль, бродяга, то даромь Это тебъ не пройдеть, и дабромъ ты не выдешь отсюда. Туть онъ скамейкой швырнуль-и жестоко ударила въ спину Подлѣ плеча Одиссея она; какъ утесъ, не шатнувшись, Онь устояль на ногахъ; не сраженный ударомъ, онъ только Молча потрясь головой и страшное въ сердцѣ помыслилъ. Къ двери потомъ возвратяся, онъ сълъ на порогъ и котомку На полъ съ Едой положивши, сказалъ женихамъ: обратите Слухъ вашъ во миъ, женихи многославной царицы, дабы я Высказать могь вамъ все то, что велить мив разсудокъ и сердце. Не было бъ въ томъ ни бъды, ни прискорбія тяжкаго сердцу, Если бы кто, за имбиье свое, за быковъ, за блестящихъ Шерстью овецъ заступаяся, вытеривлъ злые побоп; Мнъ жъ отъ руки Антипол побои достались за гнусный, Жадный и множество бедъ приключающій людямъ желудокъ. Если же боги и мщенье Эринній живуть и для бъдныхъ-Смерть, Антиной, а не бракъ вожделенный ты встретишь, обидчикъ. Гифвио, ему возвражая, сказаль Антиной, сынь Эвиейтовъ: Ъшь и молчи, негодяй; иль бъги неоглядкой отсюда; Иначе, такъ нагрубивъ мнъ, ты за ноги будешь рабами Вытащенъ въ дверь и всъ кости твои обломаются объ полъ. Кончиль. Угрозы его не одобриль никто; негодуя, Такъ говорили иные изъ юношей дерзконадменныхъ: Ты, Антиной, поступлать непохвально, обиду нанесши Этому нищему; что же, когда онъ одинъ изъ безсмертныхъ? Боги неръдко, облекшися въ образъ людей чужестранныхъ, Входять въ земныя жилища, чтобъ видъть своими очами, Кто изъ людей беззаконствуетъ, кто наблюдаетъ ихъ правду. Такъ женихи говорили; но рѣчи ихъ были напрасны.

Злою обидой глубоко въ душт Телемакъ сокрушался Вифстф съ обиженнымъ; слезы свои утанвши, онъ только Молча потрясъ головою и страшное въ сердцъ помыслилъ Но Пенелопа разумная, слыта, что быль чужеземець Въ дом'в ихъ такъ оскорбленъ, обратяся къ рабынямъ, сказала; 0! когда бы его поразиль Аполлонъ сребролукій! Ей Эвринома, разумная ключища, такъ отвъчала: Если бы все исполнялось согласно съ желаніемъ нашимъ, Завтра же свътлой денницы изъ нихъ ни одинъ бы не встрътилъ. Кончила. Ей Пенелопа разумная такъ возразила: Правда, мит вст ненавистны они, намъ отъ встхъ притъсненье; Но Автиной наиболъе съ черною Керою сходенъ: Принять въ нашъ домъ чужеземецъ и, ходя кругомъ, подаянья Просить у всёхь онь гостей, приневоленный строгой нуждою-Подали всь, и свою онъ наполнилъ котомку; лишь этотъ, Витсто подачи, въ него, какъ безумный, скамейкою бросилъ. Такъ Пенелопа рабынямъ своимъ говорила въ покояхъ Верхнихъ своихъ. Одиссей же, сиди на порогѣ, обѣдалъ. Кликнуть къ себъ повелъвъ свинопаса, царица сказала: Слушай, Эвмей благородный, скажи иноземцу, что я съ нимъ Здёсь повидаться желаю, чтобъ знать отъ него, не слыхалъ ли Онъ о супругъ моемъ и ему не случилось ли гдъ съ нимъ Встретиться: кажется мие человекомъ онъ, много видавшимъ. Такъ Пенелоп' отв' тствоваль ты, свинопась богоравный: Если бъ твои женихи хоть на мигъ поутихли, царица, Милое сердце твое онъ своимъ бы разсказомъ утъщилъ. Три дня и три ночи онъ ужъ гостить подъ моею убогой Кровлей; пришель же ко мнв, съ корабля убъжавь отъ осспротовъ. Мп'. о своихъ приключеньяхъ еще онъ не кончиль разсказа; Но какъ внимають пъвцу, вдохновенному свыше богами, Пъснь о великомъ поющему людямъ, судьбинъ подвластнымъ, Въ нихъ возбуждая желаніе слушать его непрестанно, Такъ я внималь чужеземцу, сиди передъ нимъ неподвижно; Съ нимъ Одиссей по отцу, говоритъ онъ, считается гостемъ; Въ Критъ широкоравнинномъ, отчизкъ Миноса, рожденный, Прибыль оттоль сюда онь, и много превратностей встрытиль, Скудно мірскимъ подаяньемъ питаясь; и слышаль онъ, будто Края веспротовъ, сосъдняго съ нашей Итакой, достигнулъ Царь Одиссей, возвращаяся въ домъ свой съ великимъ богатствомъ. Кончилъ. Разумная такъ отвъчала ему Пенелопа: Кликии его самого; я желаю, чтобъ самъ разсказалъ онъ Все мит подробно, покуда пгрой на дворт передъ дверью Или во внутреннихъ горницахъ будутъ они забавляться; Дома они про себя сберегають свои всв запасы, Хлъбъ и вино золотое; ихъ тратять домашніе люди; Имъ же удобићи вседневно врываяся въ домъ нашъ толпою, Нашихъ быковъ и барановъ и козъ откориленныхъ резать, Жрать до упада и свътлое наше вино безпощадно Тратить. Нашъ домъ разоряется, ибо ужъ нъть въ немъ такого Мужа, каковъ Одиссей, чтобъ его отъ проклятья избавить. Если же онъ возвратится и снова отчизну увидить, Съ сыномъ своимъ онъ отметитъ имъ за все. Такъ царица сказала. Въ это мгновенье чихнулъ Телемакъ и такъ спльно, что въ целомъ Дом' какъ громъ раздалось; засм' ввшись, Эвмею, посп' шно Кликнувъ его, Пенелопа крылатое бросила слово:

Добрый Эвмей, приведи ты сюда чужеземца немедля; Слово мое зачихнулъ Телемакъ; я теперь несомивипо Знаю, что злые мои женихи неизбъжно погибнуть Всь: ни одинъ не уйдеть отъ судьбы и отъ мстительной Керы. Выслушай то, что скажу, и вамыть про себя, что услышишь: Если меня безъ обмана онъ доброю въстью утвшить, Мантію дамъ я ему и хитонъ и красивую обувь. Гончила. Ей повинуясь, пошелъ свинонасъ къ Одиссею: Близко къ нему подошедии, онъ бросилъ крылатое слово: Слушай, отецъ чужеземецъ, разумная наша царица, Мать Телемака, тебя приглашаеть къ себъ; о супругъ Хочеть она разспромть, сокрушаясь о пемъ безпрестанно. Если ее безъ обмана ты доброю въстью утышинь, Мантію ты и хитонъ и краспвую обувь получишь. Хлѣбъ же, чтобъ свой успокопть желудокъ, по улицамъ ходя, Въ городъ можень сбирать оть людей — тамъ подасть, кто захочеть. Такъ Одиссей хитроумный сказалъ, отвъчая Эвмею: Все безъ обмана я могь бы теперь разсказать Пенелоп'ь, Старца Иварія дочери многоразумной; я много Знаю о мужъ ся: мы одно съ нимъ терпъли на свъть. По жениховъ я боюсь необузданно-дерзкихъ, которыхъ Буйство, безстыдство и хвщность дошли до жел'взнаго неба; Видель ты самъ, какъ въ меня, тамъ ходившаго смирно, и мысли Злой не имфанаго, этотъ неистовый бросилъ скамейкой — Кто жъ за меня заступился? Никто. Промолчалъ и прекрасный Сынъ Одпессевъ. Пускай же царица, хотя нетерпънье Въ пей и велико, дождется, чтобъ Геліосъ скрылся; тогда я Все, что узнать пожелаеть она о супругь далекомъ Ей разскажу, помъстясь у огня, чтобъ согръться: одъть я Плохо-то въдаень самъ ты, тебя я здъсь перваго встрътилъ. Такъ онъ сказалъ; и Эвмей, повинуясь, пошелъ къ Пенелопъ; Встрътивъ его на порогъ своемъ, Пенелопа спросила: Онъ не съ тобою, Эвмей? Для чего же притти не хотелъ онъ, Бідный? Бонтся ль обиды какой? На глаза ль показаться Людямъ стыдится? Стыдливому нищему плохо на свътъ. Такъ Пенелоп'в отв'ятствоваль ты, свинопасъ богоравный: Неть; онь умно разсуждаеть, и съ нимъ ты должна согласиться; Онъ, жениховъ необузданно-дерзкихъ, царица, бояся, Просить тебя терифливо дождаться, чтобъ Геліосъ скрылся; Думаю также и я, что гораздо удобиъе будеть, Если его ты одна обо всемъ на досугь разспросниь. Выслушавъ, умиая такъ отвъчала Эвмею царица: Странникъ твой, кто бы онъ ни былъ, умно разсуждаеть; и правъ онъ: Въ цаломъ свъть, ингак посреди земнородныхъ не можно Встрітить людей, столь неистовыхъ, столь беззаконноразвритныхъ. Такъ отвъчала Эвмею она. Свинопасъ богоравный, Все передавъ ей, пошелъ къ женихамъ; съ Телемакомъ въ столовой Встратился онъ и, приблизившись, бросиль крылатое слово Шопотомъ въ ухо ему, чтобъ его не слыхали другіе: Милый, теперь я иду: за свиньями, за домомъ, за всѣми Въ дом' взанасами должно смотръть миж: а ты остороженъ Будь здёсь, себя береги и смотри, чтобъ съ тобой никакого Зла не случилось: зломысленныхъ много тебя окружаетъ. Зевсь да погубить ихъ прежде, чемъ бъдствіе наше созріветь! Кончиль. Ему отвичаль разсудительный сынъ Одиссеевъ: 117

Добрый сов'ять ты даешь мнв, отець; но ты самь, ночевавши Дома, сюда возвратися поутру съ отборной свиньею. Боги мой умъ просв'ятять и меня надоумять, что д'ялать. Такъ отв'язать Телемакъ. Свинопасъ пом'ятился на гладкомъ Стул'я; поукинавъ сытно и свой удовольствовавъ голодъ, Въ поле пошелъ овъ къ свиньямь острозубымъ, оставивши царскій Домъ, оглашаемый шумомъ пирующихъ; ибньемъ и пляской Тамъ веселились. Т'ямъ временемъ темная ночь наступила.

пъснь осьмнаццатая.

СОЛЕЖАНІЕ ОСЬМНАЛНАТОЙ ПЪСНИ.

Тридцать-осьмой день. Бой Одиссея съ Промъ. Онъ напрасно совътуетъ Анфиному разстаться съ женихами. Пенелона подаетъ имъ надежду на скорый бракъ; они приносять ей подарки. Меланто оскорбляетъ Одиссея. Эвримахъ бросаетъ въ него скамейкою. Женихи расходятся по домамъ.

Въ двери вошелъ туть одинъ всемъ известный бродяга; шатансь По-міру, скуднымъ онъ жиль поданньемъ, и въ целой Итакф Славенъ былъ жаднымъ желудкомъ своимъ, и нахальствомъ и пьянствомъ; Силы, однако, большой не пувль онь, хотя и высокъ быль Ростомъ. По имени слылъ Арисономъ (такъ матерью названъ Быль при рожденьи), но въ городъ вся молодежь величала Иромъ его, потому что у всъхъ онь тамъ былъ на посылкахъ. Въ двери вступивъ, Одиссея онъ сталъ принуждать, чтобъ покинулъ Домъ свой; и бросиль ему раздраженный крылатое слово; Прочь отъ дверей, старичишка, иль за ноги вытащенъ будешь; Развѣ не видишь, что всѣ мнѣ мигають, меня понуждая Вытолкать въ двери тебя; но марать понапрасну своихъ я Рукъ не хочу; убирайся, иль дело окончится дракой. Мрачно взлянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей благородный: Ты сумасбродъ, я не дълаю зла никому здъсь; и сколько бъ Тамъ кто ни подаль тебь, я не стану завидовать; оба Здась на порога мы можемъ просторно сидать; намъ не нужно Споръ заводить. Ты, я вижу, такой же, какъ я, безпріютный Странственникъ; бъдны мы оба. Лишь боги дарують богатство. Воли, однако, рукамъ не давай; не совътую; старъ я: Но, разсердяся, и грудь у тебя разобыю я и губы Въ кровь; и просториће будеть тогда мић на этомъ порогъ Завра, понеже ужъ, думаю, ты не придень во второй разъ Властвовать въ домѣ царя Одиссея, Лаэртова сына. Иръ въ несказанной досадѣ воскликнулъ, ему отвѣчая: Онъ же прожора и уминчать вздумаль! не хуже стряпухи Старой лепечетъ! постой же; тебя проучить мив порядкомъ Должно, принявъ въ кулаки и изъ челюстей зубы повыбивъ Вст у тебя, какъ у жадной свиньи, истребляющей ниву. Полно жъ сидъть; выходи, покажи намъ свое здъсь умънье; Вотъ поглядимъ мы, ты сладишь ли съ темъ, кто тебя посильне Такъ межъ обоями пящими въ бранныхъ словахъ загорълась Ссора на гладкомъ порог'в дверей. То прим'втила прежде Всёхъ Антиноева сила святая. И съ хохотомъ громкимъ Онъ, къ женихамъ обратяся, воскликнулъ: друзья, цоглядите, Что тамъ въ дверяхъ происходить. Подобнаго мий не случалось Видъть нигдъ; намъ чудесную Дій посылаеть забаву: Съ старымъ бродягой поссорился Иръ, и, конечно, ужъ скоро Драка тамъ будетъ; нойдемъ поскорбе, намъ должно стравить ихъ.

Такъ онъ сказалъ: женихи, засмъявшись, вскочили посифшно Съ мъстъ и соперниковъ, грязнымъ одътыхъ тряпьемъ, обступили. Туть, обратясь въ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, сказалъ пиъ: Выслушать слово мое васъ, товарищи, я приглашаю; Козып желудип лежать тамъ на угольяхъ; сами на ужинъ Ихъ для себя отложили мы, жиромъ и кровью наливши: Я предлагаю, чтобъ тотъ, кто изъ двухъ побъдителемъ будетъ, Взяль для себя изъ желудковъ обжаренныхъ лучшій; потомъ мы Будемъ вседневно его приглашать и къ объду: другимъ же Нишниъ сбирать здъсь столовыя крохи впередъ не дозволимъ. Такъ преложилъ Антиной и одобрили всё предложенье. Хитрость замысливъ, тогда имъ сказалъ Одиссей многоумный: Въ бой выходить съ молодымъ старику, изпуренному въ силахъ Пищенской жизнію, трудно, друзья; по докучный желудокъ Нудить меня согласиться, хотя бъ и стеривть здвсь побои. Слушайте жъ то, что скажу: поклянитесь великою клятвой Мнь, что потворствуя Иру, пикто на меня не подыметъ Рукъ и соперинку верхъ надо мной одержать не поможетъ. Такъ говорилъ Одиссей: женихи поклялися: богда же Всв поклялися они и клятву свою совершили, Слово къ отцу обративши, сказалъ Телемакъ богоравный: Если ты самъ добровольно желаешь и смело решился Выступить въ бой съ вимъ, то страха не долженъ имъть: кто посмъеть Руку поднять на тебя, тотъ съ собою здесь многихъ поссорптъ. Я здъсь хозяннъ, защитникъ гостей, и, конечно, со мною Будуть теперь заодно Антиной, Эвримахъ и другіе. Такъ онъ сказалъ. Женихи согласились, Тогда сынъ Лаэртовъ Рубище снялъ и себя имъ, пристойность храня, опоясалъ. Туть обнаружились крыпкія ляшки, шпрокія плечи, Твердая грудь, жиловатыя руки, и сделала выше Ростомъ его, пепримътно къ нему подошедши, Анина. Всъ женихи на него съ изумленьемъ великимъ смотръли; Глядя другь на друга, такъ межъ собою они разсуждаля: Пру б'бда; за нахальство теперь онъ заплатить. Какія Кръпкія мышцы подъ рубищемъ этого нищаго скрыты! Такъ говорили они. Обуяла великая трусость Ира. Его, опоясавъ, рабы притащили пасильно; Бледный, дрожащій оть страха, едва на ногахь оль держался. Слово къ нему обративши, сказалъ Антиной, сынъ Эвисйтовъ: Лучше тебъ хвастуну умереть иль совсъмъ не родиться Выло бы, если теперь такъ дрожишь, такъ безстыдно робъешь Ты передъ этимъ, измученнымъ бъдностью, старымъ бродигой. Слушай, однако, и то, что услышины, исполнится върно: Если тебя побъдить онъ и силой своей одольсть, Вудешь ты брошенъ на черный корабль и на твердую землю Къ злому Эхету царю, всехъ людей истребителю, сосланъ. Ути и носъ безпощадною м'ядью теб'я онъ обр'яжеть, Въ крохи изрубить тебя и собакамъ отдастъ на създенье. Такъ говорплъ онъ. Ужасная робость проникнула Ира; Силою слуги его притащили; и подняли руки Оба. Себя самого туть спросиль Одиссей богоравный: Сильно ль ударить его кулакомъ, чтобъ издохъ онъ на мъсть? Или несильнымъ ударомъ его опрокипуть? Обдумавъ Все, напоследовъ опъ выбралъ неспльный ударъ, поелику Иначе могь опъ въ сердцахъ жениховъ возбудить подозрънье.

Оба туть вышли; въ плечо кулакомъ Одиссея ударилъ Ирь. Одиссей же его по затылку близъ уха: вдавилась Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася Ртомъ; онъ, забывъ, опрокинулся; зубы его скрежетали, Объ полъ онъ пятками билъ. Женихи же, всплеснувши руками, Всь помпрали отъ смъха. А сынъ благородный Лаэртовъ, За ногу Ира схвативъ, черезъ двери и портикъ къ воротамъ Дома его черезъ дворъ протащилъ: п, его приневоливъ Състь тамъ, спиною къ стънъ прислонилъ, суковатую палку Втиснулъ ему полумертвому въ руки и гифвное бросилъ Слово: сиди здъсь, собакъ и свиней отгоняй; и нахально Властвовать въ дом'в чужемъ не пытайся впередъ, высылая Нишихъ оттуда, самъ нищій бродяга: иль будеть сь тобою Хуже бъда. Онъ сказалъ и, па плечи набросивъ котомку, Всю въ заплатахъ, висъвшую вмѣсто ремия на веревкѣ. Къ двери евоей возвратился и сълъ на порогъ. А гости Встрътили смъхомъ его и, къ нему подступивши, сказали: Молимъ мы Зевса и въчныхъ боговъ, чтобъ они совершили Все то, чего напболь теперь ты желаешь, о чемъ ты Молишь ихъ самъ; навсегда ты избавилъ отъ здого прожоры Край нашъ. Овъ нами немедленно будетъ на твердую землю Къ злому Эхету царю, всъхъ людей истребителю, сосланъ. Такъ женихи говорили; былъ радъ Одиссей прорицанью. Съ угольевъ снявши желудокъ, наполненный жиромъ и кровью, Подаль Лаэртову сыну его Антиной; и, два хлѣба Взявъ изъ корзины, принесъ ихъ ему Анфиномъ, онъ наполнилъ Кубокъ виномъ и сказалъ Одиссею, его поздравляя: Радуйся, добрый отепъ иноземецъ! теперь ницетою Ты удручень; да пошлють, паконець, п тебь изобилье Боги! Ему отвъчая, сказалъ Одиссей хитроумный: Ты, Анфиномъ, благомысленный юноша, вижу я: знатенъ Твой благородный отецъ, повсемъстно молвою хвалимый, Нязъ, уроженецъ Дуляхія многобогатый; его ты Сынъ, мит сказали; и самъ испыталъ я, сколь ты добродущенъ. Слушай же, другъ, и размысли, - размысли о томъ, что услышника: Все на землъ измъняется, все скоротечно; всего же, Что ни цвътетъ, ни живетъ на землъ, человъкъ скоротечнъй; Онъ о возможной въ грядущемъ бъдъ не помыслить, покуда Счастіемъ боги лелівють его и стоять на ногахъ онъ; Если жъ бъду ниспошлютъ на него всемогущие боги, Онъ негодуетъ, но твердой душой неизбъжное сносить: Такъ суждено ужъ намъ всемъ, на земле обитающимъ людямъ, Чтобъ на послалъ намъ Кроніонъ, владыка безсмертныхъ и смертныхъ. Нъкогда славенъ ч я межъ людьми былъ великимъ богатствомъ; Силой своей увлеченный, тогда беззаконствоваль много Я, на отца и возлюбленныхъ братьевъ своихъ полагаясь. Горе тому, кто себе на земл'в позволяеть неправду! Должно въ смпренъп, напротивъ, дары отъ боговъ принимать намъ Вижу, какъ здёсь женихи, самовластно безчинствуя, губять Все достоянье царя и наносять обиды супругъ Мужа, который, я мыслю, недолго съ семьей и съ отчизной Будеть въ разлукъ. Онъ близко. О другъ, да хранительный Демонъ Во-время въ домъ твой тебя уведеть, чтобъ ему на глаза ты Зайсь не попался, когда возвратится въ оточескій домъ опъ. Злись не пройдеть безъ пролитія крови, когда съ женихами

Станеть вести свой расчеть онъ, вступи подъ домашнюю кровлю. Такъ опъ сказалъ и вина золотаго, сверинивъ возліянье, Выпиль; и кубокъ потомъ возвратилъ Анфиному. И тихимъ Шагомъ пошелъ Аненномъ съ головой наклоненной, съ печалью Малаго сердца, какъ-будто предчувствіемъ б'ядствія полный; Но не ушель отъ судьбы онъ; его оковала Паллада, Пасть отъ копья Телемакова визств съ другими назначивъ. Сълъ онъ на стулъ свой опять, къ женихамъ возвратяся безпечно. Туть свътлоокая дочь громовержца вложила желанье Въ грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына, Выйти, дабы, женихамъ показавшись, сильнъйшимъ желаньемъ Сердце разжечь имъ, въ очахъ же супруга и милаго сына Волъ, чъмъ прежде, явиться достойною ихъ уваженья. Такъ улыбнуться уста приневоливъ, она Эвриномъ Ключинь старой сказала: хочу я-чего не входило Прежде мнв въ умъ-женпхамъ ненавистнымъ моимъ показаться: Также хочу и совътъ тамъ подать Телемаку, чтобъ болъ Съ шайкою ихъ многобуйныхъ грабителей онъ не водился; Добры они на словахъ, но не добрыя мысли въ умъ ихъ. Ей Эвринома, усердная ключинца, такъ отвъчала: То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедлявымъ. Выдь къ нимъ и милому сыну подай откровенно совъть свой. Прежде, однако, омойся, натри благовопнымъ елеемъ Щеки; тебъ не годится съ лицомъ безобразнымъ отъ плача, Къ нямъ выходить: красота увядаетъ отъ скорби всегдатней. Сынь же твой милый созрыль; и тебь, какъ молила ты, боги Дали увидъть его съ бородою разцвътшаго мужа. Ключиндъ върной отвътствуя, такъ Пенелона сказала: Нътъ, никогда, Эвринома, для нихъ, ненавистныхъ, не буду Я омываться и щекъ натирать благовоннымъ елеемъ. Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили Въ самый тотъ часъ, какъ пошелъ Одиссей въ отдаленную Трою. Но позови Гипподамію, съ нею пускай Автоноя Также придеть, чтобъ меня проводить въ пировую палату: Къ нимъ не пойду я одна, то стыдливости женской противно. Такъ говорила царица. Посифино пошла Эвринома Кликнуть объяхъ служанокъ, чтобъ готчасъ послать къ госпожъ ихъ. Умная мысль родилася туть въ сердцѣ Аепны Паллады: Сну, мпроносцу, велъла богиня сойти къ Пенелопъ. Сонъ прилетелъ и ее улелеяль, и все въ ней утихло Въ креслахъ она неподвижно сидъла; и ей, усыпленной, Все, чемъ пленяются очи мужей, даровала богиня: Образъ ея просіяль той красотой несказанной, какою Въ пламенно-быстрой и въ сладостно-томной съ харитами иляскъ Образъ Кпприды, вънкомъ благовоннымъ вънчанной, сіяетъ: Стройный ея возвеличился стапъ и все тело нежнее, Чище, свежей и блистательней сделалось кости слоновой. Такъ одаривши ее, удалилась богиня Аепна. Но бълорукія объ рабыни, вбъжавши поспъшно Въ горницу, шумомъ нарушили сладостный сопъ Пепелопы. Щеки руками спросовья потерши, она имъ сказала: Какъ же я сладко заснула въ моемъ сокрушеньи! О! если бъ Мив и такую же сладкую смерть принесла Артимида Въ это мгновенье, чтобъ я непрерывной тоской перестала Жизнь сокрушать, все не въдая, гдъ Одиссей, гдъ супругъ мой,

Доблестью всякой украшенный, всёхъ превзопедийй ахеянъ. Кончивъ, по лъстипцъ винзъ Пенелона сошла, вслъдъ за нею Объ служанки сошли, и она, божество красотою, Въ ту палату вступивъ, гдф ея женихи пировали. Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала, Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ; Справа и слева почтительно стали служанки. Сына къ себъ подозвавши, его Пенелопа спроспла: Сынъ мой, скажи миж, ты въ полномъ ли разумъ? Въ возрасть дътскомъ Выль ты умиже и приличие всякое болже въдаль. Нынъ жъ ты мужеской силы достигнулъ, и кто ни посмотритъ Зд'ясь на тебя, чужеземецъ ли, зд'яшній ли, каждый породу Мужа великаго въ свътлой твоей красотъ угадаетъ. Гдв же, однако, твой умъ? Ты совсвиъ позабылъ справедливость. Дъло безчинное здъсь у тебл на глазахъ совершилось: Этого странника въ дом' своемъ допустилъ ты обидеть: Что же? Когда чужеземець, довърчиво твой посътившій Домъ, оскорбленный тамъ будетъ сидъть, и ругаться имъ станетъ Всякой-постыдный упрекъ отъ людей на себя навлечень ты. Матери такъ отвъчалъ благомысленный сынъ Одиссеевъ: Милая мать, твой упрекъ справедливъ; на него не могу я Сътовать. Ныпъ я все понимаю; и мнъ ужъ не трудно Зло отличать отъ добра; изъ ребячества вышелъ я, правда; Но не всегда и теперь удается мнъ лучшее выбрать: Наши незваные гости приводять мой умъ въ безпорядокъ; Злое одно замышляють они; у меня жъ руководца Нътъ. Но сражение странника съ Иромъ не ихъ самовольствомъ Выло устроено; высшая здёсь обнаружилась воля. Если бъ, о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аепна! Вст женихи многобуйные въ нашей обители ныать, Кто на дворъ, кто во внутреннихъ дома покояхъ, сидъли, Головы свесивъ на грудь, все избитые, такъ же, какъ этотъ Иръ, побродяга, теперь за воротами дома сидящій! Трепетной онъ головою мотаетъ, какъ пьяный; не можетъ Прямо стоять на ногахъ, ни сидеть, ни подняться, чтобъ въ домъ свой Медленнымъ шагомъ добресть черезъ силу; совсемъ онъ изломанъ. Такъ про себя говорили они, отъ другихъ въ отдаленыи. Туть, обратясь ка Пенелопъ, сказалъ Эвримахъ благородный: О, многоумная старца Икарія дочь Пенелопа, Если бъ могли всв ахейцы Язійскаго Аргоса нынв, Видъть тебя, жениховъ бы двойное число собралося Въ домъ твоемъ пировать. Превосходишь ты всъхъ земнородныхъ Женъ красотой, возвышеннымъ станомъ и разумомъ свътлымъ. Такъ говорилъ Эвримахъ. Пенелопа ему отвъчала: Нъть, Эвримахъ, красоту я утратила волей безсмертныхъ Съ самыхъ техъ поръ, какъ пошли въ корабляхъ чернобокихъ ахейцы Въ Трою и съ ними пошелъ мой супругъ, Одиссей богоравный. Если бъ онъ въ жизни моей покровителемъ былъ, возвратяся Въ домъ, несказанно была бъ я тогда и славна и прекрасна. Нынъ жъ въ печали я вяну; враждуеть злой Демонъ со мною. Въ самый тотъ часъ, какъ отчизну свою онъ готовъ былъ покинуть, Взявши за правую руку меня, онъ сказаль на прощаныи: Думать не должно, чтобъ воинство меднообутыхъ ахеянъ Все безъ урона изъ Трон въ отчизну свою воявратилось; Самино, что въ бой отважич троянскіе мужи, что конья

Мътко бросаютъ; въ стръляніп изъ лука зорки; пскусно Грозно-летучими, часто сраженье межъ двухъ равносильныхъ Ратей решащими разомъ, конями владеють. Наверно Знать не могу я, позволить ли Дій возвратиться сюда мий, Или погибель я въ Троф найду. На твое попеченье Все оставляю. Пекись объ отцъ и объ матери милой Такъ же усердно, какъ прежде, и даже усердиви: понеже Буду не здъсь я; когда же нашъ сынъ возмужаетъ, ты замужъ Выдь, за кого пожелаеть, и домъ нашъ покинь. На прощаньи Такъ говорилъ Одиссей мит; и все ужъ исполнилось. Скоро,---Скоро она, ненавистная ночь ненавистнаго сердцу Брака наступить для бъдной меня, всъхъ земныхъ утъшеній Зевсомъ лишенной. На сердцъ моемъ несказанное горе. Въ прежнее время обычай бывалъ, что, когда начинали Свататься, знатнаго рода вдову иль богатую деву Выбравъ, одинъ предъ другимъ женихи отличиться старались; Въ домъ приводя къ нареченной невъсть быковъ и барановъ, Тамъ угощали они всъхъ друзей; и невъсту дарили Щедро: чужое жъ имущество тратить безъ платы стыдились. Кончила. Въ грудь Одиссея проникло веселье, понеже Выло пріятно ему, что отъ нихъ пожелала подарковъ, Льстя имъ словами, душою же ихъ ненавидя, царица. Ей отвічая, сказаль Антиной, сынь Эвпейтовь, надменный: О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа, Всякой подарокъ, тебъ отъ твоихъ жениховъ подносимый, Ты принимай: не позволено то отвергать, что дарять намъ. Мы же, ты знай, не пойдемъ отъ тебя ни домой ни въ иное Мъсто, пока ты изъ насъ, по желанью, не выберешь мужа. Такъ говорилъ Антиной; согласилися всъ съ нимъ другіе. Каждый потомъ за подаркомъ глашатая въ домъ свой отправилъ. Посланный длинную мантію съ пестрымъ шитьемъ Антиною Подаль; двънадцать застежень ее золотыхъ украшали. Каждая съ гибкимъ крючкомъ, чтобъ, въ кольцо задъваясь, держалъ Мантію. Цепь изъ обделанныхъ въ золото съ чудвымъ искусствомъ, Свътлымъ какъ солице, большихъ янтарей принесли Эвримаху. Серги—изъ трехъ, съ шелковичной пурпурною ягодою сходныхъ Шариковъ каждая—подалъ проворный слуга Эвридаму: Былъ молодому Пизандру, Поликтора умнаго сыну, Женскій уборъ принесенъ, -- ожерелье богатое; столь же Выли нескупы и прочіе всів на подарки. Принявъ ихъ, Вверхъ по ступенямъ высокимъ обратно пошла Пенелопа, Съ ней удалились, подарки неся, и младыя рабыни. Т'в же, опять обратившися къ пляск'в и сладкому п'внью, Начали снова шумъть въ ожиданіи ночи; когда же Черная ночь посреди ихъ веселаго шума настала, Три посрединъ палаты поставивъ жаровии, наклали Много поленьевъ туда, изощренной нарубленныхъ медью, Мелкихъ, сухихъ, и лучиною тонкой зажгли ихъ, смолистыхъ Факеловъ къ илмъ подложивши. Смотръть за огнемъ почередно Были должны Одиссеева дома рабыни. И съ ними Такъ говорить Одиссей хитромысленный началъ: подите Вы, Одиссеева дома рабыни, отсюда въ покон Вашей царицы, Икарія дочери многоразумной; Сядьте съ ней, тонкія нити сучите, и волиу руками Дергайте, горе ея развлекая своимъ разговоромъ.

Я же останусь смотръть за огнемъ, и свътло здъсь въ палатъ Будеть, хотя бы они до утра ипровать зачесь остались; Имъ не удастся меня утомить; я терпъть научился. Такъ говорилъ онъ. Рабыни одна на другую взглянули Съ громкимъ смѣхомъ; и грубо ему отвѣчала Меланто, Дочь Доліона (ее воспитала сама Пенелопа Съ дътства, и много игрушекъ и сладкихъ лакомствъ давала, Сердце жъ ея нечувствительно было къ печалямъ царицы). Такъ отвъчала она Одиссею ругательнымъ словомъ: Видно, совстви потеряль ты разсудокъ, бродяга; не хочеть, Видно, пскать ты ночлега на кузниць, или въ закуть, Илп въ шинкъ; здъсь, копечно, пріютнъй тебъ; на слова ты Дерзокъ въ присутствін знатныхъ господъ и душою не робокъ; Знать, оть вина помутился твой умъ, иль, быть-можеть, такой ужъ Ты отъ природы охотникъ безъ смысла болтать; иль, осиливъ Въднаго Ира, такъ поднялъ ты носъ-берегися, однако; Можетъ съ тобою здъсь встрътиться кто-нибудь Пра сильнъе; Зубы твои вст своимъ кулакомъ онъ желтанымъ повыбыеть; Вытолкнуть въ дверь по затылку имъ будешь ты, кровью облитый. Мрачно взглянувъ псподлобья, сказалъ Одиссей хитроумный: Я на тебя Телемаку пожалуюсь, злая собака; Въ мелкія части, болтунью, тебя искрошить онъ прикажеть. Слово его пспугало рабынь; п онт во мгновенье Всв изъ палаты упіли; ихъ колвна дрожали отъ страха; Думали всъ, что на дълъ исполнится то, что сказалъ имъ Страненкъ. А онъ у жаровенъ стоялъ, наблюдая, чтобъ ярче Пламя горфло; и глазъ не сводплъ съ жениховъ, имъ готовя Мыслію все, что потомъ и на самомъ исполнилось дель. Тою порой жеппховъ и Ленна сама возбуждала Къ дерзкообиднымъ поступкамъ, дабы разгорълось сильнъе Мщение въ гифвиой душф Одиссея, Лаэртова сына. Такъ говорить Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, началъ (обидъть Словомъ своимъ Одиссея, другихъ разсмъщивши, хотълъ енъ): Слухъ вашъ склоните ко мнѣ, женихи Пенелопы, дабы я Высказать могъ вамъ все то, что велять мий разсудокъ и сердце. Этотъ нашъ гость, безъ сомнънія, Демономъ посланъ, чтобъ было Намъ за трапезой свътлъй; не отъ факеловъ такъ все сіяеть Здісь, но отъ пліши его, на которой ніть волоса боль. Такъ онъ сказалъ и потомъ, обратясь къ Одиссею, примолвилъ: Странникъ, ты, вфрно, поденщикомъ будешь согласенъ наняться Въ службу мою, чтобъ работать за плату хорошую въ поль, Рвать для забора терновникъ, деревья сажать молодыя; Круглый бы годъ получалъ отъ меня ты обпльную ппшу, Всякое нужное платье, для ногъ надлежащую обувь. Думаю только, что будешь худой ты работникъ, привыкнувъ Къ лъни, безъ дъла бродя и мірскимъ подаяньемъ питаясь: Даромъ свой жадный желудокъ кормпть для тебя веселье. Кончилъ. Ему отвъчая, сказалъ Одиссей хитроумный: Если бъ съ тобой, Эвримахъ, привелось мив поспорить работой, Если бъ весною, когда продолжительный быть начинають Дип, по кост одпиаково острой, обопиъ намъ дали Въ руки, чтобъ, вижетъ работая съ самаго ранняго угра Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили, Или, когда бы, запрягши намъ въ плугъ двухъ быковъ круторогихъ, Огненныхъ, рослыхъ, откориленныхъ тучной травою, могучей

Сплою равныхъ, равно молодыхъ, равно работящихъ, Дали четыре намъ поля вспахать для посъва, тогда бы Самъ ты увиделъ, какъ быстро бы въ длинныя борозды плугъ мой Поле паръзалъ. А если бъ войну запалилъ здъсь Кроніонъ Зевсь, и мев дали бы щить, два конья медноострыхь и медный Кованный шлемъ, чтобъ моей головъ былъ надежной защитой. Первымъ въ сражены меня ты тогда бы увидълъ; тогда бы Мнъ ты не сталъ попрекать ненасытностью жадной желудка. Но человъкъ ты надменный; твое непріязненно сердце; Самъ же себя, Эвримахъ, ты считаеть великимъ и сильнымъ Лишь потому, что находишься въ обществъ низкихъ и слабчхъ. Если бъ, однако, пежданный никъмъ, Одиссей вамъ явился-Сколь ни просторная плотникомъ сделана дверь здесь, она бы Узкой тебъ, неоглядкой бъгущему, вдругъ показалась. Онъ замолчалъ. Эвримахъ, разсердясь, на него псподлобья Грозно очами сверкнулъ и слово крылатое бросилъ: Вотъ погоди, я съ тобою раздѣлаюсь, грязный бродяга: Дерзокъ въ присутствін знатныхъ господъ и не робокъ душой ты Видио, вино помутило твой умъ, иль, быть-можетъ, такой ужъ Ты отъ природы охотникъ безъ смысла болгать, иль, осиливъ Бъднаго Ира, такъ сдълался гордъ-берегися, однако. Такъ онъ сказалъ и скамейку схватилъ, чтобъ пустить въ Одиссея; Но Одиссей, отскочивши, къ колевамъ приналъ Анфинома; Мимо его прошумъвъ, виночернія сильно скамейка Въ правую треснула руку, и чаша, въ ней бывшая, на полъ Грянулась: тотъ, опрокинутый, навзничь упалъ, застонавши. Начали громко шумъть женихи въ потемиъвшей палать; Глядя другь на друга, такъ межъ собою они разсуждали: Лучше бы было, когда бъ, до прихода къ намъ, этотъ незваный Гость на дорог'в издохъ, не завель бы у насъ онъ такого Шума. Теперь мы за пищаго ссоримся; ипръ нашъ испорченъ; Кто при великомъ раздоръ такомъ веселиться захочеть? Къ нимъ обратилась тогда Телемакова сила святая: Буйные люди, вы всѣ помѣшались; не можете болѣ Скрыть вы, что хмель обуяль вась. Знать Демонь какой поджигаеть Всехт на раздоръ; ппровали довольно вы, спать ужъ пора вамъ; Можетъ, кто хочетъ, уйти; принуждать никого я не буду. Такъ онъ сказалъ. Женпхи, закуспвши съ досадою губы, Смълымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись. Тутъ, обратяся къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный, Низовъ блистательный сынъ, отъ Аретовой царственной крови: Правду сказаль онъ, друзья; на разумное слово такое Вы не должны отвічать оскорбленьемь; не трогайте болів Стараго странника: также оставьте въ покоз и прочихъ Слугъ, обитающихъ въ домъ Лаортова славнаго сына. Пусть виночерній опять намъ наполнить виномъ благовоннымъ Кубки. чтобъ мы, возліявъ, на покой по домамъ разошлись; Странника жъ здёсь ночевать въ Одиссеевомъ дом'я оставимъ, На руки сдавъ Телемаку: онъ гость Телемакова дома. Такъ Анфиномъ говорилъ, и понравилось всемъ, что сказалъ опъ. Туть Муліонъ, Дулихійскій глашатай, слуга Анфиномовъ, Мужъ благородной породы, вина намътавти въ кратеры, Кубки имъ налилъ до края и подалъ гостямъ; совершивши Имъ возліянье, блаженнымъ богамъ; осущили всв кубки

Гости; когда жъ, совершивъ возліянье, виномъ насладились Вдоволь они, всѣ пошли по домамъ, чтобъ предаться покою.

Пъснь девятнадцатая.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ПЪСНИ.

Вечеръ тридцать-осьмаго дия. Одиссей вмъстъ съ Телемакомъ выноситъ оружія изъ столовой, потомъ остается одинъ. Меланто снова его оскорбляетъ. Онъ разсказываетъ Пенелопъ вымышленную о себъ повъсть и увъряетъ ее, что Одиссей скоро возвратится въ домъ свой. Эврикиея узнаетъ его по рубцу на погъ; онъ повелъваетъ ей молчать. Пенелопа разсказываетъ ему сопъ свой, потомъ говоритъ, что отдастъ руку свою тому изъ жениховъ, который пебъдитъ другихъ стръльбою изъ Одиссеева лука; наконецъ, Пенелопа удаляется.

Всв разошлися; одинъ Одиссей въ опуственией налатв Смерть замышлять женихамъ совокунно съ Лонной остался. Съ нимъ Телемакъ; и сказалъ онъ, къ нему обратяся: мой милый Сынъ, напередъ надлежить всв оружія вынесть отсюда. Если жъ, примътивъ, что ивтъ ужъ въ налать, какъ прежде, оружій, Спросять о нихъ женихи, ты тогда отвічай имъ; въ палаті: Дымно: ужъ сделались вовсе они не такія, какими Здёсь ихъ отецъ Одиссей, при отбытій въ Трою покинуль: Ржавчиной все отъ отня и отъ копоти смрадной покрылись. Такъ же и высшую въ сердце вложилъ мит Зевесъ осторожность; жали, колтачолая аджая вражда загоръться лихая: Кровью тогда святовство и торжественный ипръ осквернится-Само собой прилипаеть въ рук'в роковое жел'взо. Такъ онъ сказалъ. Телемакъ, повинуясь родителя воль, Кликнулъ старутку, усердную няню свою Эвриклею; Няня, сказалъ онъ, смотри, чтобъ служанки сюда не входили Прежде, покуда наверхъ не отнесъ я отцовыхъ оружій: Здъсь безъ присмотра онъ; всъ испорчены дымомъ; отца же Нътъ. Я донынъ ребенокъ безсмысленный былъ, но теперь я Знаю, что должно отнесть ихъ туда, где не можеть ихъ портить Копоть. Сказалъ. Эврпклея старушка ему отвъчала: Дъльно! Пора, мой прекрасный, за разумъ приняться и дома Выть господиномъ, и знать обходиться съ отцовымъ богатствомъ. Кто же, когда покидать не велишь ты служавкамъ ихъ горницъ, Факеломъ будетъ зажженнымъ тебѣ здысь свытить за работой? Ей отвізчая, сказаль разсудительный сынь Одиссевъ: Этоть старикъ; не трудяся, никто, и хотя бъ онъ чужой быль, Въ дом' моемъ, получая нашъ кормъ, оставаться не долженъ. Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклен его пролетало Слово. Вст двери тъхъ горинцъ, гдт жили служанки, замкнула Тотчасъ она. Одиссей съ Телемакомъ тогда принялися Мъдные съ гребнями шлемы, съ горбами щиты, съ остріями Длинными копья наверхъ выпосить; и Анина Паллада Имъ невидимо, держа золотую лампаду, свътила. Тъмъ изумленный, сказалъ Телемакъ Одиссею: родитель, Въ нашихъ очахъ происходитъ великое, думаю, чудо; Гладкія стіны палаты, сосновые средніе брусья, Всь потолка перекладины, всь здъсь колонны такъ ясно Видны глазамъ, такъ блистаютъ, какъ-будто бъ пожаръ былъ кругомъ ихъ.-Видно, здесь кто изъ боговъ Олимпійскихъ присутствуеть тайно. Такъ онъ спросилъ; отвъчая, сказалъ Одиссей хитроумный Сыну; молчи, ин о чемъ не разспращивай, бойся и мыслить:

Боги, владыки Олимпа, такой ужь имфють обычай. Время тебъ на покой удалиться, а я здъсь останусь: Видъть хочу поведенье служанокъ; хочу въ Пенелопъ Сердце встревожить, чтобъ, плача, меня обо всемъ разспроспла. Такъ онъ сказалъ. Телемакъ изъ палаты немедленно вышелъ; Факелъ зажженный неся, онь пошелъ въ тотъ покой почивальный. Гав по ночамъ мпротворному сву предавался обычно. Въ спальню пришедши, онъ легъ и заснулъ въ ожиданы денницы. Тою порою одинъ Одиссей въ опустъвшей палатъ Смерть замышлять женихамъ совокупно съ Палладой остался. Вышла разумная туть изъ покоевъ своихъ Пенелопа, Свётлымъ лицомъ съ золотой Афродитой, съ младой Артемидой Сходная. Състь ей къ огню пододвинули стулъ, изъ слоновой Кости точеный, съ оправой серебряной, чудной работы Икмаліона (для ногь и скаменку приделаль художникъ Къ дивному стулу). Онъ мягко широкой покрыть быль овчиной. Многоразумная съла на стулъ Пенелопа. Вступивши Съ ней бълорукія царскаго дома служанки въ цалату, Начали всь убирать тамъ столы съ недовденнымъ хлебомъ. Кубки и множество чашъ, изъ которыхъ надменные гости Пили: и, выбросивь на поль золу изъ жаровень, наклали Новыхъ польньевъ туда, чтобъ нагрълась палата и быль въ ней Свътъ. А Меланто опять привязалась ругать Одиссея: Зафсь ты еще, неотвязный? Не хочешь и ночью покоя Дать намъ, бродя здесь какъ стень, чтобъ подметить, что въ дом'в служанки Дълаютъ. Вонъ! говорю я тебъ, побродяга; наълся Здёсь ты довольно! Уйди, иль швырну я въ тебя головнею. Мрачно взглянувъ исподлобья, сказаль Одиссей хитроумный: Что жъ такъ неистово ты на меня, сумасбродная, злишься? Или противно тебь, что въ грязи я, что, въ рубищь бъдномъ По-міру ходя, прошу подаянья? Что жъ дълать? Я нишій. Жребій такой ужъ намъ всімь безотрадно бродящимь скитальцамь. Въ прежніе дни я и самъ межъ людьми не совстиъ безпріютно жиль; и богатоустроеннымъ домомъ владъль, и достушень Всякому страннику быль, и охотно даваль неимущимь; Много имъль я невольниковъ, много всего, чъмъ роскошно Люди живуть и за что величаеть ихъ свъть богачами. Все уничтожиль Кроніонь-такъ было ему то угодно. Ты, безразсудная, такъ же (кто знаеть, какъ скоро!) утратишь Всю красоту молодую, которою такъ здъсь гордишься; Станешь тогда ты противна своей госпожѣ; да и можеть Самъ Одиссей возвратиться — надежда не вовсе процала; Если же онъ и погибъ и возврата лишенъ, то еще здъсь Сынъ Одиссеевъ, младой Телемакъ, Аполлоновъ шитомецъ, Здравствуеть; знаеть онь все поведенье служановъ домашнихъ, Скрыться не можеть ничто оть него; онь изъ детства ужъ вышель. Такъ онъ сказалъ. Пенелопа, услышавъ разумное слово, Рфчь обратила свою, раздраженная, къ дерзкой служанкъ: Ты, какъ собака, безстыдинца, злишься; меня жъ не обманешь; Знаю твое поведенье; за все головою заплатишь. Развѣ не слышала ты, какъ сюда пригласить и велѣла Этого странника, мысля, что можеть сказать мив какую Въсть о супругъ моемъ, о которомъ давно такъ я плачу? Туть, обратясь къ Эвриномъ, сказала она: Эвринома, Стуль пододеннь поскорже, покрытый овчиною мягкой;

Должно, чтобъ здъсь иноземецъ покойно сидълъ и свои намъ Вст разсказаль приключенья и мнт отвічаль на вопросы. Такъ говорила она. Эвринома немедленно гладкій Стулъ принесла и покрыла его густошерстной овчиной; Състь приглашенъ былъ на стулъ Одиссей богоравный женою. Такъ, обратяся къ нему, начала говорить Пенелопа; Странникъ, сначала тебя я сама вопрошу, отвъчай мнъ: Кто ты, мой добрый старикъ? Кто отецъ твой? Кто мать? Гдв родился? Такъ, отвъчая, сказалъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый: О парица, повсюду п вст на землт безпредтльной Люди тебя превозносять, ты славой до неба достигла; Ты уподобиться можень царю безпорочному; страха Божія полный, и многихъ людей повелитель могучій, Правду творить онь; въ его областяхъ изобильно родится Рожь и ячмень и пшено, тяготъютъ илодами деревья, Множится скоть на поляхь и кипять многорыбіемъ воды; Праведно властвуеть онъ, и его благоденствують люди. Ты же, царица, меня вопрошай обо всемъ: не касайся Только отчизны моей и семьи и семейнаго дома: Горе мнъ душу глубоко проникнетъ, когда говорить здъсъ Буду, о нихъ вспоминая; страдалъ я не мало. Въ чужомъ же Помъ, въ бесъдъ съ людьми предаваться слезамъ неприлично. Слезы напрасны; бъдамъ не приносять онт исцъленья. Можетъ при томъ и на мысли прити здъсь рабынямъ, сама ты Можешь подумать, что слезы отъ хмеля мои происходить. Такъ Одиссею, ему отвѣчая, сказала царица: Стравникъ, мою красоту я утратила волей безсмертныхъ Съ самыхъ техъ поръ, какъ пошли въ корабляхъ чернобокихъ ахенцы Въ Трою, и съ ними пошелъ мой супругъ, Одиссей богоравный. Если бъ онъ жизни моей покровителемъ былъ, возвратяся Въ домъ, несказанно была бъ я тогда и славна и прекрасна: Нынъ жъ въ печали я вяну; враждуетъ злой Домонъ со мною. Всъ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны, Первые люди Дулихія, Зама, лесного Закинфа, Первые люди утесистой, солнечносв'тлой Итаки, Пудять упорно ко браку меня, и нашъ домъ разоряють: Мит жъ не по сердцу никто: ни просящій защиты, ни странвикъ, Наже глашатай, служитель народа; одинь есть, желанный Мной-Одиссей, лишь его неотступное требуеть сердце. Тѣ же твердятъ непрестанно о бракъ; прибъгнуть къ обману Я попыталась однажды; и Демонъ меня надоумиль Станъ превеликій поставить въ покояхъ монхъ; начала я Тонкошпрокую ткань и, собравъ жениховъ, имъ сказала: Юноши, нынъ мои женили-поелику на свътъ H-тъ Одиссея--отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будетъ Кончевъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань не пропала мив даромъ; Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я Прежде, чтить будсть онъ въ руки навтить усыпляющей смерти Парками отданъ, дабы не посм'ели ахейскія жены Мив попрекнуть, что богатый столь мужъ погребенъ безъ покрова. Такъ я сказала. Они покорились мив мужескимъ сердцемъ. Ц'влый я день за тканьемъ проводила; а ночью, зажегши Факелъ, сама все, натканное днемъ, распускала. Три года Длилася хитрость удачно, и я убъждать ихъ умъла. Но, когда, обращеньемъ временъ приведенный, чотвертый

Годъ совершился, промчалися мъсяцы, дип пролетьли-Все имъ открыла одна изъ служанокъ, лихая собака; Сами они туть застали меня за распущенной тканью: Такъ и была приневолена ими я трудъ мой окончить. Способа нътъ ужъ теперь избъжать мнъ отъ гнуснаго брака; Хитрости новой на умъ не приходить: меня всѣ родные Нудять къ замужству; и сынь огорчается, видя, какь домъ нашъ Грабять: а онь ужь созрѣль и теперь за хозяйствомъ способенъ Самъ наблюдать, и къ нему уваженье Зевесъ пробуждаеть Въ людяхъ. Скажи жъ откровенно мнь, кто ты? Ужъ, върно, не отрасль Славнаго въ древности дуба, не камень отъ груди утеса. Ей возражая, отвътствовалъ такъ Одиссей богоравный: О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа, Вижу, что ты о породъ моей неотступно желаешь Свъдать. Я все разскажу, хоть печаль и усилить разсказъ мой Въ сердив моемъ. Такъ бываетъ со всякимъ, кто долго въ разлукв Съ милой семьей, сокрушенный какъ я, межъ людей земнородныхъ Странствуеть, ихъ посіщая обители, самъ безпріютный. Но отвівчать на вопросы твоп я съ охотою буду. Островъ есть Крить посреди виноцивтнаго моря, прекрасный. Тучный, отвеюду объятый водами, людьми изобильный; Тамъ девяносто они городовъ населяютъ великихъ. Разные слышатся тамъ языки: тамъ находинь ахеянъ Съ первоплеменной породой воинственныхъ критянъ; кидоны Тамъ обитаютъ, дорійцы кудрявые, илемя пеласговъ, Въ городъ Гноссъ живущихъ. Едва девяти лътъ достигнувъ, Тамъ ужъ царемъ былъ Миносъ, собеседникъ Кроніона мудрый, Ивать мой, родитель великаго Девкаліона, который Идоменея родилъ и меня. Въ кораблъ крутоносомъ Идоменей, многославный мой брать, въ отдаленную Трою Поплылъ съ Атридомъ; мое жъ знаменитое имя Антонъ; Посл'я него родился я: онъ старшій и властью сильн'я шій. Въ Крите гостилъ Одиссей; и онъ мною, какъ гость, одаренъ былъ. Въ Критъ же его занесло буреносною силою вътра: Въ Трою плывя, и у мыса Маллен застигнутый бурей, Въ устье Амизія ввель онъ свой быстрый корабль и въ оцасной Пристани сталь близь скалы Элеоійской, богами спасенный. Къ Идоменею онъ въ городъ пришелъ, утверждая, что гостемъ Былъ онъ царю, что его почиталъ и любилъ несказанно. По ужь дней десять прошло иль одиннадцать съ техъ поръ, какъ поплылъ Царь въ корабляхъ кругоносныхъ въ Троянскую землю. Я принялъ Витето царя во дворцт Одиссея, и мной угощенъ былъ Онъ дружелюбно съ великою роскошью: было запасовъ Много у насъ; и сопутники всв Одиссеевы хлюбомъ, Собраннымъ съ міра, и огненноцифтнымъ виномъ, и прекраснымъ Мясомъ быковъ угощаемы досыта были; двънадцать Двей вровели богоравные люди ахейскіе съ нами: Въ море итти не пустилъ ихъ Борей, бушевавшій съ такою Силой, что было нельзя на ногахъ устоять и на сушъ; Демонъ его разъярилъ; на тринадитый день онъ утихнулъ. Въ море пустились они. Такъ неправду за чистую правду Овъ выдавалъ имъ. И слезы изъ глазъ ихъ лилися; какъ таетъ Сивгъ на вершинахъ высокихъ, заоблачныхъ горъ, теплоносвымъ Эвромъ согрътый и прежде туда напесенный Зефпромъ, — Имъ же растаеннымъ ръки поливють и льются быстръс-

Такъ по щекамъ Пенелопы прекраснымъ струею лилися Слезы печали о миломъ, предъ нею сидъвшемъ, супругъ. Онъ же, глубоко проникнутый горькимъ ея сокрушеньемъ (Очи свои, какъ желѣзо иль рогъ неподвижные крѣпко Въ темныхъ ръсницахъ сковавъ, и въ нее ихъ вперивъ, не мигая), Воли слезамъ не давалъ. И, насытися горествымъ плачемъ, Такъ напоследокъ ему начала говорить Пенелопа: Странникъ, я способъ им'ью, тебя испытанью подвергнувъ, Вывъдать, подлинно ль ты Одиссея и спутниковъ, бывшихъ Съ нимъ, угощалъ тамъ въ палатахъ царя, какъ теперь увъряещь. Можешь ли мит описать ты, какое въ то время носилъ онъ Платье, каковъ онъ былъ видомъ, и кто съ нимъ сопутники были? Ей отвъчая, сказалъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый: Трудно отв'єтствовать ми'є на вопрось твой, царица; ужъ много Времени съ этой поры протекло, и тому ужъ двадцатый Годъ, какъ, мою посътпвши отчизну, супругъ твой пустился Въ море: но то, что осталося въ намяти, вамъ разскажу я: Въ мантію быль шерстяную, пурпурнаго цв'та, двойную, Опъ облеченъ: золотою, прекрасной, съ двойными крючками Вляхой держалася мантія; мастеръ на блях'в искусно Грознаго пса и въ мугучихъ когтяхъ у него молодую Лань изваяль; какъ живая, она трепетала; и страшно Песъ на нее разъяренный глядъль и, изъ ланъ порываясь Выдраться, билась ногами она: въ изумленье та бляха Всъхъ приводила. Хитонъ, и примътилъ, носилъ онъ изъ чудной Ткани, какъ пленка, съ головки сушенаго снятая лука, Тонкой и свътлой, какъ яркое солнце; всъ женщины, видя Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно. Я же-замьть ты-не въдаю, гдъ онъ такую одежду Взяль? Надъваваль ли ужь дома ее до отбытія вь Трою? Въ даръ ли ее получиль отъ кого изъ своихъ при отъбадъ? Взяль ли въ подарокъ прощальный, какъ гость? Одиссея любили Многіе люди; сравниться же мало могло съ нимъ ахеянъ. Мечъ мідноострый, двойную пурпурную мантію, съ тонкимь, Сшитымъ по мфркф хитономъ ему подаривъ на прощаныи. Съ почестью въ путь проводилъ я его въ корабль кръпкозданномъ. Съ нимъ находился глашатай; немного постаръ годами Выль онь; его и теперь описать вамъ могу я: горбатый, Смуглый, курчавые волосы, червая кожа на теле; Звали его Эвридамомъ; его всъхъ товарищей болъ Чтиль Одиссей, поелику онъ въдаль, сколь быль онъ разумень. Такъ говорилъ онъ. Усилилось горе въ душъ Пенелопы: Всъ Одиссеевы признаки ей описалъ онъ подробно. Горестнымъ плачемъ о мпломъ далекомъ супругъ насытясь, Такъ напослъдокъ опять начала говорить Пенелопа: Странникъ, до сихъ поръ одно сожаленье къ тебе и имела --Будешь отнынъ у насъ ты любимъ и почтенъ несказанно. Платье, которое мев описаль ты, сама я сложила Въ складки, доставъ изъ ларца, и ему подала, золотою Вляхой украсивъ. И мив ужъ его никогда здесь не встрегить Въ домъ семейномъ, въ отечествъ миломъ! Зачъмъ онъ, зачъмъ онъ Насъ покидалъ! Непріязненный Демонъ его съ кораблями Въ море увелъ, къ роковымъ, къ несказаннымъ стънамъ Иліона. Ей возражая, отвътствоваль такъ Одиссей богоравный: О, многоумная, старца Икарія дочь, Пенелопа.

Аѣжной своей красоты не губи сокрушеньемь; не сѣтуй Такъ безутъшно о мпломъ супругъ. Тебя укорять я Въ этомъ не буду: пельзя не крушиться жент объ утратъ Сердцемъ избраннаго мужа, съ которымъ въ любви родились ей Дъти: красой же богамъ Одиссей, говорятъ, былъ подобенъ. Ты успокойся, однако, и выслушай то, что скажу я: Правду одну я скажу, ничего отъ тебя не скрывая. Все объявивъ, что узналъ, о прибытін къ вамъ Одиссея. Въ области тучной оесиротовъ, отъ здъшнихъ бреговъ недалекой. Живъ онъ: и много везетъ на своемъ кораблѣ къ вамъ сокровищъ, Собранныхъ имъ отъ различныхъ народовъ; но спутниковъ върныхъ Всёхъ онъ утратиль; его крутобокій корабль, виноцветнымъ Моремъ отъ знойной Тринакріи плывшій, Зевесь и блестящій Геліосъ громомъ разбили своимъ за пожранье священныхъ, Солнцу любезныхъ, быковъ-вст погибли въ волнахъ святотатцы. Онъ же, схватившій оторванный киль корабля, быль на островъ Выброшевъ, гдъ обитають родные богамъ феакійцы: Почесть ему оказали они, какъ безсмертному богу; Шедро его одарили и даже сюда безопасно Сами хотбли его проводить. И давно оъ ужъ въ Итакф Быль онъ: но, здраво размысливши, онъ убъдился, что прежде Разныя земли ему для скопленья богатствъ надлежало Видеть. Никто изъ людей земнородныхъ не могъ съ нимъ сравниться Въ знанін выгодъ своихъ и въ разсчетливомъ, тонкомъ разсудкъ --Такъ говорилъ миб о немъ царь Федонъ благодушный, который Посль, безсмертнымъ богамъ совершивъ возліянье, поклядся Мић, что и быстрый корабль ужъ устроенъ и собраны люди Въ милую землю отцовъ проводить Одиссея; меня же Онъ напередъ отослалъ, поелику корабль приготовленъ Быль для оеспротовь, въ Дулихій, обильный ишеницею, шедшихъ; Мит и богатство, какое скопиль Одиссей, показаль онъ. Даже и внукамъ въ десятомъ колънъ достанется много — Столько добра имъ оставлено было царю въ сохраненье. Самъ же, сказали, пошель онъ въ Додону затемъ, чтобъ оракулъ Темно-сънистаго Діева дуба его научиль тамъ, Какъ, по отсутствін долгомъ, въ отчизну, въ желавную землю Милой Итаки, ему возвратиться удобиве будеть. Живъ онъ, ты видишь сама; и, конечно, здёсь явится скоро; Върно, теперь и отъ милыхъ своихъ и отъ родины свътлой Онъ недалеко; могу подвердить то и клятвой великой; Зевсомъ, метателемъ грома, отцомъ и владыкой безсмертныхъ, Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся Вамъ, что навърно и скоро исполнится то, что сказалъ я. Прежде, чемъ солице окончить свой кругъ, Одиссей возвратится; Прежде, чемь месяць наставшій сменень наступающимь будеть, Вступить онъ въ домъ свой. Ему отвъчая, сказала царица: Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится, Будень отъ насъ угощенъ ты, какъ другъ, и дарами осыпавъ Столь изобильно, что счастью такому всё будуть дивиться. Мнъ же не то предвъщаетъ мое сокрушенное сердце: Нътъ! и сюда Одиссей не придетъ, и тебя не отправимъ Въ путь мы отсюда: недобрые люди здъсь властвують въ домъ; Здёсь никого не найдется такого, каковъ Одиссей былъ, Странниковъ всехъ угощавшій, и всемъ на прощаньи дарившій Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и постелю,

Мантіей теплой покрытую, здёсь приготовьте, чтобъ могь онъ Спать, не озябнувъ, до первыхъ лучей златотронной денницы. Завтра жъ поутру его вы, въ купальив омывши, елеемъ Чистымъ натрите, дабы онъ, опрятный, за столъ съ Телемакомъ Сфит и съ гостями обфдалъ. И горе тому, кто обидъть Вновь покусится его непристойно; ему никакого Мъста впередъ здъсь не будеть, хотя бъ онъ и спльно озлился. Иначе, странникъ, повърпшь ли ты, чтобъ хоть мало отъ прочихъ женъ я возвышеннымъ духомъ и свътлымъ умомъ отличалась, Если я грязнымъ тебя и нечисто одътымъ за столъ нашъ Състь допущу? Не надолго намъ жизнь достается на свътъ: Кто здъсь и самъ безъ любви и въ поступкахъ любви не являеть, Тотъ ненавистенъ, пока на земль онъ жаветь, и желають Зла ему люди; отъ нихъ поносимъ онъ нещадно и мертвый; Кто жъ, безпорочный душой, и въ поступкахъ своихъ безпороченъ — Имя его, съ похвалой по землъ разносимое, славятъ Всъ племена и народы, всъ добрымъ его величають, Ей возражая, отвътствоваль такъ Одиссей богоравный: О, многоумная, старца Икарія дочь, Пенелопа, Теплая мантія мн'є и роскошное ложе противны Съ техъ поръ, какъ Крита широкаго сиегомъ покрытыя горы, Въ длинновесельномъ плывя кораблѣ, изъ очей потерялъ я, Дай мет здъсь спать, какъ давно ужъ привыкъ я, на жесткой постелъ. Много, много ночей провалялся въ безсонницъ тяжкой Я, ожидая пришествія златопрестольной денницы: Также и ногъ омовеніе мн'є не по сердцу; по крайней Мфрф къ монмъ прикоснуться ногамъ ни одной не позволю Я изъ рабынь молодыхъ, въ Одиссеевомъ дом'в служащихъ. Нътъ ли старушки, любящей заботливо службу и много Въ жизни, какъ самъ я, и зла и добра испытавшей? Охотно Ей прикоснуться къ монмъ съ омовеньемъ ногамъ я дозволю. Такъ Одиссею, ему отвъчая, сказала царпца: Странникъ, не мало до сихъ поръ гостей къ намъ изъ ближнихъ, изъ дальнихъ Странъ приходило - умнъй же тебя никого не случалось Встратить миф; рачи твои вст весьма разсудительны. Есть здась Въ домъ старушка, совътница умная, полная добрыхъ Мыслей; за нимъ злополучнымъ ходила она; онъ былъ ею Выкормленъ; ею въ минуту рожденія на руки принять. Ей, хоть она и слаба, о тебъ поручу и заботу; Встань, Эвриклея, моя дорогая разумница, вымой Ноги ему, твоего господина ровеснику; съ нимъ же, Можеть-быть, сходень и видомъ ужъ сталъ Одиссей, изнуренный Жизнію трудной: въ несчастін люди старъются скоро. Такъ говорила она. Эвриклея закрыла руками Очи, но слезы пробились сквозь пальцы; она возопила: Свътъ мой, дитя мое милое! гдъ ты? За что же Кроніонъ Такъ на него, столь покорнаго вол'в боговъ, негодуеть? Кто жъ изъ людей передъ громонгрателемъ Зевсомъ такія Тучныя бедра быковъ сожигалъ, и ему экатомбы Такъ приносилъ изобильно, моля, чтобъ онъ свътлую старость Даль ему дома провесть, разцветающимъ радуясь сыномъ? Были напрасны молетвы; навъки утратилъ возврать онъ. Горе! Выть-можеть, теперь никому не родной, на чужбинъ, Гдф-нибудь, впущенный въ домъ богача, онъ отъ глупыхъ служанокъ Встричень такой же тамъ бранью, какой быль оть этихъ собакъ ты,

Странникъ, обиженъ; за то и не хочешь имъ, дерзкимъ, позволить Ноги омыть у тебя. То, однако, порядкомъ исполнить Мнъ повелъла моя госпожа Пенелопа. Охотно Сдълаю все, и не волю одну госпожи исполняя, Нъть! для тебя самого. Несказанно мою ты волнуеть. Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно: Странниковъ бъдныхъ не мало въ нашъ домъ приходило; но серди-Май говорить, что изъ нихъ ни одинъ (съ удивленьемъ смотрю я) Не быль такъ голосомъ, ростомъ, ногами, какъ ты, съ Одиссеемъ Сходень. Сказала. Ей такъ отвъчаль Одиссей хитроумный: Правда, старушка, п самъ отъ людей я, которымъ обонхъ Насъ повстръчать удавалось, слыхаль, что во многомь другь съ другомь Мы удивительно сходны, какъ то мнв и ты говоришь здесь. Такъ отвъчаль онъ. Сіяющій тазъ, для мыгья ей служившій Ногъ, принесла Эвриклея; и, свъжей водою двъ трети Таза наполнивъ, ее долила кипяткомъ. Одиссей же Сълъ къ очагу; но лицемъ обернулся онъ къ тъни, понеже Думаль, что, за ногу взявши его, Эвриклея знакомый Можеть увидать рубець, и тогда вся откроется разомь Тайна. Но только она подошла къ господину, рубецъ ей Бросплся прямо въ глаза. Разъяреннаго вепря клыкомъ онъ Раненъ былъ въ ногу тогда, какъ пришелъ посътить на Парнассъ Автоликона, по матери д'Еда, (съ его сыновьями), Славнаго хотрымъ притворствомъ и клятвъ нарушеніемъ—Эрмій Тымъ дарованьемъ его наградилъ, поелику много Бедръ отъ овецъ и отъ козъ приносилъ благосклонному богу. Автоликонъ, посътивъ плодоносную землю Итаки, Новорожденнаго сына у дочери милой нашелъ тамъ. Выждавъ когда онъ окончить свой ужинъ, ему на кольна Внука пришла положить Эвриклея. Она тутъ сказала: Автоликонъ, богодонному внуку ты выдумать долженъ Имя, какое угодно тебъ самому: ты усердно Зевса о внукъ молилъ. То принявъ предложенье, сказалъ онъ Зятю и дочери: вашему сыну готово ужъ имя; Васъ посътить собираяся, я разсерженъ несказанно Многими быль изъ людей, населяющихъ тучную землю; Пусть назовется мой внукъ Одиссеемъ; то значить: сердитый Если жъ когда онъ, достигнувши мужескихъ лътъ, пожелаетъ Дедовскій домъ посетить на Парнассе, где наша обитель, Будеть онь мной угощень и съ богатымь отпущевь подаркомъ. Внукъ возмужалъ и пришелъ за подаркомъ, объщаннымъ къ дъду, Автоликонъ съ сыновьями своими его благосклопно Встрітиль руки пожиманьемь и сладколаскательнымь словомь; Вабка жъ его Амфитея въ слезахъ у него ц'вловала Очи, и руки, и голову, громко рыдая. Богатый Пиръ приказалъ сыновьямъ многославнымъ своимъ приготовить Автоликовъ. И они, исполния родителя волю, Тотчасъ пригнать повельли быка пятильтняго съ поля; Голову снявши съ быка и его распластавши, на части Мясо они разрубили, и части, взоткнувъ ихъ на вертелъ, Начали жарить; изжаривъ же, ихъ разнесли по порядку. Сидя они за объдомъ, весь день до вечерняго мрака Вли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утвишались. Солнце темъ временемъ село и ночь наступила; о ложе Каждый подумаль и сна благодать инспослали имъ боги.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ Автоликоновы вст сыновья, на охоту собравшись, Скликали быстрыхъ собакъ. Сынъ Лаэртовъ отправился съ ними. Долго они по крутому, покрытому л'ясомъ, Парнассу Шли; напоследокъ достигли глубокихъ, ветристыхъ ущелій, Геліосъ только что началь поля озарять, подымаясь Тихо съ глубокихъ, ліющихся медленно водъ Океана; Въ дикую дебрь углубились охотники всъ; передъ ними, Следъ открывая, бежали собаки; съ собаками вместе Автоликоновы дети и сынъ многославный Лаэртовъ Быстро бъжали, имъя въ рукахъ длиннотънныя копья. Страшноогромный кабанъ тамъ скрывался, въ кустахъ закопавшись Дикихъ; въ тенистую глубь ихъ прозикнуть не могъ ни холодный, Сыростью дышущій в'втерь, ни Геліось, знойно блестящій; Даже и дождь не произаль ихъ вътвистаго свода, - такъ густо Выли они сплетены; и скопилось тамъ много опадшихъ Листьевъ. Когда же приблизился шумъ отъ собакъ и отъ ловчихъ Выстро обжавшихъ, кабанъ имъ навстръчу изъ дикаго лога Прянулъ; щетину встопорщивъ, ужасно сверкая глазами, Онъ заступилъ имъ дорогу; и первый, къ нему подбѣжавшій, Вылъ Одиссей. Онъ копье длинноострое поднялъ, готовый Звъря произить; но успълъ Одиссею поранить кольно Острымъ клыкомъ разъяренный кабанъ; и онъ выхватилъ много Мяса, напрянувши бъщено съ боку, но кость уцълъла. Въ правое звърю плечо боевое копье сынъ Лаэртовъ Спльно всадиль; и плечо проколовь, остріемь на другой бокь Вышло копье; новалился кабанъ и душа отлетъла. Автоликоновы д'вти убитаго зв'вря вел'вли Должнымъ порядкомъ убрать и потомъ Одиссееву рану Перевязали заботливо; кровь же, бъжавшую сильно, Заговорили. И всъ напоследокъ къ отцу возвратились. Автоликовъ и его сыновья Одиссея, отъ раны Давъ исцълиться ему, и его одаривши богато, Сердцемъ веселаго, сами веселые, съ миромъ послали Въ землю Итаки; отецъ и разумная мать несказанно Были его возвращению рады; они разспросили Сына подробно о ранъ, и онъ разсказаль по порядку, Какъ, на Парнассъ ловитвой звърей веселясь съ сыновьями Автоликона, онъ вепремъ клычистымъ былъ раненъ въ колтно, Эту-то рану узнала старущка, ощупавъ руками Ногу; отдернула руки она въ изумленьи; упала Въ тазъ, опустившись, нога; отъ удара ея зазвенъла Мъдь, покачнулся водою наполненный тазъ, пролилася На полъ вода. И веселье и горе проникли старушку, Очи отъ слезъ затуманились, ей не покорствоваль голосъ. Сжавъ Одиссею рукой подбородокъ, она возгласила: Ты Одиссей! ты мое золотое дитя! и тебя я Прежде, пока не ощупала этой ноги, не узнала! Кончивъ, она на свою госпожу обратила поспъшно Взоры, чтобъ ей возв'єстить возвращеніе милаго мужа. Та жъ не могла ничего, обратяся глазами въ другую Сторону, ввдъть: Паллада ен овладъла вниманьемъ. Но Одиссей, ухвативши одною рукою за горло Няню свою, а другою ее подойти приневоливъ Ближе къ нему, прошепталь ей: ни слова! меня ты погубишь;

Я Одиссей: ты вскормила меня; претеривыми не мало, Волей боговъ возвратился и въ землю отцовъ черезъ двадцать Лътъ. Но-ужъ если твои для узнавія тайны открылись Очн-молчи! И чтобъ въ дом'в никто обо ми'в не пров'вдалъ! Иваче слушай-п то, что усльпиншь, исполнится върно-Если мит Дій истребить жениховъ многобуйныхъ поможеть, Здесь и тебя я щадить, хоть тобой и воспитань, не стану Въ часъ тотъ, когда надъ рабынями строгій мой судъ совершится. Сыну Лаэртову такъ, отвъчая, сказала старушка: Странное слово изъ устъ у тебя, Одиссей, излетъло; Въдзешь самъ ты, какъ сердцемъ тверда я, какъ волей упорна: Все сохраню, постояннъй, чъмъ камень, цъльй, чъмъ жельзо; Выслушай, другъ мой, совъть и замъть про себя, что услышить. Если Зевесь истребить жениховъ многобуйныхъ поможеть, Всьхъ назову я рабынь, обитающихъ здъсь, чтобъ межъ ними Могъ отличить ты худыхъ и порочныхъ отъ добрыхъ и честныхъ, Ей возражая, отв'єтствовалъ такъ Одиссей хитроумный: Изтъ, Эвриклея, ихъ миз называть не трудись понапрасну; Самъ все увижу и буду умъть все подробно развъдать. Только молчи. Произволу боговъ предадимъ остальное. Такъ говорплъ Одиссей. И поспъшно пошла Эврпклея Теплой воды принести, поелику вся прежняя на полъ Вылилась. Вымывъ и чистымъ елеемъ умасливши ноги, Снова скамейку свою Одиссей пододвинулъ къ жаровиъ: Съвъ къ ней, чтобъ гръться, рубецъ свой отрепьями рубища скрылъ опъ. Умная такъ, обратяся къ нему, Пенелопа сказала: Странникъ, сначала сама я тебя вопрошу, отвъчай мнъ: Скоро наступить пора насладиться покоемь, и счастливъ Тотъ, на кого и печальнаго сонъ миротворный слетаеть. Мыт жъ несказанное горе послалъ непріязненный Демонъ; Днемъ, сокрушаясь и сътуя, душу свою подкръпляю Я рукод'яліемь, хозяйствомь, присмотромь за д'яломь служановь; Ночью жъ, когда все утпхнетъ и вст вкругъ меня, погрузившась Сладостно въ сонъ, отдыхають безпечно, одна я, тревогой Мучась, въ безсонницъ тяжкой сижу на постелъ и плачу. Плачетъ Анда, Пандарова дочь бледноликая, длачетъ; Звонкую пъсню она заунывно съ началомъ весенняхъ Дней благовонныхъ поетъ, одиноко талсь подъ густыми Сънями рощи, и жалобно льется рыдающій голось; Плача, Итилоса милаго, сына Цетосова, м'ядью Острой вечаянно ею сраженнаго, мать помпнаеть. Такъ сокрушенная, плачу л я, л не знаю, что выбрать -Съ сыномъ ли милымъ остаться, смотря за хозяйствомъ, за свътлымъ Домомъ его, за работой служанокъ, за всемъ достояньемъ Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая? Иль, наконецъ, предпочесть изъ ахейцевъ того, кто усердива Брака желаетъ со мной и щедръе дары мнъ приносить? Сынъ же, покуда онъ отрокомъ быль неразумнымъ, разстаться Съ матерью нъжной не могъ, и супружескій домъ мнф покинуть Самъ запрещалъ; но теперь онъ, ужъ мужеской сплы достигнувъ, Требуетъ самъ отъ меня, чтобъ изъ дома я вышла немедля; Онъ огорчается, видя, какъ наше пмущество грабятъ. Ты же послушай: я видела сонь; мив его растолкуй ты; Двадцать гусей у меня есть домашнихъ; кормлю ихъ пшеницей Видъть люблю, какъ они, на водъ полоскаясь, играютъ.

Снилося мив, что съ горы прилетвитій орель кругоносый, Шею свернувъ имъ, ихъ всъхъ заклевалъ, что въ пространной столовой Мертвые были они на полу всё разбросаны; самъ же Въ небо умчался орелъ. И во сит я стопала, и горько Плакала; вмъстъ со мною и много прекрасныхъ ахейскихъ Женъ о гусяхъ, умерщеленныхъ могучимъ орломъ, сокрушалось. Онъ же, назадъ прилетъвъ и спустясь на высокую кровлю Царскаго дома, свазалъ человфческимъ голосомъ внятно: Старца Икарія умная дочь, не крушись, Пенелопа, Видишь не сонъ мимолетный, событіе върное видишь; Гусп-твои женихи, а орель, ихъ убить прилетавшій Грозною птицей, не птица, а я, Одиссей твой, богами Нынъ тебъ возвращенный твопмъ женихамъ на погибель. Такъ онъ сказалъ инъ, и въ это мгновење мой сонъ прекратился; Я осмотръвась кругомъ: на дворъ, я увидъла, гусп Всв налицо; п, толияся къ корыту, клюють тамъ пшеницу. Умной супругъ своей отвъчалъ Одиссей богоравный: Сонъ, государыня, твой толковать безполезно: онъ ясенъ Самъ по себъ: сокровеннаго нътъ въ немъ значенья; и сели Самъ Одиссей предсказалъ женихамъ ихъ погибель-погибнуть Всф; ни одинъ не уйдеть отъ судьбы и отъ метительной Керы. Такъ отвъчая, сказала царица Лаэртову сыпу: * Странникъ, конечно, бываютъ и темные сны, изъ которыхъ Смысла пельзя намъ извлечь; и не всякой сбывается сонъ нашъ. Создано двое воротъ для вступленія снамъ безгілеснымъ Въ міръ нашъ: одни роговыя, другія изъ кости слоновой; Сны, проходящіе къ намъ воротами изъ кости слоновой, Лживы, несбыточны, върпть никто изъ людей имъ не долженъ; Тѣ же, которые въ міръ роговыми воротами входять, Върны; сбываются всъ приносимыя ими видънья. Но не изъ этихъ воротъ мой чудесный, я думаю, вышелъ Сонъ-сколь ни радостно было бы то для меня и для сына. Слутай теперь, что скажу, и замъть про себя, что услышишь: Завтра наступить онь, день непавистный, въ который покинуть Домъ Одиссеевъ принудятъ меня; предложить имъ стрълянье Изъ лука въ кольца хочу я: супругъ Одиссей здівсь двішадцать Съ кольцами ставилъ бывало жердей, и тѣ жерди не близко Ставилъ одну отъ другой, и стрълой онъ пронизывалъ кольца Всв. Ту пгру женихамъ предложить я теперь замышляю; Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетпву, Одиссеевъ могучій Лукъ, чья стрела пролетить черезъ все (ихъ не тронувъ) двенадцать Колецъ, я съ тъмъ удалюся изъ этого милаго дома,-Дома семейнаго, свътлаго, многобогатаго, гдъ я Счастье нашла, о которомъ и сонная буду крушиться. Ей возражая, отвътствоваль такъ Одиссей богоравный: О, многоумная, старца Икарія дочь, Пенелопа. Этой игры, мой совътъ, не должна ты откладывать. Върь миъ, Въ домъ своемъ Одиссей многохитростный явится прежде, Нежели кто между ими, рукою ощупавши гладкій Лукъ, тетивою натянеть его и сквозь кольца прострелитъ. Такъ, отвъчая, сказала дарида Лаэртову сыну: Если бъ ты, странникъ, со мною всю ночь согласился въ палатъ Этой сидыть и меня веселить разговоромъ, на умъ бы Сонъ не пришелъ мић; но вовсе безъ сна оставаться намъ, слабымъ Смертнымъ, не должно. Здъсь всемъ натъ, землей многодарной кормимымъ, птонь хх.

Воги безсмертные мѣру, особую каждому, дали. Время, однако, наверхъ мнѣ уйти, чтобъ лежать одиноко Тамъ на постелѣ печалью пересланиой, горькимъ потокомъ Слезъ обливаемой съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ супругъ мой отсюда Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣпамъ Иліона. Тамъ отдохну я, а ты ночевать, пноземедъ, останься Здѣсь, и ложись на постелю иль на полъ, какъ самъ пожелаешь. Такъ Пенелопа сказавши, пошла по ступенямъ высокимъ Вверхъ—не одна, всѣ рабыни за нею пошли; и, въ покоѣ Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ Илакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Авина.

пъснь двадцатая.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТОЙ ПЪСНИ.

Ночь съ тридцать-осьмаго на тридцать-девятый день. Утро и полдень тридцать-девятаго дня. Одиссей ложится спать въ съняхъ; жалобы Пенелопы его пробуждаютъ. Добрыя знаменія. Столовую приготовляють къ пиру. Являются сперва Эвмей, потомъ Мелантій, который опять оскорбляеть Одиссея, и, наконець, Филотій, смотрящій за стадами коровъ. Знаменіе удерживаетъ жениховъ, имъвшихъ намъреніе умертвить Телемака. За столомъ Ктезиппъ оскорбляеть Одиссея. Чувства жениховъ приходять въ разстройство: Өеоклименъ предсказываетъ имъ близкую гибель.

Тутъ приготовилъ въ съняхъ для себя Одиссей богоравный Ложе изъ кожи воловьей, еще недубленой; покрывши Кожу овчинами многихъ овецъ, женихами убитыхъ, Легъ онъ; и теплымъ покровомъ его Эвриклея одъла. Тамъ Одиссей, женихамъ истребление въ мысляхъ готовя, Глазъ не смыкая, лежалъ. Въ ворота, онъ увиделъ, служанки, Съ хохотомъ громкимъ, бъжали, шумя и крича непристойно. Вся его внутренность иламенемъ гивва зажглась несказаннымъ, Долго не зналъ онъ, колеблясь разсудкомъ и сердцемъ, что д'влать-Встать ли и, вследь за безстыдными броспешись, всехь умертенть ихъ? Или остаться, давъ волю въ последній вить разъ съ женихами Свидъться? Сердце же злилось его; какъ рычить, ощенившись, Злобная сука, щенятокъ своихъ защищая, когда пхъ Кто незнакомый береть, и за нихъ покусаться готовясь, Такъ на безстыдницъ его раздроженное сердце роптало. Въ грудь овъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу: Сердце, смпрись; ты гнуспъйшее вытерпъть силу имъло Въ логъ Циклопа, въ то время, когда пожиралъ безнощадно Спутниковъ онъ злополучныхъ монхъ-и теривные разсудку Выходъ изъ страшной пещеры для насъ, погибавшихъ, открыло. Такъ усмирялъ онъ себя, обращаяся къ милому сердцу. Милое сердце ему покорилось, и снова теривнье Въ грудь пролилося его; но ворочался съ боку онъ на бокъ. Какъ на огив, разгоръвшемся ярко, ворочають полный Жиромъ и кровью желудокъ туда и сюда, чтобъ отвеюду Могъ быть онъ сочно и вкусно обжаренъ, огнемъ неприжженный, Такъ на постел'я ворочался онъ, безпрестанно тревожась Въ мысляхъ о томъ, какъ сму одному съ жениховъ многосильной Шайкою сладить. Къ нему подошла тугъ Паллада Аонна, Съ неба слетъвшая въ видъ младой, расцвътающей дъвы. Тихо къ его изголовью приближась, богина сказала:

Виделось мие, что лежаль близь меня несказанно съ нимъ сходный, Самый тоть образь вмівшій, какой онь вмівль, удаляясь: Я веселилась: я думала: это не совъ-и проснулась. Такъ говорила она. Поднялась златовласая Эосъ. Жалобы плачущей въ слухъ Одиссеевъ входили; и, слыша Ихъ, онъ подумалъ, что ею былъ узнанъ; ему показалось Даже, что образъ ея надъ его изголовьемъ летаетъ. Сброспвъ покровъ п овчины собравъ, на которыхъ лежалъ онъ, Вст ихъ сложилъ Одиссей на скамейкт, а кожу воловью Вынесь на дворъ. Тутъ къ Зевесу онъ поднялъ съ молитвою руки: Если, Зевесъ, нашъ отецъ, ты меня и землей и водою Въ домъ мой (хотя и подвергнулъ напастямъ) привелъ невредимо, Дай, чтобъ отъ перваго, кто здъсь проснется, мной въщее слово Было услышано; самъ же мий знаменьемъ сердце обрадуй. Такъ говорилъ онъ, молясь, и Кроніонъ молитву услышалъ: Страшноударившимъ громомъ изъ звъзднобезтучнаго неба Зевсь отвъчалъ. Преисполнилась радостью грудь Одиссея. Слово же первое онъ отъ рабыни, моловшей на царской Мельницъ близкой, услышалъ; на мельницъ этой двънадцать Было рабынь п вседневно оть ранняго утра до поздней Ночи ячмень и шиено тамъ онъ для домашнихъ мололи. Спали другія, всю кончивъ работу; а эта, слаб'є Прочихъ, проснулася ранъ, чтобъ трудъ довершить неготовый. Жерновъ покинувъ, сказала она (и пророчество было Въ словъ ся Одиссею): Зевесъ, нашъ отецъ и владыка, На небъ нътъ облаковъ и его наполняютъ, сверкая, Зв'єзды, а громъ твой гремить, всеногущій! Кому посылаешь Знаменье грома? Услышь и меня, да исполнится нывъ Слово мое: да последнимъ въ жилище царя Одиссея Вудетъ сегодняшній ппръ женпховъ многобуйныхъ! Колти Мы сокрушили свои непрестанной работой, обжорству Ихъ угождая—да нынъшнимъ кончатся всъ здъсь пиры ихъ! Такъ гоборила рабыня, былъ радъ Одиссей прорицанью Грома и слова, и въ сердив его утвердилась надежда. Тутъ Одиссеева дома рабыни сошлися изъ разныхъ Горинцъ и жаркій огонь на большомъ очагѣ запалили. Ложе покинуль свое и возлюбленный сынъ Одиссевъ: Платье надъвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повъсилъ; Послъ, подошвы красивыя къ свътлымъ ногамъ привязавши, Взяль боевое копье, лучезарно блестящее мѣдью; Такъ онъ вступилъ на порогъ и сказалъ, обрятясь къ Эвриклет; Няня, доволенъ ли былъ угощеніемъ странникь? Покойно ль Спалъ онъ? Иль вы не хотъли о немъ и подумать? Обычай Матери милой я знаю: хотя и разумна, а часто Между людьми пноземными худглему почести всякой Много окажеть, на лучшаго жъ вовсе и взиляда не броспть. Такъ говорилъ Телемакъ. Эвриклея ему отвъчала: Ты понапрасну, дитя, невиновную мать обвиниешь: Съ нею сидя, здъсь виномъ утъщался онъ, сколько угодно Было душ'ь; но не ълъ, хоть его и просили. По горло Сыть я, сказаль. А когда онь подумаль о сив и постель, Мягкое ложе она приготовить велела рабынямъ. Онъ же, напротивъ, какъ жалкій, судьбою забытый бродяга, Спать на пуховой постель, покрытой ковромъ, отказался; Кожу воловью постлаль на полу п, овчинь положивши

Видълось миъ, что лежалъ близъ меня несказанно съ нимъ сходный, Самый тоть образъ вм'явшій, какой онъ пм'яль, удаляясь: Я веселилась; я думала: это не сонъ-и проснулась. Такъ говорила она. Поднялась златовласая Эосъ. Жалобы плачущей въ слухъ Одиссеевъ входиля; и, слыша Ихъ, онъ подумалъ, что ею былъ узнанъ; ему показалось Даже, что образъ ея надъ его изголовьемъ летаетъ. Сброспвъ покровъ и овчины собравъ, на которыхъ лежалъ онъ, Всъ ихъ сложилъ Одиссей на скамейкъ, а кожу воловью Вынесъ на дворъ. Тутъ къ Зевесу онъ поднялъ съ молптвою руки: Если, Зевесъ, нашъ отецъ, ты меня и землей и водою Въ домъ мой (хотя и подвергнулъ напастямъ) привелъ невредимо, Дай, чтобъ отъ перваго, кто здъсь проснется, мной въщее слово Было услышано; самъ же мив знаменьемъ сердце обрадуй. Такъ говорилъ онъ, молясь, и Кроніонъ молитву услышаль: Страшноударившимъ громомъ изъ звъзднобезтучнаго неба Зевсъ отвъчалъ. Преисполнилась радостью грудь Одиссея. Слово же первое онъ отъ рабыни, моловшей на царской Мельниць близкой, услышаль; на мельниць этой двывадцать Выло рабынь и вседневно отъ ранняго утра до поздней Ночи ячмень и пшено тамъ он'в для домашнихъ мололи. Спали другія, всю кончивъ работу; а эта, слаб'є Прочихъ, проснулася ранѣ, чтобъ трудъ довершить неготовый. Жерновъ покпнувъ, сказала она (и пророчество было Въ словъ ея Одиссею): Зевесъ, нашъ отецъ и владыка, На неб'в н'втъ облаковъ п его наполняють, сверкая, Звізды, а громъ твой гремпть, всемогущій! Кому посылаешь Знаменье грома? Услышь и меня, да исполнится нынъ Слово мое: да последнимъ въ жилище царя Одиссея Вудетъ сегодняшній ппръ жениховъ многобуйныхъ! Колфна Мы сокрушили свои непрестанной работой, обжорству Ихъ угождая—да нынфшимъ кончатся всф здфсь ппры ихъ! Такъ гоборила рабыня, былъ радъ Одиссей прорицанью Грома и слова, и въ сердив его утвердилась надежда. Тутъ Одпесеева дома рабыни сошлися изъ разныхъ Горинцъ и жаркій огонь на большомъ очагъ запалили. Ложе покинулъ свое и возлюбленный сынъ Одиссевъ; Платье надъвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повъсилъ; Послъ, подотвы красивыя къ свътлымъ ногамъ привязавши, Взялъ боевое копье, лучезарно блестящее мѣдью; Такъ онъ вступилъ на порогъ и сказалъ, обрятясь къ Эвриклеф: Няня, доволенъ ли былъ угощеніемъ странникь? Покойно ль Спалъ онъ? Иль вы не хотили о немъ и подумать? Обычай Матери милой я знаю: хотя и разумна, а часто Между людьми иноземными худичему почести всякой Много окажеть, на лучшаго жъ вовсе и взгляда не броспть. Такъ говорилъ Телемакъ. Эвриклея ему отвъчала: Ты понапрасну, дитя, невиновную мать обвиняешь: Съ нею сидя, здесь виномъ утешался онъ, сколько угодно Было душ'ь; но не ътъ, хоть его и просили. По горло Сытъ я, сказалъ. А когда онъ подумалъ о сив и постелв, Мягкое ложе она приготовить велъла рабынямъ. Онъ же, напротивъ, какъ жалкій, судьбою забытый бродяга, Спать на пуховой постель, покрытой ковромъ, отказался; Кожу воловью постлаль на полу п, овчинь положивши

Сверху, улегся въ с'вняхъ; я покрыла его одвяломъ. Такъ Эвриклея сказала. Тогда Телемакъ изъ палаты Вышель съ копьемъ; двф лихія за пимъ побъжали собаки. На площадь, главное мъсто собранья ахеянъ, пошелъ онъ. Туть всёхъ рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала Имъ Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса: Всъ! на работу однъ за метлы; и проворнъе выместь Горипцы, вспрыснувъ полы; на скамейки, на кресла и стулья Пестропурпурныя ткани постлать; нездреватою губкой Начисто вымыть столы; всполоснуть пировыя кратеры; Чаши глубокія, кубки двудонные вымыть. Другія жъ Всь за водою къ ключу и скорье назадъ, поелику Нынфший день женихи не замедлять приходомь, напротивъ, Ранве всв соберутся: мы праздникъ готовимъ великій. Такъ Эвриклея сказала. Ея повинуяся воль, Двадцать рабыль побъжали на ключь темноводный; другія Начали горницы вст прибирать и посуду всю чистить. Скоро прислали и слугь женихи: за работу принявшись, Стали они топорами полънья колоть. Воротились Съ св'яжей рабыни водой отъ ключа. Свинопасомъ Эвмеемъ Пригнаны были три борова, самые жирные въ стадъ: Заперли ихъ въ окруженную частымъ заборомъ заграду. Самъ же Эвмей, подошедъ къ Одиссею, спросиль дружелюбио: Странникъ, учтивъе ль стали съ тобой Телемаковы гости? Иль по-вчерашнему въ дом'в у насъ на тебя нападають? Кончилъ. Ему отвъчая, сказалъ Одиссей хитроумный: Добрый Евией, да пошлють всемогущие боги Олимпа Имъ возданные за буйную жизнь и за дерзость, съ какою Зд'всь, не стыдяся, они расхищають чужое богатство! Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесъдъ. Къ нимъ подошелъ козоводъ, за козами смотрящій, Мелантій; Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ стада, откормленныхъ жирно, Въ городъ пригналъ онъ, гостямъ на об'єдъ; съ нимъ товарищей было Двое. И, козъ привязавши подъ кровлей стней многозвучныхъ, Такъ Одиссею сказалъ, имъ ругаяся, дерзкій Мелантій: Зд'всь ты еще, пеотвязный бродяга; не хочень, я вижу, Дать намъ вздохнуть; мой совъть, убирайся отсюда скоръе; Иль и со мной у тебя напоследовъ дойдеть до расправы; Можешь тогда и моихъ кулаковъ ты отведать; ты слишкомъ Сталъ ужъ докученъ; не въ этомъ лишь дом'я бывають об'яды. Кончиль. Ему Одиссей ничего не отвътствоваль; только, Молча, потрясъ головой и страшное въ сердив помыслилъ. Третій туть главный пастухъ подошель къ нимъ, коровникъ Филотій; Козъ онъ отборныхъ привелъ съ цетелпршейся, жирной коровой. Въ городъ же ихъ привезли на судахъ перевозчики, всъхъ тамъ, Кто нанималь ихъ, возившіе моремъ рабочіе люди. Козъ и корову Филотій оставиль въ сіняхъ многозвучныхъ; Самъ же, приближаясь къ Эвмею, спросилъ у него дружелюбно: Кто чужеземецъ, тобою недавно, Эвмей, приведенный Въ городъ? Къ какому себя причисляеть онъ племени? 1 д в онъ Домъ свой отповскій вмість? Въ накой стороні онъ родился? Съ виду онъ бъдный скиталецъ, но царственный образъ имъеть. Воги бездомно-бродящихъ людей унижають жестоко; Но и могущимъ царямъ испытанья они посылаютъ. Туть къ Одиссею, привътствіе правою сдівлавъ рукою,

Ласково онъ обратился и бросиль крылатое слово: Радуйся, добрый отецъ, чужеземецъ; теперь нищетою Ты удрученъ-но пошлють, наконецъ, и тебъ изобилье Воги. О, Зевсъ! ты безжалостнъй всъхъ, на Олимпъ живущихъ! Неть состраданья къ тебе человекамъ, ты самъ, нашъ создатель, Насъ предаешь безпощадно бѣдѣ и грызущему горю. Потомъ прошибло меня и въ глазахъ потемнъло, когда я Вспомниль, взглянувъ на тебя, о царъ Одиссев: какъ ты, онъ, Можетъ-быть, бродить въ такихъ же лохмотьяхъ, такой же бездомный. Гав онъ, несчастный? Еще ли онъ видить сіяніе солнца? Или его ужъ не стало и въ область Анда сошель онъ? О благодушвый, великій мой царь! надъ стадами коровъ ты Здісь въ стороні Кефаленской меня молодого поставиль; Много теперь расплодилось ихъ; нътъ никого здъсь другого, Кто бы имълъ столь великое стадо коровъ кръпколобыхъ. Горе! Я самъ приневоленъ сюда ихъ водить на пожранье Эгимъ грабителямъ. Сына они притесняютъ въ отцовомъ Домъ; боговъ наказанье не страшно имъ; между собою Вст разделить ужъ богатство царя отдаленнаго мыслять. Часто мий замысель въ милое сердце приходить (хотя онъ, Правду сказать, и не вовсе похвалень: есть въ дом'в насл'ядникъ), Замысель въ землю чужую со стадомъ монмъ, къ пноземнымъ Людямъ уйти. Несказанное горе мнъ, здъсь оставаясь, Царскихъ прекрасныхъ коровъ на убой отдавать имъ; давно бы Эту покинуль я землю, гдв столько неправды творится; Стадо уведин съ собою, къ иному дарю перешелъ бы Въ службу -- но върптся все мнъ еще, что воротится въ домъ свой Онъ, нашъ желанный, и всехъ ихъ, грабителей, разомъ погубитъ. Кончилъ. Ему отвъчая, сказалъ Одиссей хитроумный: Видно, порода твоя не простая, мой честный коровникъ; Сердцемъ, я вижу, ты въренъ, и здравый имъещь разсудокъ; Радость за то объявляю тебъ и клянуся великой Клятвой, Зевесомъ отцомъ, гостелюбною здешней трацезой, Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся Вамъ, что еще ты отсюда уйти не успфешь, какъ самъ онъ Явится; можешь тогда ты своими глазами увидеть, Если захочешь, какой съ женихами расчеть поведеть онъ. Кончиль. Ему отв'ячаль пастуховъ повелитель Филотій: Если ты правду сказаль, пноземець (и Дій да исполнить Слово твое), то и я, ты увидишь, не празденъ останусь. Тутъ п Эвмей свинопасъ благородный, боговъ призывая, Сталь ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея. Такъ говорили о многомъ они, отъ другихъ въ отдаленыи. Тою порой женихи, согласившись предать Телемака Смерти, сходились; но въ это мгновеніе сліва поднялся Выстрый орель, и въ когтяхъ у него трепетала голубка. Знаменьемъ въ страхъ приведенный, сказалъ Анфиномъ благородный: Замысель нашь умертвить Телемака, друзья, по желанью, Намъ не удастся исполнить. Подумаемъ лучше о пиръ. Такъ онъ сказалъ. Подтвердили его предложенье другіе. Всв они вмъстъ пошли, и когда въ Одиссеевъ вступили Домъ, положивши на гладкія кресла и стулья одежды, Начали крупныхъ барановъ, откормленныхъ козъ и огромныхъ, Жирныхъ свиней убивать; и корову заръзали также. Выли изжарены прежде один потроха и въ кратеры

Влито съ водою вино. Свинопасъ двоеручные кубки Подалъ, потомъ и въ прекрасныхъ корзинахъ коровнякъ Филотій Хатом разнесь: а Мелантій виномъ благовондымъ наполниль Кубки. И подняли руки они къ приготовленной пищъ. Но Одиссею, съ намфреньемъ хитрымъ въ умв, на порогв Двери широкой велълъ Телемакъ помъститься: подвинувъ Къ ней небольшую, простую скамейку и пизенькій столикъ, Часть потроховъ онъ принесъ, золотой благовоннымъ наполнилъ Кубокъ впномъ и, его подавая, сказалъ Одиссею: Здесь ты сиди и виномъ утешайся съ монми гостями. Новыхъ обидъ не страшася: рукамъ жениховъ я не дамъ ужъ Воли: мой домъ не гостиница, гдв произвольно пируетъ Всякая сволочь, а домъ Одиссеевъ, царево жилище. Вы жъ, женихи, воздержите языкъ свой отъ словъ непристойныхъ, Также и воли рукамъ не давайте: иль будеть зд'всь ссора. Такъ онъ сказалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы, Смълымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись. Но, обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвиейтовъ, воскликнуль: Какъ ви досадно, друзья, Телемаково слово, не должно Къ сердцу его принимать намъ; пускай онъ грозится! давно бы, Если бъ тому не препятствовалъ въчный броніонъ, его мы Здъсь упокоили — сталъ онъ тенерь говорувъ нестерпимый. Кончилъ. Но слово его Телемакъ безъ випманья оставилъ. Въ это время народъ черезъ городъ съ глашатаемъ жертву Шелъ совершать: въ многотънную рошу метателя върныхъ Стрфлъ Аполлона былъ ходъ густовласыхъ ахеянъ направленъ. Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо, Роздали части, и начали пиръ многославный. Особо Тутъ принесли Одиссею проворные слуги такую жъ Мяса подачу, какую имъли и сами; то было Такъ пиъ приказано сыномъ его, Телемакомъ разумнымъ. Тою порою Анпна сама женпховъ возбуждала Къ дерзкообиднымъ поступкамъ, дабы разгорълось сильнъе Мщеніе въ гитвной душть Одиссея, Лаэртова сына. Тамъ находился одинъ, отъ другихъ беззаконной отличный Дерзостью, родомъ изъ Зама; его называли Ктезиппомъ. Выль онь несметно богать, и, гордяся богатствомь, замыслиль Спорить съ другими о бракъ съ женою Лаэртова сына. Такъ, къ женихамъ обратяся, сказалъ имъ Ктезициъ многобуйный: Выслушать слово мое васъ, товарищи, я приглашаю: Мяса, какъ слъдуетъ, добрую часть со стола получиль ужъ Этотъ старикъ-и весьма бъ непохвально, неправедно было Если бъ гостей Телемаковыхъ кто ихъ участка лишалъ здъсь. Я жъ и свою для него приготовиль подачу, чтобъ могъ онъ Что-инбудь дать за купапье рабынф, иль должный подарокъ Сделать кому изъ рабовъ, въ Одиссеевомъ дом'в живущихъ; Тутъ опъ, схвативши коровью, въ корзинъ лежавшую, ногу, Сяльно ее въ Одиссея швырнулъ; Одиссей, отклонивши Голову въ бокъ, избъжалъ отъ удара; и страшной улыбкой Стиснуль онь губы; нога жъ, пролетъвши, ударила въ стъну. Грозно взглянувъ на Ктезиппа, сказалъ Телемакъ раздраженный: Будь благодаренъ Зевесу, Ктезиппъ, что ударъ не коснулся Твоей головы-чужеземца: онъ самъ отъ него отклопился: Ипаче острымъ копьемъ повърнъе въ тебя бы попалъ я: Сталъ бы не бракъ для тебя-погребенье отепъ твой готовить.

Всемъ говорю вамъ: отныве себе непристойныхъ поступковъ Въ домъ моемъ позволять вы не смъйте, ужъ я не ребенокъ, Все ужъ теперь понямаю: все знаю, что надобно дълать. Правда, еще принужденъ я свидътелемъ быть терпъливымъ Здъсь истребленья барановъ и козъ, и вина, и богатыхъ Нашихъ запасовъ-я съ цълой толпою одинъ не управлюсь; Новыхъ обидъ мить, однако, я вамъ не совътую дълать; Если жъ намъренье ваше меня умертвить, то, конечно, Будеть пристойный, чтобъ, въ домы моемь пораженный, я встрытиль Смерть тамъ, чемъ зрателемъ былъ беззаконныхъ поступковъ и виделъ, Какъ обижають моихь въ немъ гостей, какъ добро пожирають. Такъ овъ сказалъ. Всѣ кругомъ неподвижно хранили молчанье. Но Агелай, сынъ Дамасторовъ, такъ отвъчалъ напослъдокъ: Правду сказалъ онъ, друзья; на разумное слово такое Вы не должны отвъчать оскорбленьемъ; не трогайте болъ Стараго стравника; также оставьте въ поков и прочихъ Слугъ, обятающихъ въ домъ Лаэртова славнаго сына. Я жъ Телемаку и матери свътлой его дружелюбно Добрый и върпо самимъ имъ угодный совъть предложу заъсь: Въ сердив своемъ вы донынв питали надежду, что боги, Вашимъ молитвамъ внимая, домой возвратять Одиссея; Было донынъ и намъ невозможно на медленность вашу Сътовать, такъ поступать намъ совътовалъ здравый разсудокъ (Могъ посл'я брака незанно въ свой домъ Одиссей возвратиться); Нынъ жъ сомпънія пътъ намъ: мы знаемъ, что онъ невозвратенъ. Матери умпой своей ты теперь, Телемакъ благородный, Долженъ сказать, чтобъ межъ нами того, кто щедръй на подарки, Выбрала. Будешь тогда ты свободно въ отеческомъ домъ Жить; а она о другомъ ужъ хозяйствъ заботиться станетъ. Кротко ему отв'ячалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ: Н'ять, Агелай, я Зевесомъ отцомъ и судьбой Одиссея (Что бы съ нимъ ни было, живъ ли, погибъ ли) клянусь передъ встми Вами, что матери въ бракъ не мъшаю вступить, что, напротивъ, Самъ убъждаю ее по желанію выбрать, и много Дамъ ей подарковъ: но изъ дома выслать ее поневолъ Я и помыслить не смъю-то Зевсу не будеть угодно. Такъ говорилъ Телемакъ. Въ женихахъ несказанный Анина Смъхъ пробудила, ихъ сердце смутивъ и разсудокъ разстроивъ. Дико они хохотали; и, лицами вдругъ изм'внившись, Вли сырое, кровавое мясо; глаза ихъ слезами Всв затуманились; сердце ихъ тяжкой заныло тоскою; Өеоклименъ богоравный тогда поднялся и сказаль имъ: Вы, злополучные, горе вамъ! горе! невидимы стали Головы ваши во мглф и невидимы ваши колфиа; Слышанъ мнъ стонъ вашъ, слезами обрызганы ваши ланиты. Стены, я вижу, въ крови; съ потолочныхъ бежить перекладинъ Кровь; привиданьями, въ бездну Эрева багущими, полны Съни и дворъ, и на солице небесное, вижу я, всходить Страшная тізнь и подъ ней вся земля покрывается мракомъ; Такъ онъ сказалъ имъ. Безумно они хохотать продолжали. Туть говорить женихамъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, началъ: Видно, что этотъ, друзья, чужеземецъ въ умф помфшался; На площадь должно его проводить намъ, пусть выдеть на свёжій Воздухъ, когда ужъ ему такъ ужасно темпо здъсь въ палатъ. Өеоклимень богоравный сказаль, обратясь къ Эврпмаху:

Нътъ! Эврвиахъ, въ провожатыхъ твоихъ не имъю и нужды; Двѣ есть ноги у меня, и глаза есть и уши; разсудокъ Мой не разстроенъ, и намять свою я еще не утратиль. Самъ убъгу я отсюда; я къ вамъ подходящую быстро Слышу Бъду; ни одинъ отъ нея не уйдеть; не избъгнеть Силы ея никоторый изъ васъ, святотатцевъ, губящихъ Домъ Одиссеевъ и въ немъ безнаказаннаго много творящихъ. Такъ овъ сказалъ и, поспъшво палату поквнувъ, въ Пирею Прямо пошель, и Пирсемь быль съ прежнею ласкою принять. Тою порой, поглядъвши съ насмъшкой одинъ на другого, Начали всѣ Телемака дразнить женихи, надъ гостями Дома его издъваясь, и такъ говорили пные: Другъ Телемакъ, на отборъ негодян тебя посъщають: Прежде воть этоть нечистый пожаловаль въ домъ твой бродяга, Хищникъ объденныхъ крохъ, ни въ какую работу негодный, Слабый, гиплой старичишка, земли безполезное бремя; Гость же другой помѣшался и началь безпутно пророчить. Выслушай лучше нашъ добрый совъть, Телемакъ многомудрый: Дай намъ твоихъ благородныхъ гостей на корабль крутобокій Бросить, къ Сикеламъ отвезть и продать за хорошія деньги. Такъ говорили ови. Телемакъ, ихъ словамъ не внимавшій, Молча смотрелъ на отда, дожидансь спокойно, чтобъ подалъ Знакъ онъ, когда начинать съ беззаконною шайкой расправу. Въ горницъ ближней на креслахъ богатыхъ въ то время сидъла Многоразумная, старца Икарія дочь, Пенелопа: Выло ей слышно все то, что въ собраныи гостей говорилось. Веселъ безпечно и живъ разговоромъ и хохотомъ шуменъ Быль ихъ объдъ, для котораго столько настряпали сами; Но никогда и нигдъ и никто не готовилъ такого Ужина людямь, какой приготовиль съ Палладою грозной Мужъ, для незваныхъ гостей, беззаконыхъ ругателей правды.

ПЪСНЬ ДВАДЦАТЬ-ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ-ПЕРВОЙ ПЪСНИ.

Тридиать-девятый день. Пенелопа приносить лукъ и стрълы Одиссеевы; при видь ихъ Эвмей и Филотій проливають слезы; Автиной насмъхается надъ ними. Телемакъ устанавливаетъ жерди для стръльбы и иытается натянуть лукъ; Одиссей подаетъ ему знакъ, чтобъ онъ его оставилъ. Женихи напрасно стараются натянуть его. Одиссей открываетъ себя Эвмею и Филотію; они приготовляются къ умерщвленію жениховъ. Послъ неудачнаго Эвримахова опыта натянуть лукъ. Антиной предлагаетъ отложить стръльбу до другого дня. Одиссей проситъ, чтобъ ему позволили сдълать опытъ; женихи тому противится; но, по приказанію Телемака, лукъ поданъ Одиссею; онъ его натягиваетъ, стръляетъ и попадаетъ въ цъль.

Дочь свётлоокая Зевса Анна вселила желанье
Въ грудь Пенелоиы, разумной супруги Лаэртова сына,
Лукъ женихамъ Одиссеевъ и грозныя стрёлы принесии,
Вызвать къ стрёлянію въ цёль ихъ и тёмъ приготовить имъ гибель.
Вверхъ по ступенямъ высокимъ поспёшно взошла Пенелопа;
Мягкоодутлой рукою искусственно выгнутый мідный
Ключъ съ рукоятью изъ кости слоновой доставши, царица
Въ дальнюю ту кладовую пошла (и рабыни за нею),
Гдъ Одиссеевы всё драгоценности были хранимы:
Золото, мёдь и желёзная утварь чудесной работы.
Тамъ находился и тугосгибаемый лукъ и набитый

Множествомъ стрълъ бъдоносныхъ колчанъ. Подаренъ Одиссею Этогь быль лукъ со стрелами давно въ Лакедемоне гостемъ Ифитомъ, богоподобнаго Эврпта сыномъ. Они же Встрътились прежде другь съ другомъ въ Мессинъ, гдъ нужно обоимъ Домъ посетить Орхилока разумного было. Въ Мессинъ Тяжбу съ гражданами вель Одиссей. Изъ Итаки мессинцы Мелкаго много скота увели; съ пастухами отгуда Триста быковъ круторогихъ разбойничье судно украло. Ихъ Одиссей тамъ отыскивалъ; ювоща, свѣжести полный Быль онь въ то время; его же послали отецъ и Геронты. Ифить отыскиваль также пропажу: коней и дв'янадцать Добрыхъ жеребыхъ кобыль и могучихъ работниковъ муловъ. Ифиту искъ удался; но погибелью стала удача: Къ сыну Зевесову, славному крѣпостью сплы великой Мужу, Ираклу, свершителю подвиговъ чудныхъ, пришелъ онъ-Въ домъ своемъ умертвилъ имъ самимъ приглашеннаго гостя Звірскій Иракть, посрамивши Зевесовь законь и накрытый Имъ гостелюбно для странника столъ, за которымъ убійство Онъ совершилъ, чтобъ коней громозвучнокопытныхъ присвопть. Ифитъ, въ Мессину за ними пришедъ, Одиссея тамъ встрътилъ. Эврптовъ лукъ онъ ему подарилъ: умпрая, великій Эврить тоть лукъ злополучному сыну въ наследство оставилъ. Ифита острымъ мечомъ и копьемъ одаривъ длишнотъннымъ, Гостемъ естался ему Одиссей; но за столъ пригласить свой Друга не могь: прекратиль сынь Зевесовь, Ираклъ безпощадный, Жизнь благородному Ифиту, Эврпта славнаго сыну, Давшему лукъ Одиссею и стрълы. И не бралъ съ собою Ихъ никогда Одиссей на бойну въ корабле чернобокомъ: Память о гост'в возлюбленномъ в'врно храня, ихъ берегь онъ Въ домъ своемъ; но въ отечествъ всюду имълъ при себъ ихъ. Влизко къ дверямъ запертымъ кладовой подошедъ, Пенелопа Стала на гладкій дубовый порогъ (по снуру обтесавши Врусь, тоть порогь тамъ искусно уладилъ строитель, дверныя Притолки въ немъ утвердилъ, и на притолки створы навъсилъ); Съ скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу, Ключъ свой вложила царица въ замокъ; отодвинувъ задвижку, Дверь отперла; завизжали на петляхъ заржавъвшихъ створы Двери блестящей; какъ дико мычить выгоняемый на лугъ Выкъ кругорогій— такъ дико тяжелые створы визжали, Взлазши на гладкую полку (на ней же ларцы съ благовонной Были одеждой), царица, поднявшись на цыпочки, руку Снять Одиссеевь съ гвоздя ненатянутый лукъ протянула; Бережно быль онь обвернуть блестящимь чахломь; и, доставши Лукъ, на колъни свои положила его Пепелопа; Ствъ съ ницъ и вынувъ его изъ чахла, зарыдала и долго, Долго рыдала она; напоследокъ, насытившись плачемъ, Медленнымъ шагомъ пошла къ женихамъ многобуйнымъ въ собраньс, Лукъ Одиссеевъ, сгибаемый туго, неся и великій Тулъ медноострыми быстросмертельными полный стрелами. Следомъ за ней принесенъ былъ рабынями ящикъ съ запасомъ М'єди, жел'єза, и съ разною утварью бранной. Царица, Въ ту палату вступивъ, гдъ ся женихи пировали, Подле столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала, Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестищимъ Справа и слева почтительно стали служанки. И, слово

Къ буйнымъ своимъ женихамъ обративъ, Пенелопа сказала: Слушайте всъ вы, мои женихи благородные: домъ нашъ Вы разоряете, въ немъ на ппры истребляя богатство Мужа, давно разлученнаго съ милой отчизною; права Нътъ вамъ на то никакого; меня лишь хотите принудить Выбрать межъ вами, на бракъ согласясь ненавистный, супруга. Можете сами теперь разръшить вы мой выборъ. Готова Выть я ценою победы. Смотрите, вогь лукъ Одиссеевъ: Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетпву, Одиссеевъ могучій Лукъ, чья стръла пролетить черезъ всь (ихъ не тронувь) двъиздцать Колецъ, я съ тъмъ удалюся изъ этого милаго дома,-Пома семейнаго, свътлаго, многобогатаго, гдъ я Счастье нашла, о которомъ и сонная буду крушиться. Съ сими словами велъла она свинопасу Эвмею Лукъ Одиссеевъ и стрѣлы подать женихамъ благороднымъ. Взрыдъ онъ заплакалъ, принявши его: къ женихамъ онъ пощель съ нимъ; Лукъ Одиссеевъ узнавъ, зарыдалъ и коровникъ Филотій. Къ нимъ обратяся обоимъ, сказалъ Антиной, негодуя: Вы, деревенщина грубая, только однимъ ежедневнымъ Занять вашь умь! Отчего вы расплакались? Горе ль усплить Въ сердиъ хотите своей госножи? И безъ васъ ужъ довольно Скорбью томится она безполезною въ долгой разлукъ Съ мужемъ; сидите же тихо и вшьте; а если хотите Плакать, уйдите отсюда, оставя и лукъ вашъ и стрълы Намъ женихамъ на ръшительный бой. Сомивваюсь, однако, Я, чтобъ легко натяпулъ кто такой несказанно упорный Лукъ. Многосильнаго мужа такого, каковъ Одиссей былъ, Нътъ между нами. Его я въ то время видалъ-п понынъ Помню о немъ, хоть тогда и ребенкомъ еще быль неумнымъ. Такъ говоря про другихъ, про себя уповалъ онъ, что сладитъ Съ лукомъ, натянетъ легко тетиву и всъ кольца прострълить. Въдный слъпецъ, онъ не думаль, что первою жертвою будеть Стрель Одиссея, который имъ въ собственномъ дом'в такъ дерзко Быль оскорблень, на которого тамъ и другихъ возбуждаль онъ. Туть, къ женихамъ обратясь, имъ сказалъ Телемакъ богоравный: Горе! конечно, мой разумъ привелъ въ безпорядокъ Кроніонъ! Милая мать, столь великимъ умомъ одаренная, слышу. Здёсь говорить, что съ супругомъ другимъ соглашается свётлый Домъ мой покинуть; а я, тымъ довольный, смыюсь, какъ безумець. Чась наступиль, женихи, приготовьтесь къ последнему делу. Въ проб Ахейской земль вы такой не найдете невъсты — Гав бъ ни искали, въ священномъ ли Пилосв, или въ Аргосв, Или въ Микинахъ, иль въ нашей Итакъ, иль тамъ на пространствъ Черной земли матерой—но хвала не нужна; вы довольно Знаете сами; пора начинать намъ свой опыть; берите Лукъ Одиссеевъ и силу свою окажите на дълъ. Яжъ и себя самого испытанью хочу здёсь подвергнуть. Если удастся мит лукъ натянуть и стртлою вст кольца Мътко пробить, удаление матери милой изъ дома Съ мужемъ другимъ и мое одиночество будутъ сноснъе Мив, ужъ владъть небезсильному лукомъ отца Одиссея. Кончивъ, онъ съ плечъ молодыхъ пурпуровую мантію сбросилъ; Всталъ и, съ мечомъ мъдноострымъ блестящую перевязь снявши, Жерди въ глубокихъ для каждой особенно вырытыхъ ямкахъ, Ихъ по снуру уровнявъ, утвердилъ; основанья жъ, чтобъ прямо

Всь, не шатаясь, стояли, землей отогмаль. Всь дивились. Какъ онъ искусно порядокъ, ему незнакомый, устроилъ. Сталъ Телемакъ у порога дверей и, схвативъ Одиссеевъ Лукъ, попытался на немъ натянуть тетиву; и погнулъ онъ Трижды его, но, упорствуя, трижды онъ вновь разогнулся. Имъ овладъть, нацъпить тетиву, уповая, въ четвертый Разъ онъ готовъ былъ съ удвоенной силой приняться за дъло; Но Одиссей по условью кивнуль головой; отложивши Трудъ, обратился къ отцу и сказалъ Телемакъ богоравный: Горе мнъ! Видно, я слабымъ рожденъ и останусь безсильнымъ Въчно; я молодъ еще и своею рукой не пытался Дерзость врага наказать, мив нанесшаго злую обиду. Ваша теперь череда, женихи, вы сильнѣе: пусть каждый Лукъ Одиссеевъ возьметь и свершить попытается подвигъ. Такъ говоря, ненатянутый лукъ опустиль онъ на землю, Къ гладкой дверной половинкъ его прислонявши: но рядомъ Съ нимъ и стрълу перяную онъ къ ручкъ замочной приставилъ. Съль онъ на стуль свой потомъ, къ женихамъ возвратяся безпечно. Тутъ, обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, сказалъ имъ: Съ правой руки подходите одинъ за другимъ вы, начавти Съ мъста, откуда вино подносить на шпру начинаютъ. Такъ Антиной предложилъ и одобрили всѣ предложенье. Первый, поднявшійся съ міста, пошель Леоде, сынь Эйпоновь; Жертвогадатель ихъ быль онь и подлё кратеры на самомь Крат стола за объдомъ садился. Ихъ буйство противно Было ему; и нередко онъ ихъ порицалъ, негодуя. Первый онъ долженъ быль взяться за лукъ роковой, наблюдая Очередь. Ставъ у порога дверей, онъ схватилъ Одиссеевъ Лукъ; но его и погнуть онъ не могъ; отъ напрасныхъ усилій Слабыя руки его онъмъли. Онъ съ горемъ воскликнулъ: Нътъ! не по силамъ мнъ лукъ Одиссеевъ; другой попытайся Крипость его одолить; но у многихъ мужей знаменитыхъ Душу и жизнь онъ возьметь. И, конечно, желаниве встрътить Смерть, чемъ живому скорбеть о утрать того, что такъ сильпо Насъ привлекало вседневно сюда чародъйствомъ надежды. Всв мы теперь уповаемъ, во всвуъ насъ пылаетъ желанье Бракъ заключить съ Пепелопой, женой Одиссея; но каждый, Лукъ испытавъ Одиссесвъ и силу надъ нимъ утомивши, Съ горемъ въ душ'в принужденъ за другую ахейскую д'вву Свататься будеть, подарки свои расточая; она же Выбереть доброю волей того, кто щедрей и пріятней. Такъ говоря, ненатянутый лукъ опустиль онъ на землю, Къ гладкой дверной половинкъ его прислонивши; но рядомъ Съ нимъ и стрълу перяную онъ къ ручкъ замочной приставилъ. Стать онъ на стуль свой потомъ, къ женихамъ возвратяся безпечно. Гивьно къ нему обратившись, сказалъ Автиной, сынъ Эвпейтовъ: Странное слово изъ устъ у тебя, Леодей, излетъло, Слово печальное, страшное; слышать его миз противно. Душу и жизнь, говоришь ты, у многихъ людей знаменитыхъ Лукъ Одиссеевъ возьметь, потому, что его неспособенъ Ты, натинуть. Но безсильнымъ отъ матери былъ благородной Ты, безъ сомивнья, рожденъ, не могучимъ властителемъ лука; Многіе будуть въ числ'є жениховъ благородныхъ способн'єй Сладить съ нимъ. Кончилъ. Потомъ, козовода Мелантія кликнувъ, Слушай Мелантій, сказаль, здісь очонь ты разложищь; къ огню же

Влижо поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку: Жирнаго сала потомъ принесешь намъ укругъ, чтобъ могли мь Имъ, на оги здъсь его разогръвши, помазывать кръпкій Лукъ Одиссеевъ: тогда онъ удобней натянуть быть можеть. Такъ онъ сказалъ. И Мелантій, огонь разложивъ превеликій, Близко поставиль скамейку, покрытую мягкой овчиной; Сала принесъ напоследокъ укругъ и, растаявши сало, Начали мазать имъ лукъ женихи; но изъ нихъ никоторый Лука не могъ и немного погнуть, - несказанно быль тугь онъ; Взяться за опыть тогда, въ свой черодъ, Антиной съ Эвримахомъ Выли должны, межъ другими отличные мужеской силой. Въ это мгновенье, разомъ поднявшися, изъ дома вмъстъ Вышли Эвмей свинопась и коровникъ Филотій: за ними Следуя, залу покинуль и царь Одиссей: онь, широкій Дворъ перейдя, за ворота двухстворныя вышель. Позвавши Тамъ ихъ обоихъ, онъ ласковосладкую речь обратиль къ нимъ: Върные слуги, Эвмей и Филотій, могу ли вамъ открыться? Или мит лучше смолчать? Но меня говорить побуждаетъ Сердце. Отвътствуйте: что бы вы сдълали, если бъ виезапно, Демономъ вдругь приведенный какимь, Одиссей, господинъ вашъ, Здъсь вамъ явился? Къ нему ль, къ женихамъ ли тогда бъ вы пристали? Прямо скажите мив все, что велить вамъ разсудокъ и сердце. Кончиль. Ему отвівчаль простодушный коровникь Филотій; Царь нашъ Зевесъ, о! когда бы на наши молитвы ты отдалъ Намъ Одиссея! Ла благостный Демонъ его къ намъ проводить! Самъ ты увидишь тогда, что и и не остануся празденъ. Туть и Эвмей, свинопась благородный, боговь призывая, Сталь ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея. Въ върности сердца и въ доброй ихъ воль вполнъ убъдяся, Такъ имъ обониъ сказалъ, наконецъ, Одиссей богоравный: Знайте же, я Одиссей, претеривний столь много напастей, Въ землю отцовъ приведенный по воле боговъ черезъ двадцать Лътъ. Но я вижу, что здъсь изъ рабовъ моего возпращенья Только вы двое желаете; я не слыхаль, чтобъ другой кто Здъсь помолился богамъ о свиданіи скоромъ со мною. Слушайте жъ, вамъ разскажу обо всемъ, что случиться должно здъсь: Если мив Дій истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ, Вамъ я обонмъ найду по невъсть, приданое каждой Памъ и построю вамъ домы волизи моего, и, какъ братья, Будете жить вы со мною и съ сыномъ монмъ Телемакомъ. Вамъ же и признакъ могу показать, по которому ясно Вы убъдитесь, что я Одиссей: вогъ рубецъ, вамъ знакомый; Вепремъ, вы помните, былъ я пораненъ, когда съ сыновьями Автоликона охотой себя забавляль на Парнассь. Такъ говоря, онъ колено открыль, распахнувши тряпицы Рубища. Тъ жъ, разсмотръвши прилежно рубецъ, имъ знакомый, Начали плакать; и, кръцко обнявъ своего господина, Голову, плечи и руки и ноги его цъловали. Голову ихъ со слезами и онъ целовалъ, и за плачемъ Ихъ бы могло тамъ застать захождение солнца, когда бы Имъ не сказалъ Одиссей, успоконвшись первый: отрите Слезы, чтобъ, изъ дому вышедши, кто не засталь вась, такъ горько Плачущихъ: тъмъ преждевременно тайна откроется наша. Должно, чтобъ снова-одинъ за другимъ, а не вмъстъ-вошли мы Въ залу, я первый, вы послъ. И ждите, чтобъ мной быль вамъ подань

Знакъ. Женихи многобуйные, думаю я, не позволять Въ руки мет взять тамъ мой дукъ и колчанъ мой, набитый стридами: Ты же, Эвией, не дождавшись приказа, и лукъ и колчанъ мнв Самъ принеси. И потомъ ты велишь, чтобъ рабыни немедля Заперли въ женскія горинцы двери на илючъ и чтобъ, если Шумъ иль стенавье въ столовой послышится имъ, не посмъда Тронуться съ мъста изъ нихъ ни одна, чтобъ спокойно силъли Всъ, ни о чемъ не заботясь и дъломъ своимъ занимаясь. Ты же, Филотій, возьми ворота на свое попеченье. Крубико запри ихъ на ключъ и ремнемъ затяни ихъ задвижку. Такъ говорилъ Одиссей имъ. Онъ въ двери столовой вступивши Сълъ тамъ опять на оставленной имъ за минуту скамейкъ. Пость явились одинъ за другимъ свинопасъ и Филотій. Лукъ Одиссеевъ держалъ Эвримахъ и его надъ пылавшимъ Жарко огнемъ поворачивалъ, гръя. Не могъ онъ, однако, Крипость его побидить. Застонало могучее сердие; Голосъ возвысивъ, книящій досадой, онъ громко воскликнулъ: Горе мнъ! Я за себя и за васъ, сокрушенный, стыжуся: Нъть мит печали о томъ, что отъ брака я долженъ отречься-Много найдется прекрасных ахейских невъсть и въ Итакъ. Моремъ объятой, и въ разняхъ другихъ областяхъ кефаленскихъ. Но столь впитожными крупостью быть съ Одиссеемъ въ сравнены --Такъ что изъ насъ ни одинъ и немного погнуть былъ не въ силахъ Лука его-то стыдомъ насъ покроеть и въ позднемъ потомствъ. Но Антиной, сынь Эвпейтовъ, восиликнулъ, ему возражая: Нътъ, Эвримахъ благородный, того не случится, и въ этомъ Самъ ты увъренъ. Пародъ аполлоновъ великій сегодня Празднуеть праздинкъ: въ такой день натигивать лукъ неприлично; Спрячемъ же лукъ; а жердей выносить намъ не нужно отсюда. Пусть остаются: украсть вхъ, конечно, никто изъ живущихъ Въ дом'я царя Одиссея рабовъ и рабынь не помыслитъ. Намъ же опять благовоннымъ виномъ пусть наполнитъ глашатай Кубки, а лукъ Одиссеевъ запремъ, совершивъ возліянье. Завтра поутру пускай козоводъ, нашъ разумный Мелантій, Козъ приведеть намъ отборныхъ, чтобъ здъсь принести Аполлону, Лука сгибателю, бедра ихъ въ жертву. Согнуть онъ поможеть Лукъ Одиссеевъ; и силы надъ пимъ пе истратимъ напрасно. Такъ предложилъ Антиной, и одобрили вст предложенье. Туть для умытія рукъ имъ глашатая подали воду; Отроки, светлымъ кратеры до края наполнивъ напиткомъ, Въ чатахъ его разнесли, по обычаю справа начавши; Вкуснымъ питьемъ насладилясь они, сотворивъ возліянье. Хитрость замысливъ, тогда имъ сказалъ Одиссей многоумный: Слухъ вашъ ко мнъ, женихи Пенелопы, склоните, дабы я Высказать могь вамъ все то, что велить мий разсудокъ и сердце. Воть вамъ-теб'в Эвримахъ, и теб'в, Антиной богоравный, Столь разсудительно дало рашившіе—добрый совать мой: Лукъ отложите, на волю безсмертныхъ предавъ остальное: Завтра решитъ Аполлонъ, кто изъ васъ победителемъ будетъ; Мив же отведать позвольте чудесного лука; узнать мив Дайте, осталось ли въ мышцахъ монхъ изнуренныхъ хоть мало Сплы, меня оживлявшей въ давнишнее младости время, Или я вовсе нуждой и бродячимъ житьемъ уничтоженъ. Кончилъ. Но просъбы его не одобрилъ никто. Испугался Каждый при мысли, что съ гладкоблистающимъ лукомъ онъ сладитъ. 13* Слово къ нему обративши, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ: Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль разсудка лишился? Мало тебъ, что спокойно, допущенный въ общество наше, Здась ты ппруешь, объдая съ нами, п всв разговоры Слушаеть нати, чего никогда здѣсь еще никакому Нищему не было нами позволено? Все недоволенъ! Видно, твой умъ отуманенъ медвянымъ виномъ: отъ вина же Всякой, его неумфренно пьющій, безумфеть. Быль имъ Изкогда Эвритіонъ, многославный Кентавръ, обезумленъ. Въ домъ Пиритоя, великою славнаго силой, вступивши, Праздновалъ тамъ онъ съ лапиоами: разума пьянствомъ лишенный, Буйствовать зв'врски онъ вдругъ принялся въ Пиритоевомъ дом'ь. Всь раздражились Лапивы; покинувъ трапезу, изъ залы Силой его утащили на дворъ, и нещадною м'єдью Уши и носъ обрубили они у него: и, разсудка Вовсе лишенный, Кентавръ убъжалъ, поношеньемъ покрытый. Злая зажглась оть того у кентавровь съ лаппоами распря: Онъ же отъ пьяства тамъ первый плачевную встратилъ погибель. Такъ и съ тобою случится, бродяга безсмысленный, если Эготъ осмѣлишься лукъ патянуть: не молвою прославленъ Вудешь ты въ области нашей; на твердую землю ты будешь Къ злому Эхету царю, всехъ людей истребителю, сославъ: Тамъ ужъ ничемъ не спасешься отъ гибели жалкой. Сиди же Смирно и пей и на старости силой не спорь съ молодыми. Онъ замолчалъ. Возражая, сказала ему Пенелопа: Иъть, Антиной, непохвально бъ весьма и неправедно было, Если бъ гостей телемаковыхъ кто здёсь лишалъ ихъ участка. Или ты мыслишь, что этотъ старикъ, натянувши великій Лукъ Одиссеевъ, на силу свою полагаясь, помыслить Мной завладъть, и свою безразсудно мнъ руку предложить. Это, конечно, ему не входило и сонному въ мысли: Будьте жъ спокойны и доль такимъ опасеньемъ не мучьте Сердца-ни вздумать того, ни на дълъ исполнить неможно. Туть Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, такъ отвічалъ Пенелопі: О, многоумная, старца Икарія дочь, Пенелопа, Мы не боимся, чтобъ дерзость такую замыслиль онъ — это Вовсе несбыточно: мы лишь боимся стыда, мы боимся Толковъ, чтобъ кто не сказалъ межъ ахейцами, низкій породой: Жалкіе люди они! За жену безпорочваго мужа Вздумали свататься; лука жь его натянуть не ум'єють. Вотъ посътиль ихъ нашъ брать побродяга, покрытый отрепьемъ; Легкой рукой тетиву натянуль и вст кольца стрелою Мътко пробиль онъ. Такъ скажуть. И будеть намъ стыдъ нестерпимый. Кончилъ. Разумная старца Икарія дочь возразила: Нъть, Евримахъ, на себя порицанье и стыдъ навлекаютъ Люди, которые домъ и богатства отсутственныхъ грабять, Правду забывши; а туть вамъ стыда никакого не будеть: Этоть же странникъ, и ростомъ высокій и мышдами сильный, Родомъ не низокъ: рожденъ, говоритъ онъ, отцомъ знаменитымъ. Дайте же страннику лукъ Одиссеевъ-увидимъ, что будетъ. Слушайте также (и то, что скажу я, исполнится върно), Если натянеть онъ лукъ и его Аполлонъ темъ прославить, Мантію дамъ я ему и красивый хитонъ и подошвы Ноги обуть; дамъ колье на собакъ и навстръчу съ бродягой; также и мечь онь получить, съ обоихъ сторонъ заощренный,

Послѣ и въ, сердцемъ желанную, землю его я отправлю. Ей возражая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ: Мплая мать, Одиссеевымъ лукомъ не можеть никто здёсь Властвовать; дать ли, не дать ли его, я одинъ лишь на это Право пмѣю -- никто изъ живущихъ въ гористой Итакъ, Иль на какомъ острову, съ многоконной Элидою смежномъ. Если придеть мив на умъ, заксь никто запретить мив не можетъ Страннику стрълы и лукъ подарить и унесть ихъ позволить. Но удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства, Пряжей, тканьемъ: наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ раб тъ Были; судить же о лукъ не женское дъло, а дъло Мужа, и нын'в мое: у себя я одинъ повелитель. Такъ онъ сказалъ. Изумяся, обратно пошла Пенелопа; Къ сердцу слова многоумныя сына принявъ п въ покоъ Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ Плакала горько она о своемъ Одиссев, покуда Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Авина. Тою порою, взявъ стрълы и лукъ, свинопась къ Одиссею Съ ними пошелъ. На него всей толной женихи закричали. Такъ говорили одни изъ ругателей дерзконадменныхъ. Стой, свинопасъ безтолковый! Куда ты бредень, какъ безумный, Съ лукомъ? Ты будешь своимъ же собакамъ, которыхъ вскормиль здъсь Самъ, чтобъ свиней сторожить, на съедение выброшенъ, если Намъ Аполлонъ и блаженные боги дарують побъду. Такъ говорили они. Свинопасъ, оглушенный ихъ крикомъ, Лукъ, оробъвъ, ужъ готовъ былъ поставить на прежнее мъсто; Но Телемакъ, на него погрозяся, разгитванный крикнулъ: Съ лукомъ сюда! Ты Эвмей, ошалѣль; ужъ не хочешь ли волѣ Всехъ угождать? Не трудись, иль тебя, хоть и старъ ты, я въ поле Камиями самъ провожу: молодой старика одолжетъ. Если бы сплой такой и одинъ одаренъ былъ, какую Всъ совокупно имъють они, женихи Пенелопы, Въ страхъ тогда по своимъ бы домамъ разбъжалися разомъ Всв они, въ домъ моемъ беззаконій творящіе много. Такъ онъ сказалъ имъ. Они неописанный подияли хохотъ. Въ сердцъ, однако, у инхъ на него присмиръла досада. Волю его псполняя, Эвмей черезъ залу прошедши, Лукъ и колчанъ со стрелами вручилъ Одиссею: потомъ онъ, Кликнувъ усердную няню его. Эвриклею, сказалъ ей: Слушай, тебъ повелълъ Телемакъ, чтобъ рабыни немедля Заперля въ женскія горницы двери на ключъ, и чтобъ, если Шумъ иль стенанье въ столовой послышится имъ, не посмъла Тронуться съ мфста изъ нихъ ни одна, чтобъ спокойно сидфли Всь, ни о чемъ не заботясь и дъломъ своимъ занимаясь. Кончилъ. Не мимо ущей Эвриклен его пролетъло Слово. Всв двери техъ горинць, сдв жили служанки, замкнула Тотчасъ она; а Филотій, покинувъ украдкою залу, Вышелъ на дворъ, обнесенный оградой, и заперъ ворота; Выль тамъ въ свияхъ корабельный пеньковый канатъ; имъ связалъ онъ Крипко затворъ у воротъ и, въ столовую снова вступпвши, Сълъ тамъ опять на оставленной имъ за минуту скамейкъ, Очи вперивъ въ Одиссея, который, въ рукахъ обращая Лукъ свой туда и сюда, осторожно разсматриваль, цълы ль Роги и не было ль что безъ него въ нихъ попорчено червемъ. Глядя другъ на друга, такъ женихи межъ собой разсуждали:

Видно, знатокъ онъ, и съ лукомъ привыкъ обходиться; быть-можеть, Луки работаеть самъ, и, им'я ужь лукъ, начатой имъ Дома, намфренъ его по образчику этого сладить; Видите ль, какъ овъ, бродяга негодный, его разбираеть? Но-отв'вчали другіе насм'вшливо первымъ-удастся Опыть ужъ верно ему! И всегда пусть такую жъ удачу Встръгить во всемь онь, какъ здесь, съ Одиссеевымъ сладивши лукомъ. Такъ женихи говорили. А онъ, препсполненный страшныхъ Мыслей, великій осматриваль лукъ. Какъ п'явецъ, пріобыкшій Цитрою звоикой владеть, начинать песнопенье готовясь, Строить ее, и упругія струны на ней, изъ овечьихъ Свитыя тонкотягучихъ кишекъ, безъ труда напрягаеть --Такъ безъ труда во миновение лукъ непокорный напрясь онъ. Кръпкую правой рукой тетиву потянувши, онъ ею Щелкнуль: она провизжала, какъ ласточка звонкая въ небъ. Дрогнуло сердце въ груди жениховъ, и въ лицъ измънились Всъ-туть ужасно Зевесь загремъль съ вышины, подавал Знакъ; и живое веселіе въ грудь Одиссея проникло: Въ громъ Зевесовомъ онъ предвъщанье благое услышаль. Выструю взяль онь стрвлу, на столь оть него недалеко Вольно лежавшую; прочія жъ заперты въ тісномъ колчані: Были-по скоро ихъ шумъ женпхамъ надлежало услышать. Къ луку притиснувъ стръду, тетиву онъ концомъ оперешнымъ, Сидя на мъсть своемъ, натянулъ и, прицъляся, въ кольца Выстрълилъ-быстро отъ перваго всъ до последниго кольца, Ихъ не задъвъ, пронизала стръла, заощренная мълью. Туть, обратясь къ Телемаку, восиликнуль стрвлець богоравный: Видишь, что гость твой теб'ь, Телемакъ, не нанесъ посрамленыя. Въ цель я попаль; да и лукъ натяпуть Одиссеевъ немпого Было труда мив. Еще не соесвиъ я, скитансь, утратилъ Силы, хотя женихи и ругаются мной безнощадно. Должно, однако, покуда свътло, угощенье иное Имъ приготовить; и въше съ звонкою цитрой, душою Пира, на новый, теперь имъ приличиващий, ладь перестроить. Такъ онъ сказалъ и бровями повель. Телеманъ богоравный Поняль условленный знакъ; онъ цемедли свой мечь ополеаль, Въ руки схватилъ боевое копье и за стуломъ отцовымъ Сталъ, ко всему изготовясь, оружіемъ міднымъ блеотящій.

пъснь двадцать-вторая.

содержаніе двадцать-второй пъсни.

Тридцать-девяный день. Одиссей убиваеть Аптиноя, открывается жепихамъ и отвергаеть мирное предложение Эвримаха. Телемакъ приносить сверху оружія; онъ забываеть затворить дверь, и въ нео входить Менантій, который снабжаеть оружіями жениховъ; по схваченъ потомъ
Эвмеемъ и Филогіемъ; они запирають его связаннаго наверху. Явленіе
Авины, сперва въ видъ Мейтора, потомъ въ видъ ласточки; она приводить въ разстройство чувство жениховъ. Веф они, кромъ глашатая Медонта и пъвда Фемія, умерщвлены. Одиссей повелъваеть вынести труны
изъ столовой. Казнь рабывь и Мелантія. Одиссей посылаеть Эвриклею
позвать Пенелопу.

Рубище сбросивъ поспъшно съ себя, Одиссей хитроумный Прянулъ, держа свой колчанъ со стрълами и лукъ, на высовій Двери порогъ; изъ колчана опъ острыя высыпаль стрълы На полъ у ногъ, и потомъ, къ женихамъ обратяся, воскликнулъ: Этотъ мнъ опытъ, друзья женихи, удалося окончить;

Новую цівль я, въ какую никто не стрівляль до сего дия, Выбралъ теперь; и въ нее угодить Аполлонъ мив поможеть. Такъ говоря, онъ прицелился горькой стрелой въ Антиноя-Взивъ со стола золотую съ двуми рукоятими чашу, Пить изъ неи Антиной ужъ готовъ былъ вино; беззаботно Полную чашу къ устамъ подносилъ опъ, и мысли о смерти Не было въ немъ. И никто изъ гостей многочисленныхъ пира Вздумать не могъ, чтобъ одинъ человекъ на толпу ихъ замыслилъ Дерзко ударить и разомъ предать ихъ губительной Кере:. Выстрълилъ, грудью подавшись впередъ, Одиссей, и произпла Горло стр'вла; остріе смертоносное вышло въ затылокъ; На бокъ упалъ Антиной; покатилася по полу чаша, Выпавъ изъ рукъ; и горячимъ ключомъ изъ ноздрей засвистала Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнуль оть себя опъ Столъ и его опрокинулъ; вси пища (горячее мясо, Хлѣбъ и другое), смѣтавшись, свалилася на полъ. Ужасный Подняли крикъ женихи, Антиноя узрѣвъ умерщеленнымъ. Всею толпою со стульевъ вскочили они и, глазами Бъгая вкругъ по стъпамъ обнаженнымъ, пскали оружій-Не было тамъ ин щита ни конья, заощреннаго мъдью. Гвъвными начали всъ упрекать Одиссея словами: Выстрель твой будеть бедою тебе, чужеземець; последній Сделаль ты выстрель теперь; ты погибъ неизбежно; убиль ты Мужа, пзъ всехъ, обитающихъ въ волнообъятой Итаке, Самаго знатнаго; будешь за то ястребами расклеванъ. Мнили они, что случайно стрълой чужеземца товарищъ Ихъ умерщвленъ былъ. Безумцы! они въ слепоте не видали Съти, которою близкая всёхъ ихъ опутала гибель. Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей богоравный: А! вы, собаки! вамъ чудилось всемъ, что домой ужъ изъ Трои Я не приду ипкогда, что вольны безпощадно вы грабить Домъ мой, обижая гнусно монхъ въ немъ служанокъ, тревожа Душу моей благородной жены сватовствомъ нонавистнымъ, Правду святую боговъ позабывъ, не стращася ви гивва Ихъ, ни отъ смертныхъ людей за дъла беззаконныя мести! Въ съть непобъжной погибели всъ, наконецъ, вы попали. Такъ онъ сказалъ пмъ. И были все ужасомъ схвачены бледнымъ; Всв, озпраясь, глазами искали дороги для бъгства. Туть Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, бросилъ крылатое слово: Если ты подливно царь Одиссей, возвратившійся въ домъ свой, Праведны всв обвиненья твои. Беззаконнаго много Въ дом'я твоемъ и въ твоихъ областихъ совершилось; но здъсь овъ. Главный впновникъ всего, Аптиной, пораженный тобою, Мертвый лежить. Онъ одинь, зломышленій всегдашнихъ зачинцикъ, Насъ поджигалъ: не о бракъ одномъ онъ съ твоей Пенелопой Думаль; пное, чего не позволиль Кроніонъ, таплось Въ сердцъ его: похищение власти царя; Телемака, Власти державной наследника, смерти предать замышляль онъ. Нынъ судьбой онъ постигнуть; а ты, Одиссей, пощади насъ Подданныхъ; послъ назначишь намъ цъну, какую захочешь Самъ, за впно, за ѣду и за все, что истрачено нами; То, что здёсь стопть откориленныхъ двадцать быковъ, дасть охотио Мъдью и золотомъ каждый изъ насъ, чтобъ склонить на пощаду 🦠 Гивьъ твой; теперь же твой праведень гивьъ; на него мы не ропщемъ. Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей благородный:

Неть, Эвримахъ-и хотя бы вы съ вашимъ сполна все богатства Вашихъ отцовъ принесли мнъ, прибавя къ нимъ много чужого-Руки мон васъ губить не уймутся до техъ поръ, покуда Кровію вашей обиды моей дочиста не омою. Выборъ теперь вамъ одинъ: иль со мной, защищаясь, бейтесь, Или бъгите отсюда, спасаясь отъ Керъ и отъ смерти-Знайте, однако, что Керы васъ всехъ на пути переловятъ. Такъ говорилъ онъ. У нихъ задрожали колена и сердца. Тутъ Эвримахъ, обратясь къ женихамъ устрашеннымъ, воскликнулъ: Этотъ свиръный безжалостныхъ рукъ не уйметъ, завладъвши Лукомъ могучимъ и полнымъ стрелами колчаномъ; до техъ поръ Будеть съ порога высокаго стрълы пускать онъ, покуда Всехъ не положить насъ мертвыхъ. Друзья, не дадимся жъ безъ боя Въ руки ему; обнажите мечи и столами закройтесь Противъ налета убійственныхъ стр'яль; всей толиою наперши, Можемъ мы, сбившись съ порога его и притолокъ двери Вытеснивь, выбежать изъ дома, броситься въ городъ, и въ номощь Скликать людей; разстр'вляеть онъ скоро ужасныя стр'влы. Такъ онъ сказавъ, изъ ноженъ, ободрившійся, выхватиль мечь свой, Медный, съ объихъ сторонъ заощренный, и съ крикомъ ужаснымъ Прянулъ впередъ. Но навстръчу ему Одиссей богоравный Выстрелиль; грудь близь сосца проколода и, въ печень воизившись, Кръпко засъла въ ней злая стръла. Изъ руки ослабъвшей Выронилъ мечь онъ, за столъ упівниться хотіль и, споткнувшись, Вмъстъ упалъ со столомъ; вся ъда со стола и двудонный Кубокъ свалилися наземь; онъ объ полъ стучалъ головою, Болью проникнутый; ноги отъ судорогъ бились; ударомъ Пятокъ онъ стулъ опрокинулъ; его, наконецъ, потемивли Очи. Тогда Анфиномъ благородный, вскочивъ, устремился Въ бой; уповая, что противъ него Одиссей не замедлить Выйти, сошедши съ порога, свой мечь обнажиль онъ; но сзади Вросилъ конье Телемакъ, заощренное м'едью; вонзилось Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши, Треснулся объ полъ лицомъ Анфиномъ. Телемакъ же проворно Прочь отскочиль; онъ копья не хотель изъ убитаго вырвать, Сердцемъ тревожась, чтобъ, въ это мгновеніе, съ боку напавши, Кто изъ ахеянъ его, занятаго копья исторженьемъ, Острымъ мечомъ не произилъ неожиданно; свой совершивши Смертный ударь, подъ защиту отца поспъшиль онъ укрыться. Близко къ нему подобжавши, онъ бросилъ крылатое слово: Щить, два конья м'ядноострыхъ, родитель, и кринкій изъ твердой М'єди, къ твоей голов'є приспособленный шлемъ принесу я; Самъ же надъну и латы; Эвмею съ Филотіемъ върнымъ Также надъть ихъ велю; безопасные въ латахъ намъ будеть. Кончилъ. Ему отвъчая, сказалъ Одиссей хитроумный: Д'вльно! б'еги и, пока не истратиль я стр'ель, возвратися; Иначе буду, оставшись одинь, оттеснень оть защитныхъ Притолокъ. Такъ онъ сказалъ. Телемакъ все исполнилъ посившио: Бросясь въ ту верхнюю горинцу, гдв находились доспахи, Взялъ Телемакъ тамъ четыре щита и четыре съ хвостами Конскими шлема и восемь блестящей окованныхъ медью Копій; и съ ношей своей онъ къ отцу возвратился немедли; Прежде, однако, надълъ на себя мъдполитыя латы; Мъдными латами также облекшись, Эвмей и Филотій Стали съ боковъ Одиссен, глубокою полнаго думой.

Вологод, жел, дор. Библиотека "КОР"

Онъ же, покуда еще оставались пернатыя стрълы, Каждой стрелой въ одного изъ враговъ попадалъ, не давая Промаха; другь подл'в друга валяся, они издыхали. Но напоследокъ, когда истощилися стрелы, великій Лукъ Одиссей опустилъ, не имъя въ немъ болъе нужды, Къ притолкъ свътлой его прислонилъ и стоять тамъ оставилъ. Четверокожнымъ щитомъ облачивши плеча, на могучей Онъ головъ укръпилъ мъднокованый племъ, осъненный Конскимъ хвостомъ, подымавшимся страшно на гребит, и въ руку Взялъ два копья боевыхъ, заощренныхъ смертельною мъдью. Тамъ недалеко отъ главныхъ дверей находилась другая Тайная дверь; отъ высокаго залы пространной порога Тесный быль этою дверью на улицу выходъ изъ дома; Доступъ желая къ нему заградить, Одиссей свинопасу Стать приказаль передъ дверью, чёмъ всякій исходъ быль отрёзань. Туть Агелай, къ женихамъ обратясь, имъ крылатое слово Бросилъ: друзья, не удастся ль кому потаенною дверью Выбъжать, крикпуть тревогу и намъ поскоръе на помощь Вызвать людей? Ужъ свои разстраляль онъ посладнія стралы. Кончилъ. Мелантій, на то возражая, сказалъ Агелаю: Н'ыть, Агелай благородный, нельзя: потаенныя двери Слишкомъ у нихъ на виду, да и выходъ такъ тъсенъ, что цълой Можеть толи заградить тамъ дорогу одинъ небезсильный. Но погодите, оружіе вамь я найти не замедлю: Горницу знаю, въ которой досифхи, изъ этой палаты Взятые, кучею склаль Одиссей, помогаемый сыномъ. Такъ Агелаю сказавъ, злоковарный Мелантій обходомъ Въ горницу тайно прокрался, гдъ складены были доспъхи. Вынесь отгуда двинадцать великихъ щитовъ онъ, двинадцать Копій и столько же м'єдныхъ, хвостами украшенныхъ, илемовъ. Съ ними назадъ возвратясь, женихамъ ихъ посиъшно онъ роздалъ. Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колена, когда онъ, Вдругъ оглянувшись, увидёлъ ихъ въ шлемахъ, съ щитами, трясущихъ Длинными коньями; гибель ему неизбъжной явилась. Къ сыну тогда обратившись, онъ бросилъ крылатое слово: Върно какая изъ нашихъ рабынь, Телемакъ, измънивши Намъ, помогаетъ противникамъ нашимъ, иль хитрый Мелачтій? Робко на то отвъчалъ разсудительный сынъ Одиссеев Горе! мое небреженье причиной всему: я впновникъ Этой бъды-заспъшивъ, позабылъ оружейной палаты Дверь запереть, и лазутчикъ, хитръе меня, побывалъ тамъ. Слушай, мой честный Эвмей, побъти ты туда и за дверью Стань тамъ и жди; кто придетъ, ты увидишь: служанка ль какая, Или Мелантій? Я самъ на него подозрѣнье пмѣю. Такъ говорили о многомъ они, собесъдуя тайно. Тою порою за оружіемъ хитрый Мелантій собрался Снова прокрасться наверхъ. То примътивъ, Эвмей богоравный На ухо такъ прошенталъ Одиссею, стоявшему близко: О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный, Воть онъ, предатель; его угадаль я; онъ крадется, видишь, Снова туда за оружіемъ; что, государь, повелишь мнъ Сделать? Убить ли крамольника, если удастся съ нимъ сладить? Или насильно сюда притащить, чтобъ надъ нимъ наказанье Самъ совершилъ ты за наглое въ домъ твоемъ поведенье? Кончиль. Ему отвічая, сказаль Одиссей хитроумный:

Съ сыномъ монмъ Телемакомъ я здёсь жениховъ многобуйныхъ Буду удерживать, сколь бы ни сильно вхъ бъщенство было; Ты жъ и Филотій предателю руки и ноги загните На спиру; послев, скрутивъ на спине ихъ, его на веревки За руки вздерните вверхъ по столбу и вверху привяжите Крипкимъ узломъ къ потолочини; двери жъ, ушедии, замкните: Въ страшныхъ мученьяхъ пускай тамъ висять ни живой онь ни мертвый. То повелъние царское было псполнено скоро: Вмъсть пошли свинопасъ и Филотій; подкравшися, стали Справа и сліва они у дверей дожидаться, чтобъ вышель Онъ къ нимъ изъ горинцы, где женихамъ во второй разъ доспеки Вралъ. И лишь только Мелантій ступиль на порогь (несъ прекрасный Гривистый шлемъ онъ одною рукой, а въ другой находился Старый, шпрокій подернутый пліснію щить, въ молодые Лавніе годы герою Лаэрту служившій, теперь же Брошенный, вовсе худой, безъ ремней, съ перегнившими швами), Кинулись оба на вора опи; въ волоса упринвшись, На полъ его повалили, кричащаго громко, и кръпко Руки и ноги ему, ихъ съ великою болью загнувши На спину, сзади скрутили илетенымъ ремнемъ, какъ велель имъ Самъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный. Вздернувши посл'я веревкою вверхъ по столбу, поивизали Къ твердой его потолочинъ; тамъ и остался висъть онъ. Съ злобной насмъшкой ему туть сказаль свинопась богоравный: Вудь здесь покуда заботливымъ сторожемъ, честный Мелантій; Мы для тебя перестлали покойную, видишь, постелю. Върно теперь не просиншь златотронной, въ туманъ рожденной Эосъ въ ея восхожденій съ водъ Океана, и въ пору Козъ на объдъ женихамъ многославнымъ отборныхъ пригонишь. Кончилъ. И, бросивъ его тамъ, висящаго въ стращныхъ мученьяхъ, Оба съ оружіемъ, дверь за собой затворивъ, удалились. Къ мъсту они подошли, гдъ стоялъ Одиссей хитроумный. Яростью вст тамъ кпитан. Въ дверяхъ на высокомъ порогъ Четверо грозно стояли; другіе толиплись въ палать. Къ первымъ тогда подошла свътлоская дочь громовержца, Сходная съ Менторомъ видомъ и ръчью, боганя Аенна. Ей Одиссей, ободрившійся, бросиль крылатое слово: Менторъ, сюда! помоги намъ; бывалое дружество вспомни; Много добра отъ меня ты пивлъ, мой возлюбленный сверстникъ Такъ говориль онъ, а внутренно мыслиль, что видеть Анпиу. Но жевихи обратились на Ментора всею толною. Первый сказаль Агелай, сынь Дамасторовь: будь осторожень Менторъ, пе слушай его убъжденій, не думай въ сраженье Съ нами вступать, подавая ему безразсудную помещь. Съ нами одинъ онъ не сладить, свое мы возьмемъ; но когда мы, Ихъ переспливъ обоихъ, отца уничтожниъ и сына, Съ ними тогда умертвимъ и тебя, пенавистнаго, если Вздумаешь здёсь къ нимъ пристать; головою заплатинь за дерзость; После жъ, когда уничтожить вась медь безнощадиая, все мы, Что не имфешь ты дома иль въ полъ, возьмемъ и, смфшавши Вићств съ добромъ Одиссеевымъ, между собою раздълимъ; Выгоними изъ дому вашихъ детей; сыновьямъ, дочерямъ здесь Вашимъ не жить; и разстанутся ваши съ Итакою жены. Кончилъ онъ. Дерзость его раздражила богино Аениу. Геввными стала она упрекать Одиссея словами:

Нътъ ужь въ тебъ, Одиссей, той отваги могучей, съ которой Ты за Елену Аргивскую, дочь свътлорукую Зевса, Девять съ троянами л'єть такъ упорно сражался; въ то время Много погноло враговъ отъ тебя въ истребительной битва; Хитрость твоя, наконецъ, и Пріамовъ разрушила городъ. Что жъ? Отчего ты, домой возвратись, Одиссей, съ женихами Такъ неръшительно, медленно къ битвъ теперь приступаешь? Другь, ободрись; на меня погляди; ты увидещь, какъ смъло Противъ враговъ на тебя нападающихъ здівсь совокупно. Выступить Менторь Алкимидь, тебъ за добро благодарный. Кончивъ, она Одиссею не вдругъ даровала побъду: Бодрость царя и разумнаго сына его Телемака Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня Вдругъ превратилась, взвилась къ потолку и на черной отъ дыма Тамъ перекладинъ легкою, сизою ласточкой съла. Тою порой Агелаемъ, Дамастора сыномъ отважнымъ, Димонтолемъ, Эвриномъ и Пизандръ, сыпъ Полякторовъ бодрый, Съ Анфимедономъ и умнымъ Политосомъ простно были Въ бой подстрекаемы (силой они отличались отъ прочихъ, Сколько еще ихъ тамъ было живыхъ и спастись уповавшихъ Боемъ; другіе же, всь умерщвленные, кучей лежали). Такъ, обратись къ остальнымъ, Агелай благородный воскликнулъ: Этотъ свиръпый, и думаю, скоро отъ боя уймется; Менторъ покинулъ его, безполезно нахваставъ; одинъ овъ Съ ними теперь на высокомъ порогв стоитъ беззащитный. Разомъ всехъ коній своихъ медиоострыхъ, друзья, не бросайте; Бросьте сначала вы шесть; и великая будеть намъ слава, Если его поразимъ ненавистнаго съ помощью Зевса; Съ прочими жъ сладить не трудно, лишь только бъ сломить Одиссея. Такъ онъ сказалъ. И, ему повинуясь, пустили другіе Разомъ шесть коній; по едізала тщетнымъ ударъ ихъ Аониа: Вкось полетъвши, глубоко воизилося въ притолку гладкой Двери одно; а другое въ одну изъ дверныхъ половинокъ Втиснулось; третье воткнулось въ досчатую ствну; когда же Всёхъ, женихами въ нихъ брошенныхъ копій они избёжали, Такъ, обратлея къ своимъ, Одиссей хитроумный сказалъ имъ: Очередь наша теперь; приступите, товарищи, къ дълу, Копья нацальте и бросьте въ толцу жениховъ, уничтожить Насъ замышляющихъ, прежде столь много обидъ намь начесии. Такъ онъ сказалъ. И, прицълись, они мъдноострыя копья Кинули разомъ; и Демонтолема сразилъ многосильный Самъ Одиссей, Телемакъ Эврінда, Филотій Пизандра, Старый Эвмей свинопасъ поразиль Элатопа; и разомъ Всв повалились они, съ скрежетаціемъ стиснувши зубы. Прочіс, къ дальней стінів отбіжавши толной и посившно Вырвавъ изъ труповъ кровавыхъ вонзенныя въ ивдра ихъ конья, Снова ихъ разомъ въ протисниковъ м'ятко прицалясь, пустили; Снова Аонна могучая сдівлала тщетнымъ ударъ ихъ. Вкось пелетвини, глубоко вензилося въ притолку гладкой Двери одно; а другое въ одну изъ дверныхъ половинокъ Втиснулось; третье воткнулось въ досчатую степу. Однако, Авфимедонъ Телемака поранилъ, въ ручную попавши Кисть: пролетая, копье остріемъ оцарапало кожу. Тронуль плечо надъ щитомъ у Эвмен Ктезиипъ длинноострой М'ядью; копье же, надъ нимъ прошум'явъ, водрузилося въ землю.

Стоя съ боковъ Одиссея, ужасною полнаго думой, Снова они въ жениховъ неизбъжныя бросили копья. Эвридаманта сразилъ Одиссей, городовъ сокрушитель; Анфидамантъ былъ произенъ Телемакомъ, Полибъ свинопасомъ; Мътко нацъливъ копьемъ мъдноострымъ, Филотій Ктезиппу Грудь просадиль; и, удачнымъ ударомъ хвалясь, онъ воскликнулъ: Сынъ Поливердовъ, лихой на обидныя рачи, теперь ты Дерзкій языкъ свой уймешь отъ ругательствъ нахальныхъ; предайся Въ волю боговъ; имъ однимъ подобаетъ и слава и спла. Я же тебя отдариль здёсь за ногу коровью, которой Такъ благосклонно попотчевалъ ты Одиссея бродягу. Такъ говорияъ криворогихъ быковъ сторожитель Филотій. Тою порой умерщвлень быль Дамасторовь сынь Одиссеемь, Сынъ Леокритовъ, младой Эйвеноръ быль убить Телемакомъ: Острою м'ядью въ животъ пораженный, лицемъ онъ, со вс'яхъ ногъ Грянувшись, объ полъ ударился, жалобно охнулъ и умеръ. Тутъ съ потолка наклонила надъ ихъ головами Паллада Страшную людямъ эгиду: и ужасъ разстроилъ ихъ чувства. Пачали бъгать они, ошалъвъ, какъ коровы, когда ихъ Вешней порою (въ то время, какъ дни прибывать начинаютъ) Густо осыплють на пажити слепни сердитые. Та же ихъ Били, какъ соколы кривокогтистые съ выгнутымъ клевомъ, Съ горъ прилетъвшіе, быотъ пспугавшихся птицъ-и густыми Стаями съ неба на землю, спасаясь, бросаются птицы; Соколы жъ гонять ихъ, ловять когтями, и нъть имъ пощады, Запертъ и путь для спасенья, и травлею тъшатся люди; Такъ жениховъ (разогнавъ ихъ по горницѣ) справа и слѣва, Какъ ни попало, они убпвали; поднялся ужасный Крикъ; былъ разбрызганъ ихъ мозгь, быль дымящейся кровью ихъ залить Полъ. Къ Одиссею тогда подб'яжалъ Леодей и колъна Обняль его и, трепещущій, бросиль крылатое слово: Ноги цълую твои, Одиссей; пощади и момплуй. Въ домъ твоемъ ни одной изъ рабынь, въ немъ живущихъ, ни словомъ Я не обидълъ, ни въ дъло не ввелъ непристойное; самъ и Многихъ, напротивъ, удерживать здъсь отъ постыдныхъ поступковъ Тщился—напрасно! отъ зла не отвелъ я ихъ рукъ святотатныхъ; Страшною участью вст непзотжно постигнуты нынт. Я же, ихъ жертвогадатель, ни въ чемъ неповинный, уже ли Лягу здёсь мертвый? Такое ли добрымъ дёламъ возданнье? Мрачно взглянувъ исподлобыя, сказалъ Одиссей богоравный: Если ты подлинно жертвогадателемъ былъ между ими. То, безъ сомнинія, часто въ жилищи моемъ ты молился Дію, чтобъ мий возвратиться домой запретиль, чтобъ съ тобою Въ домъ твой мон удалилась жена и чтобъ съ нею дътей ты Прижиль — за это теперь и людей ужасающей смерти Ты не избътнешь. Сказалъ. И, могучей рукою схвативин Мечь, изъ руки Агелая въ минуту его умерщвленья Выпавтій, имъ онъ молящаго сильно ударилъ по шеъ; Крикнулъ онъ-въ крикф неконченномъ съ илечъ голова покатиласъ. Но отъ губительной Керы избъгнулъ сынъ Терпіевъ, славный Пъснями Фемій, всегда жениховъ на ппрахъ веселившій Паньемь; съ своею онъ цитрой въ рукахъ къ потаенной прижавшись Двери, стоямъ тамъ, колеблясь разсудкомъ, не зная, что выбрать, Выйти ли въ дверь и сидъть на дворъ, обнимая великіе Зевсовъ алтарь, охраняющій домъ, на которомъ такъ часто

Жпрныя бедра быковъ сожигалъ Одиссей многославный; Или къ колънямъ его съ умоляющимъ броситься крикомъ? Дѣло обдумавъ, увѣрился онъ, что полезнѣе будеть, Ставъ на колъна, Лаэртова сына молить о пощадъ. Цитру свою положивъ звонкострунную бережно на полъ Между кратерой и стуломъ серебряногвозднымъ, поспъшно Къ сыну Лаэртову дивный певецъ подбежалъ и колена Обняль его п, трепещущій, бросиль крылатое слово: Ноги цълую твои, Одиссей; пощади и помилуй. Самъ сожальть ты и сътовать будешь, когда пъснопъвца. Сладко безсмертнымъ и смертнымъ поющаго, смерти предашь здфсь; Пънію самъ я себя научиль; вдохновеніемъ боги Лушу согръди мою: и тебя, Одиссей, я, какъ бога, Буду гармоніей струнъ веселить. Не губи и вспоивида. Будеть свидътелемъ мив и возлюбленный сынь твой, что волей Въ домъ вашъ входить никогда я не мыслилъ, что самъ не просился Пфсиями здфсь на ширу забавлять жениховъ, что, напротивъ, Силой сюда приводимъ былъ и иълъ здъсь всегда принужденно. Такъ овъ сказавъ, возбудилъ Телемакову силу святую. Громко отцу закричалъ Телемакъ, находившійся близко: Стой! не губи неповиннаго яростной м'ядью, родитель. Съ нимъ и къ Медонту глашатаю благостенъ будь: обо миз онъ Въ дътствъ моемъ неусыпно пмълъ попеченье. Но гдъ онъ Честный Медонтъ? Не убили ль его свинопасъ иль Филотій? Или онъ самъ злополучный попалъ подъ ударъ твой смертельный? Такъ говорилъ Телемакъ. И дошло до Медонта благое Слово: дугою согнувшись, подъ стуломъ лежалъ онъ, коровьей, Только что содранной кожей покрытый, чтобъ Керы избъгнуть. Выскочиль онь изъ-подъ стула и, сбросивши кожу коровью Съ плечь, подбъжаль къ Телемаку и, ноги его обхвативши, Сталь целовать ихъ и въ трепеть бросиль крылатое слово: Забсь я, душа Телемакъ: заступись за меня, чтобъ отецъ твой Грозномогучій на мнѣ не отмстиль безпощадную мѣдью Злымъ женихамъ, столь давно, столь нахально его достаянье Грабившимъ завсь и тебя самого оскорблявшимъ безумно. Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей богоравный: Будь благодаренъ ему: онъ тебя сохранилъ, чтобъ отнынъ Въдалъ и самъ ты и людямъ другимъ говорилъ въ поученье, Сколь здісь благіе діла намъ спасительній діль беззаконныхь; Слушай теперь: изъ палаты, убійствомъ наполненной, вышедъ, Сядь на двор'в у воротъ съ пъснопъвцемъ, властителемъ слова; Я же остануся въ домѣ и все здѣсь устрою, что нужно. Такъ онъ сказалъ. И Медонть съ пъснопъвцемъ, изъ горницы вышедъ, Оба вблизи алтаря, посвященнаго Зевсу владыкъ, Сели: но все озирались кругомъ, опасаясь убійства. Очи водилъ вкругъ себя Одиссей, чтобъ узнать, не остался ль Кто неубптый, случайно избъгшій могущества Керы? Мертвые все, онъ увидель, въ крови и въ пыли неподвижно Кучей лежали они по полу тамъ, какъ рыбы, которыхъ-На берегъ вытащивъ ихъ изъ глубокозеленаго моря Неводомъ мелкопетлистымъ-рыбакъ высыпаетъ на землю; Тамъ, на пескъ раскаленномъ ихъ, влаги соленой лишенныхъ, Геліосъ пламенный душить, и всіз до одной умирають. Мертвые такъ тамъ одинъ на другомъ неподвижно лежали. Къ сыну сперва обратяся, сказалъ Одиссей хитроумный:

Долженъ теперь, Телемакъ, ты сюда пригласить Эвриклею; Нужное слово желаю я молвить разумной старушкъ. Такъ говорилъ Одиссей. Телемакъ, повинуяся, отперъ Двери, позваль Эвриклею и такъ ей сказаль: Эвриклея. Добрая няня моя, такъ давно за рабынями въ домъ Нашемъ смотрящая, все сохраняя усердно въ порядкъ, Кличетъ отецъ, говорить онъ съ тобою намеренъ; поди къ намъ. Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклен его пролетьло Слово. И, двери отперши техъ горинцъ, где жили служанки, Вышла она; и старушку повель Телемакъ къ Одиссею. Взорамъ ея Одиссей посреди умерщвленныхъ явился. Потомъ и кровью покрытый: подобился льву онъ, который Съчвин быка, подымается сытый, и тихо изъ стада-Грива въ крови и вся страшная пасть, обагренная кровью-Въ логъ свой идетъ, наводя на людей неописанный ужасъ. Кровію такъ Одиссей съ головы быль до ногь весь обрызганъ Трупы увидя и крови пролигой ручьи, Эвриклея Громко хотфля восклинуть, чудясь толь великому дфлу; Но Одиссей повелълъ ей себя воздержать отъ восторга; Голосъ потомъ свой возвысивъ, онъ бросилъ крылатое слово: Радуйся сердцемъ, старушка, но тихо, безъ всякаго крпка; Радостный крпкъ подымать неприлично при видъ убитыхъ. Діевъ ихъ судъ поразиль; отъ своихъ беззаконій погибли; Правда была имъ чужда, викого изъ людей земнородныхъ, Знатный ли, низкій ли быль онь, уважить они не хотели. Страшная участь ихъ всёхъ, наконецъ, злополучныхъ постагла. Ты же теперь назови мнт рабынь, здтсь живущихъ, дабы я Могъ отличить развращенныхъ отъ честныхъ и върныхъ межъ ними. Такъ онъ сказалъ. Эврикдея старушка ему отвъчала: Все я, мой сынъ, объявлю, пичего отъ тебя не скрывая; Въ дом' теперь пятьдесять мы пивемъ служановъ-работинцъ, Разнаго возраста; заняты всі рукодільемъ домашнимъ; Дергають волну; и каждая въ дом'в свою отправляеть Службу. Двинадцать изъ вихъ, поведеньемъ развратныхъ, не только Противъ меня, но и противъ царицы невъжливы были. Сынъ твой въ хозяйство вступилъ; но разумно ему Пенелопа Въ дъло служанокъ мъшаться до сихъ поръ еще запрещала. Я же наверхъ побъту объявить ей великую нашу Радость: она почиваеть; знать, боги ей сонъ ниспослали. Такъ, возражая, сказалъ Одиссей хитроумный старушкъ: Иътъ! не буди, Эвриклея, жены Хирикажи, чтобъ рабыни-Тъ, на которыхъ ты мнъ донесла — здъсь немедля явились. Такъ говорилъ Одиссей, и посифино пошла Эвриклея Кликнуть рабынь и вельть имъ итти къ своему господину. Овъ же, позвавъ Телемака съ Филотіемъ, съ старымъ Эвмеемъ, Бросилъ крылатое слово, свою изъявляя имъ волю: Трупы теперь приберите; пускай вамъ помогуть рабыни Вынести ихъ, а потомъ всъ столы, всъ богатые стулья Дочиста здёсь ноздреватою, мокрою вытрите губкой. Послѣ жъ, когда приберете совсвиъ цировую палату, Всъхъ поведеньемъ развратныхъ рабынь изъ нея уведпте; Тамъ, на дворъ межъ ствною и житною круглою башней Смерти предайте безпутняць, мечомъ заколовъ длинноострымъ. Такъ говорилъ онъ. Тъмъ временемъ всъ собралися рабыни, Жалобно воя; пзъ глазъ ихъ катилиси крупныя слезы.

Начали трупы онъ выносить, и въ съняхъ многозвучныхъ Царского дома, ствной обведенного, клали ихъ теснымъ Рядомъ, одинъ прислоняя къ другому, какъ самъ Одиссей имъ Дълать предписывалъ; дъло жъ не по сердцу было рабынямъ. Вынесши трупы, он'в и столы, и богатые стулья Дочиста вст ноздреватою, мокрою вытерли губкой. Заступомъ тою порой Телемакъ, свинонасъ и Филотій Въ залъ просторной весь полъ, обагренный пролитою кровью, Выскребли чисто: оскребки же вынесли за дверь рабыни. Залу очистивъ и все приведя тамъ въ обычный порядокъ, Выйти оттуда они осужденнымъ рабынямъ велели, Собрали ихъ на дворѣ межъ стѣною и житною башней Всъхъ, и въ безвыходномъ заперли мъстъ, откуда спасенья Быть не могло никакого. И сынъ Одиссеевъ сказалъ имъ: Честною смертью, развратницы, вы умереть не достойны. Кончивъ, канатъ корабля чернопосаго взялъ онъ и туго Такъ натянулъ, укръпивши его на колоннахъ подъ сводомъ Башни, что было погой до земли имъ достать невозможно. Тамъ, какъ дрозды длиннокрылые, или какъ голуби, въ съти Цълою стаей — летя на ночлегъ свой — попавтие (въ тъсныхъ Петляхъ трепещутъ они и ночлегь имъ становится гробомъ), Всв на канать онъ голова съ головою повисли; Петлями шело стянули у каждой; и смерть ихъ постигла Скоро: немного подергавъ ногами, вст разомъ утихли. Силою вытащенъ посл'в на дворъ козоводъ былъ Мелантій; Мадью нещадною вырвали ноздри, образали уши, Руки и ноги отсъкли ему; и потомъ, изрубивши Въ крохи, его на събдение бросили жаднымъ собакамъ. Рукп и ноги свои, обагренныя кровью, омывши, Въ домъ возвратились они къ Одиссею. Все кончево было. Туть Одиссей, обратясь къ Эвриклев, сказаль ей: немедля, Няпя, огня принеси и подай очистительной сфры: Залу намъ должно скоръй окурпть. Ты потомъ Пенелопъ Скажешь, чтобъ сверху сошла и съ собою рабынь приближенныхъ Всёхъ привела. Позови равномфрно и прочихъ служанокъ. Такъ повелълъ Одпссей. Эвриклея ему отвъчала: То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливымъ. Прежде, однако, тебъ принесу я опрятное платье; Этихъ нечистыхъ отрепьевъ на кръпкихъ плечахъ ты не должевъ Въ домъ своемъ многославномъ носить: то тебъ неприлично. Ей возражая, отвътствоваль такъ Одиссей многоумный: Прежде всего меть огня для куренья подай, Эвриклея. Волю его исполняя, пошла Эвриклея, и скоро Съ сброй къ нему и съ отнемъ возвратилась; окуривать началъ Сърой столовую онъ и широкій, стъной обнесенный Дворъ. Эвриклея, прошедъ черезъ свътлые дома покон, Стала служанокъ сбирать и немедленно всемъ имъ велела Въ залу притти; и немедленно, факелы взявши, рабыни Въ залу пришли; обступивши веселой толпой Одиссея, Голову, плечи и руки онъ у него цъловали. Онъ же даль волю слезамъ; онъ рыдаль отъ веселья и скороп, Всехъ при свиданіи милыхъ домашнихъ своихъ узнавая.

ПЪСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЕЙ ПЪСНИ.

Вечеръ тридцать-девятаго и угро сороковаго дия. Эвриклея приносить радостную вёсть Пенелопё, когорая идеть вмёстё съ нею въ нировую палату. Пенелопа медлить узнать своего супруга. Одиссей, чтобы обмануть житслей города, учреждаеть шумную пляску; омывшись въ купальнё, онъ возвращается къ Пенелопі, и, сказавъ ей тайну, только имъ двумъ извёстную, уничтожаеть всё ея сомнёнія. Всё ложатся спать. Одиссей и Пенелопа разсказывають другь другу свои приключенія. Съ наступленіемъ утра Одиссей идеть къ отпу своему Лаэрту.

Сердцемъ ликуя и радуясь, вверхъ побъжала старушка Въсть принести госпожъ, что желанный супругъ возвратился. Были отъ радости тверже кольна ея и провориъй Ноги. Подкравинися къ сиящей, старушка сказала: проснися, Вставь, Пенелопа, мое золотое дитя, чтобъ очами Все то увидеть, о чемъ ты скорбъла душою вседневно. Твой Одиссей возвратился; хоть поздно, но все, наконець, онъ Съ нами, и всехъ многобуйныхъ убилъ жениховъ, разорявшихъ Помъ нашъ и тратившихъ наши зрпасы назло Телемаку Поброй старушкъ разумная такъ Пенелона сказала: Другъ, Эвриклея, знать, боги твой умъ помутили! Ихъ волей Самый разумевний можеть липпиться меновенно разсудка, Можеть и слабый умомъ пріобрѣсть несказанную мудрость; Ими и ты обезумлона; пначе въ здравомъ разсудкъ Ты бы не стала теперь надъ моею печалью ругаться, Радостью ложной тревожа меня. И зачемъ прервала ты Сладкій мой сонъ, благодатно усталыя мнъ затворившій Очи? Ни разу я такъ не спала съ той поры какъ супругъ мой Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ несказаннымъ ствиамъ Иліона. Нъть, Эвриклея, поди, возвратися туда, гдъ была ты. Если бъ не ты, а другая изъ нашихъ домашнихъ служанокъ Съ въстью такой сумасбродной пришла и меня разбудила-Я бы не ласковымъ словомъ, а бранью насмъшницу злую Встрътила. Старости будь благодарна своей, Эвриклея. Такъ, возражая, старушка своей госпожѣ отвъчала: Нътъ, не смъяться пришла, государыня, я надъ тобою: Здъсь Одиссей! настоящую правду, не ложь я сказала. Тотъ чужеземецъ, тотъ нищій, которымъ всіз такъ здізсь ругались-Онъ-Одиссей; Телемакъ о его ужъ давно возвращения Зналь-но разумно молчаль объ отцъ онъ, который, скрываясь, Здась женихамъ истребление върное въ мысляхъ готовиль. Такъ отвъчала старушка. Съ постели вскочивъ, Пенелопа Радостно кинулась нян'в на шею въ слезахъ несказанныхъ. Голосъ возвысивъ, она ей крылатое бросила слово: Если ты правду сказала, сердечный мой другь, Эвриклея, Если онъ подлинно въ домъ свой, какъ ты говоришь, возвратился, Какъ же одинъ онъ съ такой жениховъ многочисленной шайкой Сладилъ? Они всей толиою всегда собиралися въ дом'в. Такъ, отвъчая, разумной царицъ сказала старушка: Сведать о томъ не могла я; мне только тамъ слышался тяжкій Вой убиваемыхъ; въ горинцъ нашей, забившися въ уголъ, Всъ мы сидъли, на ключъ запершись и не смъя промолвить Слова, покуда твой сынъ Телемакъ изъ столовой не вышелъ Кликнуть меня: онъ за мною самимъ Одиссеемъ былъ посланъ.

Тамъ Одиссей мит явился, межь мертвыми стращио стоящій: Трупы ихъ были одинъ на другомъ на полу, обагренномъ Кровью, набросаны: радостно было его мнъ увидъть. Потомъ и кровью покрытый, онъ грозному льву былъ полобенъ. Трупы ублтыхъ теперь всв лежать на дворъ за дверями Кучею. Онъ же, заботяся домь окурить благовонной Строй, огонь разложиль, а меня за тобою отправиль. Ждеть онъ; пойдемъ; наконецъ, вамъ обоимъ проникнеть веселье Душу, которая столько жестокихъ тревогъ претериъла: Главнос, долгое милаго сердце желанье свершилось: Живъ онъ, домой невредимъ возвратился и дома супругу Съ сыномъ живыми нашелъ, а враговъ, истребителей дома. Въ дом'в своемъ истребилъ; и обиды загладило мщенье. Лоброй старушкъ разумная такъ Пенелопа сказала: Другъ, Эвриклея, не радуйся слишкомъ до времени: всѣмъ намъ Было бы счастьемъ великимъ его возвращенье въ отчизну-Мнъ же особливо и милому, нами рожденному сыну: Все я, однако, тому, что о немъ ты сказала, не върю: Это не онъ, а одинъ изъ безсмертныхъ боговъ, раздраженный Ихъ беззаконнымъ развратомъ и ихъ наказавтій злодфиства. Правда была имъ чужда; никого изъ людей земнородныхъ--Знатный ли, низкій ли къ нимъ приходиль-уважать не хотіли; Сами погибель они на себя навлекли; но супругъ мой... Намъ ужъ его не видать; въ отдалены плачевномъ погибъ опъ. Ей Эвриклея разумная такъ, возражая, сказала: Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетьло. Онъ, я твержу, возвратился; а ты утверждаеть, что въчно Онъ не воротится; если же такъ ты упорна разсудкомъ, Върный онъ признакъ покажетъ: рубецъ на колънъ: свиръпымъ Вепремъ, ты въдаешь, нъкогда былъ на охотъ онъ раненъ: Ноги ему омывая, рубецъ я узнада; объ этомъ Тотчасъ хотъла сказать и тебъ; но, зажавъ миъ рукою Ротъ, онъ меня, осторожно разумный, принудилъ къ молчанью. Время, однако, итти; головой отвъчаю за правду; Если теперь солгала я, меня ты казни безпощадно. Доброй старушкъ разумная такъ Пенелопа сказала: Трудно тебъ, Эвриклея, проникнуть, хотя и великій Умъ ты имъещь, безсмертныхъ боговъ сокровенныя мысли. Къ сыну, однако, съ тобою готова птти я; увидъть Мертвыхъ хочу и того, кто одинъ всю толиу истребилъ ихъ. Съ сими словами она по ступенямъ пошла, размышляя, Что ей приличитье: издали ль съ нимъ говорить, иль, приближась Голову, руки и плечи его целовать? Перешедин Лвери высокій порогъ и въ палату вступивъ. Пенелона Съла тамъ противъ супруга, въ сіяньи огня, у противной Светлой стены; на другомъ онъ конце у колонны, потупиеъ Очи, сидълъ, ожидая, какое разумное скажеть Слово супруга, его тамъ своими глазами увидя. Полго въ молчаны сидъла она; въ ней тревожилось сердце; То, на него подымая глаза, убъждалась, что вправду Онъ передъ ней; то противное мыслила, въ рубищъ жалкомъ Видя его. Телемакъ напоследокъ воскликнулъ съ досадой: Милая мать, что съ тобой? Ты въ своемъ ли умъ? Для чего же Такъ въ отдаленъп угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь Слова супругу сказать, и его ни о чемъ не разспросишь?

IHCCEM.

Въ свъть жены не найдется, способной съ такою неласьой, Такъ недовърчиво, встрътить супруга, который по многихъ Въдствіяхъ, къ ней черезъ двадцать отсутствія льтъ возвратился. Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцемъ безчувственнъй камия, Сыну царица разумная такъ, отвъчая, сказада: Сердце, дитя, у меня въ несказанномъ волненіи, слова Я произнесть не могу, ни какой мив вопрось не приходить Въ умъ, и въ лицо поглядъть я не смъю ему; но, когда онъ Подлинно царь Одиссей, возвратившійся въ домъ свой, мы способъ Оба им'вемъ надежный другь другу открыться: свои мы Тайные людямъ другимъ пензвъстные, знаки имъемъ. Кончила. Царь Одиссей, постоянный въ бъдахъ, улыбнулся; Къ сыну потомъ обратяся, онъ бросилъ крылатое слово: Другъ, не тревожь понапрасну ты мать; и свободную волю Дай ей меня разспросить. Не замедлить она убъдиться Въ истинъ; я же въ изорванномъ рубищъ; трудно въ такомъ ей Видъ меня Одиссемъ признать и почтить, какъ прилично. Нужно, однако, размысливъ, ръшить намъ: что сдълать полозиъй? Если когда и одинъ кто убить къмъ бываеть, и мало Влизкихъ друзей и родныхъ за убитаго метить остается-Все, избъгая бъды, покидаетъ отчизну убійца. Мы жъ погубили защитинковъ града, знативйшихъ и лучшихъ Юношей въ целой Итаке: объ этомъ должны мы подумать. Такъ, отвъчая, сказалъ расудительный сынъ Одиссеевъ: Все ты умиже, родитель, придумаешь самъ; преславляють Люди твою похосмъстно премудрость; съ тобею сравниться Разумомъ, всѣ говорять, ни одинъ земнородный не можеть; Что повелинь, то и будеть исполнено; сколько найдется Силы во ми'ь, я не робкимъ твоимъ зд'есь помощникомъ буду. Кончиль. Ему отвічая, сказаль Одиссей хитроумный: Слушай же; вотъ что мив кажется самымъ удобнымъ и лучшимъ: Вев вы, омывшись, одвиьтесь богато, какъ-будто на празданкъ; Такъ же одъться должны и рабыни домашнія наши; Съ звонкою цитрой въ рукахъ пъснопъвецъ божественный долженъ Весть хороводъ, управляя шумящею пляской, чтобъ, слыша Струны и пъніе въ домъ, сосъды и всякой, идущій Мимо по улицъ, думать могли, что пирують здъсь свадьбу. Должно, чтобъ въ городъ слухъ не прошель о великомъ убійствъ Всъхъ жениховъ многославныхъ до тъхъ поръ, пока не уйдемъ мы За городъ на поле наше, въ нашъ садъ плодовитый; тамъ можемъ Все на просторъ устроить, на помощь призвавъ олимпійцевъ. Кончилъ. Его повел'вије было исполнено скоро; Чисто омывшись, одълись богато, какъ-будто на праздникъ Всь; хороводъ учредили рабыни; пъвецъ богоравный, Патру настроивъ глубокую, въ нихъ пробудилъ вожделенье Сладостныхъ пъсней и стройноживой хороводныя пляски. Домъ весь отъ топанья ногъ ихъ гремелъ и дрожалъ, и окружность Вся оглашалася п'вніемъ звучвымъ рабовъ и служанокъ; Всякой, по улицъ шедшій, музыку и пъніе слыта, Думаль: решилась свою пировать напоследокъ царица Свадьбу; невърная! мужа, избравнаго сердцемъ, дождаться, Домъ многославный его сохраняя, она не хотъла. Такъ говорили они, о случившемся въ дом'в не зная. Тою порой, Одиссея въ купальнъ омывъ, Эвринома Тело его благовоннымъ оливнымъ елеемъ натерла.

Легкій надёль онь хитонь и богатой облекся хламидой. Дочь же великая Зевса его красотой озарила, Станомъ возвысила, сдёлала теломъ поличей и густыми Кольцами кудри, какъ цвътъ гіацинта, ему закрутила. Такъ, серебро облекая сіяющимъ золотомъ, мастеръ, Дъвой Палладой и богомъ Ифестомъ наставленный въ трудномъ Дълъ своемъ, чудесами искусства людей изумляеть; Такъ Одиссея украсила дочь свътлоокая Зевса. Вышедъ изъ бани, лицемъ лучезарный, какъ богъ, возвратился Онъ въ пировую палату и сълъ на оставленномъ стулъ Противъ супруги; глаза на нее устремивъ, онъ сказалъ ей: Ты непонятная! боги, владыки Олимпа, не женскимъ Нѣжноуступчивымъ сердцемъ, но жесткимъ тебя одарили; Въ свъть жены не найдется, способной съ такою нелаской, Такъ недовърчиво встрътить супруга, который, по многихъ Бъдствіяхъ, къ ней черезъ двадцать отсутствія льть возвратился. Слушай же, другь Эвриклея; постель приготовь одному миъ. Но Одиссею разумная такъ отвѣчала царица: Ты непонятный! не думай, чтобъ я величалась, гордилась, Или въ чрезифрномъ была изумленіи. Живо я помню Образъ, какой ты питлъ въ кораблт, покидая Итаку. Если жъ того онъ желаетъ, ему, Эвриклея, постелю Ты приготовь; но не въ спальнъ, построенной имъ; а въ другую Горницу выставь большую кровать, на нее положивши Мягкихъ овчинъ, на овчины же полость съ шпрокимъ покровомъ. Такъ говорпла она, испытанью подвергнуть желая Мужа. Съ досадою онъ, обратись къ Пенелопъ, воскликнулъ: Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала: Кто же изъ спальни ту вынесъ кровать? Человъку своею Силою сдалать того невозможно безъ помощи свыше: Вогу, конечно, легко передвинуть ее на другое Мъсто, но между людьми и сильнъйшій, хотя бъ и рычагъ онъ Взяль, не шатнуль бы ея: заключалася тайна въ устройствъ Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками Сделаль ее. На дворт находилася маслина съ темной Сънію, пышногустая, съ большую колонну въ объемъ; Маслипу ту окружилъ я ствиами изъ тесаныхъ, плотно Слаженныхъ камней; и, сводъ на стенахъ утвердивши высокій, Пвери двустворныя сбиль изъ досокъ и на петли навъсилъ; Послъ у маслины вътви обсъкъ и по близости къ корию Стволъ отрубилъ топоромъ, а отрубокъ у корня, отвсюду Острою м'єдью его по спуру обтесавъ, основаньемъ Сделалъ кровати, его пробуравилъ, и скобелью брусья Выгладиль, въ раму связаль и къ отрубку приладиль, богато Золотомъ ихъ, серебромъ и слоновою костью украсивъ; Раму жъ ремнями изъ кожи воловьей, общивъ ихъ пурпурной Тканью, стянулъ. Таковы все приметы кровати. Цела ли Эта кровать и на прежнемъ ли мъсть, не знаю, быть-можеть, Сняли ее, подпиливъ въ основани масличный корень. Такъ онъ сказалъ. У нея задрожали колена и сердце. Признаки всъ Одиссеевы ей онъ изчислилъ; заплакавъ Варыдъ, поднялась Пенелона и кинулась быстро на шею Мужу и, милую голову нежно целуя, сказала: 0! не сердись на меня, Одиссей! Межъ людьми ты всегда былъ Самый разумный и добрый. На скорбь осудили насъ боги;

Выло богамъ неугодно, чтобъ, сладкую молодость нашу Вмѣстѣ вкусивъ, мы спокойно дошли до порога веселой Старости. Другъ, не сердись на меня и не дълай упрековъ Мить, что не тотчасъ, при видъ твоемъ, я къ тебъ приласкалась; Милое сердце мое, Одиссей, повергала въ великій Трепеть боязнь, чтобъ меня не прельстиль здесь какой иноземный Мужъ увлекательнымъ словомъ: у многихъ коварное сердце. Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила бъ Къ лести пришельца и, съ нимъ не бъжала бъ любви покоряся, Въ Трою, когда бы предвидъть могла, что ахеяне ратью Придутъ туда и ее возвратятъ принужденно въ отчизну. Демонъ враждебный Елену вовлекъ въ непристойный поступокъ; Собственнымъ сердцемъ она не замыслила бъ гнуснаго дъла, Страшнаго, всъхъ насъ въ великое бъдствіе ввергшаго дъла. Ты мнъ подробно теперь, Одиссей, описалъ всъ примъты Нашей кровати-о ней же никто изъ живущихъ не знаетъ, Кромъ тебя и меня и рабыни одной приближенной, Дочери Актора, данной родителемъ мнъ при замужествъ; Дверь заповъданной спальни она стерегла неусыпно. Ты же мою, Одиссей, убъдилъ непреклонную душу. Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея. Плача, приникнуль онъ къ сердцу испытанной, вфрной супруги. Въ радость, увидъвши берегъ, приходять пловцы, на обломкф Судва, разбитаго въ морт грозой Посидона, носяся Въ тумъ бунтующихъ волиъ, вздымаемыхъ силою бури; Мало изъ мутносоленой пучины на твердую землю Ихъ, утомленныхъ, изъеденныхъ острою влагой, выходить: Радостно землю объемлють они, изб'яжавъ потопленья. Такъ веселилась она, возвращеннымъ любуясь супругомъ, Рукъ бълонъжныхъ отъ шен его оторвать не имъя Силы. Въ слезахъ бы могла ихъ застать златотронная Эосъ, Если бъ о томъ не подумала дочь свътлоокая Зевса: Ночь на предълахъ небесъ удержала Анна; денницъ жъ Златопрестольный изъ водъ Океана коней легконогихъ, Съ нею летающихъ, Лампа и брата его Фаэтона (Ихъ въ колесницу свою заложивъ) выводить запретила. Такъ богоравной супругь сказалъ Одиссей хитроумный: О Пенелопа, еще не конецъ испытаніямъ нащимь: Много еще впереди предлежить мит трудовъ несказанных с, Много я подвиговъ тяжкихъ еще совершить предназначенъ. Такъ мит пророка Тпрезія тинью предсказано было Ифкогда въ области темной Анда, куда нисходиль я tлевдать, настанеть ли мнв и сопутникамъ день возвращенья. Время, однако, итти, Пенелопа, на ложе, чтобъ, въ сладкій Сочъ погрузившись, свои успоконть усталые члены. Умная такъ отвъчала на то Одиссею царица: Ложе, возлюбленный, будеть готово, когда пожелаеть Сердце твое; ты по волъ боговъ благодътельныхъ снова Въ свътломъ жилищъ своемъ и въ возлюбленномъ краъ отчизвы; Если же все, наконецъ, по желанью исполнили боги, Другъ, разскажи мнъ о новыхъ тебъ предстоящихъ напастихъ: Слышать и послъ могла бъ я о нихъ; но миъ лучше немедля Сведать о томъ, что грозить впереди. Одиссей отвечаль ей: Ты неотступная! странно твое для меня нетеривные. Если, однако, желаешь, я все разскажу; но не будеть

Радостно то, что услышишь; и мив самому не на радость Было оно. Проридатель Тирезій сказаль мив: "покинувъ Царскій свой домъ и весло корабельное взявши, отправься Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидинь. Моря не знающихъ, пищи своей никогда не солящихъ, Также не зръвшихъ еще на водахъ кораблей быстроходныхъ. Пурпурпо-грудыхъ, ни веселъ, носящихъ, какъ мощныя крылья, Ихъ по морямъ. Отъ меня же узнай несомнительный признакъ: Если дорогой ты путника встретишь и путникъ тоть спросить: Что за лопату несешь на блестящемъ плечь, иноземецъ? Въ землю весло водрузи-ты окончилъ свое роковое, Долгое странствіе. Мощному тамъ Посидону принесши Въ жертву барана, быка и большаго прекраснаго вепря, Въ домъ возвратись и великую дома сверши экатомбу Зевсу и прочимъ богамъ, безпредъльнаго неба владыкамъ, Всемъ по порядку. И смерть не застигнеть тебя на туманномъ Моръ; спокойно и медленно къ ней подходя, ты кончину Встр'ятишь, украшенный старостью св'ятлой, своимъ и народнымъ Счастьемъ богатый. "Вотъ то, что въ Анде сказалъ мне Тирезій. Выслушавъ, умная такъ Пенелопа ему отвъчала: Если достигнуть до старости намъ дозволяютъ благіе Воги, то-есть упованье, что наши бъды прекратятся, Такъ говорили о многомъ они, собестдуя сладко. Скоро потомъ Телемакъ, свинопасъ и Филотій, окончить Пляску велѣвъ, отослали служанокъ и сами по темнымъ Горницамъ, всъхъ отпустивъ, разошлись, тамъ легли и заснули. Нъжновеселый вели разговоръ Одиссей съ Пенелопой. Все разсказала она о жестокихъ, испытанныхъ ею Дома обидахъ; какъ грабили домъ женихи безпощадно, Сколько быковъ круторогихъ, и козъ, и овецъ, и свиней тамъ Събдено ими, и сколько кувшиновъ вина дорогаго Вышито. Выслушавъ, все о себъ, въ свой чередъ, разсказалъ онъ: Сколько напастей другимъ приключилъ, и какія печали Самъ испыталъ. И внимала съ весельемъ она, и до тъхъ поръ Сонъ не сходилъ къ ней на въжды, покуда не кончилась повъсть. Онъ разсказалъ: какъ въ началъ ограбилъ Киконовъ; какъ прибылъ Къ людямъ, которые лотосомъ сладкимъ себя насыщаютъ; Что потерпълъ отъ Циклопа и какъ за товарищей, звърски Сожранныхъ имъ, отомстилъ и отъ гибели спасся плачевной; Какъ посътиль гостелюбца Эола, который радушно Принялъ его, одарилъ и отправилъ домой; какъ въ отчизну Злая судьба возвратиться ему не дала; какъ обратне Въ море его, вопіющаго жалобно, буря умчала; Какъ принесенъ быль онъ къ берегу лихихъ Лестригоновъ: они же Разомъ его корабли и сопутниковъ мъднообутыхъ Всъхъ истребили; а онъ съ остальнымъ кораблемъ чернобокимъ Спасси. Потомъ разсказалъ онъ о хитрыхъ волшебствахъ Цирцен; Также о томъ, какъ въ туманную область Анда, въ которомъ Лушу Терезін веліно было спросить, быстроходнымъ Выль приведенъ кораблемъ, тамъ умершихъ товарищей тъни Встретилъ и матери милой отшедшую душу увиделъ; Какъ онъ подслушалъ Спренъ сладострастноубійственный голосъ; Какъ межъ Плавучихъ утесовъ, Харпбдой и Сциллой, которыхъ Смертный еще не одинъ не избъгнулъ, проещлъ невредимо; Какъ свитотатно товарищи събли быковъ Геліоса;

Какъ въ наказанье зато быль корабль ихъ губительнымъ громомъ Зевса разрушенъ, и всъхъ злополучныхъ сопутниковъ бездна Вдругъ поглотила; а онъ, избъжавъ истребительной Керы Къ берегу Огигін острова былъ принесенъ, гдв Калипсо Нимфа его приняла и, желая, чтобъ быль ей супругомъ, Въ гротъ глубокомъ его угощала и даже хотъла Дать на последокъ ему и басмертье и вечную младость, Върнаго сердца, однако, его обольстить не успъла; Какъ принесенъ былъ онъ бурей на островъ людей Феакійскихъ, Съ честью великой его, какъ безсмертнаго бога, принявшихъ; Какъ, наконецъ, въ корабле ихъ онъ прибылъ домой, получивши Множество міди и злата и ризъ драгоцінных въ подарокъ. Это последнее онъ разсказаль ужъ въ дремоте, и скоро Сонъ прилетълъ, чарователь тревогъ, успокоптель сладкій. Добрая мысль родилась туть въ ум'в светлоокой Паллады: Выйти изъ водъ океана велела она златотронной Эосъ, чтобъ свътомъ людей озарить. Одиссей пробудился. Съ мягкаго ложа поднявшись, сказалъ онъ разумной супругъ: Много съ тобой, Пенелопа, донынъ мы бъдъ претерпъли Оба: ты здісь обо мні, ожидаемомъ тщетно, крушилась; Я осужденъ былъ Зевесовъ отцемъ и другими богами Странствовать, надолго съ милой отчизной моей разлученный. Ты наблюдай, Пенелопа, за всеми богатствами въ доме, Я же потщусь истребленное буйными здёсь женихами Все возвратить; завоюю одно; добровольно другое Сами ахейцы дадугь, и уплатится весь мой убытокъ. Надобно прежде, однако, нашъ садъ плодовитый и поле Мнъ посътить, чтобъ увидъть отца, сокрушеннаго горемъ. Ты жъ безъ меня осмотрительна будь, Пенелопа. Съ восходомъ Солнца по городу быстро раздается молва о убійствъ, Мной совершонномъ, о гибели всъхъ жениховъ многобуйныхъ. Ты удалися съ рабынями вм'есть наверхъ и сиди тамъ Смпрно, ни съ къмъ не входи въ разговоръ, никому не являйся. Кончивъ, на плечи свои онъ накинулъ прекрасную броню, Сына съ Филотіемъ, съ върнымъ Эвмеемъ позвалъ п велълъ имъ Также Ареево въ руки оружіе взять и облечься Въ брони; то было исполнено; кръпкою мъдью покрывшись, Вышли они, Одиссей впереди, изъ вороть. Восходила Въ тихомъ сіяніи Эось, Анина ихъ, мглой окруженныхъ, Вывела тайно по улицамъ люднаго города въ поле.

ПЪСНЬ ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТАН.

содержаніе двадцть-четвертой пъсни.

Сороковой день. Души жениховъ, приведенныя Эрміємъ въ Аидь, встрічають тамъ Ахиллеса и Агамемнова. Амфимедонъ разсказываеть о погибели жениховъ Агам мнону, который воздаеть хвалу мужеств нному Одиссею и благоправной Пенелопъ. Тъмъ временемъ Одиссей открыва тся отну; за объдомъ онъ узнанъ Доліономъ и его сыновьями. Въсть о погибели жениховъ возбуждаеть въ городъ мятежъ. Эвпейть ведеть своихъ сообщниковъ противъ Одиссей. Одиссей остается побъдителемъ. Между враждующими заключается миръ съ помощью Авины.

Эрмій тімь временемь, богь киллинейскій, мужей умервиденныхь Душа изъ труповь безчувственных вызваль; имія въ руків свой Жезль золотой (по желанью его наводящій на бодрыхь Сонь, отвергающій сномь затворенныя очи у сонныхь).

Имъ онъ махнулъ, и, столиясь, полетели за Эрміемъ тени Съ визгомъ; какъ мыши летучія, въ ніздріз глубокой пещеры, Ивнью къ ствиамъ прилвиленныя-если одна, оторвавшись, Свалится наземь съ утеса-визжатъ, въ безпорядкъ порхая: Такъ, завизжавъ, полетели за Эрміемъ тени; и вель ихъ Эрмій, въ бъдахъ покровитель, къ предъламъ тумана и тлівны: Мимо Левкада скалы и стремительныхъ водъ океана, Мимо вороть Геліосовыхъ, мимо предиловъ, гди боги Сна обитають, провъяли тыни на Асфодилонскій Лугъ, гдв воздушными стаями души усопшихъ летаютъ. Первая выъ повстръчалася тынь Ахиллеса Пелида; Съ нимъ былъ Патроклъ, Антилохъ безпорочный и сынъ Телемоновъ Водрый Аяксъ, красотою и мужествомъ браннымъ и силой, Послѣ Пелеева сына, ахеянъ другихъ затмѣвавшій. Легкой толпою они окружили ихъ. Тихо и грустно Тънь Агамемнова, сына Атреева, тутъ подощла къ нимъ; Следомъ за ней подошли и все тени товарищей, падшихъ Въ дом'в Эгиста съ Атридомъ, съ нимъ вм'вств постигнутыхъ рокомъ. Слово душа Ахиллеса къ душѣ Агамемнона прежде Всёхъ обратила: Атридъ, намъ казалось, что Зевсъ громолюбецъ Воль къ тебь, чемъ героямъ другимъ, благосклонствовалъ; имъ ты Былъ надъ владыками спльными первовластителемъ сдъланъ Въ крат Троянскомъ, гдт много мы бъдъ претерпъли, ахейны. Но и тебъ повстръчать на землъ предназначено было Страшную Меру, которой никто не избътъ изъ рожденныхъ 0! для чего, окруженный величіемь, властью и славой, Ты не погибъ межъ товарищей браниыхъ у стѣнъ Иліона! Холмъ бы надъ прахомъ твоимъ былъ насыпанъ ахейцами, сыну Славу великую ты навсегда бы въ наследство оставиль: Нынъ жъ плачевною смертью по волъ судьбины погибъ ты. Тъвь Агамемнона тъпи Пелидовой такъ отвъчала: Сынъ Пелеевъ, избранникъ боговъ, ты завидно былъ счастливъ; Палъ далеко отъ Аргоса въ Троянской землъ ты, но пало Много тобой умервщленных троянъ вкругь тебя и за трупъ твой Вились ахейцы славитйшіе; ты же, подъ вихрями пыли, Тихій, огромный и стратный, лежаль тамь, забывь колесинчный Бой; и день цълый мы билися всъ за тебя, и конца бы Не было битвъ, когда бы Зевесъ не развелъ насъ грозою. Вынесши тело изъ боя твое, къ кораблямъ возвратились Съ нвиъ мы; его положивши на одръ и водою омывши, Масломъ натерли прекрасную голову; много рыдало Вкругъ бездыханнаго трупа ахеянъ, свои отъ печали Волосы рвавшихъ. И съ нимфами моря изъ бездны глубокой Вышла скорбящая мать; и раздался ен несказанный По морю крикъ: трепетаніе страха проникло ахеянь; Вст всколебались, и вст бъ къ кораблямъ убъжали глубокимь, Если бы ихъ не усиблъ удержать многознающій старецъ Несторъ, всегда подававшій совіты разумные; полный Мыслей благихъ, обратяся къ товарпщамъ, такъ имъ сказалъ онъ: Стойте, ахейцы! куда вы бъжите, аргивяне? Что васъ Такъ испугало? То, съ нимфами моря изъ бездны глубокой Скорбная мать подымаетя мертваго сына увидеть. Такъ онъ сказалъ. Ободрились ахейскіе мужи. И трупъ твой Нимфы прекрасныя, дочери старцы морей, окружили Съ плачемъ, и свътлобожественной ризой его облачили;

Музы-всё девять-смёняяся, голосомъ сладостнымъ пёли Гимнъ похоронный; никто изъ аргивянъ съ сухими глазами Слушать не могъ сладкопфнія Музъ, врачевательницъ сердца; Цълыхъ семнадцать тамъ дней и ночей надъ тобой проливали Горькія слезы безсмертные боги и смертные люди; Но на осьмнадцатый день быль огню ты торжественно предань, Мелкаго много скота и быковъ криврогихъ убили Въ почесть твою; и въ божественной ризъ, помазанный сладкимъ Медомъ и мазью душистою, быль ты сожжень; и ахейцы, Въ мъдь облачась, у костра, на которомъ сгоралъ ты, кипъли Конные, пъщіе, въ быстрыхъ блестя колесинцахъ; великій Говоръ и шумъ быль; когда же Ифестово пламя пожрало Трупъ твой, съ восходомъ денницы мы собрали бълыя кости, Чистымъ виномъ ихъ омыли, умастили мазыю; златую Урну дала сокрушенная мать; Діонись ей, сказала, Ту подарилъ драгоценную урну, созданье Ифеста. Нынъ хранятся въ ней кости твои Ахиллесъ лучезарный, Вичеть съ костями Патрокла, погибшаго прежде во брани, Но далеко отъ костей Антилоха, который тобою, Посл'в Патрокловой смерти, всехъ боле ахеянъ любимъ былъ. Холмъ погребальный великій надъ нашими урнами быль туть Ратью святой копьеносныхъ аргивянъ у светлоширокихъ Водъ Геллеспонта на брегъ, впередъ выходящимъ, насыпанъ; Будеть далеко онъ на морт видимъ пловцамъ мореходнымъ Нашихъ временъ, и грядущаго времени всемъ поколеньямъ. Мать же твоя принесла туть дары, у боговъ испрося ихъ; Выли циною побиды на играхъ они для ахеянъ. Часто бываль, Ахиллесь, ты свидьтелемь игрь похоронныхь, Въ честь многославныхъ, похищенныхъ смертью, царей и героевъ; Зрель ты, какъ юноши, алча венца, снаряжалися къ бою-Здась же тебя привело бъ изумление въ трепеть при вида Чудныхъ даровъ, среброногой Өстидой въ награду побъды Намъ отъ боговъ принесеныхъ: ты былъ ихъ избранный любимець. Такъ и по смерти ты именемъ живъ, Ахиллесъ, и навъки Слава твоя сохранится во всёхъ на земле поколеньяхъ. Миъ жъ послужило ль къ чему окончание славное брани? Страшное Зевсъ приготовилъ миз въ землю отцевъ возвращенье: Смерть отъ Эгиста предательствомъ гнуснымъ жены развращенной. Такъ говорили о многомъ они въ откровенной беседе. Туть имъ явился, увидели, Эрмій Аргусоубійца, Души въ Аидъ жениховъ, Одиссеемъ убитыхъ, ведущій. Оба они, изумяся, приблизились къ тенямъ; въ густомъ изъ Сонмъ душа Агамемнова, сына Атреева, душу Амфимедона, Мелантова славнаго сына, узнала. Житель Итаки, онъ гостемъ издавна Атриду считалси; Амфимедонову душу душа Агамемнова грустнымъ Словомъ спросила: что сделалось съ вами? Зачемъ васъ такъ много Юныхъ, прекрасныхъ, въ подземную область приходитъ? Никто бы Лучшихъ не выбралъ, когда бъ надлежало межъ первыми въ града: Выбрать. Въ пучинъ ли васъ погубилъ Посидонъ съ кораблями, Бурю пригнавъ и великія волны воздвигнувъ? На суш'є ль Врагъ многосильный сразилъ васъ незапно, захваченныхъ въ полъ, Гдв вы ловили его криворогихъ быковъ и барановъ, Или во градъ, гдъ женъ похищали и грабили домы Деракой толпою? Отвътствуй; май гостемъ считался ты въ жизни.

Поминшь ли время, когда твой отеческій домъ посттиль я, Вызвать співша Одиссея, чтобъ съ братомъ монмъ Менелаемъ Шелъ въ корабляхъ разрушать Иліона могучія стіны? Цфлый мы плавали мъсяцъ по темноширокому морю Прежде, чемъ былъ убежденъ Одиссей, городовъ сокрушитель. Амфимедонова тынь отвычала Атридовой тыни: Сынъ Атреевъ, владыка людей, государь Агамемнонъ, Памятно все мнъ, о чемъ говоришь ты, питомецъ Зевесовъ. Если же в'єдать желаешь, теб'є разскажу я подробно, Какъ мы погибли, какую намъ смерть приготовили боги. Спорили вст мы другь съ другомъ о бракт съ женой Одиссен; Въ бракъ не желая вступить, и отъ брака спастись не имъя Средства, намъ гибель и смерть замышляла въ душъ Пенелопа. Слушай, какую она въроломно придумала хитрость. Станъ превеликій въ покояхъ поставя своихъ, начала тамъ Тонко-широкую ткань и собравши насъ всъхъ, намъ сказала: Юноши, нынъ мои женихи-поелику на свъть Нъть Одиссея-отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будеть Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань не пропала миъ даромъ; Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я Прежде, чемъ будеть онъ въ руки навъкъ усыпляющей смерти Парками отданъ, дабы не посмъли ахейскія жены Мит попрекнуть, что богатый столь мужъ погребенъ безъ покрова. Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ Что же? День цфлый она за тканьемъ проводила, а ночью, Факелъ зажегши, сама все, натканное днемъ, распускала. Три года длился обманъ, и она убъждать насъ умъла; Но, когда обращеньемъ временъ приведенный четвертый Годъ совершился, промчалися мѣсяцы, дни пролетѣли-Все намъ одна изъ служительницъ, знавшая тайну, открыла; Сами тогда жъ мы застали ее за распущенной тканью; Такъ п была приневолена нехотя трудъ свой окончить. Но, лишь, окончивъ свой трудъ принужденный, она напоследокъ Ткань, какъ луна иль какъ солнце блестящую, намъ показала, Демонъ враждебный незапно привелъ Одиссея въ Итаку: Въ домъ онъ сначала пришелъ къ свинопасу Эвмею; туда же Выль приведень и подобный богамь Телемакъ, совершившій Свой отъ песчанаго Пилоса путь въ кораблъ чернобокомъ. Оба они, тамъ замысливъ ужасную нашу погибель, Въ городъ вошли многославный; сперва Телемакъ, Одиссеевъ Сынь; а за нимъ напоследокъ и самъ Одиссей хитроумный; Овъ приведенъ былъ Эвмеемъ, од втый въ убогое платье, Въ образъ хилаго старца, который чуть шелъ, подпираясь Посохомъ, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ набросивъ на плечи. Намъ же (и самымъ разумнымъ изъ насъ) не входило ни разу Въ мысли, чтобъ это былъ самъ Одиссей, возвратившійся тайно Въ домъ свой: въ него мы швыряли; его поносили словами; Долгое время онъ въ собственномъ домъ съ великимъ териъньемъ, Молча, сносплъ и швырянье и наши обидныя ръчи. Но, ободренный эгидоносителемъ грознымъ Зевесомъ, Онъ съ Телемакомъ вдвоемъ все доспехи прекрасные собралъ, Въ дальній покой перенесъ ихъ, и тамъ запертыми оставилъ; После, коварнымъ советомъ своимъ, побудилъ Пенелопу, Страшныя стреды и лукъ Одиссеевъ тугой намъ принесши, Вызвать насъ, обдныхъ, къ стрълянью и къ върной погибели нашей. Мы же (и самый сильнъйшій изъ насъ) не могли непокорный Лукъ натянуть тетивою: на то недостало въ насъ силы; Но, когда поднесенъ Одиссею былъ лукъ свинопасомъ, Всею толпой на него закричали мы, лукъ Одиссеевъ Въ руки давать вапрещая бродягь, хотя и просплъ онъ. Намъ вопреки, Телемакъ богоравный на то согласился. Взявши могучій свой лукъ, Одиссей, въ испытаніяхъ твердый, Вишть натянуль тетиву, п сквозь кольца стръла пролетьла. Прянувъ тогда на порогъ, изъ колчана онъ высыпалъ стреды, Страшно кругомъ озпраясь. И былъ Антиной имъ застреленъ Первый; и бъщено сталъ посылать опъ стрълу за стрълою; Не было промаха; падали всь умерщвленные; было Ясно, что кто-вибудь помощь ему подаваль изъ безсмертныхъ. Вросясь на нашу толпу, онъ по всей разогналь насъ палатъ. Страшное туть началося убійство, раздался великій Крикъ; былъ разбрызганъ нашъ мозгъ и дымился затопленный кровью Полъ. Такъ плачевно погибли мы вст, Агамемновъ. Еще тамъ Наши лежать погребенья лишенные трупы; о нашей Смерти не свъдиль еще ни одинь изъ родныхъ и изъ ближнихъ; Наши кровавыя раны еще не омыты, еще насъ Пламень не сжегь и никто не оплакаль, и почести изтъ намъ. Амфимедоновой тъни Атридова тънь отвъчала: Счастливъ ты, другъ, многохитростный мужъ, Одиссей оогоравный! Добрую, правами чистую выбраль себф ты супругу: но съ тобою, себя непорочно вела Пенелопа, д ь многоумная старца Икарія; мужу, любящимъ Сердцемъ избранному, върность она сохранила: и будетъ Слава за то ей въ потомствъ: и въ изсняхъ Каменъ сохранится Память о върной, прекрасной, разумной женъ Пенелопъ. Участь пная коварной Тпидаровой дочери, гнусно Въ руку убійцы супруга предавшей: объ ней сохранится Страшное въ изсняхъ потомковъ; она навсегда посрамила Полъ свой и даже всъхъ женъ, поведеньемъ своимъ безпорочныхъ. Такъ говорили о многомъ они, собесъдуя грустно Въ темныхъ жилищахъ Анда, въ глубокихъ предвлахъ подземныхъ. Тою порой Одиссей и сопутники, вышедъ изъ града, Поля достигли, которое самъ обработывалъ добрый Старецъ Лаэртъ съ попеченьемъ великимъ, давно имъ владъя. Садъ тамъ и домъ онъ имълъ; отовсюду широкимъ навъсомъ Домъ окруженъ былъ; и днемъ подъ навъсомъ рабы собпрались Вмъстъ работать и вмъстъ объдать; а ночью тамъ вмъстъ Спали; была между ими старушка породы Сикельской; Старцу служила она и пеклася о немъ неусыпно. Такъ Одиссей, обратясь къ Телемаку и къ прочимъ, сказалъ имъ: Всѣ вы теперь совокупно войдите во внутренность дома. Лучшую выбравъ свинью, на объдъ нашъ ее тамъ заръжьте; Я же къ родителю прямо пойду: пспытать и намъренъ, Буду ль имъ узнанъ, меня угадають ли старцевы очи, Или отъ долгой разлуки я сталъ и отцу незнакомцемъ? Такъ говоря, онъ оружіе отдаль рабамъ; и посившно Въ домъ съ Телемакомъ вступили они; Одиссей же направилъ Путь къ плодоносному саду, тамъ встретить надеясь Лаэрта. Въ садъ онъ вступивъ, не нашелъ Доліона, и не было также Тамъ ни рабовъ ни дътей Доліоновыхъ; посланы были Всь они въ поле терновникъ сбирать для заграды садовой;

Съ ними пошелъ и старикъ Доліонъ указать имъ дорогу. Старца Лаэрта въ саду одного Одиссей многоумный Встретиль; онь тамъ подчищаль деревцо; быль одеть неопритно: Платье въ заплатахъ; худыми ремнями изъ кожи бычачей, Наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтобъ иглы Ихъ не царапали; руки отъ острыхъ колючекъ терновыхъ Онъ защитилъ рукавицами; шлыкъ изъ потершейся козьей Шкуры покровомъ служилъ головъ, наклоненной отъ горя. Такъ Одиссею явился отецъ, сокрушенный и дряхлый, Онъ пританлся подъ групией, далъ волю слезамъ и, въ молчаныи, Стоя тамъ, плакалъ. Не зналъ онъ, колеблясь разсудкомъ, что сделать: Вдругъ ли открывшись, ко груди прижать старика и, цълуя Руки его, объяветь о своемъ возвращены въ Итаку? Или вопросами вывъдать все отъ него понемногу? Дело обдумавъ, уверплся онъ напоследовъ, что лучше Опыту старца притворнообидною рачью подвергнуть. Такъ разсудивъ, подошелъ Одиссей богоравный къ Лаэрту. Голову онъ наклонялъ, деревцо подчищая мотыкой. Влизко въ нему подступивши, сказалъ Одиссей лучезарный: Старедъ, ты, вижу, искусенъ и опытенъ въ деле садовомъ; Садъ твой въ великомъ порядкъ; о каждомъ равно ты печешьси Дерев'ь; смоквы, оливы и груши и сочные грозды Лозъ виноградныхъ, и гряды цветочныя-все здесь въ приборе. Но, не сердись на меня, не могу не сказать откровенно, Старецъ, что самъ о себ'в ты заботишься плохо; угрюма Старость твоя, ты нечисть, ты одеть неопрятно; ужь, верно, Твой господинъ до тебя такъ недобръ не за лізность къ работів. Самъ же ты образомъ вовсе не сходенъ съ рабомъ подчиненнымъ; Царское что-то и въ видъ и станъ твоемъ нахожу я; Боль подобень ты старцу, который, омывшись, насытясь, Спять на роскошной постель, какъ всякому старцу прилично. Но отвъчай миъ теперь, ничего отъ меня не скрывая: Кто господинъ твой? За чынкъ плодоноснымъ ты садомъ здесь смотришь? Также скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину въдать: Вправду ль на островъ Итаку я прибыль, какъ это сказаль мив Кто-то изъ здешнихъ, меня на дороге сюда повстречавшій? Выль онь, однако, весьма непривътливъ; со мной разговора Весть не хотель и мне не даль ответа, когда я о госте, Н'вкогда принятомъ мною, его разспросить попытался: Живъ ли и здъсь ли еще, иль ужъ въ область Аида сошелъ онъ? Въдать ты должевъ, и выслушай то, что скажу я: давно ужъ Мнъ угощать у себя посътившаго домъ мой случилось Странника; много до техъ поръ гостей изъ далекихъ, изъ ближнихъ Странъ приходило ко мит; но такой между ими разумный Мнъ не встръчался; онъ назвалъ себя уроженцемъ Итаки, Аркезіада Лаэрта, молвою хвалимаго, сыномъ. Приняль и въ домъ своемъ Одиссея; и мной угощенъ былъ Онъ съ дружелюбною роскошью-много запасовъ питьлъ и Въ домъ; и много подарковъ мой гость получилъ на прощаньи: Золота даль я отличной доброты семь полныхъ талантовъ; Далъ сребролитную чашу, вънчанную чудно цвътами, Съ нею двънадцать покрововъ, двънадцать широкихъ вседневныхъ Мантій и къ верхнимъ двінадцати ризамъ двінадцать хитоновъ; Кром'в того, подарилъ четырехъ рукод'вльныхъ невольницъ: Выли онв молодыя, красивыя; самъ онъ ихъ выбралъ.

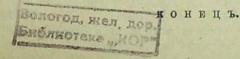
Крупную старецъ слезу уронивъ, отвъчалъ Одиссею: Странникъ, ты подлинно прибылъ въ тотъ край, о которомъ желаешь Свъдать; но имъ ужъ давно завладъли недобрые люди. Ты понапрасну съ такимъ гостелюбьемъ истратилъ подарки; Если бъ въ Итакъ живымъ своего ты давнишняго гостя Встрътилъ, тебя отдарилъ бы онъ такъ же богато, принявши Въ домъ свой: таковъ ужъ обычай, чтобъ гости другъ друга дарили. Но отвъчай мит теперь, ничего отъ меня не скрывая: Сколько съ тъхъ поръ миновалося лъть, какъ въ своемъ угощалъ ты Дом'в несчастваго стравника? Стравникъ же этотъ былъ сынъ мой, Сынъ Одиссей — злополучный! Выть-можеть, далеко оть милой Родины, рыбами съъденъ онъ въ бездив морской иль на сушв Итицамъ пустыннымъ, звірямъ плотояднымъ достался въ добычу; Матерью не быль онь, не быль отцемь погребень и оплакань: Не быль и дорогокупленной, вфрной женой Пенелопой Съ плачемъ и крикомъ на одръ положенъ; и она не закрыла Милыхъ очей; и обычной ему не оказано чести. Ты же скажи откровенно, чтобъ могь и всю истину въдать: Кто ты? Какого ты племени? Гд'в ты живешь? Кто отецъ твой? Кто твоя мать? Гдт корабль, на которомъ ты прибылъ въ Итаку? Гдв ты покинуль товарищей? Или чужниь, какъ попутчикъ, Къ намъ привезенъ кораблемъ и, тебя здъсь оставя, отплылъ онъ? Кончиль. Ему отв'ячая, сказаль Одиссей хитроумный: Если ты знать любопытствуеть, все разскажу по порядку; Я родился въ Алибантъ; живу тамъ въ богатыхъ палатахъ; Полипимонидъ Афейдъ, той страны обладатель, отецъ мой; Имя дано меть Эпирптъ. Сюда непріязненный Демонъ Противъ желанья меня, отъ Сиканіи глившаго, бросиль; Свой же корабль я поставиль подъ склономъ Нейона лъсистымъ. Должевъ, однако, ты въдать, что съ техъ поръ ужъ пять совершилось Лътъ, какъ, мое посътивши отечество, сынъ твой пустился Въ море. Ему жъ, при отплытіи, счастливый путь предсказали Птицы, взлетъвшія справа: я весело съ нимъ разлучился; Весело поплыль и онь; мы питались надеждою сладкой: Часто видаться, другь другу подарками радуя сердце. Такъ говорилъ Одиссей. И печаль отуманила образъ Старца; и, прахомъ наполнивши горсти, свою онъ съдую Голову всю имъ, вздохнувъ со стенаньемъ глубокимъ, осыпалъ. Сердце у сына въ груди повервулось и, спершись, дыханье Кинулось въ ноздри его, — онъ сраженъ былъ родителя скорбыю. Бросясь къ нему, онъ, его обхватя и цълуя, воскликнулъ: Здѣсь я, отецъ! Я твой сынъ, Одиссей, столь желанный тобою, Волей боговъ возвратившійся въ землю отцевъ черезъ двадцать Лать; воздержись отъ стенаній, оставь сокрушенье и слезы. Слушай, однако; мгновенья намъ тратить не должно, понеже Въ домъ моемъ истребилъ я ужъ всъхъ жениховъ многобуйныхъ, Мстя имъ за всв беззаконія ихъ и за наши обиды. Кончилъ. Лаэртъ изумленный отвътствоваль такъ Одиссею: Если ты подлинно сынъ Одиссей, возвратившійся въ домъ свой, --Верный мев знакъ покажи, чтобъ мое уничтожить сомивные. Старцу Лаэрту отв'єтствоваль такъ Одиссей хитроумный: Прежде тебф укажу и на этотъ рубецъ; миф поранилъ Ногу, ты помнишь, клыкомъ кабанъ разъяренный на Парнассъ; Вылъ же туда я тобою и милой матерыю посланъ Къ Автоликону, отцу благородному матери, много

(Насъ посттивъ) посулившему дать мит богатыхъ подарковъ Если жъ желаешь, могу я тебъ перечесть и деревья Въ садъ, которыя ты подприлъ мнъ, когда я однажды, Бывши малюткою, здёсь за тобою бёжаль по дорожкё. Самъ ты, деревья даря, попменно мнѣ каждое назвалъ: Далъ мит тринадцать ты грушъ оцвътившихся, десять отборныхъ Яблонь и сорокъ смоковницъ; при томъ пятьдесять виноградныхъ Лозъ объщалъ, приносящихъ весь годъ многосочные грозды: Крупныя жъ ягоды ихъ, какъ янтарь золотой иль пурпурный, Блещуть, когда созр'ввають он'в благодатью Зевеса. Такъ овъ сказалъ. Задрожали колъна и сердце у старца: Всь сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакавъ, Милаго сына онъ обняль, потомъ обезпамятълъ; въ руки Принялъ его, всъхъ лишеннаго сяль, Одиссей богоравный: Но напоследокъ, когда возвратились и память и силы, Голосъ возвысивъ и взоръ устремивши на сына, сказалъ онъ: Слава Зевесу отцу! Существують еще на Олимпъ Мстящіе боги, когда беззаконники виравду погибли. Но, Одиссей, и страшуся теперь, что подымется въ градъ Скоро мятежь, и сюда соберется народь, и съ ужасной Въстью гонцы разошлются по всъмъ городамъ Кефаленскимъ. Кончиль. Ему отвъчая, сказаль Одиссей хитроумный: Будь беззаботень: не этимъ теперь ты тревожиться долженъ. Лучше пойдемъ мы въ твой домъ, находящійся близко отсюда: Я ужъ туда Телемака съ Филотіемъ, съ старымъ Эвмеемъ Прямо посладъ, имъ ведевъ приготовить обедъ намъ обильный. Съ сими словами къ красивому дому направили путь свой Сынъ и отецъ; и, когда напоследокъ вступили въ красивый Домъ, Телемакъ тамъ съ Филотіемъ, съ старымъ Эвмеемъ, сострянавъ Пищу, ужъ ръзали мясо и въ кубки вино разливали. Тою порою, Лаэрта въ купальнъ омывши, рабыня Старцево тъло его благовоннымъ елеемъ натерла, Чистою мантіей плечи его облекла; а Авина, Тайно къ нему подошедши, его возвеличила ростомъ, Сдівлался тівломъ полнівій и лицу придала моложавость. Вышель изъ бани онъ свътелъ. Отца подходящаго видя. Сынъ веселился его красотою, божественно чистой. Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ крылатое слово: О родитель! Конечно, одинъ изъ боговъ Олимпійскихъ Такъ озарилъ красотою твой образъ, такъ выпрямилъ станъ твой! Кротко на то Одиссею Лаэртъ отвъчалъ многославный: Если бъ-о Дій громовержець! о Фебъ Аполлонь! о Аонна!-Быль я таковь, какъ въ то время, когда съ Кефаленскою ратью Нериконъ градъ на утесъ земли матерой инспровергнулъ, Если бы въ дом' вчера я такимъ предъ тобою явился, Броню надълъ на плеча и, тебъ помогая, ударилъ Вм'єсть съ тобой на толиу жениховъ-сокрушиль бы кольна Многимъ изъ нихъ я; и ты бы, любуясь отцемъ, веселился. Такъ говорили они, собестдуя сладко другъ съ другомъ. Стряпанье кончивъ, обильный об'єдъ приготовивъ, и с'євши Вмъстъ за столъ надлежащимъ порядкомъ на креслахъ и стульяхъ, Весело подняли руки они къ приготовленной пищъ. Скоро съ работы пришелъ и старикъ Доліонъ съ сыновьями; Звать ихт за столъ къ нямъ навстръчу рабыня Сикельская вышла. (Всехъ сыновей воспитала она, а за старымъ отцемъ ихъ,

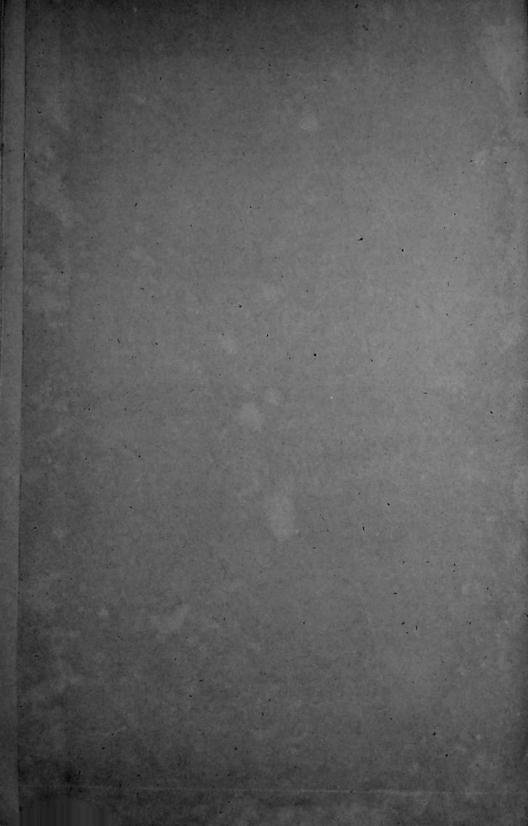
Слабымъ отъ лътъ, съ неусыпнымъ усердіемъ въ дом'в пеклася). Въ двери столовой вступивши, при видъ нежданаго гостя, Всѣ изумились они и стояли, не трогаясь съ мъста. Ласково къ нимъ обратяся, сказалъ Одиссей хитроумный: Что же ты медлишь? Садися за столъ къ намъ, старикъ; удивленье Ваше оставивъ, объдайте съ нами; давно ужъ сидимъ мы Здёсь за столомъ, дожидаясь, чтобы вы возвратились съ работы. Такъ онъ сказалъ. Доліонъ, подбѣжавъ къ своему господину, Руки его цъловать съ несказанною радостью началь: Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ крылатое слово: Здёсь, наконецъ, ты, нашъ милый, желанный! Увидёть намъ дали Боги тебя—а у пась ужъ въ душт и надежды свиданья Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будуть съ тобою! Намъ же теперь объяви, чтобъ могли мы всю истину въдать, Даль ли уже ты разумной супругъ своей Пенелопъ Знать о своемъ возвращеньи? Иль въстника должно послать къ ней? Кончиль. Ему отвъчая, сказаль Одиссей хитроумный: Сказано все ей, старикъ; не заботься объ этомъ напрасно. Такъ отвъчаль Одиссей. Доліонъ помъстился на гладкомъ Стулъ. Его сыновья, своему поклонясь господину, Съ словомъ привътливымъ руку пожали ему и объдать Съли съ другими за столъ близъ отца своего Доліона. Такъ впровали они въ многославномъ жилищѣ Лаэрта. Осса темъ временемъ съ въстью ходила по улицамъ града, Страшную участь и лютую смерть жениховъ разглашая; Всв взволновалися жители града: великой толною Съ ропотомъ, съ воплемъ сбъкался народъ къ Одиссееву дому; Вынесли мертвыхъ оттуда; однихъ схоронили; другихъ же Въ домы семейные ихъ по пнымъ городамъ разослали, Трупы развесть поручивъ рыбакамъ на судахъ быстроходныхъ. На площадь стали потомъ всф печально сбираться; когда же На площадь всв собранись и собрание сдвлалось полнымъ, Первое слово къ народу Эвпейтъ обратилъ благородный; Въ сердцъ о сынъ своемъ, Антивоъ прекрасномъ, который, Первый, застръленный, первою жертвою быль Одиссея, Онъ сокрушался; и такъ, сокрушенный, сказалъ онъ народу: Граждане милые, страшное зло Одиссей намъ, ахейцамъ, Всёмъ приключилъ. Благородивйшихъ ивкогда въ Трою увлекии Всятьдъ за собой, корабли и сопутниковъ всехъ погубилъ онъ; Нывъ жъ, домой возвратясь, умертвилъ кефалевянъ зватевишихъ. Братья, молю васъ-пока изъ Итаки не скрымся онъ въ Пилосъ Или не спасся въ Элиду, священную землю эпеянъ-Выйти со мной на губптеля; пначе стыдъ насъ покроетъ; Мы о себъ и потомству оставимъ поносную память, Если за ближнихъ своихъ, за родныхъ сыновей ихъ убійцамъ Здісь не отмстимъ. Для меня же, скажу, ужъ тогда нестерпима Будеть и жизнь; и за ними погибщими въ землю сойду я. Нътъ! Не допустимъ, граждане, ихъ праведной кары избъгнуть. Такъ говорилъ онъ, печальный, и всехъ состраданье пропикло. Фемій тогда и глашатай Медонтъ, въ Одиссеевомъ дом'в Ночь ту проведшіе, вставши отъ сна, предъ народнымъ собраньемъ Оба явились; при видъ ихъ каждый пришелъ въ изумленье. Умныя мысли имъя, Медонть имъ сказаль: приглашаю Выслушать слово мое васъ, граждане Итаки; не противъ Воли Зевесовой такъ поступиль Одиссей благородный;

Видёль я самь, какь одинь изъ безсмертныхъ боговъ Олимпійскихъ Тамъ появился незапно, облекшійся въ Менторовъ образъ; Онъ, всемогущій, то, стоя предъ нимъ, возбуждаль въ Одиссев Бодрость, то, противъ толим жениховь обращаясь, гонялъ ихъ Трепетныхъ изъ угла въ уголъ, и всё другъ на друга валились. Такъ онъ сказалъ имъ. И били всв ужасомъ схвачены бледнымъ. Выступиль туть предъ народь Галпоердъ многоопытный старецъ. Сынъ Масторовъ; грядущее онъ, какъ минувшее, въдалъ; Съ мыслыю благой обратяся къ согражданамъ, такъ имъ сказалъ онъ: Выслушать слово мое приглашаю вась, люди Итаки; Вашей впною, друзья, совершилась бъда рокогая; Мнѣ вы и Ментору мудрому не дали вѣры, когда мы Во-время вась убъкдали упять сыновей безразсудныхъ, Много себь непозволенных дыль позволявшихъ, губившихъ Домъ Одиссеевъ и злыя обиды навесщихъ супрусъ Мужа, который, мечтали, сюда не воротится в'вчно. Вотъ вамъ теперь мой совъть: моему покоритеся слову: Мирно останьтеся здісь, чтобъ біды на себя не накликать Злейшей. Сказалъ. Половина большая собранья съ свиренымъ Воплемъ вскочила: покойно на мъстъ остались другіе. Тъ жъ, негодуя на ръчь Галиоердову, вслъдъ за Эвпейтомъ Бросплись съ шумнопенстовымъ сонмомъ готовиться къ бою. Всь, облачившися въ крънкія мъдноблестящія брони, За городъ вышли и тамъ собралися великой толцою. Ихъ предводитель Эвиейтъ, обезумленный горемъ великимъ, Иниль, что за сына отметить; но ему не назначено было Въ домъ свой опить возвратиться: его стерегла ужъ судьбина. Туть світлоокая Зевса Кроніона дочь обратила Слово къ отцу и сказала: Кроніонъ, верховный владыка, Мит отвітай, копрошающей: что ты теперь замышляеть? Злую дь гражданскую брань и свир'внокрованую свчу Здесь воспалить? Иль противникамъ миромъ велеть сочетаться? Ей возражая, отвътствоваль тучь собпратель Кроніовъ: Странно мить, милая дочь, что меня ты о томъ вопрошаешь; Ты не сама ли разсудкомъ решила своимъ, что погубить Всёхъ ихъ, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Что хочень Сдълать теперь, то и сдълай. Мои же тебъ я открою Мысли: отметиль женихамъ Одиссей богоравный — пмъль онъ Право на то: и царемъ онъ останется; клятвой великой Миръ утвердится; а горькую смерть сыновей ихъ и братьевъ Въ жертву забвенио мы предадимъ; и любовь совокупитъ Прежняя вскук; и съ покоемъ обиліе здксь водворится. Кончивъ, велълъ опъ итти истерпъньемъ горфвшей Авинъ. Бурно въ Итаку съ вершины Олимпа шагнула богиня. Тѣ же, насытяся вдоволь, объдъ свой окончили. Голосъ Свой Одиссей туть возвысиль и бросиль крылатое слово: Должно, чтобъ кто-инбудь вышелъ теперь посмотръть: не пдутъ ли? Такъ онъ сказалъ. И одинь изъ младыхъ сыповей Доліона Въ двери пошелъ; но съ порога дверей, подходящихъ увидя, Громко воскликнуль и быстрое слово Лаэртову сыпу Бросиль: Идуть! посибшите! Оружіе въ руки! Ихъ много! Всь побъжали немедля и въ кръпкія брони одълись; Былъ Одиссей самъ четвертъ; Доліоновы стали съ нимъ рядомъ Шесть сыновей. И Лаэтръ съ Доліономъ оружіе также Взяли-съдые, нуждой ополченные ратники-старцы.

Всв совокупно, облекшися въ міздноблестящія брони, Вышли они, Одиссей впереди, изъ дверей. Къ Одиссею Туть подошла світлоокая дочь громовержца Зевеса, Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, богиня Аеина; Радостью быль онъ проникнуть, ее предъ собою увидя. Къ сыну потомъ обратяся, онъ бросилъ крылатое слове: Другъ Телемакъ, наступила пора и тебъ отличиться Тамъ, гдъ, сражиясь, великою честью себя покрываетъ Страха незнающій мужъ. Окажися достойнымъ породы Бодрыхъ отцевъ, за дъла прославляемыхъ всею землею. Кротко отцу отвъчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ: Самъ ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю Бодрыхъ отцевъ, за дъла прославляемыхъ всею землею. Такъ онъ сказалъ. Ихъ услышавъ, Лаэртъ вдохновенно воскликнулъ: Добрые боги, какой вы мн' день даровали! О радость! Слышу, какъ сынъ мой и внукъ мой другь съ другомъ о храбрости спорять! Дочь многосильная Зевса, къ нему подошедши, сказала: Водрый Аркезіевъ сынъ, изъ товарищей всехъ мив милейшій, Въ помощь призвавши Зевеса-отца и Асину Палладу, Выдь на врага и копье длиннотынное брось на удачу. Слово ея пробудило отважность великую въ старцъ; Онъ, помоляся владыкъ Зевесу и грозной Палладъ, Вышель впередъ и копье длиннотънное бросиль, не цълясь. Въ медноланитный Эвпейтовъ шеломъ онъ попалъ, защиту Мъди пробивши, расколонный черепъ копье просадило; Грянулся навзничь Эвпейть, и на немъ загрем'ели досп'ехи. Туть на переднихъ ударя самъ другъ, Одиссей съ Телемакомъ Начали быстуо развть ихъ мечомъ и копьемъ; и погибли Всѣ бы они, и домой ни одинъ не пришелъ бы обратно, Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса Громко не крикнула, гибель спѣша отвратить отъ народа: Стойте! уймитесь оть бъдственной битвы, граждане Итаки! Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите! Такъ возопила Аеина. Всъ схвачены трепетомъ бледнымъ Выли они и, оружіе въ страх'в изъ рукъ уронивши, Пали на землю, сраженные крикомъ богини громовымъ; Въ бъгство потомъ обратись, устремились, спасаяся, въ городъ. Громко тогда завопивъ, Одиссей, непреклонный въ напастяхъ, Кинулся бурно преследовать ихъ, какъ орель поднебесный. Но громовою стрълою Кроніона вдругъ раздвоплось Небо, и ярко она предъ Авиной ударила въ землю. Дочь свътлоокая Зевса тогда Одиссею сказала: О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный, Руку свою воздержи отъ пролитія крови, иль будеть Въ гизвъ приведенъ потрясающій небо громами Кроніонъ. Такъ говорила богиня. Онъ радостно ей покорился. Скоро потомъ межъ царемъ и народомъ союзъ укрѣпила Жертвой и клятвой великой пріявшая Менторовъ образъ Събтлая дочь громовержца богиня Анина Паллада.

8-1 1000p.

Листок срока возврата книг

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ

указанного здесь срока

